

**Стивен Кинг Дэвид Моррелл Нил Гейман Деннис Маккирнан
Нэнси Коллинз Бентли Литтл Тим Пауэрс Джо Лэнсдейл
Джойс Кэрол Оутс П. Д. Кейсек Уильям Питер Блэтти Эл
Саррантонио
999**

Аннотация

999 - зеркальное отражение Числа Зверя. О явлении в мир дьявола и его слуг и чудовищных последствиях их визита для человека и человечества рассказывают на страницах этой знаменитой Антологии Страх Стивен Кинг, Уильям Питер Блэтти, Нил Гейман, Дэвид Моррелл и другие звезды мировой литературы, работающие в пограничном жанре - между мистикой и реальностью. 1.0

Стивен Кинг Дорожный ужас прет на север

Когда Ричард Киннелл впервые увидел эту картину на дворовой распродаже в Розвуде, она его не напугала. Наоборот. Она ему сразу понравилась. Сразу заворожила. И он подумал еще, как ему повезло, что он совершенно случайно набрел на такую замечательную штучковину, которая рождала в душе какое-то особенное ощущение. Но уж точно — не страх. И только потом Киннелл понял («потом, когда было уже слишком поздно», как написал бы он сам в одном из своих романов, пользующихся у читающей публики неизменным и прямо-таки ошеломляющим успехом), что ощущения, рожденные этой картиной, очень напоминали те, что он испытывал в юности по отношению к некоторым запрещенным законом наркотическим препаратам.

Киннелл заехал в Розвуд по дороге из Бостона, куда его пригласили на конференцию писателей Новой Англии с эпохальным названием «Опасные стороны популярности» под эгидой PEN. Он давно уже понял, что PEN умеет найти достойные темы для обсуждения. На самом деле ему это даже нравилось. На таких мероприятиях он, как говорится, отдыхал душой. От Дерри до Бостона было двести шестьдесят миль, но Киннелл решил, что поедет

сам, на машине. Конечно, он мог бы полететь на самолете, но в последнее время работа над очередной книгой неожиданно застопорилась, и ему хотелось какое-то время побыть одному, чтобы спокойно подумать, как преодолеть творческий кризис. А тут как раз выдался подходящий случай.

На конференции Киннеллу задавали все те же вопросы, которые, по его собственному мнению, люди, близкие к литературе ужасов, вообще не должны задавать писателю. Спрашивали, где он берет сюжеты для своих романов и не бывает ли страшно ему самому, когда он работает над своей книгой. Из Бостона Киннелл выехал по мосту Тобин-Бридж и сразу свернул на шоссе № 1. Он никогда не ездил по скоростным автобанам, когда хотел подумать над разрешением назревших проблем. Скоростные трассы вгоняли его в странное состояние: как будто ты спишь и в то же время бодрствуешь. Состояние спокойное и даже приятное, но не особенно конструктивное в творческом плане. А вот дорога, идущая по побережью, с постоянными остановками у светофоров... она действовала на Киннелла, как песчинка, попавшая в устрицу. Создавала как раз то ненавязчивое раздражение, которое способствует работе мысли. А иногда даже рождает жемчужину.

Хотя критики творчества Ричарда Киннелла в жизни бы не додумались употребить это сравнение. В одном из номеров «Эсквайра» за прошлый год появилась статья Брэдли Симонса про «Город кошмаров». Статья начиналась так: «Ричард Киннелл снова порадовал многочисленных почитателей. Король ужасов испытал очередной приступ неудержимой словесной рвоты и выдал нам энный шедевр. Сие извержение озаглавлено „Город кошмаров“.

Киннелл уже проехал через Ревир, Молден, Эверетт и Ньюберипорт. Сразу за Ньюберипортом, чуть к югу от границы штатов Массачусетс и Нью-Хэмпшир, располагался маленький аккуратненький городок — Розвуд. Отъехав примерно на милю от центра города, Киннелл заметил, что на лужайке перед одним двухэтажным коттеджем разложены в ряд всякие штуки явно дешевого вида. К электрической плитке мутно-зеленого цвета была прикреплена картонка с надписью: «ДВОРОВАЯ РАСПРОДАЖА». По обеим сторонам узкой улицы стояли припаркованные автомобили. Между ними оставался тот самый проезд типа «захочешь — протиснешься», который матерно поминают нетерпеливые водители, не подверженные таинственному обаянию дворовых распродаж в маленьких городках. Но Киннелл как раз обожал дворовые распродажи. Особенно ему нравилось рыться в коробках со старыми книгами, которые иногда попадались на этих домашних базарчиках. Он протиснулся в узкий проезд и поставил свою «ауди» первой в линии машин, смотрящих в сторону Мэна и Нью-Хэмпшира.

На распродаже было достаточнолюдно. Человек десять — двенадцать бродили по донельзя замусоренной лужайке перед деревянным коттеджем, выкрашенным в серый и синий цвета. Слева от залитой бетоном дорожки, прямо на улице, стоял большой телевизор. Подставкой ему служили четыре мусорные корзины, но мусор в них, кажется, не бросали принципиально. На телевизоре красовалась очередная картонка: «КУПИ ЧТО-НИБУДЬ — НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ». Электрический шнур — тугой, как струна, — тянулся от телевизора в дом через распахнутую переднюю дверь. Тут же, в тени большого зонта с надписью «CINZANO», стояло пластиковое кресло. В кресле сидела толстая тетка. Перед ней — маленький карточный столик с коробкой из-под сигар, перекидным блокнотом и еще одной картонкой, на которой было выведено от руки: «ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ. ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ». Телевизор работал. Крутили очередную мыльную оперу, где все шло к тому, что красавец-герой и красавица-героиня сейчас займутся крайне небезопасным сексом. Толстая тетка мельком взглянула на Киннелла и снова уставилась в телевизор. Секунду она таращилась на экран, а потом опять повернулась к Киннеллу. И уставилась уже на него. Причем открыв рот.

Ага, читательница-почитательница, — подумал Киннелл, оглядывая лужайку в поисках картонной коробки со старыми книжками в мягких обложках, которая непременно должна была быть где-то здесь.

Книжек он не нашел. Зато увидел картину, прислоненную к гладильной доске и

подпертую для устойчивости двумя пластиковыми корзинками. У Киннелла перехватило дыхание. Он сразу понял, что эту вещь он возьмет.

Сдерживая возбуждение, он небрежно шагнул к картине и опустился перед ней на одно колено. Это была акварель, безупречная с точки зрения техники. Впрочем, техника Киннелла как раз и не интересовала (что не раз отмечали прилежные критики, бравшиеся за разбор его книг). В произведениях искусства он ценил прежде всего *содержание*. Причем чем больше оно «пробивало», тем лучше. Киннелл любил, чтобы произведение рождало тревогу. И, если судить по такому критерию, картина была выше всяких похвал. Стоя на коленях между пластиковыми корзинами, набитыми всякой всячиной, он провел пальцами по стеклу, закрывавшему акварель. Потом огляделся, надеясь обнаружить еще нечто подобное, но такая картина была одна — все остальное являло собой стандартный для домашних базарчиков набор: пухлощекие куколки, молитвенно сложенные ладони и резвящиеся собачки.

Киннелл опять стал разглядывать акварель в рамочке под стеклом. Мысленно он уже переставил свой чемодан на заднее сиденье в салоне, а картину бережно уложил в багажник.

На картине был изображен молодой человек за рулем мощной спортивной машины — может, «гранд-ама», а может, и GTX, в общем, какой-то машины с откидным верхом — на мосту Тобин-Бридж на закате. Откидной верх был поднят, и поэтому черный автомобиль походил на недоделанный кабриолет. Молодой человек пристроил левую руку поверх боковой дверцы с опущенным стеклом, а правую небрежно держал на руле. Закатное небо над Тобин-Бридж в желтых и серых подтеках с ярко-розовыми прожилками было похоже на громадный синяк. Жидкие светлые волосы свисали сосульками на низкий лоб, молодой человек ухмылялся, и сквозь приоткрытые губы были видны его зубы. Только это были не зубы, а самые настоящие клыки.

Может быть, он их специально затачивал, — подумал Киннелл. — *Может быть, он маньяк какой-нибудь. Людоед.*

Ему это ужасно понравилось: сама идея, что людоед едет по Тобин-Бридж на закате. В шикарном «гранд-аме». Он знал, что подавляющее большинство из тех, кто присутствовал на писательской конференции PEN, наверняка бы подумали: *Ага, самая что ни на есть подходящая картинка для Рича Киннелла. Небось повесит ее над столом для вдохновения. Такое перышко, чтобы пощекотать в старой поизносившейся глотке на предмет очередной порции неудержимой рвоты.* Но ведь это самое подавляющее большинство были просто невеждами — во всяком случае, в том, что касается его собственных книг. И мало того: они носились со своим невежеством, обожали его, холили и лелеяли — непонятно, с какого перепугу. Точно так же, как некоторые холят, лелеют и обожают зловредных и глупых маленьких собачонок, которые облаивают гостей и время от времени норовят укусить почтальона за пятку. Картина понравилась Киннеллу не потому, что он писал романы ужасов. Он писал романы ужасов потому, что ему нравились вещи типа этой картины. Восторженные читатели часто присылали ему всякую ерунду — в основном картины. Большую часть этих картин Киннелл просто выбрасывал на помойку. И вовсе не потому, что они были плохими. А потому, что они были скучными и предсказуемыми. Но вот один парень из Омахи как-то прислал ему маленькую керамическую фигурку: вопящая от страха обезьянка высовывает голову из холодильника. И эту вещицу Киннелл оставил. С точки зрения художественного мастерства фигурка была исполнена из рук вон плохо, но в ней был элемент неожиданности. Какое-то странное *соприкосновение*, которое затронуло Киннелла и, как говорится, придало ему ускорение. В картине тоже что-то такое было. Только сильнее. *Гораздо* сильнее.

Киннелл уже потянулся к картине. Ему хотелось взять ее прямо сейчас — сию же секунду, — засунуть под мышку и объявить, что он берет эту вещь. Но тут у него за спиной раздалось:

— Простите, ведь вы Ричард Киннелл?

Он резко выпрямился и обернулся. Прямо за спиной стояла толстая тетка, загораживая большую часть обзора. Киннелл заметил, что, прежде чем подойти к нему, тетка подкрасила губы ярко-красной помадой и теперь улыбалась этаким кровоточащей улыбкой.

— Да, это я, — улыбнулся он в ответ. Толстуха указала глазами на картину:

— Мне бы следовало догадаться, что вы сразу к ней и направитесь, — проговорила она с глуповатой улыбкой. — Она прямо *ваша*.

— Да, действительно. — Киннелл изобразил самую лучезарную из своих «парадно-выходных» улыбок. — И сколько вы за нее хотите?

— Сорок пять долларов, — тут же отозвалась тетка. — Скажу вам по правде, я сначала хотела семьдесят. Но она никому не нравится, да. Пришлось сбавить цену. Если вы завтра за ней вернетесь, я и за тридцатку, наверное, отдам. — Улыбка на лице тетки растягивалась все шире, а излучаемое ею радушие приняло прямо-таки устрашающие размеры. Киннелл даже заметил, что в уголках теткиных губ пузырится слюна.

— Нет, лучше я рисковать не буду. А то вдруг ее все-таки купят до завтра, — сказал он. — Я вам выпишу чек. Прямо сейчас, не откладывая.

Теткина улыбка растянулась почти до ушей, и тетка теперь стала похожа на какую-то нелепую пародию на Джона Уотерса. О, божественная Ширли Темпл!

— Вообще-то я не должна брать чеки. Ну да *ладно*, — произнесла она тоном скромницы-школьницы, поддавшейся наконец на настойчивые уговоры сексуально озабоченного приятеля. — И уж коли вы достали ручку, может, заодно мне автограф дадите, для дочки? Ее Микела зовут.

— Красивое имя, — отозвался Киннелл на автомате. Он взял картину и вернулся следом за толстой теткой к карточному столику. Действие на экране сменилось. Похотливая парочка временно уступила место изголодавшейся старушенции, которая шумно и жадно поглощала мысли.

— Микела читает все ваши книги, — сказала толстуха. — И откуда вы только берете эти свои безумные идеи?

— Не знаю. — Киннелл растянул губы в улыбке. — Они просто приходят, и все. Удивительно, да?

* * *

Толстуху, заправлявшую на распродаже, звали Джуди Даймент. Она жила в соседнем доме. Когда Киннелл спросил, не знает ли она случайно, кто написал картину, она сказала, что знает. Ее написал Бобби Хастингз, и из-за этого Бобби Хастингза она теперь тут и сидит. Продает вещи, которые когда-то принадлежали ему.

— Единственная его картина, которую он не сжег, — сказала Джуди. — Бедняжка Айрис! Вот кого мне действительно искренне жаль. А Джорджу, по-моему, все равно. И я точно знаю, что он так и не понял, почему Айрис решила продать этот дом.

Она закатила глаза, изображая классический взгляд, апеллирующий к собеседнику: мол, вы только представьте себе такое. Киннелл вручил ей чек, а Джуди протянула ему блокнот, куда она аккуратно записывала все вещи, которые ей удавалось продать, и суммы, которые она за них получала.

— Напишите, пожалуйста, что-нибудь для Микелы, — попросила она, вновь расплывшись в приторно-сладкой, глуповатой улыбочке. — Ну, пожалуйста.

Эта улыбка была для Киннелла как старый знакомый, который вдруг вновь возник в твоей жизни, хотя ты-то втайне надеялся, что он давно умер.

— Ага-ага, — рассеянно отозвался он и быстренько изобразил в блокноте свое стандартное обращение к поклонникам типа «спасибо читателю за внимание». Он не следил за своей рукой. Даже не думал о том, что пишет. Он уже двадцать пять лет раздавал автографы, процесс был доведен до полного автоматизма. — Расскажите мне про эту картину. И про Хастингзов тоже.

Джуди Даймент скрестила на груди пухлые руки с видом человека, готового продекламировать благодарным слушателям свою любимую историю.

— Бобби было всего двадцать три года, когда этой весной он покончил с собой. Можете

себе представить? Он был из тех молодых людей, кого называют измученными гениями. Но при этом жил дома с родителями. — Она вновь закатила глаза, апеллируя к Киннеллу. Мол, вы только подумайте, и бывает же такое на свете. — У него было таких картин семьдесят, если не все восемьдесят. Не считая набросков. Он их в подвале держал, у себя. — Джуди указала взглядом на коттедж, а потом вперилась в картину с парнем зловещего вида, мчащимся по мосту Тобин-Бридж на закате. — Айрис... это мать Бобби... она говорила, что почти все его творения были просто ужасными. Еще похуже, чем это. Говорила, что от его картин у нее волосы дыбом встают. — Джуди понизила голос до шепота, покосившись на женщину, которая рассматривала разрозненный набор столового серебра и весьма неплохую коллекцию старых пластиковых стаканчиков из «Макдоналдса» с кадрами из фильма «Дорогая, я уменьшил детей». — Говорила, что там были всякие сексуальные сцены.

— О нет, — сказал Киннелл.

— А самые жуткие вещи он стал писать, когда пристрастился к наркотикам, — продолжала Джуди Даймент. — Когда он покончил с собой... повесился у себя в подвале, где обычно писал картины... там нашли больше сотни этих маленьких пузыречков, в которых продают кокаин. Нет, наркотики — это ужасно! Верно, мистер Киннелл?

— Ужасно.

— В общем, по-моему, в какой-то момент он просто дошел до точки. И решил эту точку поставить, чтобы дальше не мучиться. Собрал все свои наброски и картины... кроме вот этой вон, как оказалось... свалил на заднем дворе и сжег. А потом повесился у себя в подвале. К рубашке он приколот записку:

«Мне не вынести то, что со мной происходит». Какой ужас, да, мистер Киннелл? — Разве бывает что-то страшнее?

— Нет, не бывает, — отозвался Киннелл. Причем сказал он это искренне.

— Как я уже говорила, Джордж остался бы жить в этом доме, если бы сумел настоять на своем, — продолжала Джуди Даймент. Она вырвала из блокнота листок с автографом для Микелы, положила его рядом с чеком Киннелла и задумчиво покачала головой, словно недоумевая, как такое возможно, что подписи на обоих листах совпадают. — Но мужчины, они не такие, как женщины.

— Правда?

— Конечно. Не такие чувствительные и ранимые. Под конец от Бобби Хастингза остались лишь кожа да кости. Он даже не мылся. Грязный был... от него, знаете, пахло... в одной и той же футболке все время ходил. В черной такой, с фотографией «Лед Зеппелин». Глаза у него были красные. На щеках — щетина, которую и бородой-то не назовешь. И весь запрыщавел. Все лицо было в угрях, как у подростка. Но Айрис любила его. Все равно любила. Мать всегда будет любить своего ребенка, во что бы он ни превратился.

Женщина, которая разглядывала столовое серебро и стаканчики из «Макдоналдса», все-таки выбрала кое-что для себя — подставочки под стаканы с кадрами из «Звездных войн» — и подошла к столику, чтобы расплатиться. Миссис Даймент взяла у нее пять долларов, аккуратно записала себе в блокнот: «НАБОР КУХОННЫХ ПОДСТАВОК. РАЗРОЗН. ВСЕГО — 12», после чего вновь повернулась к Киннеллу.

— Они переехали в Аризону, — продолжала она. — У Айрис там родственники, во Флагстаффе. Я знаю, что Джордж сразу начал искать работ у... он чертежник-конструктор... вот только не знаю, нашел уже что-нибудь или нет. Но если нашел, то думаю, в Розвуд они уже не вернутся. Она попросила меня продать кое-какие вещи... она — это Айрис... и сказала, что я могу взять себе двадцать процентов за хлопоты. А ее деньги отправить ей чеком. Только, боюсь, денег немного получится. — Миссис Даймент вздохнула.

— Картина просто великолепная, — сказал Киннелл.

— Да. Жалко, что он их сжег, все остальные свои работы. Так бы хоть что-то было интересное. А то большая часть всех вещей, которые я тут пытаюсь продать, — обычный домашний хлам, только на выброс и годный. А это что?

Киннелл перевернул картину. На задней стороне рамки была приклеена какая-то

бумажка.

— Наверное, название.

— И что там написано?

Киннелл приподнял картину, так чтобы Джуди было удобно самой прочесть надпись. Получилось так, что картина оказалась как раз на уровне его глаз, и Киннелл воспользовался случаем, чтобы еще раз ее рассмотреть. И снова его захватило пронзительное ощущение чего-то потустороннего, заключенного в этой в общем-то непритязательной акварели: молоденький мальчик за рулем мощной спортивной машины, ребенок со зловещей и искушенной усмешкой и омерзительными заточенными зубами.

А ведь оно очень подходит, название, — подумал он. — *Лучше и не придумаешь, как ни старайся.*

— «Дорожный Ужас прет на север», — прочла Джуди вслух. — А я ее и не заметила, эту штуку, когда мои мальчики таскали вещи. Это название, да?

— Наверное.

Киннелл не мог оторвать взгляд от усмешки блондинистого мальчика на картине. *Я кое-что знаю,* — говорила эта усмешка. — *Я знаю что-то такое, что тебе никогда не узнать.*

— Да, действительно сразу поверишь, что парень, который все это изобразил, явно прибалдел от наркоты, — с огорчением проговорила Джуди. Киннелл отметил, что огорчение было искренним. — Неудивительно, что он покончил с собой и разбил мамино сердце.

— Я, кстати, тоже еду на север, — сказал Киннелл, запихивая картину под мышку. — Спасибо за...

— Мистер Киннелл?

— Да?

— Могу я взглянуть на ваше водительское удостоверение? — Это было сказано совершенно серьезно. Безо всякой издевки и даже не по приколу. — Я должна записать номер на вашем чеке. Так надо.

Киннелл поставил картину на землю и полез за бумажником.

— Пожалуйста. Без проблем.

Женщина, которая купила подставочки под стаканы с кадрами из «Звездных войн», уже было направилась к своей машине, но задержалась перед телевизором на лужайке — засмотрелась на мыльную оперу. Когда Киннелл проходил мимо, женщина покосилась на картину у него в руках.

— Надо же, — проговорила она. — И ведь кто-то купил это уродство. Кошмарная вещь. Я ее каждый раз вспоминаю, когда свет гашу, и меня прямо дрожь пробирает.

— Да? И чего в ней такого уж жуткого? — спросил Киннелл.

* * *

Тетушка Киннелла, тетя Труди, жила в Уэллсе, примерно в шести милях к северу от границы штатов Мэн и Нью-Хэмпшир.

Киннелл съехал с шоссе на дорогу, которая огибала городскую водонапорную башню (ту самую, ядовито-зеленого цвета с забавной табличкой-призывом жирными буквами высотой фута четыре: «СОХРАНИМ МЭН ЗЕЛЕНЫМ. ДАВАЙТЕ ДЕНЬГИ»), и уже через пять минут зарулил на подъездную дорожку к аккуратному маленькому тетушкиному домику. На лужайке, разумеется, не было никакого включенного телевизора, водруженного поверх мусорных корзин, — только цветочные клумбы, настоящая страсть тети Труди. Киннеллу уже давно хотелось отлить, но он не стал останавливаться по дороге. Зачем останавливаться в придорожной закусочной, если можно заехать к тетке и там с комфортом сходить в туалет, а заодно послушать свежие семейные сплетни? Тетя Труди всегда была в курсе всего, что происходит в семье, и знала, что, где и кто. И, конечно, ему не терпелось показать ей свое новое приобретение — картину.

Тетя вышла ему навстречу, крепко обняла и «обклевала» все лицо своими фирменными

быстрыми поцелуйчиками, которые стойко ассоциировались у Киннелла с чем-то птичьим и от которых его в детстве всегда трясло.

— Сейчас я тебе кое-что покажу, — сказал Киннелл. — Тебя так протащит, что ты из чулков своих выпрыгнешь.

— Интересная мысль, — развеселилась тетя Труд и с улыбкой уставилась на племянника, обхватив локти ладонями.

Киннелл достал из багажника картину. Тетю действительно протащило, но не так, как рассчитывал Киннелл. Она вдруг страшно побледнела. Киннелл в жизни не видел, чтобы люди бледнели вот так — словно вся краска разом сошла с лица.

— Жуткая вещь, нехорошая, — натянуто проговорила тетя, и было заметно, что она из всех сил старается чтобы не дрожал голос. — Мне не нравится. Наверное, я понимаю, чем она привлекла *тебя*, Ричи. Только ты-то *играешь* в свои кошмары, а здесь оно все настоящее. Убери ее лучше обратно в багажник, сделай тете приятное. А когда будешь ехать через Сако, я тебе очень советую: остановись на мосту и брось ее в реку.

Киннелл обалдело уставился на тетю. Он никогда не видел ее такой. Тетя Труд плотно сжимала губы, пытаясь унять дрожь. И она уже не держала себя за локти — нет, она буквально вцепилась ладонями в локти, как будто пыталась сдержать себя, чтобы не сорваться с места и не убежать. Она как-то вдруг постарела и из крепкой шестидесятилетней женщины превратилась в дряхлую девяностолетнюю старуху.

Киннелл не мог понять, что происходит.

— Тетя? — осторожно проговорил он, уже начиная тревожиться. — Что-то не так?

— Вот *это* не так. — Она оторвала правую руку от левого локтя и ткнула пальцем в картину. — Удивительно даже, что ты сам ничего не чувствуешь — при твоём-то богатом воображении.

Нет, *кое-что* Киннелл чувствовал. Определенно чувствовал. Иначе бы не стал отваливать за картину сорок пять долларов. Но тетя Труд чувствовала что-то другое... или что-то *сверх* того, что чувствовал он сам. Киннелл повернул картину к себе (до этого он держал ее так, чтобы тетушке было удобнее смотреть) и еще раз взглянул на нее. И увидел такое, от чего у него перехватило дыхание, как от удара под дых. Внутри все оборвалось.

Картина *переменилась*. Не сильно, но все же переменилась. Улыбка белобрысого парня растянулась шире, заточенные людоедские зубы стали видны еще лучше. Теперь он прищурился посильнее, и от этого вид у него стал еще более искушенным и еще более злобным.

Неуловимая перемена в улыбке... губы, растянутые чуть пошире, так что острые зубы видны еще лучше... другой прищур... другой взгляд... черты, которые очень зависят от субъективного восприятия. Такие вещи не запоминаешь в точности, всегда есть вероятность, что ты просто ошибся. Тем более что Киннелл не особенно-то и *приглядывался* к картине, когда ее покупал. Да и миссис Даймент совершенно его уболтала. Она была явно из тех непомерно общительных женщин, которые так тебя заговорят, что потом в голове еще долго будет зудеть.

Но была еще одна вещь, которую никак нельзя было списать на фокусы памяти и субъективного восприятия. Пока картина лежала в багажнике, молодой человек сдвинул левую руку — которую он поначалу держал поверх дверцы, — и теперь Киннелл разглядел татуировку, которой не было видно раньше. Обагранный кровью кинжал, оплетенный виноградными листьями. А под ним — надпись. Киннелл разобрал только два слова: «ЛУЧШЕ СМЕРТЬ». Но вовсе не обязательно быть популярным писателем — автором многих бестселлеров, чтобы сообразить, что там написано дальше. В конце концов, «ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ» — это как раз та вещь, которую бесноватые дорожные странники, приносящие только несчастья, типа этого парня с людоедской усмешкой, обычно и вытатуировывают у себя на руке. *А на другой руке — туза пик или цветок в горшочке*, подумал Киннелл.

— Тебе она очень не нравится, тетя? — спросил он.

— Очень не нравится.

И тут Киннелл заметил еще одну любопытную вещь. Тетя Труды, оказывается, отвернулась и теперь делает вид, что с интересом смотрит на улицу (хотя на улице не было ничего интересного: обычная сонная и пустынная улица, разморенная жарким послеобеденным солнцем), лишь бы только ненароком не взглянуть на картину.

— Отвратительная картина. Давай ты ее уберешь, и пойдем в дом. Сдается мне, тебе надо кое-куда зайти.

* * *

Как только Киннелл убрал акварель в багажник, тетя Труды сразу воспряла духом и, как говорится, вновь обрела свою прежнюю *savoir-faire*.¹ Они немного поговорили о матери Киннелла (живет в Пасадене), о его сестре (в Батон-Руже) и о его бывшей жене Салли (в Нашуа). Салли была дамой самостоятельной и не без прибабахов. Она держала приют для бездомных животных в здоровенном жилом автоприцепе и выпускала два ежемесячных журнала. В «Гостях с того света» публиковались статьи о всяких астральных делах и якобы правдивые истории из жизни духов и привидений. В «Пришельцах», как явствует из названия, печатались рассказы людей, которые так или иначе общались с инопланетянами. Киннелл давно уже не посещал никаких сборищ, на которых писатели встречаются с восторженными читателями, помешанными на фэнтези и ужасах. Как он иногда говорил знакомым, для одной жизни одной Салли вполне достаточно.

Когда он наконец собрался ехать, была уже половина пятого вечера. Тетя пошла проводить его до машины. Она настойчиво зазывала его остаться поужинать, но Киннелл решил не терять день.

— Если я выеду прямо сейчас, то успею проехать большую часть пути до темноты.

— Ладно, — сказала тетя. — И ты прости, что я так разругала твою картину. *Конечно*, она тебе нравится. Тебе всегда нравились... всякие странные вещи. Просто *мне* она показалась... какой-то не такой. Может быть, я чего-то не понимаю. Но это *лицо*... — Она невольно поежилась. — Ужасное лицо. Как будто ты на него смотришь... и чувствуешь, что он тоже на тебя смотрит.

Киннелл улыбнулся и чмокнул тетушку в кончик носа.

— Тетя, ты просто чудо. У тебя у самой богатейшее воображение.

— Ну да, это у нас семейное. Кстати, не хочешь еще раз сходить в туалет на дорожку? Он покачал головой.

— Я же не для этого заезжал.

— Да? А для чего ты тогда заезжал?

— С тобой побеседовать, тетушка, — улыбнулся Киннелл. — Ты у нас все про всех знаешь: кто хороший, а кто плохой. И ты не боишься рассказывать то, что знаешь.

— Ладно, езжай уже. — Тетя пихнула его в плечо, изображая досаду. Но на самом деле она была очень довольна. — На твоём месте я бы поторопилась домой. Я бы, наверное, с ума сошла, доведись мне ехать одной в темноте с этим противным и злобным парнем, пусть даже он и лежит в багажнике. Я хочу сказать, ты его зубы видел? *Ну вот!*

* * *

Киннелл все-таки выехал на автобан, чтобы выгнать в скорости, и гнал как сумасшедший до самой заправки «Грей». На заправке он решил остановиться и еще раз взглянуть на картину. Должно быть, тетушкина тревога передалась и ему, как зараза. Впрочем, он был уверен, что дело не в этом. Просто не давало покоя одно неприятное ощущение. И вот теперь Киннелл мучился: показалось ему или картина действительно переменилась?

¹ Сметливость, живость (фр.) *Здесь и далее примеч. пер.*

В кафе на заправке предлагали стандартный набор гурманских закусок — гамбургеры и газировка в банках. На заднем дворе была оборудована маленькая уютная площадка со столиками и даже садик для выгула собак. Киннелл запарковался рядом с фургончиком с номерами штата Миссури. Заглушил двигатель. Сделал глубокий вдох, на пару секунд задержал дыхание — и выдохнул. Он специально поехал в Бостон на машине, чтобы спокойно подумать, как преодолеть творческий «затык» и возобновить работу над книгой. И вот ирония судьбы. По дороге туда он усиленно размышлял о том, как отвечать, если на конференции ему зададут очень правильные и заковыристые вопросы. Но никто ему этих вопросов не задал. Когда присутствующие уяснили, что *нет*, он *не знает*, откуда берутся его сюжеты, и что *да*, его самого иногда пугают его измышления, они потеряли всяческий интерес к его творчеству и стали выпрашивать, где найти подходящего литагента.

И вот теперь, по дороге домой, он только и думает, что об этой проклятой картине.

Неужели картина и вправду *переменилась*? Но если так — и нарисованный парень действительно сдвинул руку, так что Киннелл сумел прочесть надпись-татуировку, которую не было видно раньше, — тогда самое время садиться писать статью для одного из журналов Салли. Или даже серию статей с продолжением. Но с другой стороны, если картина не переменилась, тогда... что тогда? Галлюцинация приключилась на нервной почве? Бред собачий. С чего бы ему вообще нервничать? Чувствует он себя замечательно. Жизнь удалась. У него все в порядке. Во всяком случае, *было* в порядке, пока не попалась эта картина, которая буквально зачаровала его, и теперь это очарование превратилось в какую-то странную, темную одержимость.

— Ладно, блин, успокойся. Просто в тот раз ты не рассмотрел как следует. — Киннелл произнес это вслух и вышел из машины. Что ж, может быть. Может быть. В конце концов, у него в голове «замыкает» не в первый раз. Все это фокусы восприятия. Тем более ему это вроде бы и по штату положено. Он ведь писатель, и пишет ужасы, и иногда его воображение немного...

— Заносит, — буркнул Киннелл себе под нос и открыл багажник. Достал картину, взглянул на нее. И пока он смотрел — секунд на десять забыв о том, что человеку вообще надо дышать, — он вдруг понял, что эта картина его пугает. По-настоящему. Как иногда нас пугает неожиданный тихий шорох в кустах. Как иногда нас пугает какое-нибудь неприятное насекомое, которое может ужалить, если его спровоцировать.

Теперь парень с картины улыбался ему — да, именно ему, а не просто так, Киннелл был в этом уверен на сто процентов, — и улыбка была безумной, и заточенные людоедские зубы обнажились во всей красе, до самых десен. Глаза у парня горели и в то же время как будто смеялись. А вот моста Тобин-Бридж не было и в помине. И Бостона, который виднелся вдаль, тоже не было. И закатного неба не было. Теперь на картине царили темень и ночь. Громадный черный автомобиль и его бесноватого водителя освещал лишь тусклый свет единственного фонаря, отбрасывавшего маслянистые отблески на дорожный асфальт и на хромированные детали автомобиля. Черный автомобиль (скорее всего все же «гранд-ам») въезжал в маленький городок у шоссе № 1. Киннелл узнал это место. Он сам проезжал там еще сегодня.

— Розвуд, — пробормотал он себе под нос. — Это же Розвуд. Дорожный Ужас прет на север, все правильно. По шоссе № 1 — той же дорогой, что и Киннелл. Парень по-прежнему держал левую руку на боковой дверце с опущенным стеклом, но теперь он повернул ее так, что татуировка была не видна. Но Киннелл знал, что она там есть. Ведь знал же? Ну да.

Блондинистый парень походил на фаната «Металлики», который сбежал из дурдома, куда его уехали за преступление, совершенное в невменяемом состоянии.

— Боже правый, — прошептал Киннелл, и впечатление было такое, что эти слова произнес не он, а кто-то другой. Его вдруг охватила внезапная слабость, как будто все силы разом покинули тело — утекли, точно вода из дырявого ведра. Киннелл тяжело опустился на бетонный поребрик, отгораживающий стоянку от садика. Он неожиданно понял, что есть одна правда, которую он почему-то не видел раньше, когда писал свои жуткие книги. В

реальной жизни, когда человек вдруг сталкивается нос к носу с чем-то таким, что противоречит его здравому смыслу, он отзывается именно так. Тебе кажется, будто ты истекаешь кровью и умираешь. Только кровь течет не из тела, а из мозгов.

— Неудивительно, что он покончил с собой, этот парень, который *такое* нарисовал, — выдавил Киннелл, не в силах оторвать взгляд от картины. От этой жестокой и дикой усмешки. От этих глаз, пронизательных и остекленевших одновременно.

«*К рубашке он приколот записку, — сказала тогда миссис Даймент. — „Мне не вынести то, что со мной происходит“. Какой ужас, да, мистер Киннелл? Разве бывает что-то страшнее?»*

Нет, не бывает.

Действительно, не бывает.

Киннелл поднялся, не выпуская из рук картину, и пошел через садик для выгула собак. Он сосредоточенно глядел себе под ноги, чтобы не наступить на собачьи «дела». На картину он не смотрел. Ноги дрожали и подгибались, но вроде пока держали. Впереди — там, где кончалась лужайка и начинались деревья, — молодая красивая девушка в белых шортах и красном топики без рукавов с завязочками на шее выгуливала коккер-спаниеля. Она улыбнулась Киннеллу издалека, но тут же поджала губы. Наверное, было у него в лице что-то такое, что заставило ее испугаться. Она пошла влево. Причем быстрым шагом. Спаниелю это не понравилось. Он изо всех сил упирался, но девушка тащила его за собой, натягивая поводок. Бедный пес кашлял и хрипел.

Сосновая роща на задах лужайки спускалась в болотистую низину, где пахло гнилыми листьями и разлагающимися телами мертвых зверей. Ковер из сухих сосновых игл давно превратился в придорожную мусорную свалку: повсюду валялись обертки от гамбургеров, пластиковые стаканчики, смятые салфетки, банки из-под пива, пустые бутылки и сигаретные пачки. Киннелл заметил использованный презерватив, который лежал, словно дохлая змейка, рядом с разорванными в клочья дешевенькими трусиками с надписью «ВТОРНИК», стилизованной под неровный школьный почерк.

Киннелл углубился подальше в рощу. Здесь он рискнул еще раз взглянуть на картину. Он заранее подготовил себя к тому, что она может опять перемениться. Он даже не исключал возможности, что она будет двигаться, как в кино. Картина не двигалась. И, похоже, не изменилась. Но от этого Киннеллу легче не стало. Ему хватило одного только взгляда на лицо блондинистого парня. На эту зловещую, совершенно безумную улыбку. На эти заостренные зубы. Парень с картины как будто хотел сказать Киннеллу: *Эй, старик, знаешь чего? Мне покласть на ваш гребаный мир, который вы называете цивилизованным. Я — человек настоящего поколения X. И новое тысячелетие — вот оно, здесь, за рулем этой самой раздолбанной вздыбленной колымаги.*

Киннелл вспомнил, что сказала тетя Труды, когда увидела эту картину. Она сказала: выбрось ее в реку Сако. И теперь Киннелл понял, что тетя была права. Правда, Сако осталась уже в двадцати милях позади. Но...

— Болото тоже сойдет, — сказал он. — Вполне сойдет.

Киннелл поднял картину высоко над головой, как спортсмен поднимает какой-нибудь кубок или другой победный трофей, позируя перед фотографами, и отшвырнул ее от себя. Она полетела над склоном, пару раз перевернулась — рамка сверкнула, отразив тусклый свет заходящего солнца, — и ударилась о ствол дерева. Стекло разлетелось. Картина упала на землю и медленно съехала вниз по сухому слону, устланному ковром из сосновых иголок, прямо в заросли камыша на болоте. Наружу остался торчать только один уголок рамки. Но если к нему не приглядываться, то его почти и не было видно. Остались только осколки стекла на склоне, совершенно не бросающиеся в глаза на фоне другого мусора.

Киннелл развернулся и пошел обратно к машине. Теперь ему стало легче. Он знал, как справляться с такими делами, и уже настраивал себя на то, что просто забудет про этот случай, «задвинет» подальше в темный чулан сознания и сделает вид, что ничего вообще не было... Ему вдруг пришло в голову, что именно так, вероятно, и поступает подавляющее

большинство людей, которым пришлось столкнуться с чем-то подобным. Обманщики с непомерно богатым воображением и психопаты, которым мерещатся всякие страсти, записывают свои измышления, рассылают по журналам типа «Гостей с того света» и утверждают, что все это чистая правда. Но те, кто действительно соприкоснулся с потусторонним, молчат себе в тряпочку и убеждают себя, что ничего не было. Потому что если в твоей жизни появляются такие трещины, когда реальность разъезжается по швам, надо что-то делать. Если вовремя это не остановить, трещины превратятся в провалы, куда в конце концов все и рухнет.

Обернувшись, Киннелл заметил ту самую красавицу со спаниелем. Она настороженно наблюдала за ним с безопасного — как она, должно быть, надеялась — расстояния. Девушка заметила, что он на нее смотрит, поспешно отвела глаза и направилась к ресторанчику на заправке. Ей снова пришлось тащить за собой упирающегося спаниеля. Шла она напряженно, изо всех сил стараясь не вилить бедрами.

Ты, наверное, думаешь, что я псих. Да, красотка? — подумал Киннелл. Он только сейчас заметил, что оставил багажник открытым. И теперь он зиял, как беззубая пасть. Киннелл раздраженно захлопнул багажник. — *И не ты одна, я так полагаю. Ты и еще половина из тех, кто читает романы ужасов. Но я не псих. Я совершенно нормальный. Просто я совершил ошибку. Остановился на дворовой распродаже, которую должен был проезжать не глядя. Любой мог бы так ошибиться. Ты, например, могла бы. А эта картина...*

— *Какая картина?* — сказал Киннелл вслух, обращаясь к закатному небу. Он даже выдавил из себя улыбку. — Лично я никакой картины в глаза не видел.

Он уселся за руль своей «ауди», завел двигатель и взглянул на индикатор топлива. Бензина осталось меньше полбака. До дома точно не хватит, придется еще заправляться. Но Киннелл решил, что заправится где-нибудь в другом месте. Сейчас ему хотелось лишь одного: отъехать как можно дальше — *как можно* дальше — от этого места, где он оставил картину.

* * *

Сразу на выезде из Дерри улица Канзас-стрит переходит в шоссе Канзас-роуд. За пределами городских предместий (одно слово, предместья, а так — настоящая сельская местность без намеков на город) шоссе превращается в обыкновенный проселок, Канзас-лейн. Немного подальше, там, где Канзас-лейн проходит между двумя межевыми столбами, гудронированное покрытие сменяется гравием. То есть одна из самых загруженных и оживленных улиц Дерри уже через восемь миль к западу превращается в узкую проселочную дорогу, проложенную по пологому склону холма. Лунными летними ночами она вся сверкает, напоминая призрачные пейзажи из поэзии Алфреда Нойеса. На вершине холма стоит нескладный, но все равно симпатичный дощатый сарай с зеркальными окнами — с виду вроде конюшня, но на самом деле гараж с тарелкой спутникового телевидения на крыше, направленной прямо к звездам. Один остроумный корреспондент из «Дерри ньюс» назвал это строение «домом, который построил Гор»... кстати, совсем не имея в виду вице-президента США. Ричард Киннелл называл его просто домом. И в тот вечер он подъехал к дому с чувством несказанного облегчения. Он устал ужасно. Ощущение было такое, что с тех пор, как сегодня в девять утра он проснулся в отеле «Бостон-Харбор», прошел не день, а неделя по меньшей мере.

Никаких больше дворовых распродаж, — сказал себе Киннелл, глядя на луну. — *Отныне и впредь.*

— Аминь, — заключил он, закрыл машину и направился к дому. Наверное, стоило бы загнать машину в гараж, но Киннелл решил, что черт с ней. Сейчас ему хотелось лишь одного: выпить чего-нибудь крепкого, быстренько перекусить — разогреть какую-нибудь ерунду в микроволновой печи — и завалиться спать. Причем спать желательно без

сновидений. Чтобы поскорее закончился этот день.

Он вставил ключ в замок, открыл дверь и отключил сигнализацию, набрав комбинацию цифр на панели у двери: 3817. Потом включил свет в прихожей, перешагнул через порог, закрыл за собой дверь, обернулся, мельком глянул на стену, где в рамках под стеклом висели обложки всех его книг и... закричал. То есть *мысленно* закричал. В уме. С губ не сорвалось ни звука — только испуганный вздох. Потом раздался глухой удар и тихий металлический лязг. Это ключи выпали из его ослабевшей внезапно руки и шлепнулись на ковер.

«Дорожный Ужас прет на север», который сейчас должен валяться в камышах на болоте за автозаправочной станцией «Грей», висел на стене в прихожей.

В доме Киннелла.

Картина вновь перевернулась. Парень уже никуда не ехал. Его машина стояла припаркованной на подъездной дорожке к коттеджу, где проходила дворовая распродажа. Вещи, предназначенные на продажу, по-прежнему были расставлены на лужайке: мебель, посуда, всякие керамические безделушки (собачки, курящие трубку, голозадые пупсики и рыбы с моргающими глазами). Только теперь двор был залит светом луны — все той же похожей на череп луны, что висела в небе над домом Киннелла. Как и днем, телевизор стоял на улице. И он был включен. Бледный свет от экрана падал на траву, на опрокинутое пластиковое кресло и на то, что лежало рядом. Это была Джуди Даймент. Вернее, ее бездыханное тело. И даже не тело, а только *часть*. Голову Киннелл увидел не сразу. Она стояла на гладильной доске, и мертвые глаза блестели при свете луны, точно две тусклые монеты в полдоллара.

Задние фары «гранд-ама» представляли собой красно-розовое пятно размытой акварели. В первый раз Киннелл увидел машину с картины сзади. Там, на багажнике, была надпись, выполненная в старинном готическом стиле. Два слова: «ДОРОЖНЫЙ УЖАС».

Все правильно, — тупо подумал Киннелл. — Все логично. Это не он, а его машина. Хотя, наверное, разница не велика.

— Так не бывает, — прошептал он себе под нос.

Но ведь было же. Было. Может быть, ничего подобного не случилось бы с кем-то другим, кто не настолько открыт для таких вещей. Но с Киннеллом это случилось. Ошарашенно глядя на картину, Киннелл вдруг вспомнил табличку на столике у Джуди Даймент. Там было написано: ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ (хотя у него Джуди все-таки взяла чек, пусть даже на всякий случай, и записала номер его водительского удостоверения). Но там было написано и кое-что еще:

ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ.

Киннелл прошел мимо картины в гостиную. У него было такое чувство, будто он здесь посторонний. Чужой в собственном теле. Он поймал себя на том, что разум — сам по себе, независимо от него — лихорадочно ищет, как отгородиться от происходящего. Ищет — но не находит.

Киннелл включил телевизор и декодер спутниковой антенны и настроился на канал V-14. Все это время он буквально физически ощущал присутствие картины в доме. Нет, не думал о ней, просто чувствовал, что она рядом, эта картина, которая каким-то непостижимым образом опередила его и проникла в дом.

— Знала, как срезать дорогу, — произнес Киннелл вслух и рассмеялся.

На этот раз на картине не было ужасного белобрысого парня. Однако за рулем «гранд-ама» чернела какая-то размытая тень — наверняка это был он. Дорожный Ужас закончил дела в Розвуде. И попер дальше на север. И его следующая остановка...

Киннелл не стал додумывать эту мысль. Он заставил себя обрубить ее прежде, чем она оформится у него в мозгах и он осознает, *что* это может значить.

— В конце концов, я не знаю. Может быть, мне все это мерещится, — сказал он,

обращаясь в пустоту. Он думал, что звучание собственного голоса поможет ему успокоиться. Но голос дрогнул, сорвался на хрип, и в итоге Киннелл еще больше перепугался. — Вполне может стать, что...

Он не знал, как закончить фразу. В голову лезла только строка из одной старой песни, которую в свое время исполнял кто-то из подражателей раннего Фрэнка Синатры в стиле «псевдохип-хоп»: *Вполне может стать, что это начало чего-то ЗНАЧИТЕЛЬНОГО...*

В телевизоре тоже играла песня. Вернее, даже не песня, а пока только вступление. И не Синатра, а Пол Саймон. На голубом экране горели белые буквы, как на мониторе компьютера:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НОВОСТНУЮ ЛЕНТУ НОВОЙ АНГЛИИ. Далее шла подробная инструкция, как делать запрос, но Киннеллу незачем было ее изучать. Он давно уже «баловался» с новостным телетекстом и знал, что надо делать. Он набрал нужную комбинацию цифр, ввел номер своей кредитной карты и код региона: 508.

— Вы заказали прочтение новостей по (секундная пауза) центральному и северному регионам штата Массачусетс, — произнес электронный голос. — Спасибо...

Киннелл положил телефонную трубку на рычаг и повернулся к телевизору. На экране уже возник логотип Новостной ленты Новой Англии. Он нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— Ну давай же, давай.

Экран моргнул, и синий фон сменился зеленым. Появилось первое сообщение. Что-то насчет пожара в жилом доме в Тон-тоне. Потом последовал краткий отчет об очередном скандале вокруг собачьих бегов. Потом — прогноз погоды на завтра: тепло и ясно. Потихонечку Киннелл расслабился и начал уже сомневаться: может, там ничего и нет, на стене в прихожей. Может, ему просто все это привиделось. В конце концов, он ужасно устал после долгой дороги — вот и лезет в башку всякая ерунда. Но тут телевизор пронзительно забибикал, и на экране возникли слова «ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ». Киннелл уставился на экран.

НЛНА телетекст 19 АВГУСТА/20:40 В РОЗВУДЕ ЗВЕРСКИ УБИТА ЖЕНЩИНА, ПОМОГАВШАЯ ОТСУТСТВУЮЩЕЙ ПОДРУГЕ. 38-ЛЕТНЯЯ ДЖУДИТ ДАЙМЕНТ УСТРОИЛА ДОМАШНЮЮ РАСПРОДАЖУ ВЕЩЕЙ ПО ПОРУЧЕНИЮ СВОЕЙ СОСЕДКИ. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРЕСТУПНИК ЗАРУБИЛ МИССИС ДАЙМЕНТ ТОПОРОМ. СОСЕДИ НЕ СЛЫШАЛИ НИЧЕГО ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО. ТРУП ОБНАРУЖИЛИ ТОЛЬКО В ВОСЕМЬ ВЕЧЕРА, КОГДА СОСЕД ИЗ ДОМА НАПРОТИВ — ДЭВИД ГРЭЙВЗ — ПРИШЕЛ ВОЗМУЩАТЬСЯ, ЧТО ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ДОМОМ У МИССИС ДАЙМЕНТ СЛИШКОМ ГРОМКО РАБОТАЕТ ТЕЛЕВИЗОР. МИСТЕР ГРЭЙВЗ ГОВОРIT, ЧТО ТЕЛО БЫЛО РАСЧЛЕНЕНО. «ЕЕ ГОЛОВА ЛЕЖАЛА НА ГЛАДИЛЬНОЙ ДОСКЕ, — СКАЗАЛ ОН ПОЛИЦИИ. — ЭТО БЫЛО УЖАСНО. ТАКОГО КОШМАРА Я В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ». МИСТЕР ГРЭЙВЗ ГОВОРIT, ЧТО НЕ СЛЫШАЛ НИ КРИКОВ, НИ ШУМА БОРЬБЫ: ТОЛЬКО ЗВУК ТЕЛЕВИЗОРА И — НЕЗАДОЛГО ДО ТОГО КАК ПОЙТИ К МИССИС ДАЙМЕНТ — РЕВ МОЩНОГО АВТОМОБИЛЯ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ОСНАЩЕННОГО ГЛУШИТЕЛЕМ, КОТОРЫЙ ОТЪЕЗЖАЛ ОТ СОСЕДНЕГО ДОМА ПО ШОССЕ № 1. ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ, ЧТО АВТОМОБИЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ УБИЙЦЕ...

Да, за одним исключением.

Это — не подозрение, а непреложный факт.

Дыша тяжело — не как загнанный зверь, но уже близко к тому, — Киннелл бросился в прихожую. Картина действительно была там. И она снова переменялась. Теперь на ней были видны лишь два ослепительных белых круга — передние фары, — за которыми только угадывались темные очертания автомобиля.

Он едет дальше, — сказал себе Киннелл. И тут он все же *подумал* о тете Труди — милой тетушке Труди, которая все про всех знала: кто хороший, а кто плохой. О замечательной тетушке Труди, которая жила в Уэллсе, в каких-нибудь сорока милях от

Розвуда.

— Пожалуйста, Господи, пусть он поедет по побережью, — сказал Киннелл вслух, протянув руку к картине. То ли ему опять показалось, то ли фары и вправду слегка раздвинулись, как будто нарисованная машина действительно мчалась вперед... но как бы крадучись, неуловимо для глаза, как минутная стрелка движется по циферблату. — Пусть он свернет на шоссе, которое по побережью идет. Пожалуйста.

Он сорвал картину со стены и метнулся в гостиную. Камин, естественно, был заставлен экраном. Пройдет еще месяца два, если не больше, прежде чем понадобится его топить. Киннелл отшвырнул экран и засунул картину в камин. При этом он расколол стекло — которое уже разбивалось однажды, в рощице за заправочной станцией — о железную подставку для дров. Потом Киннелл бросился в кухню, на ходу размышляя о том, что он будет делать, если то, что он думает сделать сейчас, опять не поможет.

Должно помочь, — твердил он себе. — Должно, потому что... должно. Просто должно и все.

Он распахнул кухонные шкафы и принялся лихорадочно рыться по полкам. Опрокинул открытую пачку овсяных хлопьев. Рассыпал соль. Уронил бутылку с уксусом. Бутылка разбилась о раковину, и в нос и глаза Киннеллу ударили едкие пары.

Здесь ее нет. Того, что нужно, здесь нет.

Он вбежал в туалет. Глянул за дверь. Ничего. Только пластиковое ведро и жидкость для мытья ванны. Так. Тогда на полочке у сушилки. Ага, вот она. Рядом с брикетами угля.

Горячая жидкость.

Киннелл схватил бутылку и поспешил обратно в гостиную. Проходя через кухню, он мельком глянул на телефон на стене. Наверное, стоило задержаться и позвонить тете Труди. Киннелл очень хотел позвонить. Тетя всегда ему доверяла. Она не станет задавать лишних вопросов. Если любимый племянник позвонит на ночь глядя и скажет, что ей надо срочно уехать из дома, уехать прямо *сейчас*, то она так и сделает... но что, если блондинистый парень с картины за ней погонится? Что, если он рванет следом?

А он так и сделает. Киннелл *знал*, что он так и сделает.

Он пролетел через гостиную и остановился перед камином.

— Господи Боже, нет, — прошептал он.

На картине за растрескавшимся стеклом больше не было света фар, направленных прямо на зрителя. Теперь «гранд-ам» ехал вниз по крутому изгибу дороги, которая могла быть только съездом со скоростного шоссе. Лунный свет переливался, как жидкий шелк, на черных боках автомобиля. На заднем плане виднелась водонапорная башня. И слова, написанные на ней, легко читались при ярком свете луны. «СОХРАНИМ МЭН ЗЕЛЕНЫМ. ДАВАЙТЕ ДЕНЬГИ».

Киннелл плеснул на картину горящей жидкостью, но не попал с первого раза. Руки тряслись, и жидкость просто растеклась по той части стекла, которая осталась целой. Пятно замутило складной верх Дорожного Ужаса. Киннелл сделал глубокий вдох, примерился и плеснул опять. На этот раз жидкость попала точно на дырку в разбитом стекле и просочилась под рамку. Она пошла бурными разводами по акварели, въедаясь в бумагу, растворяя краску.

Киннелл взял декоративную спичку из кувшинчика на каминной полке, зажег, чиркнув по кирпичам под очагом, засунул в дырку в стекле. Картина загорелась мгновенно — пламя охватило «гранд-ам» и водонапорную башню на заднем плане. Стекло, еще остававшееся в рамке, разом почернело и лопнуло, разлетевшись брызгами горящих осколков. Киннелл затоптал их ногами, поспешив погасить пламя, пока оно не подожгло ковер.

* * *

Он подошел к телефону и набрал номер тетушки Труди, даже не сознавая, что по щекам у него текут слезы. На третьем гудке сработал автоответчик. «Привет, — поздоровался он голосом тети Труди. — Я знаю, что мне не стоит этого говорить, дабы не поощрять

грабителей, но меня нет дома. Я поехала в Кеннебанк смотреть новый фильм с Харрисоном Фордом. Если вы собираетесь меня грабить, пожалуйста, не забирайте мою коллекцию фарфоровых поросят. Если хотите мне что-то сказать, говорите после сигнала».

Киннелл дождался сигнала и наговорил, очень стараясь, чтобы голос его не дрожал:

— Тетя Труды, это Ричи. Когда вернешься домой, позвони мне, ладно? В любое время, пусть даже и поздно.

Он повесил трубку, взглянул на экран телевизора и снова набрал номер Новостной ленты телетекста, только на этот раз задав код штата Мэн. Пока компьютер на том конце линии обрабатывал заказ, Киннелл вернулся к камину и поворошил кочергой сморщенные, почерневшие останки картины. Запах был просто ужасный — по сравнению с ним, едкий запах пролитого уксуса казался просто божественным ароматом, — но Киннеллу было уже все равно. Картины больше не было. Она превратилась в пепел. И ради этого можно стерпеть что угодно.

А если он снова вернется, Дорожный Ужас?

— Не вернется. — Киннелл поставил кочергу на место и вернулся к телевизору. — Я уверен, что он не вернется.

* * *

И все-таки каждый раз, когда сообщения на новостной линии начинались по новому кругу, Киннелл прочитывал их очень внимательно. От картины остался лишь пепел на кирпичах под очагом... и в новостях не появлялось никаких сообщений о зверском убийстве пожилой женщины в Уэллсе, Сако или Кеннебанке. Но Киннелл все равно продолжать следить за телетекстом, как будто где-то подспудно едва ли не ждал, что на экране появится что-то вроде: «ГРАНД-АМ» НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ ВРЕЗАЛСЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КЕННЕБАНКСКИЙ КИНОТЕАТР. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ, ПОГИБЛО ОКОЛО ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК. Но ничего подобного не появилось.

В четверть одиннадцатого зазвонил телефон. Киннелл схватил трубку:

— Алло?

— Это Труды. С тобой все в порядке, мой хороший?

— Да, все в порядке.

— А то у тебя голос какой-то странный, — сказала тетя. — Дрожит... да и вообще, не такой какой-то. Что случилось? Это все из-за нее? — И тут тетя сказала такое, что повергло Киннелла в леденящий ужас, но все-таки не удивило:

— Это все из-за этой картины, которая так тебе нравилась, да? Из-за этой проклятой картины?

Киннелл вдруг успокоился. Может быть, потому что тетя оказалась такой пронизательной... ну и, конечно же, из-за того, что с ней ничего не случилось.

— Да, может быть, — сказал он. — Меня как-то так колотило всю дорогу до дома. И я ее сжег. В камине.

Она все равно скоро узнает про Джуди Даймент, — твердил предательский внутренний голос. — У нее нет спутниковой тарелки ценой в двадцать тысяч долларов, но она получает «Юнион-лидер», и завтра же эта новость будет на первой полосе. Тетя умная женщина и сразу сообразит что к чему.

Да, все верно. Но дальнейшие объяснения могут подождать и до утра, когда возбуждение немного спадет... когда он, возможно, найдет способ, как ему поразмыслить над всем, что случилось, не сходя при этом с ума... и когда он будет уверен, что все закончилось и Дорожного Ужаса больше нет.

— Вот и славно, — с нажимом проговорила тетя. — И знаешь что? Ты бы и пепел развеял тоже. — Она на секунду умолкла и продолжила, понизив голос:

— Ты за меня волновался, да? Потому что ты мне показывал эту картину?

— Да, немножечко волновался.

— Но теперь тебе лучше?

Киннелл откинулся в кресле и закрыл глаза. Ему действительно стало легче.

— Э, как кино?

— Замечательно. Харрисон Форд изумительно смотрится в форме. Вот если бы он еще как-то убрал эту шишку на подбородке...

— Спокойной ночи, тетя Труды. Завтра поговорим.

— Поговорим?

— Да. Я так думаю, — сказал Киннелл.

Он положил трубку на место, встал, подошел к камину и еще раз пошевелил кочергой пепел. Картина сгорела почти вся. Остался только кусок крыла черного автомобиля и обуглившийся клочок дороги. Но это, наверное, уже не страшно. Может быть, именно так и надо было поступить с самого начала? В конце концов, именно так и следует уничтожать сверхъестественных посланцев зла — жечь их огнем. Ну да. Он сам использовал этот сюжетный ход в нескольких своих книгах. В частности, в «Отбывающем поезде» — романе про железнодорожный вокзал, населенный призраками.

— Вот именно, — произнес Киннелл вслух. — Гори, детка, гори.

Он подумал о выпивке, которую обещал себе на подъезде к дому. Выпить, конечно, стоило. Но тут Киннелл вспомнил пролитый уксус (который уже, наверное, впитался в рассыпанные овсяные хлопья — ну и мысли иной раз приходят в голову!) и решил, что лучше сразу лечь спать. В романах ужасов — к примеру, в романах Ричарда Киннелла — герой, переживший подобное приключение, не спит до утра. Потому что не может заснуть.

Но жизнь — это не книга. В жизни люди ложатся спать и засыпают вполне нормально.

* * *

На самом деле он задремал уже в душе, привалившись спиной к стене и не успев даже смыть шампунь. Вода била его по груди. Киннеллу снился сон. В этом сне он снова попал на дворовую распродажу. В телевизоре, установленном на мусорных корзинах, показывали Джуди Даймент. Ее голова была на месте, но Киннелл видел, что она пришита к телу грубыми халтурными стежками, как будто пришивал ее неумелый хирург. Шов шел вокруг шеи, точно кошмарное ожерелье.

— Вы смотрите Новостную ленту Новой Англии, версию обновленную и исправленную, — сказала миссис Даймент, и когда она заговорила, Киннелл, который всегда видел яркие и живые сны, на самом деле *увидел*, как швы у нее на шее натягиваются и расслабляются при каждом слове. — Бобби Хастингз сжег все свои картины. *Все* до единой, включая и *вашу*, мистер Киннелл... а она *ваша*, как вы сами, я думаю, уже поняли. Проданные товары возврату не подлежат, вы ведь читали уведомление. Вы еще радуйтесь, что я взяла у вас чек.

Сжег все свои картины. Ну да. Все правильно. Он и должен был сжечь их все, — подумал Киннелл в своем водянистом сне. — *«Мне не вынести то, что со мной происходит», вот что он написал перед смертью. А когда человек доходит до предела и жжжет за собой все мосты, вряд ли он станет медлить и размышлять, не спасти ли от пламени что-то одно — то особенное, что достойно остаться. А ведь ты действительно что-то такое особенное вложил в свой «Дорожный Ужас прет на север». Да, Бобби? И, наверное, сам того не желая. Просто так получилось. Случайно. Ты был очень талантливым, я это понял сразу, но талант здесь вообще ни при чем. В том, что касается этой картины.*

— Есть вещи, которые сохраняются навсегда, — говорила из телевизора Джуди Даймент. — Они возвращаются снова и снова, как бы ты ни старался от них избавиться. Они возвращаются. Они липнут к тебе, как зараза.

Киннелл протянул руку и переключил канал, но, как оказалось, по всему диапазону шла только одна передача: «Шоу Джуди Даймент».

— Можно сказать, он пробил брешь в основании Вселенной, — говорила она теперь. — Он, это Бобби Хастингз. И оттуда вывалилось вот *такое*. Замечательно, правда?

Ноги Киннелла поехали по скользкому кафелю. Он мгновенно проснулся. Хорошо еще, что не упал.

Он зажмурился — мыло попало в глаза, и глаза защипало (пока он спал и видел сон, шампунь стек на лицо густыми белыми ручьями). Он набрал воду в ладони и плеснул на лицо. А когда набирал воду снова, вдруг услышал какой-то звук. Какое-то сбивчивое тарыхтение.

Не будь идиотом, — сказал он себе. — Здесь только шум воды в душе. И больше ты ничего не слышишь. Тебе просто кажется.

Или нет?

Киннелл протянул руку и выключил воду.

Он по-прежнему слышал это непонятное тарыхтение. Глухое и мощное. И звук доносился откуда-то с улицы.

Киннелл вылез из душа и прошел, даже не вытеревшись, к себе в спальню на втором этаже. Он так и не смыл шампунь с волос, и впечатление было такое, что он стал седым, пока дремал в душе, — как будто сон про Джуди Даймент заставил его поседеть.

И зачем я вообще останавливался на этой проклятой распродаже? — спросил он себя. Но ответа на этот вопрос он не знал. И, наверное, не знал никто.

Когда Киннелл встал у окна, что выходило на подъездную дорожку к дому — на ту самую дорожку, которая лунными летними ночами искрилась, как призрачные пейзажи из поэзии Алфреда Нойеса, — звук снаружи стал громче.

Он отодвинул занавеску и выглянул на улицу. Он вдруг поймал себя на том, что думает о своей бывшей жене Салли, с которой познакомился в 1978 году на международной встрече писателей и читателей фэнтези. О Салли, которая теперь живет в автоприцепе и выпускает два ежемесячных журнала: «Гости с того света» и «Пришельцы». Пока Киннелл смотрел на дорогу, эти названия наложились у него в сознании, как двойная картинка в стереоскопе.

Ему явился пришелец, который был явно гостем с того света.

«Гранд-ам» с картины стоял перед домом. Из двух хромированных выхлопных труб вырывались клубы белого дыма и медленно растворялись в воздухе. Надпись на багажнике, выполненная старинным готическим шрифтом, ясно читалась при свете луны. Дверца с водительской стороны была открыта. Но это еще не все. Судя по свету, льющемуся на ступени крыльца, передняя дверь в доме Киннелла была открыта тоже.

Забыл запереть ее на замок, — подумал Киннелл, вытирая со лба мыльную пену вдруг онемевшей и потерявшей всякую чувствительность рукой. — Забыл поставить на сигнализацию... хотя вряд ли бы это спасло. Для этого парня не существует замков и сигнализаций.

Что ж, может быть, Киннеллу и удалось направить его прочь от тетушки Труды, и это было уже кое-что. Но сейчас эта мысль не принесла ему облегчения.

Гости с того света.

Глухое тарыхтение мощного двигателя в 442 лошадиные силы, не меньше. С баком на четыре барреля, усиленными клапанами и прямой инъекцией.

Киннелл — голый и мокрый, с головой в мыльной пене — медленно развернулся, не чувствуя под собой ног, и увидел картину. Именно там, где и думал увидеть: на стене над кроватью. «Гранд-ам» стоял на подъездной дорожке у его дома, дверца с водительской стороны была открыта, а из хромированных выхлопных труб валил дым. Под этим углом Киннеллу была видна дверь его дома, открытая нараспашку, и длинная тень человека на полу прихожей.

Гости с того света.

Гости с того света и *пришельцы*.

Теперь Киннелл слышал шаги. Тяжелые шаги — вверх по лестнице. Он знал, что блондинистый парень носит мотоциклетные сапоги. Ему не надо было этого видеть. Люди,

которые делают на руках татуировки ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ, носят только мотоциклетные сапоги. И курят только «Кэмел» без фильтра. Подобные вещи — они как закон, обязательный к исполнению.

Да, и еще нож. У него обязательно есть с собой нож. Большой и острый. Что-то вроде мачете. Подходящая штука для того, чтобы снести человеку голову одним размашистым ударом.

И он наверняка сейчас улыбается, обнажая свои заточенные людоедские зубы.

Киннелл все это *знал*. Не зря же он сам навывдумывал столько ужасов.

У него было богатое и живое воображение.

— Нет, — прошептал Киннелл, вдруг осознав, что он совершенно голый. Только теперь до него дошло, что его бьет озноб. — Нет. Пожалуйста, уходи.

Но шаги приближались. Конечно, они приближались. Такому парню, как этот — с картины, — нельзя просто сказать:

«Уходи». Потому что он все равно не уйдет. Потому что, по законам жанра, истории так не кончаются.

Киннелл слышал, что белобрысый уже поднялся по лестнице. С улицы доносился рев незаглушенного двигателя «гранд-ама».

Парень шел по коридору. Его сбитые каблукы поскрипывали по натертому паркету.

Киннелла как будто парализовало. Неимоверным усилием воли он скинул с себя оцепенение и бросился к двери, чтобы запереть ее, пока эта *тварь* не вошла. Но он поскользнулся на лужице мыльной воды и на *этот раз* не устоял на ногах. Он упал на спину и увидел, как распахнулась дверь. Увидел тяжелые мотоциклетные сапоги. Парень с картины неторопливо направился туда, где лежал Киннелл — голый и мокрый, с головой в мыльной пене. А на стене над кроватью висела картина, и на картине «Дорожный Ужас» стоял припаркованным у его дома, и дверца с водительской стороны была открыта.

И все переднее сиденье автомобиля было залито кровью. *Кажется, мне придется выйти на улицу*, подумал Киннелл и закрыл глаза.

Дэвид Моррелл Готика на Рио-Гранде

Когда Ромеро наконец заметил на дороге кроссовки, до него дошло, что он уже несколько дней их видел. По дороге в город вдоль Олд-Пекос, мимо глинобитных стен Женского клуба Санта-Фе, слева. Подъезжая к баптистской церкви стиля кантри справа, он доехал до гребня холма и увидел пару кроссовок на желтой разделительной полосе. Вот тогда и свернул свою полицейскую машину на грунтовую обочину.

Хмурясь, вылез он из машины и положил большие пальцы на ремень с кобурами, не замечая рева проезжающих машин и разглядывая эти самые кроссовки. Связанные шнурками, сзади фирменный ярлык «Найк». Одна лежала на боку, показывая, насколько износилась подошва. Но вчера их на дороге не было, сообразил Ромеро. То была пара кожаных сандалий. Он вроде бы их мельком отметил про себя. А позавчера? Женские туфли на высоких каблуках? Точно не вспомнить, но какая-то пара обуви тут лежала. Что за?..

Дождавшись перерыва в потоке машин, Ромеро подошел к разделительной полосе и всмотрелся, будто пытаясь разрешить загадку. Какой-то пикап перевалил через гребень слишком быстро, чтобы его заметить, и ветром от него на Ромеро рвануло тренч. Он еле обратил внимание, занятый кроссовками. Но тут еще один грузовик пронесся через перевал, и Ромеро понял, что лучше бы отойти с дороги. Отцепив от пояса дубинку, он просунул ее под шнурки и поднял кроссовки. Ощущая их вес, он переждал проезжающий мини-фургон, потом вернулся к своей машине, отпер багажник и бросил туда кроссовки. Наверное, решил он, с другими туфлями здесь было точно так же. Мусоросборщик или кто-нибудь из городских служб остановился и убрал их. Сейчас середина мая. Скоро туристский сезон развернется вовсю, и нехорошо, если гости будут видеть на дороге мусор. Ромеро решил

выбросить кроссовки в мусорный ящик, когда доедет до участка.

Следующий пикап, переваливший через холм, гнал не меньше пятидесяти. Ромеро влез в полицейский джип, врубил сирену и остановил нарушителя, когда тот уже проехал на красный свет у самой Кордовы.

* * *

Ему было сорок два года, и пятнадцать из них он служил в полиции Санта-Фе, но тридцати тысяч долларов, которые он зарабатывал каждый год, не хватало на дом в Санта-Фе — слишком там высокие цены на недвижимость, и потому он жил в пригородном Пекосе в двадцати милях к северо-востоку, где раньше жили его отцы и деды. Жил он, конечно, в том же доме, где жили родители, пока пьяный водитель, едущий не по той полосе, ударил в их машину на полной скорости. Этот скромный дом когда-то стоял в тихом районе, но полгода назад в квартале от него построили супермаркет, и всю округу заполонил шум и сутолока автомобилей. Женился Ромеро в двадцать лет. Жена его работала агентом страховой компании в Пекосе. Двадцатидвухлетний сын жил с ними и работы не имел. Каждое утро Ромеро вел с ним разговоры насчет поиска работы. За ними следовали другие разговоры, в ходе которых жена Ромеро ему объясняла, что он слишком суров к мальчику. Как правило, они с женой уходили из дому, уже не разговаривая друг с другом. Ромеро, когда-то подтянутый и спортивный, звезда футбольной команды школы, порядком обрюзг от чрезмерного количества еды навынос и долгих часов за рулем. Этим утром он заметил у себя на висках седину.

* * *

К тому времени, как Ромеро разобрался с превысившим скорость пикапом, ограблением дома, куда его послали составлять протокол, и карманником, которого ему удалось поймать, он уже забыл о кроссовках. Потом его отвлекла драка между давно враждовавшими соседями — один опередил другого на автостоянке у ресторана. Потом он оформлял бумаги в участке, присутствовал на отчетной летучке в конце дня, и его не надо было сильно уговаривать опрокинуть по пиву с коллегами, вместо того чтобы сразу мобилизоваться на двадцатимильный путь к домашним сложностям. Домой он попал в десять, когда жена и сын давно уже поели. Сын шлялся где-то с приятелями, жена уже легла спать. Он поел, что осталось, глядя в телевизоре повторение старой комедии трюков, которая и при первом-то просмотре не была смешной.

* * *

На следующее утро, выехав на холм у баптистской церкви, Ромеро напрягся при виде пары мокасин, валяющихся на разделительной полосе. Резко съехав на обочину, он открыл дверь и поднял руки, останавливая движение, подобрал мокасины, вернулся к джипу и поместил их рядом с кроссовками.

— Обувь? — спросил сержант в участке. — О чем ты?

— На Олд-Пекос. Каждое утро там пара обуви.

— Упали, наверное, из мусоровоза.

— И так каждое утро? И только пара обуви, ничего больше? К тому же те, что я нашел сегодня, почти новые.

— Ну, кто-то переезжал, и они с грузовика упали.

— Каждое утро? — повторил Ромеро. — Эта вот пара — «Коул ханс». Такие дорогие мокасины никто не бросит поверх груза.

— Какая разница? Туфли и туфли. Кто-то балуется.

— Конечно, — сказал Ромеро. — Кто-то балуется, не иначе.

— Дурацкая шутка, — решил сержант. — Чтобы люди думали, чего это туфли валяются на дороге. Ты вот задумался. Шутка сработала.

— Ага, — подтвердил Ромеро. — Дурацкая шутка.

* * *

На следующее утро это была пара потрепанных рабочих сапог. Когда Ромеро увидел их, въехав на гребень холма у баптистской церкви, он нисколько не удивился. На самом деле он только не знал, что за обувь будет сегодня лежать.

Да, если это шутка, она точно удастся, подумалось ему. Кто бы это ни делал, а человек это жуть до чего настойчивый. Кто?

Эта проблема изводила его весь день. Между расследованием наезда (водитель скрылся) на Сент-Франсис-Драйв и взломом картинной галереи на Каньон-Роуд он несколько раз возвращался к холму на дороге Олд-Пекос и проверял. Пока там ничего не появилось. Насколько можно было понять, шутник бросает там обувь днем. Если так, то план, который обдумывал Ромеро, был бессмысленным. Но вернувшись на холм в восьмой раз и не увидев обуви, он сказал себе, что у него есть шанс.

План этот обладал достоинством простоты. Он требовал только целеустремленности, а этого было навалом. Кроме того, неплохая причина отложить возвращение домой. Поэтому, прихватив с собой четвертьфунтовый бургер с жареной картошкой, банку колы и пару больших контейнеров кофе из «Макдональдса», Ромеро направился на Олд-Пекос в густеющих сумерках. Поехал он на своей машине — пятилетнем джипе «чероки», поскольку нет смысла привлекать внимание. Пост наблюдения он решил установить на автостоянке баптистской церкви, откуда открывался отличный вид на Олд-Пекос. Да, но ночью, когда его машина будет единственной на стоянке, это вызовет подозрения. А вот напротив церкви Олд-Пекос пересекается с Ист-Люпита-Роуд. Тихий жилой район, и если поставить машину там, будут видны все проезжающие по Олд-Пекос. А сам он, наоборот, будет иметь нормальный вид в потоке проезжающих машин.

Да, это подходит. Фонари есть на Олд-Пекос, на Ист-Люпита их нет. Сидя в темноте и прожевывая бургер с картошкой, потребляя для бодрости кофеин в виде колы и кофе, он сосредоточился на освещенном гребне холма. Какое-то время фары проезжавших машин здорово мешали. Когда машина проезжала, Ромеро всматривался в интересующий участок дороги, но только успевали глаза привыкнуть, проезжали новые фары, и он опять всматривался, не выбросили ли чего из машины. Правая рука лежала на ключе зажигания — чтобы сразу повернуть ключ и врубить передачу, правая нога готова была нажать на газ. Для передышки он включал радио на пятнадцатиминутные промежутки, осторожно, чтобы не посадить аккумулятор. Теперь машины проезжали редко, следить за дорогой стало проще. Но после одиннадцати и передачи новостей, в которой главным событием был пожар в квартале магазинов Де Варгас, он понял недостаток своего плана. Кофеин. Напряжение от наблюдения за дорогой.

Ему нужно было в уборную.

Но он же там был, когда закупал еду.

Это было тогда. А с тех пор ты выпил два двойных кофе.

Ну, я же должен был, чтобы не заснуть...

Он поежился. Напряг мышцы живота. Можно было бы облегчиться в контейнер от напитка, но он их все смял и засунул в пакет, где были раньше бургер и картошка. Пузырь ныл. Фары ехали мимо. Обувь никто не выбрасывал. Ромеро повернул ключ зажигания, включил фары и погнал к ближайшей общественной уборной на Сент-Майкл-Драйв у круглосуточной бензоколонки, поскольку почти все рестораны и закусочные закрывались в одиннадцать тридцать.

Когда он вернулся обратно, на дороге лежали два ковбойских сапога.

* * *

— Час ночи почти! Почему ты так поздно?
Ромеро рассказал жене насчет обуви.
— Обувь? Ты с ума сошел?!
— У тебя вообще ничего любопытства не вызывает?
— Вызывает. Сейчас мне очень любопытно, считаешь ли ты меня действительно такой дурой, чтобы я поверила, будто ты действительно приехал домой так поздно из-за пары найденных на дороге обносков. Любовницу себе завел?

* * *

— Вид у тебя неважный, — сказал сержант.
Ромеро безнадежно пожал плечами.
— Всю ночь где-то веселился?
— Если бы.
Сержант стал серьезным.
— Опять дома неприятности?
Ромеро чуть не рассказал ему все как было, но, вспомнив безразличие, которое проявил тогда сержант, понял, что особого сочувствия здесь не получит. Скорее наоборот.
— Да, опять.

В конце концов, надо признать, его поступки этой ночью были несколько странными. Тратить личное время на сидение в машине три часа в ожидании... чего? Если шутник хочет продолжать бросать ботинки на дорогу, так что? Пусть тратит на это свое время. Чего же я буду тратить свое, чтобы его поймать? Хватает настоящих преступлений, которые надо раскрывать. И что я ему предъявлю, если поймаю? Выброс мусора в неположенном месте?

Всю свою смену Ромеро предпринимал определенные усилия, чтобы не оказаться возле Олд-Пекос. Пару раз за длинный день, допрашивая свидетелей нападения, взлома, карманной кражи или скверной аварии на Пасео-де-Перальта, он бывал близок к тому, чтобы завернуть на Олд-Пекос по пути с происшествия на происшествие, но нарочно выбирал другой путь. Время менять привычки, сказал он себе. Время сосредоточиться на том, что в самом деле важно.

В конце смены его сморил недосып предыдущей ночи. С работы он ехал вымотанный. Надеясь на тихий домашний вечер, он ехал в плотном потоке сквозь пыль нескончаемого строительства на Герильос-Роуд, доехал до федеральной дороги 25 и свернул на север. Закат подсветил горы Сангре-де-Кристо¹ кровью — когда-то за этот цвет они и получили название от первых испанских колонистов. «Через полчаса задеру ноги вверх и открою пиво», — подумал Ромеро. Проехал развилку с Сент-Фран-сис-Драйв. Знак подсказал ему, что следующий поворот — Олд-Пекос, через две мили. Он выбросил это из головы, продолжая любоваться закатом, представил себе предстоящее пиво и включил радио. Сводка погоды сообщила, что сегодня максимальная температура была семьдесят пять,² что обычно для середины мая, но наступает холодный фронт, и ночная температура упадет до сорока градусов³ с возможными заморозками в низинах. Диктор предложил укрыть все недавно приобретенные нежные растения. Обычно морозов не бывает после 15 мая, но...

Ромеро свернул на Олд-Пекос.

А какого черта, в самом деле? Просто посмотреть и удовлетворить собственное любопытство. Кому от этого вред? Въезжая на холм, он с удивлением заметил, что сердце у него колотится чуть быстрее. Он что, рассчитывает найти еще ботинки? Или его беспокоит, что он целый день болтался поблизости и не нашел времени проверить? Появился гребень

¹ Кровь Христова (исп.).

² По Фаренгейту (примерно 24 по Цельсию).

³ Около 4 по Цельсию.

холма, и у Ромеро сперло в груди дыхание. Он сделал глубокий вдох...

И медленно выдохнул, заметив, что на дороге ничего нет. Вот так, сказал он себе. Это стоило того, чтобы сделать крюк. Я доказал себе, что зря потратил бы время, если бы заехал сюда во время дежурства. Теперь можно ехать домой, и не будет грызть неутоленное любопытство.

Но дома, пока они с женой смотрели телевизор и ели жареных цыплят (сын был где-то с друзьями), Ромеро было беспокойно. Он никак не мог избавиться от мысли, что тот, кто выбрасывал ботинки, снова будет это делать. Так что же, этот паразит меня перехитрил? Тебя? Ты о чем? Он же понятия не имеет, кто ты такой. Ладно, тогда он думает, что перехитрил того, кто подбирал ботинки. Что в лоб, что по лбу.

Пиво, которое так предвкушал Ромеро, показалось ему водой.

* * *

Конечно же, на следующее утро, черт бы его взял, вдоль разделительной линии валялась пара кожаных женских туфель в пяти ярдах друг от друга. Хмурый Ромеро блокировал утреннее движение и сунул их в багажник к остальным. «Так где же этот хмырь берет всю эту обувь? — спросил себя Ромеро. — Туфли почти новые. И мокасины, которые я подобрал, тоже. Кто же выбросит новую обувь, даже ради дурацкой шутки?»

В конце дня Ромеро позвонил жене и сказал:

— Сегодня задержусь на работе. У нас один человек по болезни не вышел на вечернюю смену, я его заменю.

Он подогнал кое-какую бумажную работу, потом съездил в ближайшую «Пицца-хат» и купил среднего размера «пепперони» с грибами и маслинами навынос. Еще взял большую колу и два больших кофе, но на этот раз, усвоив прошлый урок, запасся галопной емкостью для облегчения. Кроме того, прихватил с собой транзистор с наушниками, чтобы слушать радио и не думать о подсаживании аккумулятора.

Уверенный, что ничего не забыл, он поехал к своему посту. В Санта-Фе тоже есть грунтовые дороги, и Ист-Люпита — одна из них. Окруженная кустами сумаха и оливковыми деревьями, она шла среди редких глинобитных домов, и движение на ней было очень слабое. Припарковавшись за углом, Ромеро видел напротив себя церковь, и колокольня напоминала ему миссию в индейской деревне. За Солнечной горой и грядой Аталаяа закат горел тем же кровавым цветом, что и в прошлый раз.

Мимо неслись машины. Рассматривая их, Ромеро надел наушники и переключил приемник со служебной волны на вещание. Найдя передачу, где общались со слушателями (действительно ли угроза окружающей среде так велика, как шумят экологи?), он стал попивать колу, заедая пиццей, и следить за движением.

* * *

Через час после темноты он понял, что точно забыл очень важную вещь. Накануне передавали предупреждение о понижении ночной температуры, даже о возможных заморозках, и сейчас Ромеро чувствовал, как ползет холод вверх по ногам. Хорошо, что есть горячий кофе. Он обхватил себя руками, жалея, что не захватил куртку. Пар от дыхания оседал на ветровом стекле, и его приходилось протирать платком. Ромеро опустил окно, чтобы ветровое стекло не запотевало, но в машине стало еще холоднее, и он качал дрожать. Лунный свет, отраженный снегом на вершинах гор, особенно на лыжной трассе, создавал ощущение еще большего холода. Ромеро включил мотор и радиатор, чтобы согреться, и все это время не сводил глаз с проезжающих время от времени машин.

Одиннадцать часов, и ботинок пока нет. Он напомнил себе, что в позавчерашнюю ночь это случилось примерно в это время, когда ему пришлось покинуть свой пост ради похода в уборную. Вернувшись через двадцать минут, он обнаружил ковбойские сапоги. Если тот, кто

это делает, работает по системе, то есть шанс проверить это в ближайшие полчаса.

Сиди и терпи, велел он себе.

Но, как и две ночи назад, кола и кофе свое дело сделали. К счастью, он принял меры на этот случай заранее. Взяв пустой баллон, он поставил его под рулем, отвернул крышку и начал мочиться, но тут же ему пришлось прищуриться на свет приближающихся фар, отражавшихся в стекле заднего вида.

Мышцы мочевого пузыря напряглись, прервав струю. Хотя Ромеро был уверен, что водитель не разберет, что он делает, все же он быстро завернул крышку и поставил баллон на пол пассажирской стороны.

«Давай проезжай!» — мысленно подгонял он подъезжающую машину. Ему отчаянно хотелось продолжить свое дело, и он дожидаться не мог, пока машина проедет, свернет на Олд-Пекос и скроется из виду.

Фары остановились у него за спиной.

Что еще за?..

Замигали огни на крыше, и Ромеро понял, что позади у него — полицейская машина. Отвлекаясь от неодолимой телесной потребности, он опустил боковое стекло и положил руки на руль, чтобы приближающийся полисмен успокоился, увидев их на виду.

Заскрипел гравий грунтовой дороги под сапогами. Слепящий свет фонаря ударил в машину Ромеро, осветив пустую коробку из-под пиццы, задержавшись на желтой жидкости в пластиковом баллоне.

— Могу я взглянуть на ваши права и регистрацию, сэр?

Роберто узнал голос.

— Все путем, Тони. Это я.

— Кто я?.. Гейб?

Луч фонаря ударил в лицо Ромеро.

— Гейб?

— Единственный и неповторимый.

— Какого дьявола ты тут делаешь? К нам поступили несколько жалоб, что сидит тут в машине какой-то подозрительный тип, будто приглядывается к окрестным домам.

— Это всего лишь я.

— И в позапрошлую ночь тоже ты был?

— Ага.

— Тогда нам тоже жаловались, но когда мы приехали, той машины уже не было. Чего это ты делаешь?

Стараясь не кривиться от давления в животе, Ромеро ответил:

— Веду наблюдение.

— Мне никто ничего ни про какое наблюдение не говорил. Что это все...

Понимая, как долго придется объяснять странно звучащую правду, Ромеро сказал:

— Тут были попытки вломиться в эту церковь. Я смотрю, не попробует ли кто-нибудь еще раз.

— Ну и задание! Сидеть тут всю ночь — это же уссаться просто!

— Ты не представляешь себе, как ты прав.

— Ладно, я поехал, пока тебя не засветил. Удачной охоты.

— Спасибо.

— А в следующий раз скажи начальнику смены, чтобы нас предупредил, и мы не лезли демаскировать.

— Скажу обязательно.

Полисмен сел в свой джип, отключил мигалку, объехал машину Ромеро, помахал рукой и вырулил на Олд-Пекос. Ромеро тут же схватил свой баллон и облегчался не меньше полутора минут. Когда он, закончив, откинулся со вздохом на спинку, ощущение покоя продолжалось лишь до тех пор, пока он не глянул снова на Олд-Пекос.

Ругаясь последними словами, он выскочил и бросился на дорогу к паре мужских

ботинок — на этот раз «Рокпортов» — лежащих со связанными шнурками посреди дороги.

* * *

— Ты сказал Тони Ортега, что тебе приказали вести наблюдение за баптистской церковью? — с нажимом спросил сержант.

Ромеро неохотно кивнул.

— Что это еще за фигня? Тебя никто ни на какое наблюдение не ставил. Сидишь там ночью в машине, действуешь подозрительно... ну, если у тебя нет на то серьезной причины, пеняй на себя!

У Ромеро не осталось выбора.

— Ботинки.

— Чего?

— Ботинки, которые я все время нахожу на Олд-Пекос. Сержант выслушал объяснение, вытаращив глаза.

— Тебе мало служебного времени? Ты еще бесплатно проработал две ночи ради такой дурости, что...

— Ну, я понимаю, что это слегка необычно...

— Слегка?

— Тот, кто бросает эти ботинки, играет в какую-то игру.

— А ты хочешь составить ему компанию.

— Это как?

— Он бросает ботинки, ты их подбираешь. Он опять бросает. Ты снова подбираешь. Играешь в его игру.

— Да нет, это не так...

— А как? В общем, слушай. Хватит тебе болтаться возле той улицы. Кто-нибудь тебя подстрелит как бродягу и будет прав.

В конце смены возле шкафчика Ромеро была свалена груда старой обуви. Из столовой донеслось ржание.

* * *

— Я полицейский Ромеро, мэ; боюсь, вы нервничали из-за меня прошлую ночь и еще две ночи до того. Это я сидел в машине, и наблюдал за церковью на той стороне улицы. Нам поступили сведения, что туда кто-то собирается вломиться. Кажется, вы меня приняли за взломщика. Я только хотел заверить вас, что моя припаркованная там машина никому в вашей округе не угрожает.

— Я полицейский Ромеро, сэр; боюсь, вы нервничали из-за меня прошлую ночь и еще две ночи до того.

* * *

На этот раз у него было все под контролем. Все, больше ни колы, ни кофе, хотя пластиковый баллон он прихватил на всякий случай. И куртку взял с собой, хотя опасность заморозков миновала наконец и ночи стали теплее. И поел он заранее плотнее, умяв буррито гранде кон полло от «Фелипе» — лучшего ресторана с мексиканской едой навынос во всем городе. Сидя в машине, Ромеро слушал по полицейскому приемнику все ту же передачу со звонками от слушателей. Они все никак не слезали с экологических тем.

— Когда я был пацаном, я плавал в речке. И ел рыбу, которую ловил. Сейчас для этого надо быть психом.

Недавно стемнело. Проносились фары машин. Ботинок не было. Нет ботинок — нет проблемы. Ромеро приготовился проявить терпение. Вошел в ритм ожидания. Вряд ли что-

нибудь случится до обычного времени — до одиннадцати. Наушники приемника давили виски. Ромеро снял их и стал регулировать, и тут пара фар пронеслась мимо, направляясь направо, из города. Одновременно еще одна пара фар пронеслась им навстречу, в город. У Ромеро было опущено стекло, и сквозь шум моторов донесся четко различимый стук чего-то о землю, и за ним сразу второй. Машины уехали, а Ромеро, разинув рот, смотрел на два стоящих на дороге туристских ботинка.

Ни фиги себе...

Шевелись!

Он повернул ключ зажигания и рванул рычаг передач. Не переводя дыхания, бросил машину вперед, разбрасывая задними колесами гравий и грунт, но, выезжая на Олд-Пекос, должен был моментально решить ключевой вопрос. Какой водитель бросил ботинки? Какая машина? Правая или левая?

За городом у него нет власти. Тогда левая! Шины взвизгнули по бетону, и Ромеро рванулся за уходящими хвостовыми огнями. Дорога уходила вниз и потом поднималась к светофору у Кордовы, где сейчас горел красный, и Ромеро надеялся, что он таким и останется, но пока он догонял машину — теперь было видно, что это пикап — светофор мигнул зеленым и пикап проехал перекресток.

Блин!

У Ромеро был с собой аварийный сигнал. Имеющий форму купола, он был погружен в прикуриватель. Ромеро выставил его в окно и забросил на крышу, где он прилип магнитной подставкой. Включив сигнал — он замигал красным, — Ромеро дал газу. Пересек перекресток, превышая скорость, рванулся за пикапом, дал звуковой сигнал и кивнул, когда пикап сбросил скорость, сворачивая к обочине.

Ромеро был не в мундире, но на поясе у него висела в кобуре девятимиллиметровая «беретта». Он еще проверил, что табличка прицеплена к карману джинсовой куртки. Наведя фонарь на груз камней в багажнике пикапа, он осторожно приблизился к водителю.

— Ваши права и регистрацию, пожалуйста.

— А в чем дело, офицер?

Водитель был англосакс, молодой, лет двадцати трех. Тощий. Короткие светло-русые волосы. Одет в красно-коричневую клетчатую ковбойку. Даже сидя кажется высоким.

— Вы очень быстро ехали на перевале перед церковью.

Молодой человек оглянулся, будто напоминая сам себе, что только что проехал холм.

— Права и регистрацию, — повторил Ромеро.

— Уверен, что не превышал разрешенной скорости, — заявил водитель. — Там же сорок?

Он подал в окно свои права и извлек регистрационный талон из-за солнцезащитного щитка.

Ромеро прочел имя.

— Люк Парсонс.

— Да, сэр.

Пронзительный голос, но с вежливой мягкостью.

— Почтовое отделение 25, Диллон, Нью-Мексико?

— Да, сэр. Это примерно пятьдесят миль к северу. Мимо Эспаньолы и Эмбудо и...

— Я знаю, где находится Диллон. Что привело вас сюда?

— Продаю замшелые камни в киоски на обочинах федеральной дороги.

Ромеро кивнул. В этой местности камни, сложенные в пикапе, ценились и использовались в оформлении ландшафта — похожий на лишайник мох приобретал после дождя приятные приглушенные цвета. Кое-как сводящие концы с концами продавцы собирали их в горах и продавали вместе со скворечниками, самодельными потолочными балками, дровами и овощами по сезону на полянах вдоль сельских дорог, параллельных федеральной.

— Чертовски далеко от Диллона для продажи замшелых камней.

— Приходится ездить туда, где покупатели. А вообще в чем все-таки де...
— Вы торгуете и после сумерек?
— Жду до сумерек на случаи, если люди, выезжающие от «Придорожного Гарри» или стейкхауса чуть подальше захотят что-нибудь купить. Потом еду к «Гарри» поесть. У него прекрасные печеные овощи.

Ромеро ожидал не такого разговора. Он-то думал, что водитель будет напряжен, потому что проиграл игру. Но вежливость этого юноши обезоруживала.

— Я хотел сказать насчет тех ботинок, что вы бросаете из машины. За это штраф такой, что мало не пока...

— Ботинок?

— Вы это делаете уже несколько дней. Я хочу знать, почему...

— Офицер, я, честно говоря, абсолютно не понимаю, о чем вы говорите.

— О ботинках, которые вы бросаете на дорогу.

— Поверьте мне, я не знаю, что вы видели, но это был не я. Зачем мне бросать ботинки на дорогу?

Синие глаза смотрели прямо, и их невинный вид обезоруживал.

«Черт побери, — подумал Ромеро. — Не за той машиной поехал».

И внутренне вздохнул.

— Извините, что побеспокоил.

— Ничего страшного, офицер. Я понимаю, это ваша работа.

— Собираетесь сегодня проехать весь путь до Диллона?

— Да, сэр.

— Да, я уже говорил. Далекий путь для продажи замшелых камней.

— Что ж, все мы делаем то, что должны делать.

— Это точно, — ответил Ромеро. — Что ж, счастливого пути. Езжайте аккуратно.

— Я только так и езжу, офицер. Счастливо оставаться.

— Счастливой дороги.

Ромеро поехал обратно с гребню холма, подобрал ботинки и сунул их в багажник. Примерно в это время, без чего-то десять, погиб его сын.

* * *

Место аварии он проехал по дороге домой в Пекос. Мигалки, силуэты двух машин «скорой помощи» и три полицейских автомобиля на противоположной стороне федеральной дороги. Он поморщился, увидев искореженные обломки двух машин, и не мог удержаться от мысли: «Бедняги. Помогите им Бог». Но Бог не помог, и когда Ромеро уже был дома, медэксперт показывал полиции штата бумажник, который взял с изувеченного трупа, предположительно молодого испанца.

Ромеро с женой ссорились из-за его позднего приезда, когда зазвонил телефон.

— Сам возьми! — заорала жена. — Твоя любовница, наверное!

— Я тебе еще раз говорю, нет у меня никакой... — Телефон зазвонил снова. — Да!

— Гейб? Это Рей Беккер из полиции штата. Ты сядь, ладно?

Ромеро слушал, и в животе у него рос холодный ком. Такого оцепенения у него никогда еще не было, даже когда ему рассказали о гибели родителей.

Жена увидела его лицо.

— Что случилось?

Он сумел справиться с дрожью и оцепенением настолько, чтобы ей сказать. Она закричала. И кричала, пока не упала в обморок.

* * *

Через две недели, после похорон, когда жена Ромеро уехала погостить к сестре в

Денвер, когда Ромеро попытался выйти на работу (сержант пытался отсоветовать, но Ромеро знал, что с ума сойдет, если будет сидеть дома), диспетчер послал его на вызов, на который надо было проехать мимо баптистской церкви на Олд-Пекос. Мелькнула горькая мысль, как он был тогда поглощен той ерундой на этом самом месте совсем недавно. Чем болтаться тут и ломать себе голову над этими дурацкими ботинками, надо было побольше быть дома и уделять внимание сыну. Может, тогда не случилось бы того, что случилось.

Ботинок на дороге не было.

На следующий день и на следующий ботинок на дороге тоже не было.

Жена Ромеро так и не вернулась из Денвера.

* * *

— Тебе надо больше выходить, — сказал ему сержант.

Это было через три месяца, в субботу днем, в августе. В порядке подготовки к будущему соглашению о разводе и в попытке заглушить воспоминания Ромеро продал дом в Пекосе. На свою долю он переехал в Санта-Фе и рискнул купить в рассрочку скромный дом в районе Эльдорадо. Не помогло. Все равно на плечах лежал свинцовый груз.

— Надеюсь, ты не насчет свиданий с дамами.

— Я только сказал, что нельзя сидеть все время в доме, как в норе. Надо выбраться и как-то отвлечься. Если подумать, тебе надо и лучше питаться. Ты только посмотри, что за дерьмо у тебя в холодильнике. Прокисшее молоко, пакет с пивными банками и объедки от цыплят.

— Мне редко хочется есть.

— При таком холодильнике — еще бы!

— Не люблю сам себе готовить.

— Неужели так трудно хотя бы сделать салат? Вот что я тебе скажу. По выходным мы с Марией ездим на рынок — на Фармерз-Маркет. Завтра поедешь с нами. Там овощи — свежее не бывает. Может, если у тебя в холодильнике будет приличная еда, ты...

— То, что у меня не в порядке, Фармерз-Маркет не вылечит.

— Слушай, я из кожи вон лезу, пытаюсь по-дружески помочь тебе. Ты мог бы хотя бы чуток пойти навстречу.

* * *

Фармерз-Маркет был возле старого вокзала, за рельсовыми путями, на открытом месте, недавно приобретенном городом. Фермеры приезжали на нагруженных пикапах и вставляли на отведенных им местах. Некоторые устанавливали столы и натягивали тенты. Другие торговали прямо с машин. Пробовать можно было все — от пирогов до музыки: в углу играл самодеятельный оркестр. В толпе ходил человек, одетый клоуном.

— Смотри, не так все плохо, — сказал сержант.

Ромеро апатично прошелся вдоль рядов: сидр, лекарственные травы, выращенные на воле цыплята и подсолнухи. Про себя он отстраненно признал: да, неплохо. Все годы, что он служил в полиции, он ни разу здесь не был — еще одно, свидетельство, как он дал своей жизни пройти мимо. Но это сожаление вызвало в нем не желание учиться на ошибках, а лишь еще более сильную подавленность.

— Как вам эти пирожки? — спросила жена сержанта. — Их можно держать в морозильнике и разогревать, когда хочется. В порции их всего один или два, так что не будут оставаться лишние.

— Конечно, — ответил Ромеро. Ему было все равно. — Почему бы и нет?

Глаза его рассеянно скользили по толпе.

— Какие?

— Простите?

— Какие вам? С персиками или с пеканом?

— Без разницы. Выберите за меня.

Взгляд его упал на киоск, где продавались иконы из кукурузных листьев и волос, выложенные по резному дереву: Мадонны, младенцы в яслях, кресты. Искусно выложенные образы были покрашены и отлакированы. Традиционное испанское народное искусство, но внимание Ромеро привлекли не сами иконы, как бы хороши они ни были, а то, что продавал их не испанец, а молодой англосакс, будто он сам их и сделал.

— И яблочный пирог тоже хорош на вид, — сказала жена сержанта.

— И отлично. — Разглядывая высокого, худощавого продавца икон с короткими светло-русыми волосами, Ромеро добавил: — Я этого парня откуда-то знаю.

— Что? — спросила жена сержанта.

— Ничего. Я сейчас вернусь и возьму пирожки.

Ромеро протолкался через толпу. Светлые волосы юноши были подстрижены очень коротко. На худом лице выдавались скулы, отчего вид у парня был такой, будто он постится. И тот же одухотворенный вид, что и на иконах, которые он продавал. Это не был болезненный вид — напротив. Загорелая кожа лучилась здоровьем.

И голос его тоже казался знакомым. Подходя, Ромеро услышал пронзительно-мягкий голос, которым молодой человек объяснял покупательнице, сколько труда и тщания требует изготовление икон.

Ромеро подождал, пока покупательница ушла со своей покупкой.

— Вам, сэр?

— Я вас откуда-то знаю, только никак не могу вспомнить.

— Я бы хотел вам помочь, но, мне кажется, мы не знакомы.

Ромеро заметил осколок хрусталя, который висел на шерстяной нити на шее молодого человека. В нем был намек на светлую голубизну, будто он взял часть синевы из глаз своего хозяина.

— Наверное, вы правы. Просто вы показались мне так ужасно...

Его отвлекло движение справа — молодой человек принес из пикапа большую корзину помидоров и устанавливал ее рядом с корзинами огурцов, перцев, моркови и других овощей на соседнем столе.

Но отвлекло его не только движение. Этот молодой человек был высок и худ, с короткими светло-русыми волосами и худощавым одухотворенным лицом. Прозрачные голубые глаза, казалось, поделились своим цветом с кусочком хрусталя, висящим на шее. Одет он был в линялые джинсы и белую футболку, как и тот, с кем говорил Ромеро. Белизна футболки подчеркивала цветущий загар.

— Да, вы правы, — сказал Ромеро первому. — Мы не знакомы. Это вашего брата я видел.

Вновь подошедший был озадачен.

— Это ведь так? — спросил Ромеро. — Вы братья? Вот почему я спутал. Но не могу вспомнить, где...

— Люк Парсонс, — протянул руку второй подошедший.

— Гейб Ромеро.

Рука молодого человека была жилистой, рукопожатие крепким.

Ромеро понадобилась вся самодисциплина и тренировка, чтобы не выдать своей реакции. Мысли завертелись. Люк Парсонс? Господи, да это же человек, с которым он говорил в тот вечер, когда погиб сын и жизнь развалилась начисто. Чтобы отвлечься от воспоминаний, он пришел сюда, на рынок, и тут встретил человека, напомнившего то, что так отчаянно он пытался забыть.

— А это мой брат Марк.

— Здравствуйте.

— Простите, вам плохо?

— А что? Почему вы...

— Вы вдруг сильно побледнели.
— Это ерунда. Я просто последнее время плохо питался.
— Тогда вам стоит попробовать вот это.
Люк Парсонс показал на бутылочку с коричневой жидкостью.
— А что это? — прищурился Ромеро.
— Эхинацея, выращенная в домашних условиях. Если у вас простуда, эта штука поможет. Стимулирует иммунную систему.
— Спасибо, но...
— Когда вы почувствуете, как это вам помогло...
— Вы ее представляете, как лекарство.
— Лекарство от Бога. Ничего искусственного. Если она не улучшит ваше самочувствие, мы вернем вам деньги.
— Вот ты где! — сказал сержант. — Я тебя уже обыскался. — Он заметил бутылочку в руках Ромеро. — Это еще что?
— Как-то это называется... выращенная в домашних условиях... — Он не мог вспомнить.
— Эхинацея, — подсказал Люк Парсонс.
— Конечно, — сказала жена сержанта. — Я ею лечу семью от простуды. Стимулирует иммунную систему. Как рукой снимает. Боже мой, какие чудесные помидоры!
Она стала покупать, а Люк сказал Ромеро:
— Если у вас нет аппетита, это может значить, что организму нужна детоксикация. Для этого хороши обыкновенная капуста цветная капуста и брокколи. Только органика. Никакие химикаты с ними никогда и рядом не лежали. А еще можете попробовать вот это.
Он подал Ромеро бутылочку белой жидкости.
— Молочный чертополох, — сказала жена сержанта. — Очищает печень.
— Откуда ты все это знаешь? — удивился сержант.

* * *

— Роза на нашей улице интересуется траволечением, — ответила жена сержанта, когда они втроем переходили рельсы, неся мешки с овощами. — Здесь в Санта-Фе мировая столица альтернативной медицины и религий Новой Эры. Что не можешь победить — присоединись.
— Да, вот этот хрусталь у каждого на шее. Они точно из Новой Эры, — сказал Ромеро. — Вы заметили, что у них ремни из пеньки? Ничего кожаного. Ничего животного происхождения.
— Эти ребята не едят жареных цыплят или бургеров навынос. — Сержант бросил многозначительный взгляд на Ромеро. — И здоровы, как никто из нас.
— Ладно, я понял.
— Ты только все же съешь эту зелень.

* * *

Самое странное было то, что ему действительно стало лучше. По крайней мере физически. На душе все равно было чернее полночи, но, как говорила одна из прочитанных им книг насчет помощи самому себе: «Один из способов вылечить себя — передача от тела к душе». У эхинацеи (десять капель на стакан воды, как советовал приложенный листок) был горький вкус. У молочного чертополоха — еще хуже. Салаты его не насыщали. Все равно тянуло к пище. Но надо было признать, что овощи с Фармерз-Маркет были лучше, чем ему приходилось видеть. Что неудивительно. Раньше он ел овощи только из супермаркета, которые хранились там Бог знает сколько, и это не считая еще времени на перевозку в грузовике. Их наверняка снимали до созревания, чтобы не сгнили по дороге в магазин, и еще вопрос, сколько их поливали пестицидами и гербицидами. Он вспомнил радиопередачу, где

обсуждали насчет содержания ядов в еде. Вообще эта программа занималась проблемами окружающей среды...

Ромеро вздрогнул.

Именно ее слушал он в тот вечер в машине, когда ждал, чтобы кто-то бросил ботинки и когда погиб его сын.

Да хрен с ним! Если мне так от этого плохо, буду хотя бы есть, что хочу.

Пятнадцать минут всего понадобилось, чтобы выехать из Эльдорадо и купить приличный пакет ребрышек, жареной картошки, салата из сырой капусты с луком и от души кетчупа. Еще пятнадцать минут — и он уже сидит дома, смотрит по телевизору детектив, попивая пиво и грызя ребрышки.

Еще до десятичасовых новостей его стошнило.

* * *

— Честное слово, я держу диету. Слушай, не надо на меня так смотреть. Признаю, пару раз я ее нарушил, но это меня научило как следует. Никогда в жизни более здоровой пищи не ел.

— Пятнадцать фунтов. В этом клубе здоровья вес просто сжигается.

* * *

— Привет, Марк!

Высокий худой русоволосый юноша за овощным прилавком посмотрел на него недоуменно.

— Что случилось? — спросил Ромеро. — Я уже шесть недель прихожу сюда по субботам. Чего же ты меня теперь не узнаешь?

— Вы меня спутали с моим братом. — У парня были голубые глаза, и цвет их отзывался цветом висящего у него на шее осколка хрусталя. Джинсы, белая футболка, сияющий загар — и тонкое, одухотворенное лицо святого.

— Ну, я знаю, что вы не Люк. Его бы я узнал наверняка.

— Меня зовут Джон, — последовал ответ официальным тоном.

— Очень приятно. Я Гейб Ромеро. Мне никто не говорил, что вас три брата.

— На самом деле...

— Минутку, дайте-ка я догадаюсь. Если есть Марк, Люк и Джон, то должен быть и Мэтью?¹ Так? Ручаюсь, вас четверо.

Губы Джона слегка раздвинулись, будто улыбаться ему было непривычно.

— Угадали.

— Это было нетрудно. Делать выводы — моя работа, — пошутил Ромеро.

— Вот как? Что же это за... — Джон выпрямился, и голубые глаза его стали холодны, как звезды, — он смотрел на пробирающегося сквозь толпу Люка. — Тебе было сказано не отходить от прилавка.

— Извини, мне нужно было в туалет.

— Надо было зайти до начала работы.

— Я так и поступил, но я же ничего не мог...

— Верно. Ты ничего не мог сделать полезного, пока тебя здесь не было. У нас баклажаны кончаются. Принеси еще корзину.

— Извини, больше не повторится. Сейчас принесу.

Люк смущенно глянул на Ромеро, потом опять на брата и отправился за баклажанами.

— Вы собираетесь что-нибудь купить? — спросил Джон. «Ты не слишком завоевываешь друзей и влияешь на людей», — подумал Ромеро.

¹ Марк, Люк и Джон и Мэтью — английское произношение имен евангелистов Марка, Луки, Иоанна и Матфея.

— Да, я бы хотел пару этих баклажанов. А вообще с этим прогнозом ранних морозов это будут последние помидоры и перцы, нет?

Джон только смотрел и ничего не говорил.

— Так что я лучше куплю в запас, — сказал Ромеро.

* * *

Он надеялся, что с течением времени оцепенение отпустит, но каждая новая дата только была напоминанием. Рождество, Новый год, Пасха, и слишком сразу после этого — середина мая. Странно, но у него никогда не ассоциировалась гибель сына и та авария на федеральной дороге. Эмоциональная связь была с тем участком дороги на гребне холма возле баптистской церкви. Он легко признавал, что это чистый мазохизм заставляет его ездить туда все чаще по мере приближения годовщины смерти. Он был настолько одержим, что на миг даже убедил себя, будто просто оживляет сцену в своем сознании, что у него галлюцинации, когда впервые почти за год снова увидел на дороге пару ботинок.

Туристских ботинок до лодыжек, цвета ржавчины. Это было так внезапно, что он затормозил, не в силах оторвать глаз. То, что он увидел, заставило его резко дать по тормозам, почти не слыша визга шин идущей сзади машины, которая чуть не врезалась в джип. Весь дрожа, он выскочил, пригнулся, вгляделся еще пристальнее и бросился к рации.

В ботинках были ноги.

* * *

С воем прилетела полицейская машина, полисмены направили движение в объезд по обочине. Ромеро стоял со своим сержантом, начальником полиции и судмедэкспертом, глядя, как делают свою работу ребята из криминалистической лаборатории. Его джип стоял там, где он его оставил, рядом с ботинками.

— Точнее скажу после лабораторного заключения, — говорил судмедэксперт, — но по гладкой поверхности среза я полагаю, что ноги были отделены чем-то вроде мощной электро — или бензопилы.

Ромеро закусил губу.

— Что-нибудь еще можете прямо сейчас сказать? — спросил начальник полиции.

— На дорожном покрытии нет крови, а это значит, что кровь на ботинках и на ногах уже высохла, когда их здесь выбросили. Изменение цвета тканей тела свидетельствует, что от момента преступления до избавления от улики прошло не меньше двадцати четырех часов.

— Кто-нибудь еще что-нибудь заметил?

— Размер ботинок, — сказал Ромеро.

Все посмотрели на него.

— У меня размер десятый. Эти, похоже, седьмого или восьмого. Я предполагаю, что жертвой была женщина.

* * *

Те же полисмены, что бросили когда-то кучу старой обуви возле шкафчика Ромеро, теперь хвалили его за чутье. Хотя он и выбросил давно все ботинки, скопившиеся в багажнике его патрульной и своей машины, никто его за это не ругал. В конце концов, столько прошло времени и кто мог знать, что эти ботинки будут настолько важны? Все же он помнил, что это была за обувь, и помнил, что стал ее замечать почти год назад, где-то около пятнадцатого мая.

Но никаких гарантий, что год назад ботинки бросало то же лицо, что выбросило сейчас отрезанные ноги. Все, что могла сделать следственная группа, — работать с тем немногим, что было на руках. Как и подозревал Ромеро, патологоанатом окончательно подтвердил, что

жертва была женского пола. Преступник — турист, который приезжает в Санте-Фе каждый год в мае? Если да, не совершало ли это лицо аналогичных преступлений в других местах? Справки из ФБР подтвердили, что многочисленные убийства с ампутациями совершаются каждый год по всем Соединенным Штатам, но ни одно из них по почерку не совпадает с данным. А как сообщения об исчезновениях? По штату Нью-Мексико проверили и отвергли все, но поиск ширился, и выяснилось: в Штатах каждый месяц исчезает столько тысяч людей, что следственной группе только сниться может нужное количество работников, чтобы их проверить.

Тем временем Ромеро был включен в группу наблюдения за дорогой Олд-Пекос. Каждую ночь он с прибором ночного видения наблюдал с крыши баптистской церкви. В конце концов убийца держался своей системы, он будет еще выбрасывать ботинки, и быть может, — «Не дай Бог», — подумал Ромеро, в них тоже будут отрезанные ноги. Если он заметит что-то подозрительное, он только и должен прочесть номера машины и по радию предупредить спрятанную у дороги полицейскую машину. Но ночь проходила за ночью, и сообщать было нечего.

Неделей позже был найден красный «сатурн» с Нью-Гемпширскими номерами, брошенный возле пересохшего ручья к юго-западу от Альбукерка. Машина была зарегистрирована на имя тридцатилетней женщины по имени Сьюзен Кроувелл, выехавшей со своим женихом в автомобильную поездку тремя неделями раньше. За последние восемь дней ни она, ни ее жених не контактировали с друзьями или родственниками.

* * *

На смену маю пришел июнь, потом июль. Завтрак с блинчиками по случаю Четвертого Июля на исторической площади прошел с обычным успехом. Через три недели на том же месте открылся испанский рынок, местные художники выставили свои картины, иконы и деревянные скульптуры. Наплыв туристов был меньше, сенсационные публикации об отрезанных ногах кое-кого отпугнули. Но через месяц имел место точно такой же, только больше по размеру, индейский рынок, и воспоминания явно уже стерлись, поскольку на площадь собрались обычные тридцать тысяч туристов — полюбоваться ювелирными и гончарными изделиями коренных американцев.

Ромеро во время этих событий был на дежурстве, следя, чтобы соблюдался должный порядок. Но какие бы ни давали ему задания, мысли его всегда возвращались к Олд-Пекос. Иногда по ночам он не мог туда не приезжать. Тогда он выезжал на Ист-Люпита, смотрел на свет фар проезжающих по Олд-Пекос машин и размышлял. Ничего он не ожидал теперь, когда уже приближалась осень, но это место помогало ему сосредоточиться собраться с мыслями, и каким-то странным образом создавало ощущение близости к сыну. Иногда церковь на той стороне улицы заставляла его обращаться к молитве.

Однажды мимо него проехал знакомый пикап, нагруженный замшелыми камнями. Ромеро помнил его по той ночи, когда погиб сын, и по многим субботним дням, когда из него выгружали корзины с овощами на рынке Фармерз-Маркет. Он никогда не переставал ассоциировать его с теми ботинками. Да, все это время он был уверен, что остановил не ту машину. Не было никакой причины бросаться в подозрения, что Люк Парсонс имеет хоть какое-то отношение к убийству Сьюзен Кроувелл и ее жениха. Он, конечно, все равно рассказал следственной группе о той ночи в прошлом году, и они проверили Люка Парсонса со всей возможной тщательностью. Он и трое братьев жили со своим отцом на ферме в долине Рио-Гранде к северу от Диллона. Были они трудягами, жили сами по себе и ни в какие неприятности не лезли.

У Ромеро не было причин останавливать проезжающую машину, но это не значило, что он не может за ней следовать. Он выехал на Олд-Пекос и поехал следом, не выпуская хвостовых огней машины из виду по дороге в город. Она свернула у капитолия штата и поехала по Пасео-де-Перальта до заправки на другом конце города.

Ромеро выбрал колонку рядом с пикапом, вышел из джипа и притворился удивленным, увидев своего соседа.

— Привет, Люк, я Гейб Ромеро. Как жизнь?

Тут он и в самом деле удивился, поняв свою ошибку. Это был не Люк.

— Джон? Я вас не узнал.

Высокий, худой, русоволосый молодой человек смерил его взглядом. Посмотрел на кобуру с пистолетом на поясе Ромеро. На рынке Фармерз-Маркет он всегда был без нее.

— Я не знал, что вы служите в полиции.

— А какая разница?

— Никакой, если не считать, что мои овощи в безопасности, когда вы рядом.

Суровые черты лица Джона уничтожили весь юмор его шутки.

— И ваши замшелые камни тоже. — Ромеро указал на кузов пикапа. — Продавали их на проселке возле федеральной дороги? Обычно это работа Люка.

— У него сейчас есть другая работа.

— Да, теперь, когда вы сказали, я вспоминаю, что не видел его последнее время на рынке.

— Извините, у меня был трудный день, и мне еще далеко ехать.

— Да, конечно. Не хотел вас задерживать.

* * *

Люк не появился на рынке Фармерз-Маркет ни в эту субботу, ни в следующую.

* * *

Конец октября. Ночью был убийственный мороз, а утром в горах лежал снег. Поскольку Фармерз-Маркет в этом году уже закрылся, и суббота у Ромеро оказалась свободной, почему бы не поехать покататься?

При ярком, холодном и ясном солнце Ромеро выехал на хайвей 285. Он перевалил гребень холма возле модернистского здания оперного театра Санта-Фе и спустился между утыканными сосной и можжевельником склонами в многоцветную пустыню, где овраги и столовые горы театральной декорацией уходили к снежным горам по обе стороны. «Неудивительно, — подумал он, — что Голливуд столько вестернов здесь снимал». Он проехал казино «Верблюжий камень» и казино «Город золота», проехал вечное строительство развязки, которая вела на запад к Лос-Аламосу.

Но он не свернул к городу атомной бомбы, а поехал дальше на север, минуя Эспаньолу, и снова переменялся ландшафт, холмы теснее сошлись к дороге — узкий хайвей пролегал между стенами долины Рио-Гранде. «СМОТРИТЕ ВНИМАТЕЛЬНО! ОБВАЛЫ», — гласил дорожный знак. «Вот именно, я и собираюсь смотреть внимательно», — подумал он. Слева, частично заслоненная облетевшими деревьями, текла легендарная Рио-Гранде, неспешно наслаждаясь осенью, обтекая повороты, журча над камнями. На той стороне реки стояла Эмбудо, бывшая станция дилижансов. В ее исторических зданиях находились теперь мини-пивоварня и ресторан.

Он миновал ее, направляясь все так же к северу, и долина стала сужаться. По обе стороны дороги появились фермы и виноградники, занявшие ущелья, где отложился плодородный ил эпохи оледенения. Ромеро остановился в Диллоне, проверил, что пистолет не виден из-под застегнутой на молнию ветровки, и спросил в местном магазине, не знает ли кто-нибудь, где находится ферма Парсонсов.

Через пятнадцать минут ему объяснили дорогу. Но он не прямо поехал на ферму, а выехал на площадку обозрения и подождал, пока рядом не остановился патрульный автомобиль. Утром еще по дороге он позвонил по сотовому и связался с казармами полиции штата дальше к северу, в Тахосе. Объяснив, кто он такой, он попросил диспетчера прислать

на встречу с ним патрульную машину.

— Я не предвижу никаких осложнений, — сказал Ромеро мрачному полицейскому, стоя с ним возле машин и глядя, как бежит на дне пропасти Рио-Гранде. — Но на всякий случай.

— Так что же вы от меня хотите?

— Просто припаркуйтесь на обочине хайвея. Удостоверьтесь, что я вернулся с той фермы.

— Это вас ваш отдел сюда послал?

— Расследование по личной инициативе. Интуиция.

У полицейского выразилось на лице откровенное сомнение.

— Сколько вы там пробудете?

— Учитывая, насколько они недружелюбны, недолго. Минут пятнадцать. Мне просто нужно ощущение этого места.

— Если я получу вызов на происшествие на дороге...

— Вы должны будете поехать. Но я был бы очень благодарен, если вы вернетесь и проверите, что я нормально уехал. По дороге в Санта-Фе я заеду в магазин в Диллоне и оставлю весть, что все в порядке.

Сомнение на лице полицейского не исчезло.

— Я давно работаю над этим делом, — сказал Ромеро. — Очень вас прошу, я действительно буду благодарен за помощь.

* * *

Грунтовая дорога начиналась сразу за знаком: ТАОС, 20 МИЛЬ. Она вела влево от хайвея и уходила вниз по склону к плодородному дну долины. К северу и западу долину обрамляли высокие склоны. Черную, плодородную почву окружали ухоженные изгороди. Да, Парсонсы точно трудяги, надо отдать им должное. Холода только еще наступят, а поля уже убраны и все готово к весне.

Дорога уходила на запад к амбару и сараям, аккуратным, свежестроенным. Простой бревенчатый дом, тоже белый, с остроконечной металлической крышей, сверкающей под осенним солнцем. За домом река почти тридцати футов шириной и пешеходный мост, ведущий к облетевшим осинам и кустам, уходящим круто вверх.

Подъехав ближе, Ромеро увидел в амбаре движение: кто-то слезал с лестницы, ставя на землю банку с краской. Еще кто-то появился в открытых дверях. Третий вышел из дому. Они ждали перед домом, пока Ромеро подъедет и остановится.

Впервые он увидел трех братьев вместе, и их похожесть, светловолосая, худощавая, голубоглазая, поражала еще больше. Все они были в одинаковых джинсовых комбинезонах поверх одинаковых синих шерстяных рубашек.

Но Ромеро уже знал их достаточно, чтобы отличить одного от другого. Стоящий слева брат, лет девятнадцати — наверное, и есть тот, кого он еще не видел.

— Я так понимаю, что вы Мэтью.

Ромеро вышел из машины и направился к ним, протягивая руку.

Никто не протянул руку ему навстречу.

— Я не вижу Люка, — сказал Ромеро.

— Он занят, — ответил Джон. Черты его лица окаменели.

— Зачем вы приехали? — спросил Марк.

— Я ехал в Тахос, а когда оказался поблизости, решил заехать и спросить, нет ли у вас овощей на продажу.

— Ваше присутствие нежелательно.

— Слушайте, что это за отношение? Я думал, что такого хорошего покупателя, как я, вы рады были бы видеть.

— Уезжайте.

— Неужели вы ничего не хотите продать?
— Мэтью, пойді в дом и принеси мне телефон. Я вызову полицию.
Юноша кивнул и повернулся к дому.
— Ну и ладно, — сказал Ромеро. — Я уезжаю.

* * *

Полицейский появился на хайвее, когда Ромеро отъезжал.
— Спасибо за поддержку.
— Ты меня лучше не благодари. Только что дали насчет тебя вызов. Не знаю, что ты там сделал, но ты их здорово достал. Диспетчер сказал, что, если ты появишься еще раз, они просят тебя арестовать за нарушение границы частного владения.

* * *

— ...прокурор города, — представил начальник полиции.
Рукопожатие более чем лишенное энтузиазма.
— А это мистер Дейли, поверенный мистера Парсонса, — сказал начальник полиции.
Еще более холодное рукопожатие.
— С мистером Парсонсом вы определенно знакомы.
Ромеро кивнул Джону.
— Я перейду прямо к делу, — начал Дейли. — Вы преследуете моего клиента, и он требует это прекратить.
— Преследую? Погодите-ка, я никого не...
— Задержание без причины транспортного средства, принадлежащего семье моего клиента. Запугивание моего клиента и его братьев в различных местах их работы. Физическое преследование моего клиента на дороге. Конфликты с ним в общественных местах. Вторжение в частное владение и отказ покинуть его, когда это было вам предложено. Вы лезете во все, что делает мой клиент, и он хочет, чтобы это прекратилось, иначе он подаст в суд на вас и на город. Присяжные не любят копов, работающих от себя и на себя.
— Работающих от себя и на себя? Послушайте, что вы имеете в виду?
— Я здесь не для того, чтобы это обсуждать. — Дейли встал, предложив жестом Джону сделать то же самое. — Мой клиент полностью в своем праве. У нас не полицейское государство. Вы лично, ваш департамент и город предупреждены. Еще один инцидент, и я собираю, пресс-конференцию, чтобы каждый потенциальный присяжный знал, почему мы подаем иск.
Бросив последний огненный взгляд, Дейли вышел из комнаты. Джон последовал за ним почти сразу, но не раньше, чем бросил на Ромеро презрительный взгляд, от которого у того лицо загорелось гневом.
В кабинете стаю тихо.
Прокурор города прокашлялся.
— Думаю, мне не нужно вам говорить, чтобы вы держались подальше.
— Но я же ничего не сделал плохого!
— Вы за ним ехали? Являлись к нему домой? Просили поддержки полиции в Тахосе, когда вторгались в чужие владения?
Ромеро отвел глаза.
— Вы находились вне своей юрисдикции и действовали полностью от своего имени.
— Эти братья как-то связаны с...
— Их проверили и нашли, что все чисто.
— Я не могу объяснить. Меня все время грызет такое чувство... — У меня тоже есть своеобразное чувство, — сказал прокурор. — Оно подсказывает мне, что если вы не прекратите превышать власть, вы окажетесь на улице, не говоря уже о том, что и в суде тоже,

где будете объяснять присяжным, почему преследуете братьев, которые будто сошли с плаката о пользе труда и семейных ценностей. Мэтью, Марк, Люк и Джон — Господи помилуй! Если бы это не выглядело как признание вины, я бы рекомендовал устранить вас немедленно.

* * *

Ромеро стал получать самые гнусные задания. Если снежная буря обрывала провода на перекрестке и движение надо было регулировать вручную, он был на эту работу первым в списке. Любая работа снаружи в плохую погоду предназначалась именно для него. Начальник полиции явно намекал ему, что неплохо бы уйти по собственному.

Но у Ромеро была секретная защита. Жар, который обжег лицо, когда Джон бросил на него уничтожающий взгляд, не прошел. Он остался, разлился, овладев его телом. Регулировать движение по колено в снегу в ледящий ветер при температуре около нуля?¹ Запросто. Гнев согревал его не хуже печи.

Джон Парсонс надменно решил, что победа за ним. Ромеро был намерен ему отплатить. Пятнадцатого мая. Примерно тогда появились впервые ботинки два года назад и отрезанные ноги в прошлом году. Начальник полиции намеревался понаблюдать за этим участком Олд-Пекос, но никто не верил, будто убийца будет настолько глуп, чтобы быть настолько предсказуемым. А Ромеро точно не собирался быть предсказуемым. Он не будет играть в игру Джона и рисковать своей работой, болтаясь возле Олд-Пекос, чтобы Джон проехал мимо и потом заявил, что его снова преследуют. Нет, Олд-Пекос его больше не интересует. Мая пятнадцатого дня он будет в другом месте.

Под Диллоном. В долине Рио-Гранде.

* * *

Планировал он это достаточно загодя. Прежде всего — объяснить свое отсутствие. Отпуск. Он его в прошлом году не брал. Сан-Франциско. Он там еще никогда не был. А город должен быть весной особенно красив. Начальник был доволен — наверное, думал, Ромеро хочет подыскать там работу.

Во-вторых, его объекты знают, на какой машине он ездит. И он поменял свой пятилетний зеленый джип на трехлетний синий «форд-эксплорер».

В-третьих, нужно снаряжение. Прибор ночного видения, в который он смотрел с крыши церкви на Олд-Пекос, так оживлял тьму, что он купил себе такой же в магазине, где продавали списанное военное снаряжение. Потом пошел в магазин видеокамер и купил мощный объектив-насадку с увеличением для своей тридцатипятимиллиметровой. Запасы еды и воды на несколько дней. Одежда. Что-то, в чем все это нести. Туристские ботинки достаточно прочные, чтобы выдержать весь этот вес.

Его отпуск начался тринадцатого мая. Когда он последний раз был в Диллоне, осень успокоила Рио-Гранде, но весеннее таяние снегов расширило ее и углубило, покрыв пеной гнева. Белую воду окаймляли зеленые деревья и кусты, а туристы на плотках пролетали по клубящимся каналам, подпрыгивая на скрытых под водой камнях. Проезжая мимо въезда на ферму Парсонсов, он боялся, что кто-нибудь из братьев может случайно выехать и заметить его, но потом напомнил себе, что этой его машины они не знают. Он глядел на жирную черную землю слева, на далекие белые строения, на сверкающую металлическую крышу дома. На дальнем конце фермы бурная вода вздулась так высоко, что почти поглотила пешеходный мост.

Он остановился, оставив между собой и фермой еще пару миль. Площадка для отдыха слева под тополями выглядела вполне подходяще. Там стояло еще несколько машин, все пустые. Плотовики-туристы, решил он. К концу дня кто-нибудь приедет забрать машины.

¹ Около 18 по Цельсию.

Среди приезжающих и уезжающих его машина может вполне остаться незамеченной. Чтобы никто не заинтересовался, чего это машина здесь стоит и не утонул ли владелец, он оставил на приборной доске записку: «Ушел побродить вдоль реки. Вернусь через пару дней».

Открыв дверь багажника, он надел тяжелый рюкзак, застегнул ремни, запер машину и пошел вниз по крутому склону, скрывшись в кустах. Несколько вечеров подряд он тренировался дома ходить с полным рюкзаком, но кирпичные дорожки мало подготовили его к неровной земле, где теперь нужно было с трудом пробираться — камни, дыры, бурелом, и каждый шаг, казалось, добавляет рюкзаку веса. И к тому же он тренировался прохладными вечерами, а теперь, в полдневную жару, когда была предсказана температура далеко за восемьдесят,¹ пот лил градом и одежда прилипала к телу.

Рюкзак весил шестьдесят фунтов. Без него он наверняка добрался бы до реки за десять минут. Сейчас этот путь занял двадцать. Не так уж плохо, решил Ромеро, слушая рев реки. Вынырнув из подлеска, он поразился, как высоко поднялась вода, как быстро течет река, как подавляет ее мощь. Течение было таким быстрым, что даже создавало ветерок, за который он был благодарен, когда поставил рюкзак и расправил затекшие плечи. Потом попил воды из фляжки. Холодная при выезде из дома вода стала противно теплой и приобрела металлический привкус.

Давай работай, напомнил он сам себе.

Добраться до машины без рюкзака много времени не заняло. Ромеро в спешке отпер машину, вытащил еще один мешок, запер машину снова и отнес второй мешок на берег на пять минут быстрее, чем первый. В мешке был резиновый плотик, и когда он был надут из баллона со сжатым воздухом, в нем хватило места для Ромеро и его рюкзака. Проверив, что последний надежно закреплен, Ромеро поглядел на бушующую воду, вдохнул, выдохнул и столкнул плот в реку.

Ледяная вода заплескалась вокруг. Если бы не ежедневная нагрузка на тренажерах, ему никогда бы не хватило силы грести так быстро и сильно, то с одной, то с другой стороны, не давая плоту вертеться. Но река несла быстрее, чем он думал. Он уже был в середине, но как он ни старался, другой берег не приближался. Непонятно, чего он больше боялся — перевернуться или что не успеет добраться до берега раньше, чем река вынесет его к ферме. Господи, если они меня увидят...

Он заставил руки работать на полную мощь. Прищуриваясь, глядя сквозь брызги, он увидел, что река поворачивает влево. У дальнего берега течение было послабее. Лихорадочно работая веслом, он почувствовал, что плот несется на берег. Десять футов. Пять. Он собрался. Когда плот ударил в берег, Ромеро перевалился через передний борт, рухнул на илистый берег, чуть не бухнулся в воду, устоял, и выволок плот на берег.

Рюкзак лежал в воде внутри плота. Ромеро быстро расстегнул державшие его ремни и вытащил на сушу. С дна рюкзака стекала вода. Ромеро только надеялся, что водонепроницаемые пакеты, в которые он упаковал еду, одежду и снаряжение, выполнили свое назначение. Видел его кто-нибудь? Он оглядел гребень склона сзади и берег впереди — кажется, никого. Он перевернул плот, вылил воду, затащил плот за кусты и спрятал. Потом положил в него несколько тяжелых камней, чтобы его не унесло ветром, вернулся к берегу и проверил, что плота не видно. Но медлить некогда. Он забросил рюкзак на плечи, преодолевая боль в мышцах, и отправился в путь.

* * *

Через три часа пути по тропе вдоль гребня, идущего параллельно реке, он закончил трудное, медленное, долгое восхождение. Поросль кустов была чахлой, камки скатывались под рифлеными подошвами ботинок. В пятнадцати ярдах от вершины он снял рюкзак и размял руки и плечи. С лица капал пот. Отпив из фляжки противной теплой воды, Ромеро припал к скалам и пополз вверх. Осторожно выглянул из-за края. Внизу виднелся белый

¹ Около 27 по Цельсию.

амбар и сарай. Металлическая крыша дома блестела на солнце. Участки земли были покрыты всходами, из которых Ромеро с этого расстояния узнал только латук. Никого не было видно. Он нашел расселину, лег в нее и втащил за собой рюкзак. Два скальных выступа маскировали его голову, когда он выглядывал между ними. Река, поле, ферма, амбар, еще поля. Прекрасный наблюдательный пункт.

И все еще никого не видно. Наверное, кто-то из них в Санта-Фе. Пока ничего не происходит, самое время заняться обустройством. Он достал прибор ночного видения, камеру и объектив с увеличением. Водонепроницаемые пакеты сработали — снаряжение было сухим. Как и еда и спальный мешок. Промокли только запасные джинсы и рубашка, которые он как раз взял на случай, если понадобится переодеться в сухое. Их он разложил на солнце, еще раз глянул на ферму — все спокойно — и набросился на еду. Сыр, пшеничные крекеры, морковные ломтики и на десерт, от которого слюнки потекли, — сушеные абрикосы.

* * *

Пять часов. Один из братьев прошел из дома к амбару. Трудно сказать кто, но Ромеро решил, что через объектив камеры разглядел Марка.

* * *

Шесть тридцать. Подъехал кажущийся отсюда крошечным пикап. Он стал больше, когда Ромеро подкрутил увеличение, и он узнал вышедшего из машины Джона. Из амбара вышел Марк. Из дома вышел Мэтью. Джон выглядел чем-то недовольным. Марк что-то сказал, Мэтью молчал. Все вошли в дом.

Сердце Ромеро забилося сильнее от приятного сознания, что он наблюдает за своей дичью, а они его не видят. Но радость поутихла, когда сгустились сумерки, в доме зажегся свет и больше ничего не происходило. После заката резко похолодало. Из рта пошел пар, Ромеро надел куртку и перчатки.

«Может, я просто зря время теряю», — подумал он.

А вот и черта с два. Еще не пятнадцатое.

Температура продолжала падать. Ноги в джинсах замерзли, и он скользнул в приятное тепло спального мешка, пожевал еще сыра с крекерами и переключился с камеры на прибор ночного видения. Прибор осветил тьму, все стало зеленым. Огни в окнах лучились. Один из братьев вышел из дому, но разрешение прибора было слишком грубым, и Ромеро не мог определить, кто это. Этот человек вошел в амбар и вернулся в дом через десять минут.

Один за другим погасли огни. Дом стал темным.

«Кажется, на время спектакль окончен», — подумал Ромеро. Ему представилась возможность вылезти из мешка, спуститься по склону и облегчиться за кустом. Когда он вернулся, дом был так же тих и неподвижен, как и когда он уходил.

Он снова напомнил себе, что сегодняшний день не важен. Завтрашний, быть может, тоже. Но после него — пятнадцатое.

Проверив, что до пистолета и сотового телефона можно дотянуться рукой (все домашние удобства с собой), он поглубже влез в спальник и снова навел прибор ночного видения на ферму. Ничего.

Скоро от холода глаза стали тяжелеть.

* * *

Хлопнула дверь.

Рывком подняв голову, Ромеро заморгал на яркий утренний свет. Выскользнув из мешка, он поглядел вниз через объектив камеры. Из дома вышли Джон, Марк и Мэтью. Они

прошагали к ближайшему полю, где рос латук. Зеленые ростки блестели отражением солнца на растаявшем инее. У Джона был тот же недовольный вид, что и накануне, и он что-то раздраженно говорил братьям. Марк что-то ответил. Мэтью промолчал.

Ромеро нахмурился. Слишком уже много раз не возникает Люк. Что с ним случилось? Настроив объектив, он смотрел, как все трое уходят в амбар. Ему не давал покоя еще один вопрос. Полицейский рапорт сообщал, что братья работают на своего отца, и эта земля принадлежит ему. Но прошлой осенью, когда Ромеро приезжал на ферму, его там не было.

И вчера не было.

И сегодня утром.

Так где же его черти носят? Этот самый отец как-то замешан в истории с ботинками и...

А что, если отец и Люк не на ферме, потому что они где-то в другом месте и сейчас как раз...

Чем больше было вопросов, тем больше запутывались мысли.

Он напрягся, увидев отражение какого-то блеска на растаявшем инее возле двери амбара. Нахмурился сильнее, когда зайчик забежал, как живой. «О Господи!» — стукнуло ему в голову, когда он понял, что это, и быстро убрал камеру с гребня. Он был на западном склоне, а солнце на востоке, и оно отражалось от объектива. Если зайчик показался, когда братья были снаружи...

Холодный воздух показался еще холоднее. Оставив камеру с насадкой под гребнем, он осторожно поднял голову и оглядел амбар. Через пять минут трое братьев вышли оттуда и принялись за работу. Наблюдая за ними, Ромеро открыл пластиковый пакет с шоколадом, пшеничными крекерами, изюмом и орехами, которые смешал дома, и стал жевать смесь, запивая водой. После ночного холода вода снова стала прохладной, но фляжка была почти пуста. У него было с собой еще две, и какое-то время он на них продержится. Но в конце концов придется спуститься к реке и наполнить фляжки через фильтр, а бактерий убьют йодные таблетки.

После полудня все братья были на одном поле, Мэтью пахал на тракторе, а Джон с Марком собирали камни, которые зима выдавила на поверхность, и относили их к пикапу.

«Я зря время теряю, — подумал Ромеро. — Они просто фермеры, и Бог с ними».

А зачем тогда Джон добивался, чтобы меня уволили?

Он стиснул зубы. Теперь, когда солнце за спиной, можно снова использовать насадку. Он осмотрел ферму, пристально вглядываясь в братьев. Вечер был повторением предыдущего. К десяти дом погрузился в темноту.

«Еще один день, — подумал Ромеро. — Завтра пятнадцатое. Ради этого дня я и приехал».

* * *

Удар привел его в сознание. Окатила волна боли, от которой завертелись мысли. От звука третьего удара глаза заволокло красным. Оглушенный, Ромеро попытался одолеть шок внезапного нападения и вывернуться из спального мешка. Удар по плечам отбросил его в сторону. Его окружили три силуэта на фоне звездного неба, тяжелое дыхание клубами пара вырывалось изо ртов, когда они снова заносили палки для удара. Он схватился за пистолет, попытался высунуть его из мешка, но тяжелый удар выбил оружие из онемевшей сразу же руки за миг до того, как от удара дубиной по лбу зазвенело в ушах и глаза закатились под лоб.

* * *

Он медленно приходил в себя. В голове пульсировала боль. На лице кровь. Запах крови. Медный. Раздражающий ноздри запах прелой соломы под щекой. Свет солнца сквозь щели в амбаре. Амбар. Он вертится. В животе ком.

Кислый запах рвоты.
— Мэтью, зови Джона, — сказал Марк.
Торопливые бегущие шаги из амбара.
Ромеро потерял сознание.

* * *

Следующий раз он очнулся, прислоненный в углу спиной к стене, с поднятыми коленями, голова болтается, на грудь капает кровь.

— Мы нашли вашу машину, — сказал Джон. — Вижу, вы меняете модели.

Отдающийся эхом голос слышался издалека, но когда Ромеро поднял мутные глаза, Джон был прямо перед ним.

Он читал записку, оставленную Ромеро на приборной доске.

— Ушел побродить вдоль реки. Вернусь через пару дней.

Ромеро заметил, что его пистолет торчит у Джона за поясом.

— Что будем делать? — спросил Марк. — Полиция придет его искать.

— Ну и что? — ответил Джон. — Мы были в своем праве. Поймали человека с пистолетом, который ночью нарушил границу наших владений. Мы защищались и скрутили его. — Джон смял записку. — Но полиция за ним не придет. Там не знают, где он.

— Нельзя знать наверное, — возразил Марк.

Мэтью стоял молча возле закрытой двери амбара.

— Еще как можно, — ответил Джон. — Если бы это была полицейская операция, не нужна была бы эта записка. Он бы не беспокоился, что кто-то найдет его брошенную машину. На самом деле и машина-то ему была бы не нужна. Полиция его довезла бы до точки выброса. Он действует на свой страх и риск.

Мэтью нервно шевелил пальцами и только смотрел.

— Я прав, офицер Ромеро? — спросил Джон.

Пытаясь собрать вертящиеся мысли, Ромеро сумел заставить голос работать.

— Как вы узнали, что я там наверху? — спросил он.

Никто не ответил.

— Зайчик от объектива камеры, да?

Голос Ромеро звучал, будто горло забило галькой.

— Пылал, как святой дух на Пятидесятницу, — ответил Джон.

У Ромеро распух язык так, что он еле смог произнести:

— Воды хоть дайте.

— Мне это не нравится, — сказал Марк. — Отпусти его.

Джон повернулся к Мэтью:

— Ты слышал? Принеси ему воды.

Мэтью замялся в нерешительности, потом открыл дверь и побежал к дому.

Джон снова повернулся к Ромеро.

— Почему вы не хотите прекратить? Откуда такая настойчивость?

— Где Люк?

— Вот видите, это я и имею в виду. Вы чертовски настойчивы.

— Нам нет нужды это продолжать, — предупредил Марк. — Посади его в машину. Пусть едет. Пока ничего непоправимого не случилось.

— А ты думаешь, не случилось?

— Ты только что сказал, что мы были вправе напасть на чужака с пистолетом. Когда мы поняли, кто это, было слишком поздно. Судья отменит обвинение в нападении.

— Он вернется.

— Не обязательно.

— Я тебе гарантирую. Вернетесь ведь, офицер Ромеро? Да, вернетесь.

Ромеро вытер кровь с лица и не ответил.

— Конечно, вернетесь, — заключил Джон. — Такова ваша натура. И когда-нибудь вы увидите то, что вам видеть не следует. Если еще не увидели.

— Ничего больше не говори, — предупредил Марк.

— Хотите знать, что все это значит? — спросил Джон у Ромеро.

Ромеро снова стер кровь с лица.

— Думаю, вам надо дать то, что вы хотите, — сказал Джон.

— Нет! — возразил Марк. — Это надо немедленно прекратить. Я не уверен, что он сам по себе. Если здесь участвует полиция... Слишком это рискованно. Прекрати.

К амбару приближались торопливые шаги. Только Ромеро посмотрел на вошедшего Мэтью с кувшином воды.

— Дай ему, — сказал Джон.

Мэтью осторожно приблизился, будто человек, опасющийся дикого зверя. Поставив кувшин у ног Ромеро, он отпрыгнул назад.

— Спасибо, — сказал Ромеро.

Мэтью не ответил.

— Почему ты всегда молчишь? — спросил Ромеро.

Мэтью ничего не сказал.

У Ромеро побежали мурашки по коже.

— Ты не можешь говорить!

Мэтью отвернулся.

— Конечно же! Когда я был тут осенью, Джон тебе велел принести телефон, чтобы позвонить в полицию. Тогда я не подумал. — Ромеро подождал, пока вертящиеся мысли чуть успокоятся. — Я решил, что он посылает самого слабого, чтобы если я затею свалку, он с Марком справились бы. — В легких у Ромеро стало пусто. Он сделал несколько глубоких вдохов. — Но все время, что я наблюдал за домом, ты не сказал ни слова.

Мэтью все смотрел в сторону.

— Ты немой. Вот почему Джон послал тебя за телефоном. Потому что ты сам не мог вызвать полицию.

— Перестаньте дразнить моего брата и пейте воду.

— Я его не дразню. Я просто...

— Пейте!

Ромеро потянулся за кувшином, поднял его к губам и стал глотать, не обращая внимания на кислый вкус засохшей рвоты, желая только очистить рот и вымыть гальку из горла.

Джон достал из кармана ветровки чистый носовой платок и бросил его Ромеро.

— Смочите его водой и протрите лицо. Сотрите кровь. Мы не звери. Нет необходимости унижать ваше достоинство.

Не ожидая такой любезности, Ромеро сделал, как ему было сказано. Чем больше как с человеком они с ним будут обращаться, тем больше шансов выбраться отсюда. Он отчаянно пытался найти способ как-то отовратиться.

— Вы ошибаетесь насчет неучастия в этом деле полиции.

— Да?

— Конечно, это не официально. Но поддержка у меня есть. Я сказал своему сержанту, что собираюсь сделать. Договор таков, что, если я не буду звонить ему по сотовому каждые шесть часов, он будет знать, что что-то случилось. И тогда он с парой друзей из полиции придет сюда меня искать.

— Ну-ну. Это факт?

— Да.

— Тогда почему вам ему не позвонить и не сказать, что у вас все в порядке?

— Потому что у меня не все в порядке. Я понятия не имею, что тут происходит, и мне вдруг стало ясно, можете мне поверить, что меньше всего мне хочется это знать. Я просто хочу отсюда убраться.

В амбаре вдруг стало очень тихо.

— Я сделал ошибку. — Ромеро с трудом встал на ноги. — Второй раз я ее не сделаю. Я уйду. Вы меня видите последний раз.

С трудом сохраняя равновесие, он сделал шаг из угла. Джон внимательно на него смотрел.

— Что касается меня, я сюда больше ни ногой. — Ромеро сделал шаг к двери.

— Я вам не верю.

Ромеро шагнул мимо него.

— Вы лжете и о телефоне, и о своем сержанте, — сказал Джон.

Ромеро шел дальше.

— Если я ему в ближайшее время не позвоню...

Джон загородил ему дорогу.

— ...он приедет меня искать.

— И здесь он вас найдет.

— Удерживаемого против моей воли.

— И нас обвинят в похищении? — Джон расставил руки. — Отлично. Мы расскажем присяжным, что лишь пытались вас напугать, чтобы вы больше за нами не шпионили. Я согласен рискнуть, — суд нас оправдает.

— О чем это ты говоришь? — спросил Марк.

— Посмотрим, придут ли в самом деле друзья ему на выручку.

«Вот, блин!» — подумал Ромеро. И сделал еще один шаг к двери.

Джон вынул из-за пояса пистолет Ромеро.

— Нет! — сказал Марк.

— Мэтью, помоги Марку открыть люк.

— Это надо прекратить! — крикнул Марк. — Тебе мало того, что случилось с Мэтью и Люком?

Как вдруг срабатывает туго закрученная пружина, так Джон развернулся и ударил Марка с такой силой, что сбил с ног.

— С каких пор ты командуешь в этой семье?

Вытирая кровь с губ, Марк злобно посмотрел на него снизу вверх.

— Я не командую. Командуешь ты.

— Это правда. Я старший. Таков закон. Если бы тебе было предназначено командовать этой семьей, ты бы родился первым.

Марк только смотрел.

— Ты хочешь пойти против закона? — спросил Джон.

Марк опустил глаза.

— Нет.

— Тогда помоги Мэтью открыть люк.

У Ромеро мелко задрожали мышцы живота. Пока Джон держал его под прицелом, он смотрел, как Марк и Мэтью прошли в дальний левый угол, где только вдвоем смогли отодвинуть с дороги бочку с зерном. Они подняли люк, и Ромеро мельком успел подумать, что, толкая снизу, нет ни одного шанса открыть люк, на котором стоит бочка.

— Спускайтесь, — велел Джон.

У Ромеро еще сильнее закружилась голова. Пытаясь справиться с этим ощущением, он понимал, что должен что-то сделать, пока не ослабел еще сильнее.

Если бы Джон хотел меня убить, он бы сделал это сейчас.

Он бросился к наружной двери.

— Марк!

Что-то ударило Ромеро по ногам, зацепило, сбilo с ног лицом на пол.

Марк бросил дубинку.

Трое братьев подняли его, бессильного, как никогда в жизни, и он обвис у них в руках, не в состоянии вырываться, а они проволокли его по пыльному полу и сунули в люк. Не

успел бы он схватиться за лестницу, упал бы вниз.

— Вам было бы неприятно остаться без воды. — Джон протянул ему вниз кувшин.

Снизу тянуло холодком. Охваченный ужасом Ромеро увидел, как опускается над ним люк, и услышал скрежет задвигаемой на место бочки.

«Помоги мне Бог», — подумал он.

* * *

Но он не остался в полной темноте. Вглядевшись вниз, он увидел слабый свет и осторожно спустился по лестнице, неуклюже, из-за кувшина в руках. Внизу оказался короткий туннель, и Ромеро прошел по нему. Влажный запах земли щекотал ноздри. Свет стал ярче, когда Ромеро приблизился к его источнику в небольшой оббитой фанерой комнате, где стояли деревянные стол и стул. Пол тоже был выстелен фанерой. Свет исходил от голой лампочки, закрепленной прямо на массивной потолочной балке. Войдя внутрь, Ромеро увидел слева лежанку, на ней лежали чистая подушка и одеяло. Справа в глубокой дыре стоял ящик, накрытый туалетным сиденьем. Ромеро решил, что сходит с ума.

Из отдушины в дальней стене шел ветерок, теперь ставший слабее, когда люк подвала закрылся. Ромеро подумал, что вентиляционный ход должен быть длинным и с заглушкой у входа, так что, если он будет звать на помощь, никто не услышит, даже находясь близко к владениям братьев. Из отдушины шло достаточно воздуха, чтобы Ромеро мог не бояться удушья. Много чего можно было бояться, но хотя бы не этого.

Фанера на полу и на стенах потеряла цвет от старости. А вот подушку и одеяло принесли сюда недавно — когда Ромеро поднес их к носу, он почувствовал запах свежeweыстиранного белья, уже заглушаемый запахом глины.

Братья не могли знать, что я здесь окажусь. Они ожидали кого-то другого.

Кого?

Он почувствовал еще какой-то запах. Попытался убедить себя, что это лишь его воображение, но избавиться от ощущения, что стены источают сладковатую вонь страха от многих, здесь побывавших, он не мог.

У него самого от страха так пересохло во рту, что пришлось сделать несколько больших глотков воды. Поставив кувшин на стол, он всмотрелся в находящуюся напротив дверь. Обыкновенная старая деревянная дверь, вертикальные планки, перехваченные горизонтальными досками сверху, снизу и в середине, но эта дверь внушала предчувствие. Он знал, что должен ее открыть, что должен узнать, нет ли там выхода на свободу, но было страшное предчувствие, что на той стороне его ждет какой-то несказанный ужас. Он велел ногам двигаться. Они не подчинились. Он велел правой руке взяться за ручку. Она тоже отказалась.

Вращение в мыслях усилилось от коротких быстрых вдохов Ромеро понял, что вогнал себя в гипервентиляцию и с усилием заставил себя дышать нормально. Несмотря на прохладу подвала, с лица капал пот. А во рту пересохло, как никогда.

Он глотнул еще воды.

Открой дверь!

Тело неохотно повиновалось, дрожащие ноги перенесли его через камеру, трясущаяся рука поднялась к ручке двери. Он потянул ее на себя.

Ничего не произошло, и он было подумал, что дверь заперта, но когда он потянул сильнее, дверь скрипнула и медленно отворилась, и глинистый запах ударил в ноздри раньше, чем глаза привыкли к темноте.

На страшный миг ему показалось, что перед ним трупы. Он чуть не отшатнулся, беззвучно вскрикнув, пока остатки здравого смысла не велели ему всмотреться сильнее, потому что он видит только набитые джутовые мешки.

И корзины.

И полки, набитые...

Овощами.

Картофель, свекла, брюква, лук.

Боже мой, так это же просто овощехранилище под амбаром. Морщась от запаха плесени, Ромеро стал искать другую дверь. Он простучал стены, надеясь услышать звук пустоты, говорящий о другой комнате за стеной, может быть, даже выходе наружу.

Ничего обнадеживающего он не нашел.

— Офицер Ромеро? — позвал голос со стороны люка.

Ромеро вышел из овощехранилища и закрыл дверь.

— Офицер Ромеро? — Голос был похож на голос Джона.

Ромеро вышел из камеры и остановился в середине коридора. Из открытого люка падал бледный свет.

— Что?

— Я принес вам еду.

На полу возле лестницы стояла корзина. Очевидно, Джон спустил ее на веревке и вытащил веревку раньше, чем позвал Ромеро.

— Я не голоден.

— На вашем месте я бы поел. В конце концов, вы же не знаете, когда я принесу вам еду в следующий раз.

Пустой желудок Ромеро свело судорогой.

— Кроме того, я положил вам в корзину книгу, чтобы не было скучно. Д. Г. Лоуренс. Вполне уместное чтение, поскольку он жил на ранчо чуть севернее Тахоса. И даже там похоронен.

— Плевать мне на него! Что вы собираетесь со мной делать?

Ромеро сам испугался, услышав, как дрожит его голос.

Джон не ответил.

— Если вы меня сейчас отпустите, я забуду обо всем, что здесь было. Пока еще не сделано ничего такого, чего нельзя поправить.

Люк закрылся, луч бледного света исчез.

Заскрежетало дно задвигаемой на место бочки.

Ромеро хотелось завопить.

Он взял корзину и просмотрел ее содержимое. Хлеб, сыр, нарезанная морковь, два яблока... и книга. Потрепанный том в твердой обложке, которую давно уже содрали. Название на титуле: Д. Г. Лоуренс, «Избранные рассказы». Закладка на рассказе под названием «Та, которая уехала». Страницы этого куска книги так часто переворачивали, что верхние уголки почти стерлись.

Там, куда пришлись удары по голове, было такое чувство, что туда вогнали по лому. Ромеро, часто дыша, с усилившимся головокружением, вернулся в камеру. Корзину он поставил на стол, потом сел на лежанку в такой слабости, что ему очень хотелось лечь, но он сказал себе, что должен прочитать рассказ. Что можно точно сказать про Джона — это человек серьезный. Рассказ должен быть важен.

Ромеро открыл книгу. Зрение на миг мучительно раздвоилось. Он заставил себя сфокусировать глаза, и проблема исчезла так же быстро, как появилась, зрение прояснилось. Не он знал, что это. Сотрясение.

Нужно в больницу...

Сосредоточься, мать твою!

«Та, которая уехала».

Действие происходило в Мехико. Рассказывалось о женщине, жене богатого промышленника, владельца прибыльных серебряных рудников в Сьерра-Мадре. У нее были чудесные сын и дочка. Муж ее обожал. У нее было все, о чем только можно мечтать. И все равно она задыхалась, она чувствовала себя собственностью своего мужа, будто муж и дети владели ею, как вещью. И каждый день она все больше и больше времени сидела одна и смотрела на горы. Что там? Наверное, что-то чудесное. Тайные деревни, быть может. И

однажды она поехала покататься верхом и не вернулась.

Ромеро бросил читать. Его изнурил травматический шок. Трудно не дать опуститься гудящей голове. И снова свело пустой желудок. «Надо поддержать силы», — подумал Ромеро. Заставив себя встать, он подошел к корзине с едой, пожевал моркови и откусил кусок свежего хлеба с хрустящей коркой. Запил водой и вернулся к лежанке.

От перерыва легче не стало. Столь же изнуренный, как раньше, он снова открыл книгу.

Женщина уехала в горы. Она взяла с собой еды на несколько дней и ехала все вверх и вверх, предоставив лошади выбирать дорогу. Выше и выше. Мимо сосен, осин и тополей, и наконец, когда стала реже растительность и голова кружилась от высоты, ее встретили на тропе индейцы и спросили, куда она едет. В тайные деревни, ответила им она. Увидеть их дома и узнать их богов. Индейцы проводили ее в пышную долину, где были деревья, река и группа низких домишек, светлых на солнце. Жители деревни приняли ее радушно и обещали научить.

Зрение Ромеро снова раздвоилось. Это напугало его, и он попытался свести изображения. Очевидно, сотрясение прогрессирует. От страха он стал еще слабее. Ему хотелось лечь, но он знал, что, если заснет, может уже и не проснуться. Звать на помощь — мелькнула паническая мысль.

Кого? Здесь никто не услышит. Даже эти братцы.

Заставив себя встать, он подошел к столу, откусил еще кусок хлеба, заел яблоком и сел дочитывать рассказ. Он был уверен, что этим рассказом ему что-то хотят сообщить, но пока он еще не понял что.

У женщины было такое чувство, что все это во сне. Жители деревни хорошо с ней обращались, приносили ей цветы и одежду, еду и напиток, сделанный из меда. Она проводила дни в приятной апатии. Никогда она еще не спала так долго и глубоко. Каждый вечер звучала гипнотическая песнь барабанов. Менялись времена года. Осень сменилась зимой. Выпал снег. Солнце гневается, сказали жители деревни в самый короткий День года. Надо отдать солнцу луну. Они отнесли женщину в алтарь, сняли с нее одежду и всадили ей в грудь нож.

От последней шокирующей страницы у Ромеро голова дернулась вверх. Смерть женщины тем сильнее потрясала, что женщина знала о ее приближении и сдалась ей, не пыталась сопротивляться, почти радовалась ей. Как будто была не в себе, в трансе.

Ромеро вздрогнул. Веки снова отяжелели, и он подумал о медовых напитках, которые жители деревни ей приносили.

Наверняка они были с зельем.

«О черт!» — подумал он. Вся сила воли понадобилась ему, чтобы поднять тяжелую голову и взглянуть в корзину и кувшин на столе.

К пище и воде было подмешано сонное зелье.

Струйка страха прошла через сознание — единственное чувство, которое он еще мог ощутить. Голова онемела так, что перестала болеть. Руки и ноги существовали где-то отдельно. Сейчас отрублюсь, отстраненно мелькнула мысль.

Он начал укладываться.

Нет.

Нельзя.

Нет.

Подними задницу с этой лежанки! Заснешь — умрешь!

В голове крутилось колесо, но он поднялся, шатаясь, на ноги. Качнулся к столу. Навалился на него. Чуть не перевернул. Выпрямился. Бросился к туалетному сиденью. Согнулся. Сунул палец в горло. Выблевал поглощенную пищу и воду.

Вывалился в коридор, шатнулся к лестнице, схватился, повернулся, зашатался, прошел обратно, до двери в овощной погреб, коснулся, повернулся, и захромал к лестнице.

И снова.

Продолжай ходить. Ты должен ходить.

И снова.

Ты должен стоять на ногах.

Колени подгибались. Он заставил их выпрямиться.

Перед глазами серело. Он на подгибающихся ногах шел вперед, нащупывая дорогу руками.

Никогда в жизни не было ничего труднее. Он и не знал, что у него хватит силы воли и решимости на такое. «Я не сдался! — повторял он про себя. Это стало мантрой. — Я не сдался!»

Время несло полосами, забытие висело постоянной пеленой. Где-то посреди этого испытания зрение прояснилось, ноги стали держать. Он разрешил себе надеяться, когда вернулась головная боль — это выветривалось зелье. Он уже не качался — ходил.

И продолжал ходить, настраивая себя. Я должен быть готов, повторял он. Ум прояснялся, но недоумение оставалось. Зачем Джону нужно было, чтобы он прочел рассказ? Как предупреждение не есть и не пить?

Или, быть может, это было объяснение того, что происходит. Предлагаемый выбор. Избавь себя от муки страха. Вкуси от щедрот земных и сдайся, как та женщина.

Черта с два!

Ромеро вылил воду в туалетное сиденье. Она смыла туда рвоту, и теперь будет не так сразу ясно, как он поступил. Потом он оставил кусочек хлеба и несколько ломтей моркови. Пообкусал яблоки и сплюнул куски, оставив огрызки. Все остальное от отнес в овощной погреб и спрятал в самом темном углу за корзинами с картошкой.

Посмотрел на часы. Когда его сюда спустили, было одиннадцать часов утра. Сейчас почти полночь. Услышав тихий скрип отодвигаемой бочки, он лег на лежанку, закрыл глаза, свесил руку на пол и попытался смирить частое дыхание, чтобы казалось, что он в отключке.

* * *

— Осторожно. Он может и притворяться.

— Еда почти вся съедена.

— Не загораживай мне линию огня.

Его схватили руками, подняли. Он обвис мертвым грузом, позволяя выволочь себя в коридор. Что-то бормотал, будто возражая против того, что его будят. Его обвязали веревкой, один из братьев поднялся по лестнице и стал тянуть, а другие его подняли. В амбаре они сняли веревку, и он снова пошевелил головой и что-то забормотал.

— Посмотрим, сможет ли он стоять, — сказал Джон.

Ромеро позволил себе заморгать глазами.

— Он приходит в себя, — заметил Марк.

— Тогда он сможет нам помочь.

Его вынесли на открытое место. Он мотал головой, будто проснувшись от ночного холода. Его сунули в кузов пикапа. Двое братьев сидели с ним, третий вел машину. Ночь была такой холодной, что он позволил себе задрожать.

— Да, точно приходит в себя, — сказал Джон.

Машина остановилась. Его подняли и вынесли в поле. Позволив себе чуть разлепить веки, Ромеро поразился, как ярка луна. Поле было то самое, где накануне братья пахали и убирали камни.

Его поставили на ноги.

Он притворился, что шатается.

Сердце стучало. Он знал, что в ближайшее время придется что-то сделать. До сих пор он был перед ними тремя беспомощным. В амбаре было слишком тесно, чтобы затевать схватку. Нужно открытое место, где можно будет бежать. Кажется, это будет именно это поле. Потому что теперь не оставалось сомнений, что его намереваются убить.

— Поставь его на колени, — сказал Джон.

— Еще не поздно все прекратить, — ответил Марк.

— Ты утратил веру?

— Я...

— Отвечай! Ты утратил веру?

— ...Нет.

— Тогда поставь его на колени.

Ромеро дал опустить себя на землю. Сердце колотилось так, что он испугался, как бы оно не выскочило из ребер. В колени больно впились острые камни. Он не мог себе позволить реагировать.

Его толкнули вперед, на четвереньки. Как животное. Шея была открыта.

— Докажи веру свою, Марк.

Тихий скрежет — нож вынули из ножен.

Он блеснул при луне.

— Возьми, — сказал Джон.

— Но...

— Докажи веру свою.

Долгая напряженная пауза.

— Правильно, — сказал Джон. — Господь наш, прими эту жертву за славу земли твоей и щедрость ее. Да напоит кровь...

Ощувив еще один острый камень, теперь под ладонью, Ромеро схватил его, извернулся и ударил ближайший силуэт из всех сил по голове. Раздался ужасный хруст, силуэт застонал и осел, а Ромеро, вскочив на ноги, выдернул нож из рук Марка и вогнал ему в живот. И тут же бросился на оставшегося брата, в котором узнал Джона, потому что у него был в руке пистолет. Но Ромеро не успел ударить, как Джон шагнул назад и прицелился, и Ромеро оставалось только метнуть в него нож. Он попал, но ранил Джона или нет — Ромеро не разглядел. По крайней мере он заставил Джона отшатнуться и сделать еще шаг назад, сбив прицел, и выстрел пропахал землю, а Ромеро уже бежал мимо пикапа, на дорогу, к дому.

Джон выстрелил снова. Пуля ударила в пикап.

Ускоряясь, подгоняемый страхом, Ромеро увидел впереди огни дома и ушел влево, чтобы не быть силуэтом мишени на светлом фоне. Третий выстрел. Пуля свистнула мимо, разбив в доме окно. Он напряг ноги до максимума, в груди жгло огнем. Дом становился все больше, и тут сзади послышался рев мотора пикапа. Надо уйти с дороги. Он взял еще левее, перелез через ограду и побежал через поле спаржи, сбивая нежные ростки.

Мелькнул свет фар, пикап остановился. Четвертый выстрел разорвал тишину долины. Джон не без оснований считал, что в этой пустынной местности соседи вряд ли услышат. Или забеспокоятся. Кто-то стреляет по койотам.

Пятый выстрел ужалил Ромеро в левое плечо. Быстро и хрипло дыша, он побежал зигзагом. И в то же время наклонился вперед и прибавил скорости насколько мог, только не разгибаясь. Добежал до следующей изгороди, протиснулся между брусьями и опять в поле, круша очередные всходы — на этот раз редиска, отметил он краем сознания.

Рев пикапа приближался по дороге.

Ему ответил другой рев, несущаяся мощь Рио-Гранде, к которой Ромеро бежал. Огни дома остались справа. Он миновал их, бросаясь в темноту за фермой. Река гремела все громче.

Почти на месте. Если бы только...

Пылая фарами, пикап бросился наперерез.

Еще изгородь. Ромеро бросился между брусьями с такой силой, что ударился раненым плечом, но не обратил внимания — луна освещала ему путь к пешеходному мосту. Он рванулся вперед, слыша сзади шум мотора. Вздыхающая река отразила свет фар, свирепость белых гребней манила. С победным криком Ромеро достиг моста. Шаги его загрохотали по настилу. Ноги скользили на промокших от брызг досках, мост качался, его захлестывало водой. Ромеро оступился, качнулся, чуть не свалился в реку, но восстановил

равновесие. Мимо просвистел выстрел, угодив туда, где он только что пробежал. Ромеро уже был за мостом и нырнул в кусты, пробираясь к темноте справа. Джон дал еще два выстрела туда, где скрылся в кустах Ромеро, а тот припал к земле, отчаянно стараясь не шуметь и пытаться перевести дыхание.

В горле жгло. Грудь ныла. Он коснулся левого плеча и ощутил смесь холодной жидкости с теплой: вода и кровь. Его трясло. Неостановимо. Фары грузовика осветили Джона, идущего по мосту. Пистолет в правой руке. И в левой что-то. Это что-то вдруг вспыхнуло: сильный фонарь. Он обшаривал кусты. Ромеро еще сильнее прижался к земле.

Джон пошел по мосту.

— Я посчитал точно так же, как и вы! — крикнул он, перекрывая рев реки. — Восемь выстрелов! Выходя из машины, я проверил обойму! Семь патронов, и еще один в стволе!

В любой момент фонарь мог осветить укрытие Ромеро. Он схватил камень, благодаря Бога, что ранен в левое плечо, а не в правое, и метнул. Камень отскочил от моста. Ромеро уже бросился вверх по течению, когда Джон выстрелил туда, где он был.

На этот раз Ромеро не стал останавливаться. Камни против пистолета — это не дело. Может, и повезет, но он в этом сомневался. Джон знал, в каком направлении находится Ромеро, и только он рискнет высунуться, чтобы бросить камень, Джон получит хороший шанс ослепить его фонарем и пристрелить.

Продолжай идти вверх, сказал он себе. Заставь Джона тебя преследовать.

Он бросил еще камень, не целясь, но Джон не стал стрелять вслепую. Отлично, подумал про себя Ромеро, продираясь сквозь темные кусты. Пока Джон следует за ним, все отлично.

«Плот, — подумал он. — Они нашли мой лагерь. Нашли машину».

А плот они нашли?

В темноте трудно было сориентироваться. Там был изгиб реки. Да. И склон с одной стороны приближался к воде.

Ромеро бросился вперед, стараясь как можно больше шуметь, чтобы Джон обязательно бросился за ним. Пусть думает, что Ромеро в панике. Для усиления иллюзии он бросил еще один камень по крутой дуге, туда, где Джон его выслеживал.

Ветка хлестнула по лицу, он не обратил внимания. Только рвался вперед, заметил изгиб берега, и когда споткнулся о плот, чуть не врезался головой в один из камней, которые напихал в плот для тяжести.

Фонарь Джона мигал позади, ощупывая кусты.

Быстрее!

Ловя ртом воздух, Ромеро снял куртку, напихал ее большими камнями, которые уже были внутри плота, и стащил плот в воду. Джон внизу по течению услышал и направил на него фонарь, но Ромеро уже успел нырнуть в кусты, глядя, как течение подхватило плот и понесло вниз. В лунном свете и луче фонаря выпирающая куртка была очень похожа на притаившегося внутри плота человека, который рассчитывает таким образом скрыться от пуль.

Джон бросился к реке и выстрелил. Потом еще раз, ярко полыхнув дульной вспышкой, но выстрелы были еле слышны за ревом реки, который заглушил и шум, когда Ромеро бросился из кустов и налетел на Джона, локтем раненой руки передавив ему горло, а здоровой рукой ухватившись за руку с оружием.

От силы удара они оба свалились в воду. Тут же их подхватило течением, ошеломляюще свирепым и холодным. Голову Джона затянуло под воду. Вцепившись в противника и стараясь удержать его внизу, Ромеро одновременно боролся с течением, уносившим его во тьму. Поток поднял его вверх и бросил вниз. Холод был так яростен, что все тело сразу онемело. И все равно он продолжал стискивать горло Джона и пытаться вырвать у него пистолет. Мимо мелькнуло здоровенное бревно, течение задирало его конец. Джон вырвался на поверхность, Ромеро ушел под воду. Руки Джона придавили его вниз. Ромеро судорожно стал отбиваться ногами, услышал, как вскрикнул от боли Джон и выскочил на поверхность. В

пяти футах от него Джон старался удержаться на поверхности и одновременно наводил пистолет. Ромеро нырнул. Услышав выстрел, Ромеро добавил к силе течения собственные усилия и вынырнул справа от Джона, схватив его за руку с пистолетом, выкручивая.

«Сукин ты сын, — подумал Ромеро. — Если мне суждено здесь подохнуть, я и тебя прихватчу с собой».

Он потянул Джона под воду. Их ударило об камень, от боли Ромеро вскрикнул под водой. Ловя ртом воздух, он выскочил на поверхность. Увидел, как стоящий перед ним Джон наводит пистолет. Увидел фары пикапа, освещавшие мостик. Увидел огромное дерево, застрявшее в узком промежутке между рекой и мостом. Джон не успел выстрелить, как Ромеро налетел на ветвь. Через миг в него же врезался Джон. Прижатый к веткам силой течения, Ромеро потянулся к пистолету, который Джон навел в упор. И тут лицо Джона исказилось от неожиданной боли — огромный булыжник упал на него с моста и расколол череп.

Ромеро не сразу понял, что на мостике над ним стоит Мэтью. Его слишком парализовало ужасом при виде потока крови, залившего лицо Джона. Через миг течением принесло бревно, ударившее Джона в грудь и унесшее его под ветки. На миг в свете фар Ромеро показалось, что он видит торчащее из груди Джона бревно, но тут Джон, дерево и бревно оторвались от моста и скрылись в белой воде. Уносимый вместе с ними, Ромеро поднял руку, пытаясь схватиться за мост. Не смог. Пролетая в потоке под мостом, выходя с другой стороны, он напрягся, ожидая удара камнем, который лишит его сознания, как что-то его схватило. Руки. Мэтью лежал животом на настиле моста, вытянувшись как мог далеко, и держал Ромеро за рубашку. Ромеро стал помогать ему себя вытащить, стараясь не глядеть на разбитый лоб и правый глаз Мэтью, куда пришелся удар камня Ромеро. Схватившись за его руки и подтягиваясь, Ромеро почувствовал, как скользят какие-то осколки по правой ноге, и потом он и Мэтью рухнули на настил моста, хрипло дыша и пытаясь перестать дрожать.

— Ненавижу его, — сказал Мэтью.

Минуту Ромеро был уверен, что слух его обманывает, что после выстрелов и рева реки он слышит звуки, которых нет.

— Ненавижу его, — повторил Мэтью.

— Боже мой, ты говоришь!

Как выяснилось потом, впервые за двенадцать лет.

— Ненавижу его, ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу!

* * *

Освобожденный от молчания, давившего его почти две трети жизни, Мэтью безостановочно болтал всю дорогу, когда они шли посмотреть, что с Марком, и обнаружили, что он мертв, когда они возвращались в дом и Ромеро вызывал полицию штата, когда они передевались в сухое и теплое и Ромеро обрабатывал раны Мэтью, и когда они ждали полицию, и когда поднялось солнце и полиция кишела повсюду на ферме. Истерическая литания Мэтью становилась все стремительнее и визгливее, и наконец врачу пришлось ввести ему успокоительное и его увезли на машине «скорой помощи».

В группе был и тот полицейский, у которого Ромеро тогда просил помощи. Узнав, что произошло, из Санта-Фе прибыли начальник полиции и сержант. К тому времени уже начали раскопки и показались тела. Во всяком случае, то, что от них осталось, когда всю кровь выпедили на поле и разрезали тела на куски.

— Боже милостивый, сколько их? — спросил полицейский штата, когда в почве полей стали находить все больше и больше фрагментов тел в разных стадиях разложения.

— Это происходит столько, сколько Мэтью себя помнит, — ответил Ромеро. — Его мать умерла, когда он родился. Она лежит под землей на одном из полей. Отец умер от сердечного приступа три года назад. Они его просто где-то здесь похоронили. Каждый год в день средней даты последних морозов, пятнадцатого мая, они приносили кого-нибудь в жертву. Чаще всего

бездомных, которых никто не хватится. Но в прошлом году это были Сьюзен Кроувелл и ее жених. Их угораздило проколоть шину прямо рядом с фермой. Они пошли сюда и попросили разрешения позвонить. Когда Джон увидел номера не этого штата...

— Но зачем? — спросил начальник полиции в смятении, а в полях находили все больше и больше фрагментов.

— Дать жизнь земле. Об этом и был рассказ Д. Г. Лоуренса. Плодородие земли и смена времен года. Я думаю, что Джон так пытался объяснить своим жертвам, почему они должны умереть.

— А ботинки? — спросил начальник полиции. — Не понимаю, при чем здесь ботинки.

— Их выбрасывал Люк.

— Четвертый брат?

— Да. Он лежит где-то поблизости. Покончил с собой.

У начальника полиции был такой вид, будто его сейчас стошнит.

— Всю весну, пока овощи вызревали до продажи, Люк разъезжал по фермам до Санта-Фе, продавая замшелые камни. Каждый день он проезжал по Олд-Пекос. Дважды в день проезжал мимо баптистской церкви. Психологически он был под тем же давлением, что и Мэтью, но Джон не подозревал, насколько он близок к срыву. Эта церковь стала попыткой Люка к отпущению грехов. Однажды он увидел на дороге возле церкви старые ботинки.

— Вы хотите сказать, что первый раз их выбросил не он?

— Нет, это кто-то решил пошутить. Но они навели его на мысль. Он увидел в них знак Божий. Через два года он стал выбрасывать там обувь жертв. Она всегда была проблемой. Одежда разлагается довольно быстро. Но ботинки — гораздо дольше. Джон велел ему бросать их в помойку где-нибудь в Санта-Фе. Люк не мог себя заставить это делать — как не мог заставить себя войти в церковь и помолиться за свою душу. Но он мог бросать обувь около церкви в надежде, что будет прощен и что жертвы его семьи обретут спасение.

— А на следующий год он бросил ботинки вместе с ногами, — сказал сержант.

— Джон не знал, что он их взял. Когда узнал, он посадил Люка под замок. Однажды утром Люк вырвался наружу, ушел в поля, встал на колени и перерезал себе горло от уха до уха.

Наступило молчание. Снаружи, у кучи свежевывернутой земли, кто-то крикнул, что нашли еще фрагменты тел.

* * *

Ромеро взял отпуск по болезни. Четыре года он раз в неделю ходил к психиатру. Когда он слышал, как кто-нибудь объявляет себя вегетарианцем, он отвечал: «Да, я тоже был вегетарианцем, но теперь я плотоядный». Конечно, на одном мясе существовать он не мог. Организму человека нужны витамины и минералы, которые дает растительная пища, и хотя Ромеро пытался заменить их витаминными таблетками, оказалось, что нельзя прожить без объема, даваемого этой самой растительной пищей. И потому он мрачно ел овощи, но при этом всегда думал о тех восхитительных, невероятно больших сияющих, очень здорового вида помидорах, огурцах, перцах, баклажанах, капусте, бобах, горохе, моркови и редиске, которые продавали братья Парсонсы. Вспоминая, чем их удобряли, он жевал, жевал, жевал, но овощи всегда застревали у него в горле.

Нил Гейман

Сувениры и сокровища: История одной любви

Можете назвать меня ублюдком, если хотите. Это верно, причем во всех смыслах. Мама родила меня через два года после того, как ее заперли ради «ее собственной пользы», и было это в 52-м, когда за пару горячих ночек с местными парнями можно было заработать диагноз: клиническая нимфомания, после чего вас убирали с глаз долой — «для защиты вас самих и

общества» — всего лишь по указу «высшей инстанции» в лице двух врачей. Один из двоих был ее отцом, моим дедом, а второй — его партнером, с которым они делили врачебную практику в Северном Лондоне.

Так что, кто был мой дед, я знаю. А вот мой отец... им мог быть кто угодно, кто соблюдал с матерью в здании или на участке «Приюта святого Андрея». Чудное словечко, а? *Приют*. Хочешь не хочешь, подумаешь об убежище: этакое тихое местечко, где тебя укроют от полного опасностей и жестокости старого доброго большого мира. Та еще дыра, этот приют. Я съездил поглядеть на него в конце семидесятых, перед тем как его снесли. Там все еще воняло мочой и сосновым дезинфицирующим средством для мытья пола. Длинные, темные, плохо освещенные коридоры с гроздьями крохотных, похожих на камеры комнатух. Если б вы искали ад, а нашли «Святого Андрея», вы б не разочаровались.

В ее истории болезни говорится, что она раздвигала ноги для кого придется, но я в этом сомневаюсь. Она ведь тогда сидела взаперти. Так что тому, кто захотел бы ей вставить, сперва пришлось бы обзавестись ключом от ее камеры.

Когда мне было восемнадцать, я последние свои летние каникулы перед университетом провел в охоте за теми четырьмя, кто с наибольшей вероятностью мог быть моим отцом: два санитар психиатрички, врач тюремного отделения и управляющий приютом.

Маме было всего семнадцать, когда за ней закрылись двери. У меня есть маленькая — под размер бумажника — черно-белая ее фотография, снятая прямо перед тем, как ее заперли. Мама опирается о крыло спортивного «моргана», припаркованного на какой-то сельской дороге. Она улыбается, вроде как кокетничает с фотокамерой. Ты была просто красоткой, мама.

Я не знал, который из четверых был мой папочка, и поэтому убил всех. В конце концов, каждый ее трахал: я заставил их в этом признаться, прежде чем прикончил. Лучшее всех был управляющий, этаким краснолицым упитанным старым Казанова, и таких, как у него подкрученных вверх усов а-ля Пуаро, я уже лет двадцать как не видел. Я наложил ему жгут из его же гвардейского галстука. Из рта у него полетели пузырьки слюны, а сам он стал синий, как невареный омар.

В «Святом Андрее» были и другие мужчины, кто мог бы оказаться моим отцом, но после этих четверых я перегорел. Я сказал себе, что разобрался с четырьмя наиболее вероятными кандидатами и что, если я перебую всех и каждого, кто мог забить матери, дело кончится бойней. Так что я завязал.

На воспитание меня отдали в соседний детдом. Если верить ее истории болезни, маму стерилизовали сразу после моего рождения. Никому не хотелось, чтобы такие гадкие, мелкие, как я, происшествия помешали еще чьему веселью.

Мне было десять, когда она покончила с собой. Это было в 64-м. Мне было десять лет от роду, и я еще играл в «каштаны»¹ и воровал потихоньку сладости в кондитерских, когда она, сидя на линолеумном полу своей камеры, пилила себе запястья осколком битого стекла, который Бог знает где раздобыла. Она и пальцы себе раскроила тоже, но своего добила. Ее нашли утром — липкую, красную и холодную.

Люди мистера Элиса наткнулись на меня, когда мне было двенадцать. Замначальника детдома считал нас, мальцов, своим личным гаремом секс-рабов с исцарапанными коленками. Соглашайся и окажешься с больной попкой и шоколадкой «Баунти». Будешь трепыхаться, проведешь пару дней взаперти с взаправду больной попкой и сотрясением мозга в придачу. Мы его прозвали Старой Соплей, потому что он начинал ковырять в носу, как только решал, что мы не видим.

Его нашли в гараже его дома в его собственном синем «моррис миноре»: дверцы заперты, и кусок ярко-зеленого садового шланга идет прямо от выхлопной трубы в окно спереди. Коронер постановил «самоубийство», и семьдесят пять мальчишек вздохнули свободней.

¹ «Каштаны» — английская детская игра, в которой одним привязанным на веревочке каштаном бьют по другим.

Но Старая Сопля за годы труда на ниве воспитания малолетних оказал пару услуг мистеру Элису, когда, скажем, следовало позаботиться о приезде иностранной полиции со склонностью к мальчикам или заезжал с визитом главный констебль.¹ Потому мистер Элис послал пару своих следователей — просто убедиться, что все тип-топ. Когда же они сообразили, что единственно возможный преступник — двенадцатилетний мальчишка, они едва штаны не намочили со смеху.

Однако мистер Элис был заинтригован и потому послал за мной. Это было еще в те дни, когда он гораздо чаще принимал во всем личное участие. Полагаю, он надеялся, что я окажусь хорошеньким, но тут его ждал печальный сюрприз. Я и тогда выглядел, как сейчас: худой, словно щепка, профиль — что топор, и уши — как ручки у кастрюли. Больше всего мне в нем тогдашнем запомнилось то, какой он был огромный. Тучный. Надо думать, он был в ту пору еще довольно молод, хотя тогда мне так не казалось: он был взрослый и потому враг.

Явилась пара громил и забрала меня после школы — по дороге домой. Я поначалу едва не обделался, но от громил не пахло законом — за моей спиной уже было четыре года игры в прятки со Старым Билли,² и бобби в штатском я чуял за сто ярдов. Они отвезли меня в крохотную скудно обставленную серую контору в переулочке за Эджвер-роуд.

Стояла зима, и на улице было почти темно, и в конторе была полутьма, если не считать маленькой лампы, отбрасывающей круг желтого света на письменный стол. Необъятных размеров человек за столом царапал что-то шариковой ручкой внизу страницы телекса. Потом, закончив, он поднял на меня глаза. Оглядел меня с головы до ног.

— Сигарету?

Я кивнул. Он протянул мне «Питер Стайвесент» в мягкой пачке, и я взял одну. Он дал мне прикурить от золотой с черным зажигалки.

— Ты убил Ронни Полмерстона, — сообщил он мне. В голосе не было и намека на вопрос.

Я промолчал.

— Ну? Ты ничего не собираешься сказать?

— А что тут можно сказать? — сообщил я в ответ.

Я до этого дошел, только услышав, что он был на заднем сиденье. Он не сел бы назад, собирайся он покончить с собой. Он сидел бы за рулем. Думаю, ты подсунул ему «мики».³ Потом запихнул в «мини» — нелегко, наверное, пришлось, он не слабый был мужик, — а вот «мики» и «мини» это и впрямь здорово, — потом отвез его домой, заехал в гараж, к тому времени он уже крепко спал, а ты подстроил самоубийство. Ты не боялся, что тебя заметят за рулем? Двенадцатилетнего мальчишку?

— Темнеет рано, — отозвался я. — И я ехал переулками.

Он хмыкнул. Задал мне еще пару вопросов — о школе, о детдоме, о том, что мне интересно, и все такое. Потом вернулись громилы и отвезли меня назад в детдом.

Неделю спустя меня усыновила пара по фамилии Джексон. Он был специалистом по международному торговому праву, она — экспертом по самообороне. Думаю, они никогда не видели друг друга до тех пор, пока мистер Элис не свел их, чтобы они меня воспитали.

Не знаю, что он во мне увидел в ту первую встречу. Должно быть, какой-то потенциал. Потенциальную лояльность. Я — лояльный человек. Не стоит ошибаться на этот счет. Я — человек мистера Элиса, душой и телом.

Разумеется, на самом деле его имя не мистер Элис, но я с тем же успехом мог бы называть его и настоящим именем. Разницы никакой. Вы все равно о нем не слышали. Мистер Элис — один из десяти самых богатых людей в мире. Скажу вам вот что: вы и о других девяти ничего не слышали. Их имена не появятся ни в одном из списков ста самых богатых людей мира. Никаких там биллов гейтсов или султанов Брунея. Я говорю о

1 Главный констебль — в Великобритании начальник полиции в графстве, городе.

2 Старый Билли (англ. сленг 50-х гг.) — полиция.

3 «Мики» (англ. сленг 50-х гг.) — спиртной напиток с примесью наркотика.

настоящих деньгах. На свете есть люди, которым платят больше, чем вам за всю жизнь доведется увидеть, только за то, чтобы ни словечка не проскользнуло о мистере Элисе в газетах или по телику.

Мистер Элис любит владеть вещами. И, как я вам уже сказал, одна из вещей, которыми он владеет, я. Он — отец, которого у меня никогда не было. Это он достал мне папки с историей болезни мамы и сведения о четырех наиболее вероятных кандидатах на роль папочки.

По окончании университета (степень с отличием в экономике и международном праве) я сделал себе подарок: поехал и отыскал моего деда-врача. До тех пор я встречу с ним все оттягивал. Она была чем-то вроде стимула.

Ему оставался год до пенсии, этому старику с топорным лицом и в твидовом пиджаке. Год стоял 1978-й, и некоторые доктора еще ездили на дом. Я следовал за ним до высотки на Мейда-Вейл. Подождал, пока он одарит кого-то там своей врачебной мудростью, и остановил, когда он выходил, помахивая черным саквояжем.

— Привет, дедушка, — сказал я.

Нет особого смысла, пытаться выдать себя за кого-то другого. Не с моей внешностью. Он был точная копия меня через сорок лет. Та же до черта безобразная физиономия, только волосы поредели и стали песочно-серыми, а у меня еще была густая и мышино-русая шевелюра. Он спросил, что мне надо.

— Ты вот так взял и запер маму, — сказал я ему. — Не больно-то хорошо это было с твоей стороны.

Он предложил мне убираться или что-то в этом роде.

— Я только что получил степень, — отозвался я. — Тебе следовало бы мной гордиться.

Он сказал, что знает, кто я, и что лучше мне убираться немедленно, или он натравит на меня полицию, и меня засадят.

Я вогнал ему нож в левый глаз — прямо в мозг, и, пока он задыхался потихоньку, забрал его старый телячий кожи бумажник, — в общем, в подарок на память и чтобы выглядело все, как ограбление. Именно там, в бумажнике, я нашел фотографию мамы, черно-белую, улыбающуюся и кокетничающую с камерой двадцать пять лет назад. Интересно, кому принадлежал «морган»?

Через парня, который меня не знал, я сбыл бумажник перекупщику, а потом купил его в лавке, когда за ним никто не пришел. Аккуратный чистый след. Не один умник попался на сувенире. Иногда я спрашиваю себя, не убил ли я в тот день своего отца, не только деда. Не думаю, что он бы мне сказал, даже если бы я спросил. Да и какая разница, верно?

После этого я пошел на постоянную работу к мистеру Элису. Пару лет заведовал делами в Шри-Ланке, потом провел год в Боготе на импорте-экспорте, вкалывая, как прославленный коммивояжер. Домой в Лондон я вернулся как только смог. Последние пятнадцать лет я выступал в основном как спец по конфликтам и по сглаживанию трений в проблемных областях. Спец по конфликтам. Круто звучит.

Как я говорил, чтобы никто и никогда о тебе не услышал, нужны настоящие деньги. Никаких там глупостей а-ля рупперт мердок, который ест с рук у коммерческих банков. Вам никогда не увидеть мистера Элиса в глянцевом иллюстрированном журнале, показывающим фотографу свой гляцевый новый дом.

Помимо бизнеса, основной интерес мистера Элиса — секс, вот почему я стоял тогда у входа на станцию Эрлз-Корт с сине-белыми бриллиантами на 40 миллионов американских долларов в карманах макинтоша. В особенности и чтобы быть точным, интерес мистера Элиса к сексу ограничивается отношениями с очень привлекательными молодыми людьми. Нет, не поймите меня неправильно: я не хочу, чтобы вы думали, что мистер Элис какой-то там гомик. Он и не педик, ничего такого. Он — нормальный мужик. Просто нормальный мужик, который любит трахать других мужиков, вот и все. В мире всякой твари по паре, скажу я вам, что оставляет и мне простор и раздолье. Как в ресторане, где каждый заказывает

из меню что-то другое. Chacun a son gout,¹ простите мне мой французский. Так что все счастливы.

Это было в июле, пару лет назад. Помнится, я стоял на Эрлз-Корт-роуд, смотрел на вывеску «Эрлз-Корт стейшн» и размышлял, откуда взялся апостроф в названии станции, если его нет в названии района, а потом принялся смотреть на наркотов и алкашей, тусующихся на тротуаре у станции, и все это время высматривал не появится ли «ягуар» мистера Элиса.

Бриллианты во внутреннем кармане макинтоша меня нисколько не тревожили. Я не похож на мужика, у которого есть что-то, ради чего его стоило бы грабить, и я вполне могу о себе позаботиться. Так что я паялился на наркотов и алкашей, убивая время до появления «ягуара» (надо думать, застрявшего посреди дорожных работ на Кенсингтон Хай-стрит) и спрашивал себя, почему наркоманы и алкоголики собираются на мостовой у станции подземки «Эрлз-Корт».

Полагаю, наркотов еще можно понять: они ждут дозы. Но что, черт побери, тут делают алкаши? Никто не обязан передавать тебе пинту «гинесса» или бутылку средства для растирания. И сидеть на мостовой или прислоняться к стене здесь неудобно. Будь я алкоголиком, решил я, в такой чудесный день отправился бы в парк.

Неподалеку пакистанский паренек лет восемнадцати — двадцати оклеивал внутренность стеклянной телефонной будки визитками проституток — ТРАНССЕКСУАЛ С ФОРМАМИ, НАТУРАЛЬНАЯ БЛОНДИНКА, ГРУДАСТАЯ ШКОЛЬНИЦА и СТРОГАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МАЛЬЧИКА ДЛЯ БИТЬЯ. Заметив, что я паялюсь, он бросил на меня сердитый взгляд. Потом, закончив, перешел к следующей будке.

У обочины затормозил «ягуар» мистера Элиса, и, сделав несколько шагов, я открыл дверцу и сел назад. Это неплохая машина, ей всего года Два. У нее есть класс, но на улице — пройдешь мимо и не заметишь.

Шофер и мистер Элис сидели впереди. На заднем сиденье со мной был пухлый человечек, стриженный под ежик и в кричащем клетчатом костюме. Он напомнил мне несостоявшегося жениха в фильме пятидесятых годов, того, которого в под конец бросают ради Рока Хадсона.² Я кивнул ему, на что он протянул руку, которую потом убрал, когда я как будто ее не заметил.

Мистер Элис нас не представил, что меня вполне устраивало, поскольку я точно знал, кто он. Я его нашел, на деле я же его и поддел на крючок, хотя он этого никогда не узнает. Он был профессором древних языков в одном из университетов Северной Каролины. Он считал, его одолжил британской разведке госдепартамент США. Ему так сказали, когда вызвали в департамент. Жене профессор сказал, что едет читать доклад на конференции по хеттскому языку в Лондоне. Такая конференция действительно имела место. Я сам ее организовал.

— Почему ты, черт побери, едешь в подземке? — спросил мистер Элис. — Не для того же, чтобы экономить деньги.

— Я бы думал, что тот факт, что я минут двадцать стоял на углу в ожидании вас, в точности объясняет, почему я не езжу на машине, — сообщил я ему. Ему нравится, что я не падаю тут же на спину и не виляю хвостом. Я — пес с характером. — Средняя скорость транспортного средства по улицам Центрального Лондона в дневное время не изменилась за четыреста лет. Она попрежнему меньше десяти миль в час. Если есть подземка, спасибо, поеду лучше на поезде.

— Вы не водите машину в Лондоне? — спросил профессор в крикливом костюме. Храни нас Господи от вкуса американских ученых. Назовем его Маклеодом.

— Я вожу ночью, когда улицы пусты, — сказал я ему. — После полуночи. Люблю ездить по ночам.

Опустив окно, мистер Элис закурил небольшую сигару. Я не мог не заметить, что руки у него дрожат. От предвкушения, думаю.

¹ На вкус и цвет товарищей нет.

² Рок Хадсон (1925–1985 (от СПИДа)) — американский актер, игравший по большей части героев-любовников, остался в истории кино в основном благодаря внешности.

А мы все ехали через Эрлз-Корт, мимо сотни высоких зданий красного кирпича, претендующих на роль гостиниц, и сотни еще более жалких строений, приютивших пансионаты и ночлежки, по хорошим улицам и по дурным. Иногда Эрлз-Корт напоминает мне одну из тех старух, которые еще встречаются время от времени и которые держатся до боли благопристойно и чопорно, пока не пропустят пару рюмок, а тогда уже начинают танцевать на столах и рассказывать всем в пределах досягаемости, какими горячими штучками они были, когда отсасывали за деньги в Австралии или Кении или в какой другой экзотической стране.

Не думайте, что мне нравится это место, откровенно говоря, это далеко не так. Эрлз-Корт — слишком неустойчив, сплошной транзит. Дома, события, люди — все приходит и уходит чертовски быстро. Я не романтик, но в любой день предпочту Саут-Бэконкс или Ист-Энд. Ист-Энд — вот это место, здесь, и нигде больше, все и начинается, и хорошее, и дурное. Это — и утроба, и анус Лондона; они всегда поблизости друг от друга. А Эрлз-Корт — ну я даже не знаю что. Любая анатомическая аналогия обваливается, стоит вам здесь очутиться. Думаю, это потому, что Лондон безумен. Синдром расщепления личности, не иначе. Все эти мелкие городки и поселки, которые разрослись и вдавились друг в друга, чтобы создать единую метрополию, но так и не забыли своих старых границ.

И вот шофер тормозит на улочке, ничем не отличающейся от любой другой, перед высоким домом, стоящим в ряду таких же высоких стандартных домов. Отличие только в том, что этот, возможно, когда-то был гостиницей, да еще в том, что пара окон в нем заколочены.

— Вот этот дом, — сказал шофер.

— Верно, — отозвался мистер Эллис.

Обойдя машину, шофер открыл дверь для мистера Элиса. Мы с профессором Маклеодом вышли без посторонней помощи. Я оглядел улицу. Беспокоиться не о чем.

Я постучал, и мы стали ждать. От нечего делать я улыбнулся и кивнул глазку в двери. Щеки мистера Элиса побагровели, и руки он держал скрещенными перед промежностью, чтобы не осрамиться. Завелся старикан.

Ну и со мной такое бывало. Со всеми нами. Только мистер Элис — другое дело, он может себе позволить потакать своим слабостям.

Я так на это смотрю: одни люди нуждаются в любви, другие — нет. Думаю, учитывая всех и вся, мистер Элис — на деле из тех, что «нет». И я тоже. Со временем начинаешь распознавать своих.

И мистер Элис — прежде всего гурман.

С приглушенным звяканьем отодвинулся засов, дверь открыла старуха, каких обычно описывают как «отталкивающего вида». Одета она была в бесформенную черную хламиду, а лицо с мешками под глазами как будто состояло из сплошных углов и морщин. Я вам скажу, как она выглядела. Случалось вам видеть картинки с изображениями булочек с корицей, которые, как говорят, похожи на мать Терезу? Вот так она и выглядела, как плюшка с корицей с двумя коричневыми глазами-изюминами, глядевшими с ее коричнево-плюшечного лица.

Старуха сказала что-то на языке, которого я даже не распознал, а профессор Маклеод, запинаясь, ответил. Оглядев подозрительно по очереди каждого из нас, карга скорчила рожу и махнула нам заходить. А потом с грохотом захлопнула за нами дверь. Я закрыл сперва один глаз, потом другой, давая им возможность привыкнуть к полумраку внутри дома.

Все здание воняло, как распроклятая полка с пряностями. Буквально все в этом деле мне решительно не нравилось; есть что-то в иностранцах, когда они настолько ино-странные, как эта ведьма, от чего у меня мурашки ползут по коже. Проходя вслед за этой плюшечной летучей мышью, которую я начал мысленно называть мать-настоятельница и которая вела нас теперь все вверх и вверх по лестнице, я видел и других черноробых женщин, выглядывающих на нас из-за дверей и поворотов коридоров. Ковровая дорожка на лестнице давно уже вытерлась, и подошвы моих ботинок, отрываясь от нее, издавали чавкающие звуки. По стенам осыпающимися комьями свисала старая краска. Это был истинный

муравейник, он просто сводил меня с ума. Мистеру Элису не следует приезжать в такие места, в дома, где его нельзя по-настоящему защитить.

Одна за другой в полном безмолвии выглядывали на нас скрюченные карги, а мы все поднимались пролет за пролетом. Старая ведьма с коричне-плющечным лицом говорила с профессором Маклеодом, бросала время от времени несколько непонятных слов, а он, пытаясь и отдуваясь от отдышки, отвечал ей как мог.

— Она хочет знать, привезли ли вы бриллианты? — прохрипел профессор.

— Скажи ей, мы поговорим об этом после того, как осмотрим товар, — ответил мистер Элис. Он не задыхался, и если в его голосе и слышалась легкая дрожь, то это была дрожь предвкушения.

Мистер Элис, насколько мне лично известно, поимел половину подающих надежды кинозвезд-мужчин и больше мужчин-моделей, чем те, на кого вы вообще трясли прибором; он поимел самых хорошеньких мальчиков пяти континентов. Никто из них не знал в точности, кто именно их трахает, но всем им очень хорошо заплатили за труды.

Под самой крышей дома, наверху последнего пролета деревянной без дорожки лестницы оказалась дверь на чердак, а по обеим сторонам ее, будто дубы-близнецы, высились две великанши в черных одеждах. Судя по виду, каждая из них продержалась бы пару раундов против борца сумо. В руках у каждой — и я не шучу — красовался скимитар: они охраняли Сокровище шагинаи. И несло от них, как от пары дряхлых кляч. Даже в полумраке я разглядел заплаты и пятна на их робах.

Мать-настоятельница подступила прямо к ним, белка лицом к лицу с двумя питбулями, а я глядел на их бесстрастные лица и размышлял, откуда они такие взялись. Они вполне могли быть родом с Самоа или из Монголии. Или их вытащили с какой-нибудь фермы по разведению уродов в Турции, а может, в Иране или Индии.

По слову старухи стража освободила проход, и я толкнул дверь. Дверь была не заперта. Я заглянул внутрь, так, на случай неприятностей, вошел, огляделся и кивнул: мол, все чисто. Так что я стал первым мужчиной в этом поколении, кому довелось увидеть Сокровище шагинаи.

Он стоял на коленях у походной койки, голова его была опущена.

Легендарные, вот как надо бы называть шагинаи. Это значит, я никогда в жизни о них не слышал и не знал никого, кто бы слышал, а когда я начал разыскивать их, даже те, кто о них слышали, не верили в их существование.

— В конце концов, дорогой друг, — сказал мой ручной академик из России, передавая мне свой отчет, — вы говорите о расе людей, единственное свидетельство существования которых — полдюжины строк у Геродота, стихотворение в «Тысяче и одной ночи» и речь в «Рукописи, найденной в Сарагосе». Едва ли это можно назвать надежными источниками.

Но слухи дошли до мистера Элиса, и он заинтересовался. А если мистер Элис чего хочет, то я, черт побери, делаю что могу, чтобы он это получил. В данный момент, глядя на Сокровище шагинаи, мистер Элис выглядел таким довольным, что казалось, того и гляди, лопнет от счастья.

Юноша встал. Из-под кровати до половины выглядывал ночной горшок с лужицей ярко-желтой мочи на дне. Роба юноши была из белого хлопка, тонкая и очень чистая. Еще на нем были голубые шелковые шлепанцы.

В комнате было жарко. Горели с громким шипением два газовых рожка, по одному на каждой стене чердака. Мальчик жары как будто не чувствовал. Профессор Маклеод начал сильно потеть.

Согласно легенде, мальчик в белых одеждах — на вид лет семнадцати, не больше восемнадцати — был самым красивым мужчиной на земле. Нетрудно поверить.

Мистер Элис подошел к юноше и принялся осматривать его, будто фермер, выбирающий на рынке теленка: заглянул в рот, попробовал мальчика, заглянул в глаза и в уши, взял его за руки и осмотрел пальцы и ногти, а потом, совершенно деловито, приподнял подол белой робы, чтобы проинспектировать его необрезанный пенис, прежде чем повернуть

парня кругом и оглядеть состояние его зада.

И все это время глаза и улыбка Сокровища светились радостью и белизной.

Наконец мистер Элис притянул юношу к себе, чтобы поцеловать — медленно и мягко — в губы. Потом отодвинулся, провел языком по его рту, кивнул и повернулся к Маклеоду.

— Скажи ей, мы его забираем, — сказал мистер Элис.

Профессор Маклеод зашелкал и запыхтел что-то матери-настоятельнице, и лицо карги разошлось морщинами коричневого счастья. Потом она протянула руки.

— Она хочет, чтобы ей теперь заплатили, — перевел Маклеод.

Я медленно запустил руки во внутренние карманы макинтоша и вытащил сперва один, потом второй, два черных бархатных мешочка. И оба протянул карге. В каждом мешочке хранилось по пятьдесят безупречных бриллиантов D и E класса, совершенной огранки, каждый — весом свыше пяти карат. Большинство их было скуплено за бесценок в России в середине девяностых. Сотня бриллиантов, сорок миллионов долларов. Старуха вытряхнула несколько штук на ладонь, потыкала в них пальцем. Потом, ссыпав бриллианты назад в мешочек, кивнула.

Когда бархатные мешочки исчезли в складках ее робы, она прошла к лестнице и что было сил выкрикнула что-то на своем непонятном языке.

И по всему дому под нами поднялся вопль, будто разом взвыл цельный клан баньши. Под завывания мы спускались по лестницам, под завывания шли по этому мрачному лабиринту, и юноша в белых одеждах возглавлял процессию. Честное слова, волосы у меня на затылке вставали дыбом от этого воя, а от вони влажного гниения и пряностей я едва не давился блевотиной. Ненавижу иностранцев.

Прежде чем выпустить его из дому, женщины завернули юношу в пару одеял, опасаясь, что он подхватит простуду, несмотря на палящее июльское солнце. Мы запихнули его в машину.

Я проехался с ними до подземки, после чего вышел.

Следующий день, который пришелся на среду, я провел, разбираясь с бардаком в Москве. Слишком много самонадеянных ковбоев. Я молился, что смогу разобраться со всем этим, не выезжая на место лично: от их кормежки у меня запор.

С возрастом я езжу все меньше и меньше, и если уж на то пошло, мне этот город никогда особо не нравился. Но я еще могу применить себя в деле, когда понадобится. Мистер Элис сказал, что боится, что Максвелла придется убрать с доски. Я сказал, что займусь этим сам и ничего больше не желаю об этом слышать. От Максвелла всегда можно ждать чего угодно. Мелкая рыбешка с большим ртом и гнилым характером.

Самый удовлетворительный всплеск, какой мне доводилось слышать.

К вечеру среды я был натянута, как пара вигвамов, так что позвонил знакомому мужику, и на квартиру в Барбикене мне привезли Дженни. Это привело меня в сносное настроение. Хорошая она девчонка, эта Дженни. И совсем не гулящая. За словами следит и дело знает.

Я был очень-очень нежен с ней той ночью, а потом сунул ей банкноту в двадцать фунтов.

— Но это совсем ни к чему, — пыталась возразить она. — Все улажено.

— Купи себе что-нибудь шальное. — Я взъерошил ей волосы. — Это шальные деньги.

На что она улыбнулась, как школьница.

В четверг был звонок от секретаря мистера Элиса, мол, все удовлетворительно и я должен заплатить профессору Маклеоду.

Мы поселили профессора в «Савое». Так вот, большинство доехало бы подземкой до Чэпинг-Кросс или Набережной Виктории и прошли до «Савоя» по Стрэнду. Не по мне. Я доехал до вокзала Ватерлоо и прогулялся на север через мост Ватерлоо. Это на пару минут дольше, но вид ни с чем не сравнимый.

Когда я был мальчишкой, один из ребят в дортуаре детдома рассказывал, что если задержать дыхание и дотянуть так до середины моста над Темзой, то там можно загадать желание и оно обязательно сбудется. Мне никогда не о чем было желать, но я проделываю

это как упражнение для дышалки.

Из телефонной будки у опоры моста Ватерлоо (ГРУДАСТУЮ ШКОЛЬНИЦУ НУЖНО НАКАЗАТЬ. СВЯЖИ МЕНЯ — ПРИВЯЖИ МЕНЯ. НОВЕНЬКАЯ БЛОНДИНКА В ГОРОДЕ) я позвонил в номер Маклеода. Сказал, чтоб спускался вниз, я встречу его на мосту.

Его костюм был, если такое возможно, в еще более кричащую клетку, чем во вторник. Он отдал мне коричнево-желтый конверт, набитый компьютерными распечатками: что-то вроде самопального разговорника шагинаи-английского. «*Ты голоден?*» «*Пора мыться*». «*Открой рот*». Все, что может потребоваться мистеру Элису.

Я убрал конверт в карман макинтоша.

— Как насчет того, чтобы поглядеть город? — спросил я, и профессор Маклеод ответил, что всегда хорошо осматривать город с тем, кто в нем родился.

— Эта работа — филологический курьез и лингвистическое наслаждение, — сказал Маклеод, пока мы шли по Набережной Виктории. — Шагинаи говорят на языке, у которого есть много общего и с арамейской, и с угро-финской группой. Это — язык, на котором мог бы говорить Христос, реши он составить послание первобытным эстонцам. К тому же в нем очень мало заимствованных слов. У меня есть теория, что они, наверное, не раз и не два были вынуждены внезапно спастись бегством. Моя оплата при вас?

Я кивнул. Достал из кармана пиджака свой старый, телячьей кожи бумажник, а оттуда узкую ярко раскрашенную картонку билета.

— Вот и он.

Мы подходили к мосту Блэкфрайарз.

— Он настоящий?

— Конечно. Государственная лотерея Нью-Йорка. Билет вы купили ни с того ни с сего в аэропорту перед вылетом в Англию. Результаты огласят в субботу вечером. Неделя должна выдаться неплохой. Уже сейчас больше двадцати миллионов долларов.

Он убрал лотерейный билет в собственный бумажник — черный и блестящий и вздувшийся от пластика, а бумажник убрал во внутренний карман пиджака. Его руки то и дело возвращались к карману, оглаживали его — так владелец, сам того не сознавая, удостоверился, что сокровище на месте. Он был бы великолепной добычей для любого карманника, который пожелал бы узнать, где этот лох держит ценные вещи.

— За это надо выпить, — возвестил Маклеод.

Я согласился, что да, надо, но указал, что такой день, как этот — с сияющим солнцем и свежим бризом с моря, — слишком жалко терять в пабе. Так что мы отправились в винный. Я купил бутылку «Столичной», пакет с апельсиновым соком и пластиковый стаканчик ему и пару банок «гиннеса» себе.

— Дело в мужчинах, понимаете, — сказал профессор, когда мы уже сидели на деревянной скамейке лицом к Саут-Бэнку на той стороне Темзы. — Очевидно, их не так много. Один-два на поколение. Сокровище шагинаи. Женщины — хранительницы и опекуны мужчин. Они вскармливают их, лелеют, берегут от зла. Говорят, Александр Македонский купил себе любовника у шагинаи. И Тиберий тоже, и по меньшей мере два папы римских. По слухам, один такой был у Катерины Великой, но думаю, это враки.

Я сказал ему, что думал, будто шагинаи — это из области сказок.

— Я хочу сказать, только подумайте. Целая раса людей, единственное достояние которой — красота их мужчин. Так что раз в столетие они продают одного из своих мужчин за сумму, которая позволит племени протянуть еще сотню лет. — Я отхлебнул «гиннеса». — Как по-вашему, женщины в том доме — это все племя?

— Сомневаюсь.

Он долил в пластиковый стакан на палец водки, плеснул еще сока и поднял в мою сторону стакан.

— Мистер Элис, — сказал он, — он, наверное, очень богат.

— Что да, то да.

— Я не голубой, — Маклеод был пьянее, чем думал, на лбу у него проступили капли

пота, — но я трахнул бы мальчишку прямо на месте. Он самое красивое — не знаю, как даже назвать, — что я, когда-либо видел.

— Думаю, он в порядке.

— Вы не трахнули бы его?

— Не в моем вкусе, — отозвался я.

По дороге за нами проехало черное такси; оранжевый огонек, означающий «Свободно», был отключен, хотя сзади никого и не было.

— А что же тогда в вашем вкусе? — поинтересовался профессор Маклеод.

— Маленькие девочки, — ответил я.

Он сглотнул.

— Насколько маленькие?

— Лет девять. Десять. Быть может, одиннадцать или двенадцать. Как только у них отрастает грудь и волосы на лобке, у меня уже не встает. Меня уже не заводит.

Он поглядел на меня так, как если бы я сказал ему, что мне нравится трахать дохлых собак, и какое-то время молчал, только пил свою «Столичную».

— Знаете, — сказал он наконец, — там, откуда я приехал, подобного рода вещи противозаконны.

— Ну, здесь тоже к этому не слишком благосклонны.

— Думаю, мне следует возвращаться в отель, — сказал он.

Из-за угла вывернула черная машина, на этот раз оранжевый огонек светился. Подозвав ее жестом, я помог профессору Маклеоду сесть назад. Это — одно из наших Особых Такси. Из тех, в которые садишься и больше уже не выходишь.

— В «Савой», пожалуйста. — сказал я таксисту.

— Слуш'юсь, начальник, — отозвался он и увез профессора Маклеода.

* * *

Мистер Элис хорошо заботился о мальчике шагинаи. Когда бы я ни приходил на совещания или доклады, мальчик всегда сидел у ног мистера Элиса, а мистер Элис крутил в пальцах, и гладил, и играл его черными кудрями. Они обожали друг друга, любому было видно. Это смотрелось глупо и сентиментально, и, должен признать, даже для бессердечного ублюдка вроде меня, трогательно.

Иногда ночами мне снились женщины шагинаи, эти отдающие мертвечиной, похожие на летучих мышей карги, бьющие крылами и устраивающиеся по насестам в огромном и гниющем старом доме, который был одновременно и Историей Человечества, и «Приютом святого Андрея». Взмахивая крылами, некоторые взмывали вверх, унося в когтях мужчин. А мужчины сияли, как солнца, и лица их были слишком прекрасны для людских взоров.

Я ненавидел эти сны. Такой сон — и весь следующий день насмарку, точно как в, черт побери, аптеке.

Самый красивый человек на земле, Сокровище шагинаи, протянул восемь месяцев. А потом подхватил грипп.

Температура у него поднялась до сорока четырех, легкие наполнились водой, он тонул посреди суши. Мистер Элис собрал с полдюжины лучших врачей со всего света, но парнишка просто мигнул и погас, как старая лампочка, так все и кончилось.

Думаю, они просто не слишком уж крепкие. Растили их, в конце концов, для другого, не для выносливости.

Мистер Элис взаправду принял это близко к сердцу. Он был безутешен: рыдал, как дитя, все похороны напролет, слезы катились у него по лицу, будто у матери, которая только что потеряла единственного сына. Небо мочилось дождем, так что, если не стоять с ним рядом, даже и не узнаешь. Мне это кладбище стоило пары взапрямь хороших ботинок, так что настроение у меня было прескверное.

Я сидел в квартире на Барбикэн: практиковался в метании ножа, сварил спагетти с

соусом по-болонски, посмотрел футбол по телику.

Той ночью у меня была Элисон. Приятного было мало.

На следующий день я взял десяток хороших парней и отправился с ними в дом в Эрлз-Корт поглядеть, не осталось ли там кого еще из шагинаи. Должны же еще где-то быть молодые мужчины племени. Простая логика, и ничего больше.

Но штукатурка на гниющих стенах была заклеена краденными рок-плакатами, и во всем доме пахло опиумом, а не пряностями.

Крольчатник-лабиринт был забит австралийцами и новозеландцами. Сквоттеры, надо думать. Мы застали их в кухне за отсасыванием наркотического дыма из горлышка разбитой бутылки «лимонада Р. Уайта».

Мы обшарили дом с подвала до чердака в поисках хоть какого-нибудь следа женщин шагинаи, хотя бы чего-нибудь, что они оставили по себе, какой-нибудь зацепки, чего угодно, чем порадовать мистера Элиса.

Мы не нашли ничего, совершенно ничего.

Все, что я унес с собой из дома в Эрлз-Корт, — воспоминание о груди девчонки, обкурившейся до забвения, спящей голой в комнате наверху. И никаких штор на окнах.

Стоя в дверном проеме, я глядел на нее чуть дольше, чем следовало, и эта картинка отпечаталась у меня в мозгу: полная с черным соском грудь, тревожный овал в едко-желтом свете уличных фонарей.

Деннис Маккирнан Тьма

*Темно — всегда,
Свет только прячет Тьму.*
Дэнниел Клен Маккиернан

Такси въехало в открытые чугунные ворота и покатило по подъездной дороге, обе стороны которой чернели в морозящем мраке плакучими ивами. Харлоу на заднем сиденье наклонился вперед, чтобы лучше видеть.

У-у-ух ты!

Лунные лучи косо падали на снег, там и сям высвечивали причудливо постриженные деревья и кусты, отражались от льда декоративного пруда, ложились на снег, укрывавший восьмиугольную крышу беседки над прудом. Впереди показался дом — старинный, белый, двухэтажный, изящных пропорций.

«По меньшей мере двадцать — двадцать пять комнат. Может быть, по одной на каждый год моей жизни!»

Когда такси остановилось перед крыльцом, Харлоу увидел, что в дверях, загораживая глаза от яркого света фар, стоит кто-то. В обтянутой перчаткой руке поблескивали ключи.

Харлоу вышел из машины.

— Мистер Максон?

Высокий седовласый мужчина шагнул вперед по единственной широкой ступеньке перед дверью, снял перчатку и протянул руку, показав в улыбке крупные зубы. Он сказал:

— Мистер Уинтон, я полагаю?

Они обменялись рукопожатием. Ладонь и пальцы Максона были очень холодными.

Таксист извлек из багажника дешевый чемодан и поставил на широкую ступеньку.

— С вас шестнадцать долларов.

— Припишите к моему счету, Родди, — сказал Максон.

Таксист приложил палец к козырьку фуражки и забрался в свою машину.

Когда такси отъехало, Максон побрякал ключами и негромко произнес:

— Так приступим, — и повернулся к двери.

Подхватив свой чемодан из искусственной кожи, Харлоу последовал за ним и

переступил порог в тот момент, когда Максон щелкнул выключателем. Этот звук повторился всюду в доме, и свет залил вестибюль и комнаты за ним, как внизу, так и наверху.

— Ах ты... — Харлоу поставил чемодан, сощурился от слепящей яркости и посмотрел на нотариуса, чье лицо в этом сиянии выглядело бледным, землистым, почти как у трупа.

— Ваш двоюродный дед, Харлоу, был крайне своеобразным человеком, и вы — последний в его роду.

— Да, но такое освещение... Счет за электричество должен быть колоссальным.

— Он может себе это позволить... то есть, мог.

Максон закрыл дверь и снял пальто.

— Как сможете и вы, если захотите. Будь дом моим, я бы отказался от этой иллюминации и вернул бы дому его изящество и уютность, что вы также можете себе позволить. Собственно говоря, в пределах разумного вы вообще можете себе ни в чем не отказывать. Завещание вашего деда ограничивает вас лишь в одном: согласно его условиям, родственник, который ему наследует, должен жить тут или лишиться всего: капитала, дома, ну, словом, всего.

— Никаких возражений, — сказал Харлоу со смехом. — Но, Господи, неужели должны гореть все лампы? Нельзя ли погасить часть?

— Боюсь, что нет, — ответил Максон, покачав головой. — Они либо все горят, либо все гаснут.

Харлоу поднял бровь.

— И этот выключатель один на них всех?

— Нет, но каждый выключатель в доме зажигает или гасит их все. Насколько я понимаю, они все подсоединены к одному пульту, и лампочки загораются и гаснут одновременно. То же можно делать и с помощью дистанционного управления — то есть зажигать и гасить свет во всем доме разом.

— Пульт дистанционного управления, как у телевизора?

Максон кивнул.

— Дайте-ка мне вашу парку, и осмотрим дом.

Харлоу стянул куртку, отдал ее Максону, и нотариус открыл дверцу в озаренный светом стеной шкаф.

Глаза у Харлоу полезли на лоб.

— Как? И стеновые шкафы тоже?

— Даже и они, — ответил Максон, вешая пальто и куртку. Он было протянул руку к чемодану, но Харлоу сказал:

— Нет-нет, разрешите я сам. — И поставил чемодан в шкаф. Максон улыбнулся энергичному молодому человеку.

— Ну-с, приступим к осмотру.

Все комнаты, все помещения в доме освещались панелями, вделанными в потолки и стены. Обставлены комнаты были очень скудно, а немногочисленные предметы мебелировки были из литого стекла или прозрачной пластмассы, или сходных материалов. А там, где стояла обычная мебель, панели располагались так, чтобы свет падал и под нее. Панели сияли даже под огромной старомодной кроватью.

— Чудовищам тут негде притаиться, — заметил Харлоу. — даже чуланы от них гарантированы.

Когда они обошли комнаты первого этажа, Харлоу спросил:

— И во всем доме так?

Максон кивнул и повел его на кухню, где панели светили и внутри шкафчиков, хотя полки и дверцы были из прозрачного стекла, как и посуда на этих полках. Прозрачными были и разные кухонные принадлежности, хранившиеся в ящиках. Освещенных изнутри. Освещены снаружи и внутри были также плита, холодильник и прочее оборудование.

— Ого-го-го! — сказал Харлоу.

— Именно, — ответил Максон и открыл дверь в ярко освещенный гараж. Внутри

помещался большой работающий на бензине генератор «Хонда». Его выхлопная труба из прозрачной пластмассы вела к вентиляционному отверстию в стене. Он не работал, однако мог быть включен в любую минуту. Еще в гараже стоял «БМВ» — от него к стене вел электрический кабель, и внутри машина была ярко освещена.

— Даже автомобиль?

Снова Максон кивнул.

— В багажнике стоят на подзарядке аккумуляторы, обеспечивающие внутреннее освещение.

Перчаточник, багажник, пространство под сиденьями, внутри, приборной доски, под капотом — все озарялось многочисленными лампочками.

Харлоу нахмурился:

— Со всем этим светом внутри машины разве мог он ездить с наступлением темноты?

— Нет, — ответил Максон. — С наступлением темноты он никуда не ездил. Но хотел быть готов на всякий случай.

— На случай чего?

Максон пожал плечами:

— На случай необходимости, я полагаю.

— Он всегда был таким? Я ведь ничего о нем не знаю. Я вообще не знал даже, что у меня был двоюродный дед, пока вы не нашли меня.

— Большая удача, — сказал Максон. — Не то все это досталось бы штату Массачусетс. Не отыщи я вас.

— Ну, я очень этому рад. Но все-таки: он всегда был таким?

— Нет. В молодости, примерно в ваши годы, он путешествовал по всему миру. Африка, Индия, Тибет, Восток, по пустыням и дебрям — ну, где хотите. Он побывал повсюду. А потом вдруг покончил с путешествиями. Заперся в этом доме. Нанял монтеров, чтобы осветить в нем каждый уголок. Путеводный свет во тьме, фигурально выражаясь. Соседи прозвали этот дом «маяком».

Когда они вернулись в кухню, Харлоу вздохнул.

— Да уж, что так, то так. Нигде ни единой тени. Он боялся темноты?

— Возможно, — сказал Максон, направляясь по коридору в вестибюль. — Как я упомянул, он никогда не выходил из дома с наступлением сумерек.

— Интересно, что он делал бы, если бы электроэнергию отключили? — сказал Харлоу, оглядываясь по сторонам.

Максон открыл стенной шкаф и ответил, надевая пальто:

— Да ничего. В этом случае включились бы аккумуляторы, потом заработал бы генератор в гараже.

— А! — Харлоу проводил Максона до двери, а когда нотариус вышел в снежную мглу ноябрьского вечера, спросил его: — Да, кстати, отчего он умер?

— Сердце не выдержало. Экономка нашла его в комнате развлечений. Он, кажется, смотрел какую-то телевизионную программу.

Харлоу ткнул большим пальцем через плечо.

— При таком бешеном свете?

Максон сделал неопределенный жест.

— Хм, — задумчиво произнес Харлоу. — Тем не менее жаль, что я не был с ним знаком. Возможно, он мне понравился бы.

— Вполне возможно. Он похоронен на семейном кладбище в дальнем конце участка. — Максон взглянул на часы. — Ну, меня ждут в другом месте. Я заеду завтра вечером, и мы займемся всякими формальностями, в частности, вашим банковским счетом.

— А... Нельзя ли заняться ими днем? Без этого бешеного света?

— Сожалею, Харлоу. До завтрашнего вечера у меня просто нет ни минуты свободной.

— Я не знал... Ну, так завтра вечером. А когда точно?

— Скажем, в восемь?

— Мне подходит.

— Ах да! — сказал Максон, пошарив в кармане пиджака. — Это ваши. — Он протянул Харлоу кольцо с ключами. — Ну, я пойду. Спокойной ночи.

— Погодите! Как вы доберетесь?

— Это недалеко, — ответил Максон. — А мне невредно размять ноги.

Харлоу следил, как нотариус удаляется по подъездной дороге. Хотя луна по-прежнему сияла, он, казалось, растворился среди теней. Когда Максон исчез из виду, Харлоу закрыл дверь и вернулся внутрь озаренного светом дома.

* * *

Следующие три дня Харлоу знакомился с домом и участком площадью пятьдесят четыре акра. Отыскал семейное кладбище, нашел в рощице к северу развалины старой хижины, немножко посидел в занесенной снегом беседке, озирая свой новый мир. И все это время он размышлял о своем будущем. Впервые в жизни у Харлоу появились деньги. Нет, конечно, бродягой он не был никогда, но вот иметь — практически ничего не имел, даже родственников — ни матери, ни отца, ни приемных родителей, и воспитывался (если тут подходит это слово) в детском приюте. И вот теперь все это изменилось: у него появились родственники, которых, правда, он никогда не видел, но тем не менее родственники, похороненные здесь же рядом на довольно обширном семейном кладбище, где на многих могильных плитах не было ни дат, ни имен. И пусть: благодаря одному из них, прежде неведомому ему двоюродному дедушке, теперь он мог тратить деньги не считая. Ему двадцать пять, он достаточно богат, а от него требуется просто жить в этом чудесном доме... то есть доме, который станет чудесным, как только он избавится от этого бешеного света — он решил последовать совету Максона и вернуть дому его былой изысканный уют. А потом он сможет подумать и о том, чтобы найти какое-нибудь занятие, сделать карьеру, хотя Максон и сказал, что ему больше никогда не придется работать.

Он нанял экономку и кухарку, но они отказались оставаться в доме на ночь, жалуюсь, что свет уж слишком яркий. Однако Харлоу подозревал, что дело не только в этом, — он часто замечал, как они о чем-то шепчутся, а кухарка, католичка с латиноамериканской кровью в жилах, часто осеняла себя крестным знамением.

Хотя монтеры, краснодеревщики и специалист по интерьерам трудились полные рабочие дни, потребовалось почти три месяца, чтобы дом Харлоу обрел нормальный вид. Световые панели были убраны, стены и потолки отремонтированы, нормальные розетки и выключатели установлены, бешеный свет сменился мягким сиянием изящных ламп, стеклянную мебель заменила дубовая. Жуткую пластмассовую полупрозрачную мебель, посуду и прочее Харлоу пожертвовал благотворительной организации, а их место заняли сработанные со вкусом и удобные изделия. Кроме того, «БМВ» вновь превратился в нормальный автомобиль: мощные внутренние светильники были сняты, аккумуляторы с подзарядным устройством убраны из багажника. Харлоу сохранил только генератор: электричество ведь может отключиться в любую минуту.

Пока шли все эти работы, Генри, один из мастеров, сообщил, что он исправил центральный пульт.

— Это же была устаревшая модель «Икс-тридцать». А она с приветом.

— Приветом?

— Ну, с недостатком. Просчет в схеме.

— Какой же?

— Ну, понимаете, в случае падения напряжения реле не срабатывает. Свет гаснет, но аварийное переключение не срабатывает потому, что «Икс-тридцать» все еще регистрирует напряжение, пусть совсем слабое.

— Вот как?

— Ну да. Беда-то небольшая: надо было просто нажать аварийную кнопку на пульте

дистанционного управления. Аварийные лампы загорелись бы и горели, пока напряжение не восстановилось бы. — Генри перекусил еще один проводок. — Ну, а «Икс-сорок» такого не допустит.

— А не случилось ли это с моим дедом? Падение напряжения, имею я в виду.

Генри пожал плечами и продолжал возиться с проводками.

Тут Харлоу позвали решить, какой узор на сервисе ему больше по вкусу.

Работа продолжалась.

И продолжалась.

Пока наконец не завершилась.

Когда последний рабочий — водопроводчик — убрал чемоданчик с инструментами в свой «пикап» и укатил, Харлоу повернулся и вошел в свой теперь уютный и удобный дом.

* * *

Прокричав всему миру, что его творение живет, ликующий Колин Клайв ухватился за край лабораторного стола и возвел глаза к небу с благоговением, торжеством и недоверчивым изумлением.

«Черт, до чего мне нравится старая киноклассика!»

Харлоу развалился в сделанном на заказ кресле перед телеэкраном, на котором сменялись черно-белые кадры. И тут...

— Какого дья...

Уголкем глаза Харлоу заметил перемещение тьмы в тускло освещенной комнате, однако, когда он обернулся, то ничего не увидел, то есть ничего, кроме сплетения теней у кушетки.

«Хмм... мерцание экрана».

И все-таки у него по коже побежали мурашки от неясного дурного предчувствия. В дрожащем свете — история Франкенштейна развивалась дальше — Харлоу поднялся на ноги и осмотрел затемненную комнату. Ничего. Никого. Полная пустота, если не считать мерцания и теней.

Подавив смутную тревогу, Харлоу прошел на кухню. Достал бутылку «Сэма Адамса» и сделал большой глоток. Захватив пиво с собой, он вернулся к телевизору и начал смотреть на запуск змеев в грозовые пронизанные молниями тучи.

* * *

Прошла ничем особенным не отмеченная неделя, потом вторая. Но на третьей Харлоу по вечерам все чаще краешком глаза замечал какое-то быстрое движение, однако, взглянув прямо, видел только лежащие тени.

И снова он ощущал неясную тревогу.

Теперь Харлоу приближался к неосвещенным комнатам с легким трепетом.

«Иди же, идиот! Бояться нечего. Просто инстинктивная реакция, закодированная в генах. Отрыжка эпохи пещерных людей, а может, и времени, когда мы еще не слезли с деревьев. Не страх темноты, а страх неизвестного».

И все равно он чувствовал, что нечто таится в тенях позади него или подстерегает в тенях впереди.

«Черт, у меня слишком разыгралось воображение!»

Потом наступила ночь, когда Харлоу в парализованном состоянии между бодрствованием и сном застонал от ужаса, потому что нечто темное стояло во тьме в ногах его кровати, черное на черном — нечто зловещее, нечто безмолвное, нечто следящее за ним.

Сердце у него отчаянно колотилось, он обливался потом, его стоны переходили в испуганные завывания, но тут Харлоу заставил себя полностью проснуться и, задышавшись, начал нащаривать выключатель лампы на тумбочке, наконец нашел его, включил свет и не

увидел никого и ничего — вообще ничего в ногах своей кровати.

«Господи, я начинаю пугаться теней!»

Совсем измученный Харлоу заснул еще очень нескоро.

На следующий день Харлоу приобрел собаку, ротвейлера. Но пес словно занервничал в непривычной обстановке — во всяком случае, так решил Харлоу, — и в дом его пришлось затаскивать буквально силком. При первом же представившемся ему случае пес выскочил за дверь. Больше Харлоу его не видел.

«Сукин сын!»

Во время ремонта Харлоу установил в доме систему сигнализации, подключенную к каждой двери, к каждому окну, а несколько нижних комнат были снабжены детекторами, регистрировавшими теплоту тела плюс движение. Он сам несколько раз нечаянно включал систему, пока не запомнил все коды и не перестал забывать, когда ее следует отключить. И чертов вой электронной сирены заставлял его подпрыгнуть чуть не до небес. Но он был единственным человеком, вообще единственным, кто включал сигнал тревоги, поступавший в пункт охраны, а оттуда в полицию.

Как-то вечером после прогулки Харлоу, войдя в дом, открыл дверцу стенного шкафа...

— Черт! — завопил он и отпрыгнул, потому что в темноте нечто черное извернулось и исчезло. Сердце грозило выскочить у него из груди, и он зажег лампочку внутри шкафа. Ничего — только два костюма на вешалке. Харлоу выключил лампочку и задвигал дверцей взад-вперед, следя за ее тенью. Нет, то было что-то другое.

Дни шли за днями, и Харлоу продолжал замечать какое-то движение во тьме, а иногда кто-то или что-то маячило во мраке в ногах его кровати.

«Черт, неудивительно, что мой дедушка устроил такую иллюминацию в этом до... О Господи! Но погодите!»

Он подошел к телефону и набрал номер.

— Говорит Харлоу Уинтон. Попросите его позвонить мне. Да, именно У-и-н-т-о-н. У него есть мой номер.

Вечером телефон зазвонил.

— Уинтон слушает... А, Артур, спасибо, что позвонили... Да-да, у меня все прекрасно... Что?... Совершенно верно... Скажите... мой дед, в каком положении его нашли? То есть вы говорили, что он... Да, конечно. Смотрел телевизор. Но откуда вы... Ах так. Пульт дистанционного управления в руке? Телевизионного? О Господи... Нет-нет. Никакой особой причины. Чистое любопытство, — Харлоу вздохнул и посмотрел по сторонам. — Спасибо, Артур. Да-да, спасибо.

«Черт! Он схватил телевизионный пульт, а не включавший свет!»

Харлоу положил трубку и отошел от бюро, в первый раз заметив, какой черной была тень под ним.

После ответного звонка Максона все пошло еще хуже. Ощущение, что нечто маячит во тьме у него за спиной или ждет среди теней соседней комнаты, стало нестерпимым. Теперь Харлоу, прежде чем войти в темную комнату, просовывал руку в дверь и нащупывал выключатель, а затем таким же маневром гасил свет в комнате, из которой уходил. А иногда ему казалось, что краешком глаза он замечает, как тени, извиваясь, ползут за ним.

А иногда ему казалось, что он слышит медленное дыхание. Но когда он прислушивался... тишина.

«О Господи! Я схожу с ума или тут правда что-то прячется? А если что-то тут прячется... если здесь есть что-то, тогда мне нужно выбраться отсюда. Но погоди... Нет, я не могу уехать. Я же все потеряю. Я должен жить здесь, в этом доме, в доме, где мой дед умер в темноте... от ужаса, я полагаю. Или, может быть, его убило «ОНО»?»

Проходили дни. Проходили ночи. И страхи Харлоу росли и росли. И по мере того как усиливался его ужас перед тьмой, крепло и его желание избавиться от этого ОНО.

«Мне необходимо покончить с ним. Но как? Снова установить все эти панели? Вернуть бешеный свет? Эту безобразную прозрачную мебель? Нет уж! Я отделался от чертова хлама

и ни за что его не верну. К тому же этот способ использовал мой дед и чего добился? Погиб. Был убит ужасом. Нет, я хочу, чтобы ОНО исчезло навсегда, а не просто пряталось от света».

У него в животе словно угнезвился колючий ком, и каждый день, каждую ночь впивался все сильнее, сильнее... Харлоу почти перестал есть и начал худеть. Руки у него дрожали не переставая.

И он разговаривал сам с собой. Шепотом.

И он совсем измучился, потому что ему не удавалось уснуть днем, как он ни пытался. В приюте их отправляли спать в десять вечера, а утром будили в шесть, и он уже не мог иначе. Однако, хотя спать он ложился, как обычно, он не мог заставить себя погасить свет, и спал с горячей лампой — если это можно было назвать сном. Дверь стенного шкафа была открыта, и в нем тоже горел свет.

А потом наступила ночь, когда Харлоу прыгнул в постель с расстояния двух-трех шагов, лишь бы не приблизиться ко тьме под кроватью.

«Господи, что со мной? Я же не ребенок!»

Но он продолжал прыгать в кровать издалека. А просыпаясь даже при солнечном свете, прыгал на пол, как мог дальше.

И он начал заикаться.

А по ночам время от времени он слышал, как ОНО бродит по комнатам, по коридорам, вверх-вниз по лестнице. Он был уверен в этом. И да — слышал он не приглушенные, крадущиеся шаги, но змеиные шорохи, будто холодный ветер ворошил сухие листья.

И с проходящими днями и ночами Харлоу все больше превращался в обтянутый кожей скелет, а чернота двигалась и шуршала, извиваясь среди теней, и ОНО рыскало во тьме.

А его экономка и кухарка по-прежнему отказывались ночевать в доме, теперь жалуясь, что в нем слишком темно. Они уходили, когда солнце еще только касалось края горизонта, и возвращались, когда оно было уже высоко в небе.

Был ветреный мартовский вечер, когда в дверь позвонили, и Харлоу, зажигая по дороге свет всюду, где проходил, вошел в вестибюль, открыл ее и увидел на пороге Максона.

— Те-те-те, Харлоу, — сказал седовласый нотариус. — Что-то вы похудели, побледнели. Плохо спите?

— Быстрее, быстрее, А-Артур, входите же. Там т-т-темно. Входите же!

* * *

— Я бы не стал, Харлоу. Телохранитель, чтобы защищать вас от теней!

Харлоу захихикал. Вздвогнув при этих звуках, он хлопнул себя ладонью по губам. Потом зашептал сквозь растопыренные пальцы:

— С-с-совсем свихнулся?

Было неясно, сказал ли он это себе или Артуру Максону.

— Вы не обращались к врачу?

— К психиатру, а?

— Нет. К терапевту. Вы выглядите постаревшим лет на двадцать.

И снова Харлоу захихикал.

— Вы меня тревожите, мой мальчик. Вам необходимо поднабраться сил.

— Я п-п-подумываю в-в-выбраться отсюда. Тут что-то водится. Что-то жуткое.

— Ах, Харлоу, не говорите так! Вы же потеряете огромное состояние. К тому же я многие долгие годы занимался делами этого владения и, конечно, буду и дальше служить его интересам еще многие долгие годы. А потому, мой мальчик, я хочу, чтобы вы остались и занялись своим здоровьем. Это наилучший выход для всех.

Артур настаивал, чтобы Харлоу не сдавался, а просто занялся собой, а Харлоу зажимал рот ладонью, чтобы удержать хихиканье, на чем разговор и исчерпался.

Вечер завершился тем, что Харлоу, стоя почти в центре ярко освещенного вестибюля, смотрел, как Артур широким шагом удаляется от дома, чтобы раствориться во тьме ночи.

* * *

Шли недели, тени твигались, и чернота дышала, и что-то стояло во тьме за ней. И на протяжении этих недель Харлоу продолжал чахнуть, теряя последние силы в накатывающихся волнах страха. И все чаще он принимался бессмысленно бормотать вслух, шептать сквозь хихиканье. Тем не менее он цеплялся за одну разумную мысль... или казавшуюся ему разумной.

«Я хочу, чтобы ОНО, чем бы ОНО ни было, не просто исчезло, а нашло бы смерть».

Харлоу начал перебирать в уме типы оружия — пистолеты, дробовики, ружья — такое, какое убивает наверняка. И тут он вспомнил, как Гарри Кэллахан говорил, что револьвер сорок четвертого калибра — самое мощное ручное огнестрельное оружие в мире, способное напрочь отстрелить голову.

«Мне такое и нужно — чтобы отстрелить ему голову напрочь».

И тут же Харлоу столкнулся с неразрешимой проблемой: как убить то, чего не видишь, то, что бежит от света?

«Как я сумею выстрелить в это? Мне же надо знать, где ОНО. Мне нужно ясно его видеть. Но я же не способен видеть в тем...»

Погоди! Вот оно! Прибор ночного видения! Или как он там называется? Неважно. То, чем пользуются в армии, чтобы видеть в темноте. Вроде очков. Надеваешь их на голову, как этот тип в «Молчании ягнят»... Баффало Билл... Ага! Баффало Билл, — и они стократ усиливают даже самый слабый свет...»

Голова его переполнилась мыслями, планами, и Харлоу в эту ночь почти не сомкнул глаз. Он сидел на кровати, закутавшись в одеяло под подбородок, и хихикал, радуясь своему тайному плану, а потом прижал ладонь к губам, чтобы не выболтать все вслух... и следил, как бесшумные тени скользят вверх по ступенькам и по стенам коридора за открытой дверью спальни, сразу за пределами света.

На следующий день он купил револьвер сорок четвертого калибра, оружие Грязного Гарри. Продавец рекомендовал пятидесятикалиберного «Орла Пустыни», но Харлоу заявил, что ему нужен «Смит-Вессон» сорок четвертого калибра. Причем немедленно. Продавец заметил машину тощего пугала и, увидев у него в руке толстую пачку банкнот, тут же временно закрыл магазин, опустил шторы и зажег все лампы — как потребовало пугало с проваленными глазами, пятясь от самых прозрачных теней. Тогда продавец сказал, что единственный раз он готов сделать исключение и продать револьвер сейчас же. Никаких проводов. Никакого разрешения. А к тому же у него оказались и очки ночного видения — за хорошую цену. Лазерный прицел Харлоу отверг: хотя красный луч был и очень тонок, это тем не менее был свет, и он мог вспугнуть ОНО.

Унимая дрожь в руках, Харлоу поехал домой, внимательно следя за тем, чтобы ненароком не превысить скорость, не забыть включить сигнал поворота, и свято соблюдал все прочие правила уличного движения. Он не хотел, чтобы регулировщики остановили его машину. Нет, ни в коем случае! Они ведь могли отобрать пистолет!

Он изнывал от нетерпения, ожидая, чтобы экономка и кухарка наконец убрались, а тогда, слыша, как колотится сердце, сел к кухонному столу и зарядил «Смит-Вессон», вложив разрывные пули в каждую камору.

«Будет только справедливо, если я убью ОНО в комнате развлечений. Ведь там ОНО воспользовалось падением напряжения и убило моего деда, когда реле не сработало, и свет погас. Убило его ночью, во тьме, именно так, как я его убью».

Харлоу взял очки ночного видения, надел их и приладил к голове, старательно избегая случайно включить усилитель.

«Ни в коем случае нельзя перегрузить очки, пока еще светло. Лучше дождаться глубокой ночи. Да, именно глубокой ночи. Вот, когда я это сделаю. Когда тьма заполнит все уголки и закоулки в доме. Честная игра и все такое прочее».

Харлоу испустил смешок, хриплый от страха, но тут же плотно сжал губы, чтобы не выдать тайны.

Уже приближалась полночь, когда — с револьвером в руке, с очками на лбу — Харлоу вышел из кухни, зажигая лампы впереди, гася их позади.

«Не хочу, чтобы где-то осталась горящая лампа, когда я щелкну последним выключателем и погружу все во тьму».

Его сердце стучало от ужаса.

Но потные пальцы сжимали револьвер сорок четвертого калибра.

Наконец он вошел в комнату развлечений.

Ловя ртом воздух, он прошел по ней, гася все лампы, кроме одной, и тени прокрадывались внутрь, сгущались вокруг.

Весь скользкий от пота, ощущая сухость во рту, Харлоу вытер ладони о брюки и взвел курок.

Протянул дрожащую руку к выключателю последней лампы... и заколебался.

«Ну, давай, Харлоу! У тебя револьвер, у тебя очки. Ты разделаешься с этой мразью».

Еле дыша, Харлоу погасил последнюю лампу.

Чернота заполнила комнату.

«Господи Иисусе, я не могу... ОНО...»

Сдержав вопль, Харлоу сдернул очки на глаза и включил их. Усилитель света заработал на полную мощность, и Харлоу увидел...

«Господи, я вижу!»

... в конусе поля зрения зеленоватые прозрачные очертания предметов. Но все равно, он же видит!

Держа перед собой тяжелый револьвер со взведенным курком, Харлоу резко поворачивал голову туда-сюда, выглядывая, высматривая... что? Он не знал. То, что прячется там. ОНО.

— В-выходи, задница! — крикнул он пронзительным, надрывающимся голосом. — К-к-козел трахнутый!

Налево-направо направлял он конус своего поля зрения.

И вдруг он понял...

«Господи, ОНО позади меня!»

... и стремительно обернулся, и увидел...

Харлоу пошатнулся, его кишки и мочевого пузырь опорожнились, револьвер выпал из его пальцев, ударился об пол, и грохот выстрела затерялся в воплях ужаса: он кричал, кричал, кричал...

* * *

Когда такси скрылось в темноте холодной октябрьской ночи, двадцатидвухлетняя Глория взяла свой дешевый чемодан и последовала за седовласым мужчиной в красивый старинный дом. Негромкое пощелкивание — и свет залил вестибюль и комнаты за ним, как внизу, так и наверху. Максон с хищной улыбкой на землистом лице трупа повернулся к пышущей здоровьем девушке и сказал:

— Ваш двоюродный дед, мисс Уиллоуби, был крайне своеобразным человеком, и вы последняя в его роду.

Нэнси А. Коллинз Блюз сомовьей девчонки

Флайджар наш — из тех южных городишек, где ход времени не так чтоб сильно чувствуешь, может, потому это, что не особо заметна смена времен года — между зимой и летом разница градусов в пять, не больше. А может, потому, что ежели вы — бедняк, голь

перекатная, вроде большинства местных, для вас десяток-другой лет — не ахти какая разница. Да и лет сто — двести — тоже, уж коли на то пошло.

А две вещи для Флайджара уж и вовсе не меняются — нищета и река. К Миссисипи городок цепляется, все равно как негритенок к матушкиной юбке, — еще бы, ведь любые заработки местного народа — хорошие ли, нет, это уж другое дело — к старушке Миссисипи привязаны, что фартук — к поясу хозяйюшки. Эх, было время, был городок портом, барки да баржи сюда заходили, плавали туда-сюда по реке. Да что говорить — дело уж прошлое, все что осталось от старых добрых деньков теперь — полусгнивший причал деревянный да пирс полуразрушенный.

И очень удобно: обломки эти заходят в реку аж на несколько сот футов, а там окуни, лини, сомы даже — хороший бесплатный приварок для любого рыбака, у кого терпения да сноровки достанет, это вам, если слушать станете, и Сэмми Херкимер подробно распишет, а уж он-то — лучший, верно, флайджарский рыболов.

Мест славных много — выбирай не хочу, но у Сэмми любимое — на Пароходной Излучине. От городка, правда, далековато — в миле, не меньше, а потому причал в таком состоянии, что успевай глядеть, куда ступаешь, но оно и неплохо — значит, местные не больно сюда суются, в самый раз для Сэмми. И вот сидит он однажды эдак, посиживает, чай ледяной из термоса прихлебывает, и вдруг — глянь, а рядом — вот кого увидеть не ожидал — Хоп Армстронг!

Хоп у нас — что-то вроде пижона здешнего. Так уж его Господь создал — по части внешности не просто хорошо, а вроде и слишком, а насчет честолубия — извините. На гитаре там поиграть, за счет дамочки какой поесть-попить — это он с полным удовольствием, никто не угонится, но вот поработать там или вроде того — нет, это не для Хопа.

— Хос-с-поди, Хоп! — хопнул Сэмми, удивленный до крайности. — Ты что здесь забыл-то? Дома у тебя пожар или что?

— Можно и так сказать, — отвечивал Хоп мрачно. — Баба моя говорит, хоть раз чего на ужин в дом принеси.

— Уж до этого дошло? — вскинул брови Сэмми.

Нынешняя бабенка Хопа — Люсинда Соломон, та, которая местный салон красоты держит. Красивая, и дела у нее идут — лучше некуда, по флайджаровским меркам, конечно. А уж жестка — что твой кулак, норов — круче не бывает, и, говорят в городишке, ладить с Люси для Хопа — первая в жизни его работа из тяжких.

Оглядел Сэмми, какие у парня снасти, и смешно ему сделалось — это ж надо додуматься, гитарку свою на реку приволок, а сеть рыболовную взять и не подумал! Покачал головой да и снова на реку стал глядеть. Помолчали они этак, помолчали, а потом старик и заговорил.

— Знаешь, Хоп, отчего это место назвали Пароходной Излучиной?

— Я так полагаю, что река здесь излучину дает, а по этой излучине раньше пароходы ходили, — пожал плечами Хоп.

— Ну и это, конечно, да только не так все просто. Давно это было. Пароход один большой ходил вверх-вниз по реке. «Цветок дельты» назывался. Шикарный, в каютах — карнизы мраморные, люстры хрустальные, ручки дверные позолоченные. Весь народ-то как услышит, что «Цветок дельты» идет, так из домов выбегает да поля бросает, чтоб только, значит, поглядеть. А потом средь бела дня вот на этом самом месте «Цветок дельты» и затонул, прям у всех на глазах. — И Сэмми указал на середину реки.

— А почему затонул-то? — Хоп заинтересовался, любопытство в голосе появилось.

— По правде сказать, никто и не знает. Кто говорит — котел взорвался, кто — пожар на борту случился. Может, бревно какое плавучее днище проломило. Столько времени прошло, кто теперь поймет? Да только бабка моя другое говорила. Клялась, что «Цветок дельты» сомовьи девчонки сгубили.

Хоп так на старика и вытаращился.

— Шутки со мной вздумал шутить, Сэмми?

— Вот уж нет, сэр! — Сэмми даже головой затряс для верности. — Сомовьи девчонки всегда в этих местах жили — раньше черных, раньше белых, раньше индейцев даже. В реке и живут, на дне, где ила много. До пояса — как есть женщины, а ниже — огромные сомы. От людей подальше держатся. Вообще-то они ничего, не злые, но люди говорили, «Цветок дельты» одну из них в колесо случайно затянул, аж на куски ее разорвало.

Обернулся Хоп, глянул на старика с интересом.

— А сам-то ты, Семми, хоть одну сомовью девчонку... ВИДЕЛ?

— Нет, сам не видел. Я и не искал их, по правде-то. Да и бабка моя говорила — коли не находят тех дураков, что ночью в реке купаются, сомовьих девчонок это работа. Они утопленников подбирают, в иле хоронят, пока не сгниют. Гнилое-то мясо им есть легче...

Хопа перекосило.

— Да ладно тебе! Мало того что моя бабенка меня сюда отправила, так еще ты здесь про сомовьих девчонок болтаешь, как они мертвяков лопают!

— Ну, извиняйте. И в мыслях не было, что такой ты у нас чувствительный.

Снова помолчали, а после Сэмми на гитару кивнул.

— Ты ж вроде на рыбалку пришел, на кой бренчалку-то приволок?

— Человек что — одновременно два дела делать не может, по-твоему?

— Может, сдается, да я бы не советовал. Рыбу распугаешь.

— Или сомовью девчонку приворожу, — ухмыльнулся Хоп.

— Да уж коли у кого получится, так это у тебя. — Сэмми вздохнул, заглянул в ведро. — Ну ладно, половил, на сегодня будет. Поплетусь-ка я домой, как раз к ужину почистить и поспею. Ежели сомовьих девчонок привораживать надумаешь, Хоп, так удачи тебе. И смотри здесь.

— Ты тоже поглядывай, Сэмми, — процедил лениво Хоп, а сам так на реку и глядит.

* * *

Надобно признать, на реке в солнечный, вот как нынче, денек Хопу было совсем не плохо. Жарко, да не слишком, а от воды — ветерок славненький... и потом, хоть здесь-то бабе этой чертовой за ним не уследить.

Ох, не из тех Люсинда женщин, которым легко угодить, совсем не из тех. Когда не в духе — так и вовсе с нею не ужиться, а не в духе-то она теперь почитай всегда. Понимать начинал Хоп — верный признак, что конец приходит его сладким денечкам безделья да житья у миз Соломон, как у Христа за пазухой, да не в его манере это — соскакивать, не имея за кого теперь зацепиться. Только вот беда — на его вкусы да запросы маловато во Флайджаре подходящих дамочек, особо не покидаешься, и выходит, что как ни кинь, а придется ему еще с Люсиндой горе погоревать. Ну и ладно, Пароходная Излучина — от городка далеко, в самый раз, чтоб Люсинде понять, как он спину гнет, трудится — или не трудится, — лишь бы на закате на столе ужин стоял. Ему ж лучше.

Размышляя этак, вынул он из коробочки со снастью свою раскладную удочку, разложил да и вставил в щель меж щербатыми досками. Крючок приладил, наживку прицепил и забросил леску подальше, в мутную реку. Одним глазом на поплавок посматривает, а сам, глядь, к деревяшке ближайшей уже привалился и гитару к груди прижимает.

Было ль в жизни у Хопа такое время, когда музыка ему не легко давалась? Пожалуй, что и нет. Пешком под стол ходил — и тогда что хотел, то с гитарой и делал, в точности по задумке. Как с бабами — так и с музыкой. На гитаре играть — как дышать, как есть, это вам не хлопок собирать, не трактором править!

Хоп пригляделся к речной глади — до чего же спокойной кажется, уж до того широка, глазами ее силы, пожалуй, и не определишь. Только потому и понимаешь, до чего могуча, что видишь, как огромные бревна плавучие в мгновение ока мимо проносятся. Иногда цельные стволы дубовые к Мексиканскому заливу несутся, друг друга обгоняют. Сегодня —

поспокойнее, и бревна, что вниз по течению плывут, — со шпалы железнодорожные, не больше.

Ну, никак не выкинуть из головы байку, что Сэмми рассказал. Не в сомовьих девчонках дело — слышал он про это, брехня все. А вот про «Цветок дельты» — да-а, это ему прямо в сердце запало. Интересно, а каково оно было-то — тогда жить, когда пароходы плавали, шиком да блеском клоповники вроде Флайджара ослепляли?

И подумать только, самый шикарный из старых добрых колесных пароходов вот прямо тут жизнь свою и закончил, камушком добросить отсюда, где сидишь, вся эта красотища — да разом в миссисипскую грязную воду! А он-то, Хоп, только и видывал на реке, что баржи-плоскодонки да катерки случайные, редко-редко когда — яхточки залетные. Да уж, не те корабли, какие воображение потрясает да сердечко колотиться заставляют. Чтоб на баржу поглядеть, народ пятки сбивать не станет, это уж верно.

Хоп подивился — любопытно бы знать, а осталось на дне Пароходной Излучины ну хоть что от «Цветка дельты»? Да разве теперь узнаешь... Уж коли река секрет какой хранит, так раскрывать его не торопится. И все ж таки, а славно помечтать — вот бы разглядеть сейчас в воде пароходную палубу!

Ну так прямо и видишь этот самый плавающий дворец, беленький, что твоя хлопковая головка, а трубы — ну точно бочки, дымят, как сигары плантаторские, и плывет себе, катит по Миссисипи, а наверху — красотки-южанки в юбках на обручах, по верхней палубе прогуливаются, перья на шляпах дрожат, что птички в клетках, а в салоне — другая жизнь, там шулера пароходные в костюмчиках молексиновых, в цилиндрах беленьких серебряные доллары да золотые десятки на столы игорные мечут. И сам он среди прочих, одет — как в «Унесенных ветром», тоже мне, Кларк Гейбл, на палубу выходит, шляпу перед дамочками приподымает, а потом в шикарный салон, на бал вечерний. Эх, и житуха ж была в те времена!

И вот, стал-быть, танцует призрачный Хоп под хрустальными люстрами с дамочкой, которая — ну точь-в-точь Вивьен Ли, а настоящий Хоп тем временем ловкими пальцами музыку подбирает. Конечно, «Доброй ночи, Айрин» в те времена в ходу еще не была, но ведь он же просто мечтает и нечего придирается.

Играл Хоп, играл, да вдруг на середине реки вроде как шевеление наметилось. Глянул он — а с места, где он сидит, кажется, будто пловец какой посреди излучины вынырнул, в том самом месте, где, Сэмми болтал, «Цветок дельты» на дно ушел.

Вынырнул пловец — да сразу и снова нырнул. Быть такого не может!

В Миссисипи купаться — для здоровья так же полезно, как зажженным фитилем динамитным вместо нитки в зубах ковырять. Частенько случается, что дурак какой в сосиску нажрется да и хвалится, переплыву, мол, реку. Войдет в воду — да и пропадет футах в десяти от берега без следа. Коли семье повезет, так, может, и всплывет через пару дней, миль на пятьдесят пониже по течению, за сучья дерева-плавуна зацепившись, а уж раздуло так, что свиньи от человека не отличить. Только не похоже было то, что Хоп увидел, на мертвяка, на поверхность всплывшего. Главное, на одном месте держалось, по течению не плыло. Прикрыл Хоп от солнца глаза ладонью, разглядеть получше хотел — а там уж и нет ничего. Тут поплавок у него задержался, на крючок что-то попало, он и стал ближе к берегу смотреть. Гитару отложил, тянет за удочку, вытянул, а на крючке — сом, фунтиков этак на десять.

Да уж, нынче вечером Люсинде придирается не к чему будет, что верно, то верно.

Стал он домой собираться, снасти на одно плечо повесил, гитару — на другое нацепил, а все ему не по себе. Ну, прям напасть какая-то — все мерещится, что наблюдает за ним кто-то — и не сом, что на крючке с пояса свисает.

* * *

Лежал Хоп ночью в постели — Люсинда рядышком посапывала — да и раздумался.

А может, то, что Сэмми про сомовьих девчонок говорил, и не простая байка? Помнится,

сам он прочел в журнальчике — с желтой обложкой, в парикмахерской листал, — рыбу вон одну тоже все сказкой считали, а пару лет назад в дальней стране ее и поймали! И вообще, да кто он таков, чтоб решать, есть ли сомовьи девчонки, нет ли их, коли сроду никого не видел, кто б побывал на дне Миссисипи и живым оттуда вернулся?..

На следующий день Хоп сам на рыбалку идти вызвался, Люсинде и понукать не понадобилось.

Решил — а попытаю-ка я снова удачи на Пароходной Излучине! Пришел к доку, видит — нет никого, сразу на душе полегчало. Забрался на док, в точности как вчера, полчаса проторчал, все ждал, не случится ли что, а потом удочку отложил, а гитару подобрал — надо ж как-то время скоротать.

Только «Полночный стон» до середины доиграл — слышит, а возле пирса словно рыбина огромная плеснула. Глянул он, чтоб, значит, понять, отчего шум-то, — и такое увидел, еще бы чуть — и бренчалку свою в воду б уронил.

Футах в ста от дока голова человеческая из воды высунулась. Охнул Хоп от изумления, дыхание занялось, а голова-то и ушла снова в илистую воду, тихо ушла, и кругов на том месте не пошло. Минуты не прошло — задергалась Хопова леска, да так сильно — чуть удочку в реку не уволокло.

* * *

Пятнадацифунтового сома притащил в тот вечер домой Хоп, Люсинда восхищается, а он молчит про то, что на реке видел. Ровно подсказал кто — что б оно такое ни было, там, на Пароходной Излучине, держи-ка ты это при себе!

На третий-то день Хоп и леску в воду забросить не позаботился. Понял уже, что эту тварь речную все к доку тянет. Точно не светляки, которых он как наживку использует, черт подери.

Подобрался он к самому краю причала, аккуратненько, разболтанных да дырявых досок остерегаясь. Сел, ноги с причала свесил. Поразмыслил, посомневался с минутку, а потом и решил — лучше «Грязных вод» тут не выбрать.

И вот в точности как тогда, только до середины песни дошел — а оно, чудо это, и выплыло. У Хопа сердце-то колотится, аж дух захватывает, а он играть себя заставляет. Не хочет спугнуть, значит. Как первую песню закончил, не остановился, сразу на «Пони блюз» перешел.

Сначала, пока играл, на струны глядел, старался вид сделать, что, дескать, и не замечает, слушает ли его кто. Но уж на «Вокруг луны» не сдержался, рискнул, поглядел в сторону этой самой — а она прямо вниз, под ногами его болтающимися! На него уставилась, а глаза — огромные, черные, вроде как одни зрачки.

Поразился Хоп — до чего сомовья девчонка на человека походит. Сэмми-то такого нарасказал, он и вообразил незнамо что, рыбину в парике кудрявом, а тут — нетушки. Дьявол, да в церкви бабенкам до этой — как до небес!

Губастая она, конечно, по-рыбы, и рот огромный, жуть, а вместо носа — две щели, но если на этом не заострять — нет, ДАЛЕКО не уродина. Волосы, правда, нечесанные — кошмар, и в кудряшках растрепанных чего только не напутано — водоросли, моллюски живые, все на свете. А что там ниже плеч — в воде не видать, только жабры и заметил, как они у самой шеи открываются да закрываются.

А глядит-то сомовья девчонка на него как — Хоп только и засмеялся в душе. Рыба она наполовину, нет ли — а уж таких вот выражений у женщин на рожицах Хоп навидался, это да. Крепко, похоже, зацепил он деваху эту, а теперь — самое, значит, время ее подмаслить.

Заглянул Хоп сомовьей девчонке в самые глаза, усмехнулся.

— Ну, привет, рыбонька. Послушать, как я играю, пришла?

У сомовьей девчонки мечтательность с лица слетела — удивилась вроде. Оглядывается, смущается, словно и как сюда попала — невдомек, а потом назад метнулась, ни дать ни взять

— дельфин на хвосте.

— Не уплывай! Пожалуйста! — кричит Хоп, руку протянул, чтоб ее только остановить.

И ведь скажи на милость — не уплыла сомовья девчонка, назад повернула, разглядывает его с интересом, а сама плещется себе в Миссисипи, то туда, то сюда, ну точь-в-точь — малышка в бассейне на дворе.

— Нечего тебе меня бояться, рыбонька, — заулыбался Хоп по-доброму. — Уж не обижу. Может, еще малость для тебя поиграть? — И гитару поднял, ей показал.

Девчонка сомовья поняла. Закивала радостно, руку мокрую вытянула, пальцем перепончатым в гитару тычет. Еще пуще Хоп заулыбался — сделайте одолжение, с того самого места «Вниз по реке» начал, где раньше остановился.

Когда солнце садиться стало, у Хопа руки прямо отваливались, по пальцам кровь текла. Сыграл сомовьей девчонке понемножку из всего что умел — блюзы, блюграсс, хонки-тонки, песни ковбойские, даже колыбельных парочку — надо ж было узнать, что сомовьей девчонке понравится, а что — нет. Оказалось — на блюзах она прямо помешанная, оно и понятно: блюз-то ведь не где-нибудь — на берегах Миссисипи рожден!

Отложил он наконец гитару, девчонка сомовья нырк — и прямо в мутную воду. И минуты не прошло — из воды громаднейший сом вылетел, как из пушки выпущенный, и на причал плюхнулся. Подобрал Хоп бьющуюся рыбину, да головой-то покачал.

Сказал:

— Благодарю, конечно, только не этого мне надо. — Бросил рыбину обратно в реку, вынул из кармана доллар серебряный, двумя пальцами зажал, покрутил, чтоб под солнцем закатным заблестел. — Хочешь, чтоб еще для тебя играл, — и мне дай чего хочу, а я, милая, вот этого желаю.

Тут девчонка сомовья снова на поверхность всплыла, так на монету и уставилась, а после опять нырнула. Хоп стоит, с ноги на ногу переминается. Минута прошла, две — от сомовьей девчонки ни слуху ни духу. Может, пережал он малость, слишком рано давить на нее стал?

И вдруг ему что-то в самую грудь стукнуло — тяжелое, мокрое, на доски упало, зазвенело металлом. Наклонился Хоп, поднял кружочек чеканный, а руки так и трясутся. Грязь да ил с монеты отер — а она не серебром отливает, блеском золотым светится!

Охнул он от радости — и тотчас озиаться стал, уж не заметил ли кто его удачи, но нет, на причале он — один-одинешенек, то есть ежели только людей, конечно, считать. Вот ведь счастье какое привалило!

И все это — за песенку несчастную.

* * *

Лето, стало быть, шло, а Хоп на Пароходную Излучину и вовсе зачастил, на утренней заре приходил, до вечерней сидел, а уходит — в карманах мокро, да зато не пусто. Иногда, конечно, в доке Сэмми Херкимер рыбачил, тут уж хочешь не хочешь — жди, пока старый хрен уберется, но это редко когда случалось, а обычно — не о чем печалиться.

Люсинде, ясно, поначалу ох и подозрительно стало, с чего это он вдруг рыбаком заделался, но видит — домой приходит, духами от него не пахнет, воротник проверяла — в помаде не вымазан, ну и успокоилась — чем бы дитя ни тешилось. Не знала Люсинда про банку из-под «Фолджерса», у гаража зарытую, золотыми да серебряными монетами набитую, и про сумку побрякушек золотых, что в поленнице за домом спрятана, тоже не ведала. А с какой это радости Хопу ей про богатство свое тайное рассказывать — чтоб пытать начала, откуда взял да что там поделывал?

Ну да, Люсинде хоть словцо про сомовью девчонку шепни — к завтраму весь Флайджар, от стариков глухих до детишек малых, на причале выстроится, на всем на чем хошь играя, банджо ли, гармошке ли губной, — чтоб только к удаче чужой примазаться. Нетушки, коли Хопа спросить, так мало ему радости без нужды счастьем своему вредить!

А как не останется у Рыбоньки (так он ее прозвал) чем за песни платить, выкопает он свою банку кофейную, подхватит рюкзачок, от золотишка едва не лопающийся, — и вперед, в большой город, в Джексон там или Гринвилл. Черт, да чего там — в Чарлстон можно податься или в сам Нью-Орлеан! Да какая разница куда, главное, чтоб дамочки были помоложе да пошикарнее, не то что во Флайджаре хреновом, и чтоб пивом по воскресеньям торговали. Судя по тому, как Рыбонька во время последних концертов себя вела, и гадать особо не надо — скоро поскребыши хвостом сметать станет, ежели можно так выразиться.

Дерганая стала, нервничает, то пугается чуть что, лягушка квакнет — а она уже на дно, то глазищами своими уставится, поцелуйчики воздушные посылает. Он, Хоп, может, и не очень образованный, но уж в бабах-то он разбирается, черт подери, изучил, а Рыбонька сейчас — типичная бабенка, у которой с монетой туговато становится.

Пошел Хоп на Пароходную Излучину — а сам твердо решил: все, последняя это его серенада для сомовьей девчонки и последний денек во Флайджаре, в дыре проклятой. Золото у него уж есть, а впереди, в широком мире, небось где-то и слава ждет, стоит только руку протянуть.

* * *

Посмотрел Хоп на небо, на тучи серые поморщился. С самого утра дождик льет, то припустит, то прекратит, а уж как тропинку развезло единственную, что к причалу на Пароходной Излучине ведет, — жуть. Противно, конечно, в грязи по колено барахтаться, но, может, оно и неплохо — в такие поганые деньки можно не беспокоиться, не шныряет ли кто поблизости.

Хоп ремень от гитары поудобнее через плечо перекинул да и пошел поскорее к берегу. Ну вот, значит, и причал заброшенный, скользкий, дрянь, а что ж делать — сел поудобней на краешек, привык уже, ноги над водой свесил и заиграл «Посади на могилке моей цветы».

Вот сейчас Рыбонька появится. Всплывает на поверхность ярдах в пятнадцати, стоит ему заиграть, потом поближе подбирается, замирает, глядит, как птичка, змеей зачарованная. Ох, знает он такие взгляды, навидался у дамочек, когда на танцульках играл. Ясно, скажи он слово — Рыбонька в крапиву кинется, да что там — в огонь жгучий войдет!

Закончил он первую песню, глаза на воду скосил — а сомовья девчонка отчего-то ждать себя заставляет. Задумался Хоп — может, не слышит она его? Он же не знает, где она живет — хотя сильно похоже на то, что далеко от Пароходной Излучины не заплывает. Может, мелодию сменить, черт ее знает, мало ли, может, ей «Хлопковые поля» не покатило? Сменил — нет, не показывается. Хоп еще сильнее призадумался — видать, точно завязывать пора. Заиграл «Подпрыгнул дьявол» — уж из самых ее любимых.

Под ногами у него всплеск раздался, прямо под водой — разглядеть можно — фигура возникла, за столбом причальным прячется. Ухмыльнулся Хоп понимающе: роберт-джонсоновы блюзы — они на баб прям как колдовство действуют, ноги там у бабы или хвост — без разницы.

Позвал:

— Что это вдруг застеснялась, лапонька? Выплывай, дай хоть на личико твое поглядеть!

Возле пирса вода просто пузырями пошла, все равно как закипела. Хоп возьми да и наклонись. Глядит вниз, в мутную воду, ноги в воздухе болтаются.

— Эй, Рыбонька, это ты?

Быстро все случилось — только сердце захолонуло. Тварь чешуйчатая со ртом разинутым, зубами острыми наполненным, вылетела и челюстями, как капканом стальным, ноги Хопа и ухватила. Всего-то раз вскрикнуть и успел, тонким звериным криком захлебнуться, когда его, с гитарой вместе, в воду ледяную поволокли.

Сошлись над Хопом грязные воды старушки Миссисипи, и последнее, что он, помирая уж, увидал — девчонку сомовью. Смотрит, как он тонет, а в глазах распухших, зареванных — горе неизбывное.

Народ-то флайджаровский, когда Хоп Армстронг так с рыбалки и не вернулся, на том порешил, что подружку он себе новую завел, издалека, да и сбежал от Люсинды, лучшую долю искать. Хотя и такие были, что подумали — напился наш красавчик беспутный и по пьяной-то лавочке в дыру между досками свалился, утоп. Поболтали, конечно, малость — но на самом-то деле, кому какая, к дьяволу, разница? А пара недель прошла — и другие темы нашлись, о чем в парикмахерской судачить.

Три месяца прошло, как Хоп исчез. Закинул Сэмми Херкимер удочку, а крючок у самого пирса вдруг за что-то и зацепись. Он сперва решил, в водорослях каких запутался. Вытащил, а на крючке — бренчалка Хопова!

Гитара. Та, что дамочек очаровывала, из юбок их вытряхивала, денежки последние из кошельков у них выскребала. Теперь-то на ней все струны полопались, гриф растресканный, полировка вся ободрана, ровно зубами обкусана. Сэмми, инструмент изломанный с крючка снимая, только головой и покачал. Нет, не удивила его находка. Может, в том, что с Хопом бедным случилось, и его вины немного есть. Он ведь парню про сомовьих девчонок рассказал... рассказал, да не все. Про то забыл поведать, отчего это сомовьи девчонки — ЕДИНСТВЕННЫЕ русалочки, что на Пароходной Излучине обосновались.

Ох, парни, одно про них помните — большие они собственницы, а уж ревнивые...

Бентли Литтл Театр

Без десяти девять, закрываться скоро, и Патнэму отчаянно хочется в туалет. Он сдвигает ноги, стискивает зубы. В книжном магазинчике — ни души. Последний покупатель умотал минуту назад, два часа проторчал, на цент не купил, слава Богу, больше никто не пришел. Он размышляет, решает — пора, наверно, уже закрывать, точнее, это мочевого пузыря за него решает. Мистер Карр узнает — повесится, а может, и нет, наверно, старик подумает — пусть уж лучше раньше запрет, чем хоть на время бросит магазин на произвол судьбы.

Он подцепляет с полки у кассы связку ключей, торопится к двери, выбирает нужный ключ, находит, вставляет в замочную скважину, поворачивает с усилием, пока не раздастся звонкий щелчок. Переворачивает знак на витрине — было «МЫ ОТКРЫТЫ», стало «ИЗВИНИТЕ, МЫ ЗАКРЫТЫ». Опрометью, галопом несется в туалет позади магазинчика.

В самый раз вовремя.

Патнэм отправился на маленький склад, туда, где вешалка, не торопясь, в блаженном облегчении. Застегивая ремень, поднял глаза и обнаружил, что глядит прямехонько на узкую деревянную дверь напротив туалета. Офигеть можно. Почти месяц в магазине работает, как только каникулы начались, сюда пришел, ясно ж, видел уже эту дверь, а словно бы и не замечал.

Напрягает это почему-то.

Подошел, повернул почернелую металлическую ручку — ни черта. Дверь заперта. Оставил в покое ручку — а если ключом? Половину ключей из связки перепробовал на случай, вдруг какой подойдет, а потом подумал — нет, наверно, лучше у мистера Карра спросить. Может, там просто чулан. А может, хранилище для особо ценных книжек, да мало ли что, нечего самому себе проблемы создавать.

Он засунул ключи в карман и отправился обратно в магазин.

На следующий день, когда инвентаризацию с мистером Карром проводили, и правда спросил. Думал, старикашка ему просто расскажет, что там за дверью, объяснит скучающим, унылым тоном, как про все объяснял, где что находится. Нет, ТАКОЙ реакции никак не ожидал.

Такого страха.

Такого ужаса.

Господи, ну прям как в кино, мистер Карр на глазах побелел. Не то что со щек — с губ краска сбежала, глаза круглыми стали, смешно. В руку Патнэму вцепился, сжал, пальцы

костлявые, больно — жуть.

— Ты туда случайно не заходил?

— Туда? Заходил? Да я, наоборот, спрашиваю, что там.

Мистер Карр облизнул губы.

— Я сам виноват, надо было тебе раньше рассказать. — Пальцы разжал, рука безвольно повисла вдоль тела, только голос остался испуганным. — За дверью — лестница в театр. Понимаешь, эти магазинчики... — Указал пальцем, видимо, в сторону бутика и ювелирной лавочки, что за стеной. — Когда-то были связаны между собой. А наверху — театр. Первый оперный театр в этом штате, первый, который вообще у нас в стране открылся. Потом-то владельцы разорились, но тогда, в начале девятисотых, у них величайшие таланты выступали. Сам великий Карузо там пел, много тогдашних звезд. Но мало было настоящих ценителей, чтоб окупать такой театр, вот он и перестал существовать. Здание пустовало довольно долго, а потом кто-то его купил — разбил первый этаж на все эти магазинчики. А второй этаж и театр, конечно, просто заброшены.

Патнэм подождал в надежде услышать еще. Но нет — старик уже отворачивается, наклоняется, озирает стопки книг на полу. Патнэм не шевелится. Смотрит на руки мистера Карра, что поднимают пыльный, в кожу переплетенный фолиант. А руки дрожат, и книга вот-вот упадет. С чего бы это мистер Карр так задержался? Хотел спросить, а потом поглядел на блестящую лысину на макушке старикана в венчике тонких седых волос — и почему-то передумал.

Опустился на колени, начал помогать.

По воскресеньям Патнэм один работает. Мистер Карр по воскресеньям книги скупает, рыщет по развалам, по гаражным распродажам, по дешевым аукционам, а магазин на попечение Патнэма оставляет. Магазин, как все маленькие лавчонки в центре старого города. По выходным в шесть закрывается, Патнэм дома бывает как раз к «Двадцатке самых-самых».

Но на сегодня у него другие планы.

Запер двери в пять минут седьмого. Проследил, как запоздалый студент волочет к машине кипу секондхэндových учебников, перевернул знак, потушил свет в витрине и пошел на склад. Постоял немножко перед дверью, размышляя, чем же она отличается от двери в туалет, может, негативные вибрации уловятся? Фиги. Нормальное такое ощущение ребячьего тайного восторга. Какое всегда бывает, когда делаешь что-нибудь запретное.

Патнэм стал пробовать ключи дальше.

На четвертой попытке дверь отперлась как миленькая, и вот уже Патнэм медленно поворачивает ручку, толкает от себя. А за дверью — и вправду лестница, много-много хлипких деревянных ступенек, покрытых серой пылью. А высокие стены — тоже деревянные. А на большущей балке в центре потолка — две голые лампочки, древние как незнамо что. Он всмотрелся в сумрак впереди, выше по лестнице — наверно, где-то там черный ход в театр, наверно, этой лестницей осветители и рабочие сцены пользовались. Пошел наверх. Перил у лестницы нет — кажется, вот-вот равновесие потеряешь, но это проходит, если за стены держаться. Один шаг — две ступеньки.

Дошел. Остановился. Впереди тянется вдаль какой-то коридор, длинный, через все здание, похоже, заканчивается где-то над бутиком, или над ювелирной лавчонкой, или за ней, над сувенирным магазином. В коридоре — темень, хоть глаз выколи, только и свету малость пробивается, который снизу, из книжного, а на том конце — черно. В темноте — участки темноты еще большей, у него такое чувство, что там — выходы из коридора в другие комнаты. Но наверняка не скажешь, больно темно; он помчался вниз по лестнице, отыскал под прилавком фонарик и — бегом назад.

Наверху он включил фонарик и посветил в коридор. Правда, проемы дверные, а дверей нет, и он сунулся в ближайший. Желтая полоска света заплескала на голых стенах, на пыльной батарее, на заложенном кирпичами окне. В дальнем конце комнаты, в левой стене — еще один проход, его шаги по паркету гулко отдаются в тишине. Направил свет в черный проем. Увидел низкую ванну, одинокий умывальник, старинный унитаз. Мгновение оглядывал

ванную, ощущая странную неловкость, потом торопливо обернулся и через первую комнату вышел в коридор.

Следующий проход. И еще один. И еще.

И вот это — театр? Больше на отель смахивает. Куда из коридора ни зайдешь — везде сплошные спальни и ванные, спланированные один к одному, каждая следующая — копия предыдущей. Он продолжал исследование, чем дальше по коридору — тем тревожней на душе. Несколько комнат оказались совершенно пусты, во всех остальных сохранилась мебель: кровати с высокими спинками, керосиновые лампы на ночных столиках, темные деревянные бюро, жесткие стулья. В каждой комнате — батарея и замурованное окно, когда-то, должно быть, выходившее на улицу.

Он заглянул наконец в последнюю комнату.

Увидел мертвеца, сидящего в покрытом пропыленным чехлом кресле.

Подскочил. Уронил фонарик. Чуть не закричал.

Уже собирался удирать — и вдруг в свете упавшего фонарика различил, что фигура — вовсе не человек. Оно не мертвое, оно живым-то никогда не было. Просто брюки и рубашка, увенчанные старой болванкой для париков.

Он наклонился, поднял фонарик, высветил сначала фигуру, потом прошелся лучом по комнате. Не спальня. Уже. Длиннее. Пол явно скошен вверх. Замурованное окно скрыто за плотным красным занавесом. Ни кроватей, ни тумбочек, только четыре кресла, одно, болванкой увенчанное, — лицом к двери, остальные — к стене?

Нет, не к стене.

К СЦЕНЕ.

Патнэм шагнул в комнату.

Вот, значит, что от театра осталось.

Страшно ему почему-то. Думал, увидит нечто величественное, громадное, оркестровую яму, балкон, зрительный зал — гигантский, с витыми колоннами, с креслами, бархатом обитыми. Уж никак не эту унылую узкую комнату, одинокого зрителя-болванку, жалкую, простенькую, доморощенную сцену. Все — странное, высвечиваемое неверным лучом.

ТЫ ТУДА СЛУЧАЙНО НЕ ЗАХОДИЛ?

Он направляет фонарик вверх, на сцену. А на возвышении — целый стол маленьких фигурок, с кукол размером, жуткие, уродливые твари, упакованные в тканевые и меховые прикиды. Он подходит ближе. Луч фокусируется на ближайшей фигурке. Грязная. Гнусная. Противоестественная. Голова — больше тела, и сделана вроде как из выдолбленной тыквы. А может, из батата? Или все-таки из тыквы, что-то типа этого. Глаза — глубоко посаженные камушки. Деревянный нос торчит. А зубы — настоящие, человеческие зубы, блестят в искривленной усмешкой дыре рта.

По спине мороз идет, но фонарик движется, от одной фигурки — к другой, у каждой — свое выражение, свой костюм, но все одинаково жутковатые, и все, похоже, из одних и тех же материалов. Все расставлены и рассажены так, будто застыли посреди представления.

Патнэм и подумать не успевает, а уже делает шаг к сцене. Холодно, откуда-то резким сквозняком веет, но странный перепад температуры как-то скользит по краю восприятия, у него внутри уж и так все похолодело. Он тянется пальцем к ближайшей фигурке и осторожно дотрагивается. Такая теплая. И мягкая.

Он отскочил. Даже затошнило от отвращения. Буквально отпрыгнул — лишь бы скорей от сцены подальше. Палец, которым до куклы дотронулся, чуть скользкий, и Патнэм вытягивает его перед собой, точно боится испачкаться.

Назад, к двери, осторожно, только ни к чему не прикасаться. Поганные куклы, поганный театр! Возненавидел он их страстно, странной, иррациональной ненавистью, такой даже не ожидаешь, такую и по полочкам раскладывать неохота. Одного хочется — убраться от этого места подальше. Обратно в магазин. Не надо было ему сюда подниматься. Что-то здесь... неправильное, сначала от этого страх пробрал, а теперь — необъяснимое омерзение.

Он почти бегом выбежал в коридор, а к тому времени как добрался до конца, до

лестницы, уже во всю мочь неся. Снова — по две ступеньки за раз, и вниз, и захлопнуть за собой дверь, и повернуть ключ — дрожащими руками. Неплохо бы палец помыть, да уж больно не хочется в магазине находиться, нет, только не в одиночестве, только не с этой комнатой наверху, и вместо того чтоб в туалет зайти, он торопливо выключает оставшийся свет, запирает дверь и уматывает.

Постоял немножко на улице возле магазина, пот льется, дыхание тяжелое. Оглядывал длинное здание. Никогда не замечал, что все лавчонки расположены в одном доме, фасады у них — совершенно разные, и уж точно бы не заметил, что есть здесь еще и второй этаж. Но теперь-то, когда он знает, очень хорошо заметны заштукатуренные кирпичные прямоугольники, замурованные окна наверху. Попытался было посчитать окна от книжного магазина и дальше, интересно, а за какими кирпичами спрятан театр, попытался — и бросил. Нет, не стоит узнавать.

Дрожа, поплелся за угол, за углом — парковка, там он машину свою оставляет.

Пять минут спустя он был уже дома. Первым делом — в ванную, палец мыть. Отскребал кожу сначала «Давом», потом — мало показалось — «Аяксом», а ощущение скользкости так до конца и не прошло. Он полез в аптечку, вынул коробочку лейкопластырей, в несколько слоев замотал палец и почувствовал себя малость получше.

— Патнэм! — Голос матери из кухни. — Это ты? Ты вернулся?

— Да! — вопит он в ответ. — Я дома! — Надо же, как странно, кричит — а голос тихим кажется.

— Скоро обедать будем!

Он идет в холл.

— Обедать... а что у нас?

Голова матери высовывается из кухонной двери.

— Цыпленок с жареной тыквой.

С ТЫКВОЙ.

Он мигает. В голове картинка: мать оглаживает тыкву, надевает на нее парик, прорезает глаза, рот, вставляет нос. Мать смотрит в холл, прямо на него. Сердце в груди падает. Почему она так на него смотрит? Что у нее за улыбочка, словно бы подозрительная?

Он отводит глаза. Бред какой-то. Сумасшествие. И все равно — мать возвращается в кухню, а он не может идти следом, страшно, страшно, что увидишь на столе у плиты. Одну из тех кукол?

Он глубоко вздыхает. Только бы руки перестали дрожать. Что ж он такое, этот театр? Что за куклы такие, отчего они его так напрягают? Почему та, другая фигура, та болванка не произвела на него впечатления, а вот куклы?.. Наоборот, теперь, когда вспоминаешь то сидящее нечто, думаешь про шмотки на стуле, про болванку для париков, взирающую на дверь, чувствуешь нелепое успокоение.

— Патнэм! Зови сестру! Есть пора!

— Шас, мам! — Голос у него уже не заторможенный, громкий, нормальный, и он направляется в гостиную, где сидит на ковре перед телевизором Дженни.

А рядом на полу — кукла с тыквенной башкой, овощная физиономия в обрамлении черных косм, огромная пасть раз и навсегда разинута в неестественной улыбке.

У Патнэма сердце — как молоток кузнечный бьет.

— Ты что здесь делаешь, с ЭТИМ? — рычит он.

Хватает куклу с пола, стискивает в руках, жмет, чувствует ладонями липкую мягкость тыквенной плоти, инстинктивно отшвыривает фигурку, наступает, давя на нее ногой.

Дженни устала в шоке. Зарыдала. Закричала:

— Ты — ее — убил!

Он посмотрел вниз на растерзанную игрушку. На пластиковую красоточку с малиновыми щеками и платиновыми кудрями. Обычная кукла, да таких тысячи, ни черта особенного.

Дженни все всхлипывала.

— Почему ты убил мою куколку?

Он попытался сглотнуть. Заговорить. Рот открылся, но там — не то что слов, слюны не оказалось. Еле успел добежать до туалета и наклониться над унитазом — наизнанку вывернуло.

* * *

На следующий день ему было плохо. Правда, плохо. Не прикидывался. Позвонил мистеру Карру, сказал старику, что не придет, а на другом конце провода — каменное молчание.

Он откашлялся.

— Завтра, наверно, я уже смогу прийти.

Голос у мистера Карра еле слышный:

— Все-таки побывал наверху, да? Видел театр?

Наверно, надо бы соврать, наверно, промолчать... но он смотрит на палец, замотанный лейкопластырем, и неожиданно шепчет: «Да».

Снова висит молчание. Наконец мистер Карр выдавливает из себя: «Они не могут оттуда спуститься. И никогда не смогут».

Патнэм с сомнением качает головой — хорошо, старик его не видит.

— Я не... — пытается он.

— Я тебя предупреждал — не ходи туда.

— Я пришлю вам ключи. Я... я не могу туда вернуться.

— Вернешься, — отвечает мистер Карр печально.

— Нет уж, — Патнэм чувствует, как в глазах закипают слезы.

— Вернешься, конечно.

— Нет. — А вот теперь он уже всерьез ревет, слезы по щекам сбегает.

— Да, — мягко говорит мистер Карр.

Патнэм дает отбой. Вешает трубку. Снова снимает.

— Да, — шипит он свободным гудком.

Единственным местом, где он мог не думать о театре и о куклах, оказался магазин. Дома, в супермаркетах, на улице — везде в глазах одно и то же, никак не избавиться. Все время ждал — вот-вот появится одна из этих фигурок, та ли, другая ли, — ждал, понимая, что ждет напрасно, ждал, почти наяву видя маленьких жутких монстров в машинах, в кустах, в туалете...

А вот на работу утром как приходишь — и будто выключатель в голове щелкает, от мыслей, от картинок сознание отключает. Только через порог переступишь — и с тобой уже все нормально, ты такой, каким раньше был, о чем угодно думать можешь, о настоящем, прошедшем, будущем, и образы этих... тварей... не пристебываются.

Он так и не поговорил с мистером Карром о том, что видел, да и старикашка про это больше не упоминал.

Иногда он думал: наверно, все на свете предопределено, предрешено, наверно, все может идти только как идет, не иначе. Такой уж сценарий, по которому он должен был найти работу в книжном магазинчике, а потом обнаружить дверь, а потом — прокрасться наверх.

Должен был увидеть театр.

Он заставлял себя подумать о другом — заставлял, потому что думать об этом страшно. Думать об этом — значит поверить в силу театра, силу его обитателей, признать их зримыми, значимыми для мира за ступеньками старой лестницы. А тогда все, во что он всю жизнь свою верил, — фигня, спасительная, успокоительная ложь и не хрена больше.

Он убеждал себя: все случившееся — просто стечение обстоятельств, самая обычная невезуха.

И даже пытался себе поверить.

Дома — мамочка, которую колышут лишь политика да карьера, сестричка, которую,

кроме игр да телевизора, вообще ни черта не колышет.

Он бродит по соседним улицам, раскатывает по всему городу, жутко, все время один, а может, он именно потому себя и насилуется, заставляет этим заниматься?..

Проходил однажды мимо винного, на углу Восьмой и Центральной, а навстречу — мужик, огромный, заросший, сгреб его за плечи, сам безумным взглядом по улице шарит то туда, то сюда. Брюки и пиджак — грязные, мятые, от разных костюмов, потом, перегаром и рвотой за милю воняет. Зубы — щербатые, всех возможных оттенков желтизны.

— Где Братишка? — орет мужик.

— Какой Братишка?

— Собака моя, парень! Пес мой хренов! Ты его видал?

Патнэм мотает головой, пятится назад.

— Нет, — мямлит он, — не видел. Кажется. А к-как о-он в-выгляд-дел?

Что-то изменяется, смещается то ли в глазах у Патнэма, то ли в лице мужика, а может, просто в воздухе. Мужик ухмыляется, а зубы во рту — гнилые и кажутся внезапно какими-то ИСКУССТВЕННЫМИ.

— Дюймов шесть высотой, — говорит мужик, уже не ревет истерично, тихо говорит, уверенно, твердо. — Оранжевый, липкий и сделанный из тыквы.

Патнэм отскакивает, чуть спиной о дверь винного магазина не ударяется, чувствует, как в горле зарождается крик.

— Эй, ты. — Голос у мужика уже снова бешеный. — Большой такой черный засранец, на добермана поганого похож! Видал?

— Нет, — кричит Патнэм. — Не видел я вашу собаку!

Всю дорогу домой он бежит бегом.

Может, неделя прошла, может, больше, и его мамочка посадила в своем садике на заднем дворе кое-что новенькое.

Тыкву и ямс.

* * *

Мистер Карр теперь — еще холодней, еще суровей, еще отстраненней, чем раньше, только раз и показалось, что способен он реагировать — тогда по телефону, но теперь — все, было, да сплыло. Нет, теперь он вообще с Патнэмом не особо разговаривает, разве что пару слов по необходимости выдавит с презрительным отвращением. Похоже, старый сукин сын просто специально его злит. Уволиться вынуждает, так Патнэму кажется.

И еще — четкое, непрестанное ощущение: словно бы хозяин магазинчика завидует ему, почему — непонятно.

Но уволиться-то он как раз и не может, хочет, да не может. Конечно, магазинчик для него — ад, кошмар, каждый день, подъезжая, взглядывает на второй этаж — и прямо все внутри переворачивается. Только магазинчик — еще и единственное его убежище от мучений, от мыслей безумных, в голове намертво засевших. И лишь под защитой этих стен может он вспоминать про болванку-зрителя — не про фигурки актеров.

Мистер Карр ли, нет ли — а работать в магазинчике ему НАДО.

Воскресенье — а ехать книжки скупать мистер Карр и не подумал. Торчит в магазине, распаковывает старые коробки, расставляет содержимое по полкам, а Патнэм, ясно, стоит за прилавком. Уже в обеденный перерыв он неожиданно понял — старика здесь нет. Нет ни у одной из полок, нет в каморке, служащей складом, нет в туалете.

А это значит, что может он быть только в одном месте.

Патнэм думает — может, сходить куда пообедать? Можно домой съездить, можно в «Макдоналдс». А может, остаться у прилавка, подождать мистера Карра?

Думает — а идет наверх.

Почему он вдруг надумал вернуться в театр — и сам толком не понимал, не было для этого никакой разумной причины, понимал же — если там все равно мистер Карр, то ни

черта новенького в театре поглядеть не удастся, да и не хотелось, не хотелось глядеть, от одной мысли, что снова увидишь те фигурки, голова начинала раскалываться...

Все так — а он идет наверх.

Взял под прилавком фонарик. Мистер Карр, между прочим, дверь за собой забыл закрыть, Патнэм притворил ее за собой и — на цыпочках — вверх по ступенькам. По коридору — тихо-тихо, осторожненько, нельзя шуметь, мимо одинаковых пустых дверных проемов... ну вот, наконец и последний. Нервы на пределе, сердце прыгает, ладони — также мокрые, что фонарик трудно держать, — и он переводит дыхание, и переглатывает комок в горле, и направляет луч света в театр.

На мистера Карра.

Старик полулежит в самом дальнем от болванки кресле. Голый. Брюки, рубашка, туфли — все как попало свалено у ног на пыльный пол.

А по его телу в разных позах расставлены куклы.

Патнэм смотрит не отрываясь. Ведь ясно же, должен бы старик заметить фонарик, его высветивший, а — не реагирует. Касается фигурки на своем колене, потом — другой, на плече, дрожащими пальцами поглаживает тыквенные щеки, ерошит гнусные жесткие патлы.

И улыбается.

Патнэм все так же люто ненавидит и театр, и кукол, все так же сатанеет от непонятного гнева и острого отвращения, но одновременно в нем вдруг пробуждается странная зависть к мистеру Карру. Словно бы где-то глубоко внутри ему тоже этого хочется. Раздеться. Опустился в какое-нибудь из зрительских кресел. Почувствовать близость кукол.

Он выронил фонарик и бросился бежать по коридору к лестнице.

По ступенькам — бегом. Прочь из магазина — бегом.

На следующий день он сидел дома. Когда мать сказала, что мистер Карр звонил и просил его перезвонить в магазин, ответил — для мистера Карра его никогда не будет дома.

В магазинчик он вернулся. Вот так вот. Два дня прошло — и вернулся. Сделал вид, что книжку выбирает, слава Богу, мистер Карр был у прилавка по горло занят, и он долго прятался за стеллажами, но когда уже несколько часов спустя он уходил, держась в тени парочки, нагруженной рюкзаками, когда уходил... старик взглянул прямо на него. Улыбнулся и головой покачал. Печальная вышла улыбочка. Патнэм бросился к своей машине вне себя от стыда и смутного ощущения вины.

* * *

...Во сне он был фермером, и во все стороны, на сколько глаз хватает, на мили и мили от него тянулись окружающие ферму поля. Поля, поля и поля поспевающих ямса и тыквы.

* * *

Он убил мистера Карра в воскресенье вечером, когда ушли последние покупатели, когда магазинчик закрылся. Размозжил старику голову гигантской тыквой. Обрушивал ее, тяжеленную, на хрупкие кости старческого черепа снова и снова. И снова, и снова, и снова — пока не превратилось лицо в кровавое месиво, пока не исчезли черты, пока не стала тыква в его руках бесформенно-мягкой.

Постоял над бездвижным телом старика — дыхание тяжелое, руки, одежда — все в крови. Чувствовал усталость. Чувствовал облегчение А еще — незавершенность, невыполненность, словно чего-то важного не хватает. Он побрел вдоль стеллажей туда-сюда, тыква все еще судорожно сжата в руках, невозможно сосредоточиться, найти недостающее стеклышко в мозаике. А потом взгляд его упал на нераспакованную коробку с книгами, на большой нож на коробке — и все мгновенно встало на место.

Он срывал книги с полок, отдирав обложки, вырывал, кромсая, страницы, пока не выросла на полу гора бумаги. Отбежал от стеллажа к телу, снял со старика все — туфли,

носки, брюки, рубашку, белье.

Набил одежду бумагой, связал для верности упаковочным шпагатом.

Наконец вырезал из тыквы нечто, напоминающее человеческую фигурку. Отхватил несколько прядей собственных волос. Прилепил при помощи крови старика отрезанные волосы к мягкому тыквенному черепу.

Конечно, законченной его работу не назовешь — не произведение искусства, так, нечто полуоформленное, полупригодное, но это — лучшее, на что он способен при подобных обстоятельствах, ладно, надежда умирает последней, может, и сойдет. Он ухватил безголовое, набитое бумагой чучело и обнаженную, грубо вырезанную куклу — и понес наверх.

В театре он усадил чучело в одежде мистера Карра в кресло — возле болванки. Куклу поставил на сцену. Ненависть вернулась, но не такая отчаянная, как раньше. Отвращение точно размылось изнутри. Он принялся раздеваться, срывая с себя шмотки, торопливо сбрасывая их на пол. Мгновение просто стоял, ощущая, как странный прохладный ветерок ласкает кожу, а потом вспрыгнул на сцену. Поднял сначала куклу, которую вырезал сам, затем остальных. Растянулся на спине на пыльных досках и стал расставлять в торжественных театральных позах на собственном теле маленькие фигурки, невольно ежась от скользкой теплоты.

Последнюю фигурку — себе на грудь. И что теперь? Сначала — абсолютно ничего. И вдруг ненависть исчезла, будто испарилась, обратилась в удовлетворение. Показалось, в тишине театра он услышал эхо отдаленного пения.

Наверно, надо бы сесть, надо бы взглянуть, что происходит, но нет, слишком ему спокойно, слишком большой кайф, и он остается лежать очень спокойно, и пение — все громче, все отчетливее.

Он закрывает глаза. Он ждет.

И в темноте на сцене его тела куклы начинают представление...

Тим Пауэрс **Путевые заметки**

За день до того, как взорвался мой дом в Санта-Ане, мне позвонили. Где-то около полудня. Я как раз возвращался из «Того», кофейни всего в трех кварталах от дома, где я всегда покупаю сэндвичи с тунцом. Уходя, я оставил окно гостиной открытым и поэтому услышал звонок еще со двора. Я взбежал на крыльцо, пытаюсь достать из кармана ключи и не уронить при этом пакет с сэндвичами. В общем, когда я добрался до телефона в гостиной, я успел основательно запыхаться.

— Я слушаю.

В ответ — тишина. Только шипение в трубке. Была середина октября, когда жаркие ветры Санта-Аны срывают сухие стручки с рожковых деревьев, и трубка уже стала липкой. Это у меня вспотела ладонь. Я вообще очень сильно потею, когда жара. Тем более, со всем этим пивом, и постоянным стрессом, и прочими радостями.

— Я слушаю, — повторил я слегка раздраженно. — У вас там что, снова короткое замыкание?

Иногда на мой номер переводят автоматические звонки со старого заброшенного нефтехранилища в Сан-Педро. Что-то у них замыкает на станции. И я уже было решил, что так напрягался и несея в дом сломя голову лишь для того, чтобы ответить на очередной мертвый звонок.

Но мне все же ответили. Хриплым сдавленным шепотом. Не знаю, как понял, что это мужчина.

— Гантер! Господи Боже... это... Даг Орни, мы с тобой в школе учились. Ты ведь меня помнишь?

— Даг? Орни? — В последний раз я разговаривал с ним лет двадцать назад. Странный какой-то у него голос. Может, у бедняги рак горла. — Конечно, помню! Ты где сейчас? В

городе?..

— Нету времени на разговоры. Я не хотел бы... ломать твои планы. — Судя по голосу, он был чем-то очень расстроен. — Слушай, сейчас тебе позвонит одна женщина. Ты ее не знаешь. Скажи ей, что я был у тебя, но уже ушел. Буквально минуту назад ушел, хорошо?

— Какая женщина... — начал я, но услышал отбой.

Как только я положил трубку на место, телефон зазвонил опять. Я сделал глубокий вдох.

— Слушаю.

Это действительно была женщина.

— Простите, Даг Орни сейчас не у вас?

Я помню, о чем подумал. Я подумал, что ее голос очень похож на голос моей сестры, которая вышла замуж — так сказать, сочеталась гражданским браком, может быть, даже и не консуммированным до сих пор, — за одного иранца, который живет во Франции, в аэропорту Шарль-де-Голль. Впрочем, в последний раз я разговаривал со своей сестрой, когда президентом еще был Картер.

— Он только что ушел, — ответил я.

— Так я и думала. — В трубке раздался тяжелый вздох. — Ладно, я сделала все, что могла.

И снова — короткие гудки.

* * *

Мы выросли в старом викторианском особняке на Лафайет-авеню в Буффало. На третьем этаже не было ни внутренних перегородок, ни стен: когда-то здесь был бальный зал. Впрочем, мы въехали в этот особняк, когда времена балов давно миновали, и зал приспособили под склад старой мебели. От стены до стены, от пола до потолка высотой в двенадцать футов, вдоль и поперек — все забито мебелью. Мы с сестрой были тогда совсем маленькими и частенько забирались в это темное пыльное хранилище. Лазили там, словно в джунглях, по ветхим диванам и перевернутым столам; протискивались между свернутыми коврами и под высокими креслами в стиле Регентства. Света там не было никакого, и разглядеть хоть что-нибудь можно было лишь на пяточках под запыленными окнами. Мы забирались наверх, к самому потолку, а потом снова спускались вниз и находили путь к выходу по направлению паркетных половиц. Для нас это было рискованное приключение. Проверка себя. А когда, покрытые с головы до ног пылью, мы выбирались наконец в коридор, то говорили друг другу, что, наверное, не скоро отважимся повторить подобную вылазку.

В детстве мне часто снился один и тот же кошмарный сон. Будто бы я забрался в самую сердцевину мебельных джунглей. Один, без сестры. Глубокой ночью. В кромешной тьме. Я сижу на шкафу — а может, на выдвижной кровати — где-то посередине между полом и потолком, и вдруг слышу приглушенное шуршание. Оно доносится из глубины темного зала, этого трехмерного лабиринта витых ножек столов и стульев и декоративных завитков, чью форму можно определить лишь на ощупь. Во сне я знаю: где-то там, в темноте, еще один мальчик. Грустный и одинокий мальчик, который прячется здесь уже много лет. Я знаю: он хочет со мной поиграть, показать мне свои сокровища: пряжки от старых туфель, карманные часы, старинные перьевые ручки, которые отрыл в здешних шкафах и комодах. Я всегда представлял его очень худым и бледным, и еще — я был уверен, что, если бы он все-таки вышел ко мне там, во сне, он бы никогда не приблизился к окнам, чтобы я его не увидел. И еще я точно знал: он говорит только шепотом.

Я всегда просыпался от этого сна, когда за окном было еще темно. И лежал напряженно на кровати, не шевелясь, не открывая глаз. До рассвета. Пока солнечный свет не проникал мне под веки.

На следующий день, рано утром, я тихо-мирно лежал на травке у себя во дворе, потягивал пиво — баночный «Курс» — и щурился на солнце, пытаюсь сфокусировать взгляд на кустах помидоров у белой садовой стены. Свет был очень ярким, у меня слезились глаза. И тут я услышал какой-то мелкий дробный стук — так шумит дождь в древесной листве. Я резко сел и раздвинул низко свисавшие ветви.

С неба падали осколки стекла. Я потрогал один. Он был горячим, как нагретая тарелка. За спиной что-то гроыхнуло и затрещало. Я попытался вскочить, но не устоял на ногах и снова плюхнулся на траву. Сверху посыпались обломки красной глиняной черепицы, срезая ветки с кустов жасмина. Резко запахло гарью, к которой примешивался едкий запах раскрошившихся и обожженных камней. Внезапный порыв обжигающе жаркого ветра сбил меня с ног и швырнул на пластиковый садовый столик. Я упал лицом вниз, повалив в падении столик, и так и остался лежать на влажной траве, не в силах даже вздохнуть. А потом раздался оглушительный грохот, похожий на срыв басовой ноты, от которого у меня волосы встали дыбом. Причем, встали конкретно — и простояли так несколько дней. Мне до сих пор не всегда удается пригладить их, как надо. Не то чтобы это меня напрягает, но все-таки.

Теперь двор стал похож на поле брани. Розовые кусты были побиты комьями земли, некоторые вырваны с корнем. Керамический утенок, который был у нас вечно — сколько я себя помню, — разлетелся на сотни осколков. Я, помню, еще как-то радовался за него: хорошо, что ему выпал случай совершить путешествие по Калифорнии — хоть какое-то разнообразие в его небогатой событиями жизни.

Восточное крыло дома, где всего пару минут назад была кухня, превратилось в руины. Полосы ободранных обоев стоймя стояли над краем крыши, словно волосы у меня на черепушке, обломки дерева и куски штукатурки разлетелись чуть ли не по всему двору. В кухне вообще не осталось ничего: ни холодильника, ни стола, ни картин на стенах. Пропан тяжелее воздуха. Он заполнил всю кухню, поднимаясь от пола, пока не добрался до маленькой, постоянно включенной горелки на плите.

Мне тоже досталось от взрыва. Смяло ребра, сожгло брови, опалило горло. И я, кажется, отравился парами радона, или асбеста, или чем там еще штукатурят стены. Потом, когда я немного очухался, я решил, что мне надо поехать к дяде, в Сан-Бернардино. Так сказать, залечить раны. В общем, я целый день трясся в автобусе. Дядя обретался в нашем старом доме — древней обшарпанной развалюхе типа классического ранчо, где мы вполне счастливо прожили почти год после переезда из Нью-Йорка. А потом мать нашла другой дом, в Санта-Ане, и купила его в рассрочку.

Керамический утенок был, наверное, первой вещью, которую мать прикупила специально для нового дома. Обычно он просто стоял во дворе — никого не трогал. Но вскоре после того, как нам с сестрой исполнилось по семь лет, утенка украли. Не сказать, чтобы мы очень расстроились. Но зато потом... спустя примерно полгода... когда он, как ни в чем не бывало, объявился у нас на лужайке... Это действительно было что-то. Потому что рядом с керамической птичкой — прямо на влажной траве — лежал фотоальбом, весь заполненный фотками. Наш утенок на фоне самых известных мест штата: утенок на клумбе у входа в Диснейленд, утенок в фуникулере канатной дороги в Сан-Франциско, утенок между отпечатками ладоней Кларка Гейбла.¹ Впрочем, там были и снимки из совершенно ничем не примечательных мест. Например, на одном наш утенок стоял прислоненным к обычному дереву авокадо на чьем-то дворе на задах старого и обшарпанного домишки. Я так думаю, что все теперешние истории о садовых гномах, совершивших кругосветное путешествие,

¹ Гейбл Кларк (1901–1960). Выдающийся американский актер кино и театра. Сыграл роль Рэта Баттлера в «Унесенных ветром». Американа, с. 352. Утенок сидит у знаменитого голливудского кинотеатра «Китайский театр Граумана», перед входом в который в цементе на тротуаре сохраняются отпечатки почти всех звезд Голливуда.

начались со скромных странствий нашего керамического утенка еще в пятьдесят девятом. А может, наоборот.

Дядин дом совсем не изменился с тех давних времен, когда мы с сестрой лазили здесь — на участке, задушенном сорняками, по канавам и ямам, взбираясь на высоченные клены у задней изгороди. Я с удивлением обнаружил, что на стволе одного из кленов до сих пор сохранились, вырезанные ножом наши инициалы. На высоте в один ярд над землей, как и прежде. Сестра почему-то не захотела на них смотреть. А еще я нашел целую кипу наших старых игрушек, разбросанных в сорняках: облезлые модели деревянных бревенчатых домиков и установок для запуска ракет «Найки».¹ Я собрал их и свалил в кучу у задней стены гаража, где дядя, видимо, держал пиво. Но сестра даже не подошла, чтобы на них взглянуть.

В полдень на улицах Сан-Бернардино всегда можно встретить стройных длинноногих женщин в шортах и майках открытых, с голыми плечами. Со спины они кажутся юными и фигуристыми — вечно блондинистые волосы, стройные загорелые ноги. Но когда проезжаешь мимо на автомобиле и оборачиваешься назад, то с ужасом видишь их лица — потасканные и безнадежно старые. А по ночам на стоянках у баров на главной улице, под редкими скоплениями огней в ключьях натриевых испарений нет свободного места — все забито машинами. Но если проехать всю улицу из конца в конец, непременно увидишь и лошадей — штук этак пять или шесть, — привязанных к столбикам у дверей пивнушек. Дядюшка говорит, это все из-за климата. Городок уютится под ущельем Кахон в гористой пустыне Мохаве, и миражи у нас не редкость.

Я не стал возражать, когда сестра предложила свозить меня в самый большой супермаркет в округе. Впрочем, эта поездка не подняла ей настроения. Может быть, потому что я откровенно наворовал там фруктов, сыра и крекеров. В последнее время я только ими и питаюсь — от всего остального меня просто рвет. Сестра прилетела из Франции, когда узнала, что я едва не убится. Она приезжает ко мне в Сан-Бернардино всякий раз, когда ей удастся одолжить у кого-нибудь из друзей старенькую машину. Она все пытается уговорить меня вернуться в Санта-Ану или поселиться где-нибудь еще, лишь бы только я не застрял в дядькином доме. На самом деле, она хотела сразу отвезти меня в больницу — но я отказался. Почему-то мне стало страшно. И еще я сказал сестре, чтобы она никому не говорила, где я. И вообще решил называться чужим именем. Не то чтобы это кого-то интересовало, но все-таки...

Надо признать, семейная жизнь у моей сестренки получилась не самая радостная. Ее муж родился в той части Ирана, которая была под юрисдикцией Великобритании, и когда он попытался вернуться домой после учебы в Англии, иранцы объявили его врагом шаха; у него отобрали паспорт, а взамен дали какие-то непонятные бумаги, по которым он мог выехать из страны, но вернуться обратно — никак. Он решил ехать во Францию, добрался до аэропорта Шарль-де-Голль и там застрял: французские пограничники не впускали его без паспорта в страну, а таможенники не давали сесть на другой самолет. Так он и жил все эти годы — десятки лет — в торговом центре первого терминала. Спал на пластиковой кушетке и смотрел телевизор в зале ожидания. Сердобольные стюардессы снабжали его туалетными принадлежностями из наборов для пассажиров дальних рейсов, чтобы он брился и чистил зубы. Сестра познакомилась с ним, когда шаталась по аэропорту, пытаясь убить время. (Она ездила в тур по Европе, который матушка ей подарила на окончание школы, и ее рейс задержали.) Сестра подыскала себе работу в Руасси и сняла там квартиру, чтобы быть поближе к мужу.

Я уже устал толковать упрямой сестрице, что ей пора возвращаться во Францию, не то она потеряет работу. Но она говорит, у нее нет выбора. Потому что теперь ко мне может пробиться только она — и больше никто. Она говорит, я почти за чертой.

Всякий раз, когда она приезжает к нам на очередной старой развалюхе, дядя норовит потихонечку улизнуть. И не он один. Когда я вывалился из автобуса у покосившихся дядюшкиных ворот — весь обожженный, глаза слезятся, горло саднит, и вообще несколько

¹ «Найки» — управляемая ракета класса «земля-воздух». Американа, с. 665.

не в себе от отравления радоном, — дядя уже поджидал меня на крыльце в своей неизменной соломенной шляпе, надвинутой чуть ли не до бровей: из-под широких полей видны только роскошные седые усы. Дом был в запустении, и не дом уже, а так пустая коробка: гулкие пустые комнаты с выдранными выключателями, на месте которых торчат оголенные провода. С прежних времен только и остался старенький телефон — черный допотопный с вертящимся диском, он стоит прямо на полу в кухне. Дядя сказал, что я могу спать в моей старой детской. Я приволок туда кипу газет и устроил себе «гнездо» в дальнем углу. Теперь я подумываю о том, чтобы перетащить свое гнездышко в кладовую.

«Если ты здесь кого встретишь, в доме, не обращай внимания, — сказал мне дядя еще в первый день. — И не спрашивай, что они тут забыли. Вообще к ним не лезь. Может, они тут живут, я не знаю».

И я действительно натыкался несколько раз на какого-то древнего старикашку в таком, знаете, комбинезоне, который застегивается на «молнию» от лодыжек до горла. Почему-то всегда только на кухне, — он стоял в уголке у раковины и тихонько плакал. Обычно я только киваю ему и прохожу мимо, шаркая по пыльному линолеуму. Нам с ним не о чем говорить. Все равно мы не скажем друг другу ничего нового. И еще пару раз я наблюдал, как в дальнем конце двора, на задах дома играют двое детишек. Пусть себе играют, решил я. Никому они не мешают. Дядя целыми днями ходил кругами за гаражом, пытаюсь отыскать свое пиво. Здесь у нас тоже бывают миражи. Вернее, один неизменный мираж. Если сойти с подъездной дорожки в заросли сорняков и идти от дома — по прямой, никуда не сворачивая, — то обязательно выйдешь к дому.

«Так было всегда, — как-то раз сказал мне дядя, уставши шарить по сорнякам и присев отдохнуть на капот своего старого ветхого грузовичка. — Но как-то зимой, года два назад, я тут ходил во дворе. Темно уже было, поздно. И вроде бы все ничего, вот только в тот раз я к дому *не вышел*, да. А вышел я прямиком к розовому кусту. Помнишь, у матушки твоей были розы? Так вот... это были *те самые* розы. Цвели пышным цветом, как будто летом на дворе. И листья у них были теплые, да. В миражах время стоит — это все знают. Оно там не движется, застывает. И я, не будь дурак, сбегал к грузовичку, взял там из холодильника парочку упаковок «Будвайзера» и припрятал их под кусточком. Назавтра все стало по-прежнему: все тот же наш старый мираж «развернись кругом». Но когда он пропадает... а он иногда пропадает, да... я точно знаю, где можно добыть холодного пива.

Я кивнул пару раз, дядька кивнул тоже. Как раз после этого разговора я и собрал все наши старые игрушки и оттащил их туда, за гараж.

* * *

Вчера сестра прикатила к нам в блестящем зеленом «эдселе». Когда она резко затормозила в облаке пыли и открыла дверцу, готовясь выйти, я сразу заметил, что глаза у нее красные, заплаканные. Ехать ей было неблизко. Каждый раз она выматывалась до предела.

При взрыве мне обожгло горло, и у меня пропал голос — поэтому я подошел совсем близко к сестре, чтобы она меня слышала.

— Пойдем в дом. Там... вода, — проскрежетал я, пряча глаза. Мне было неловко, что она так напрягается из-за меня. Стаканов и чашек у нас в доме не было, но она бы могла попить из-под крана. — И печенье, — добавил я.

— Не хочу входить в дом. Мне страшно смотреть, во что он превратился, — раздраженно проговорила она. — А ведь нам было здесь так хорошо, когда мы все тут жили. — Сощурившись на солнце, она указала взглядом на бескрайний пустырь из рытвин и побуревших кочек, в который теперь превратился наш задний двор. — Пойдем лучше там поговорим.

— Какая-то ты раздражительная сегодня, — заметил я, но покорно поплелся следом по подъездной дорожке. Мимо кизилового дерева, мимо дома. Сегодня сестра надела синий сарафан, который лип к ее мокрой от пота спине.

— Почему все так вышло, Гантер? Почему именно так?

Я быстро огляделся по сторонам, но рядом не было ни единой живой души. Даже птицы — и те не парили в пустом безоблачном небе.

— Даг, — напомнил я ей хриплым шепотом, пытаюсь не напрягать голос. Имя мне подсказал телефонный звонок за день до взрыва. Я подумал, что настоящий Даг Орни, где бы он сейчас ни был, все равно никогда ничего не узнает. — Ты обещала.

Мы с ней уже сошли с подъездной дорожки и углубились в буйные заросли репейника. Сестра устало пожала плечами:

— Почему все так вышло... мистер Орни?

Я ускорил шаг, чтобы нагнать ее. Я был босиком, но к моим ногам не прилипло ни единого репья. Наверное, стопы у меня мозолистые и жесткие.

— Дорого, наверное, брать на прокат классический «эдсел»? — сменил я тему.

— Дорого, да. — Ее голос был тусклым, резким. — Особенно летом, когда начинаются все эти мексиканские свадьбы. Он пятьдесят седьмого года, но в нем, должно быть, стоит новый двигатель или что там еще бывает... сегодня я даже указателей не различала на старом шоссе номер шестьдесят шесть. Вся дорога — один Футхил-бульвар. Не знаю, смогу ли я снова приехать сюда, к тебе. Смогу ли пробиться к тебе еще раз. Даже я, твоя *сестра-близняшка*, которая *жила* здесь, *с тобой!* Даже на автомобиле из тех времен. И потом, я ведь нужна и Хакиму. — Она обернулась ко мне и топнула ногой. — Если бы он хотел, он бы нашел способ выбраться из аэропорта! И ты посмотри на себя! Черт возьми... Даг... вот скажи мне. Сколько времени будет *жить* тело в глубокой коме, даже в такой распрекрасной больнице, как Вестерн-Медикал, если его душа прячется где-то *инкогнито*?

— Ну, душа...

— Это явно неосвященная земля. Это что, какой-нибудь перекресток? Что ты забыл в этих репьях-сорняках?! Свое *искупление*, может быть?! — Она снова расплакалась. — *Утечка пропана*. Тогда почему тебя нашли во дворе, рядом с утенком? Ты передумал, правда? Ты пытался уйти, спастись. Замечательно! Вот и спасайся. Иди. Не зависай... на вокзале. В нигде — между здесь и там. Иди прямо сейчас. К этой дурацкой старой машине. Дай мне тебя увезти в Вестерн-Медикал, пока я еще могу. Пока ты еще можешь уехать отсюда. Ты еще можешь *проснуться*.

Я улыбнулся и покачал головой. Теперь я понял, чего боялся. Нет, не мальчика в темном бальном зале. Я боялся рассветов. Каждый рассвет, предвещающий очередной новый день, отзывался во мне напряженным страхом. Страхом неизвестного. Тот мальчик из моих снов... он нашел способ, как спрятаться от рассветов. Но я этого не умел, и каждое утро солнечный свет безжалостно и неизбежно проникал под плотно закрытые веки, предвещая начало нового дня. Я хотел сказать сестре что-нибудь ободряющее, но она смотрела куда-то мимо меня совершенно пустыми глазами.

— Господи, — выдохнула она с благоговением, причем сейчас ее голос был почти таким же хриплым, как мой. — Это же здесь снимали, отсюда. Ну, та фотография... с утенком у дерева авокадо. В фотоальбоме, помнишь? — Она указала глазами на дом. — Сейчас там нет никакого дерева, но ты посмотри... под тем же углом вид на дом, эти окна... точно, как на фотографии. Тогда мы его не узнали, дом... потому что мы его помнили новым, недавно покрашенным, а не таким облупленным и облезлым, каким он стал теперь... каким он был на фотографии. И еще на фотографии было большое дерево на переднем плане. Оно тоже нас сбило.

Я встал рядом с сестрой и посмотрел на дом, щурясь на солнце. Свет был очень ярким, и у меня жутко слезились глаза. Похоже, сестренка была права. Если представить дерево справа, а рядом с деревом — керамического утенка, то этот вид очень напоминал вид на снимке из старого фотоальбома.

— Человек, который это снимал, стоял прямо здесь, — тихо проговорила сестра. — На этом самом месте.

Или *будет* стоять, подумал я.

Но вслух сказал совсем другое:
— Свозишь меня в супермаркет?

* * *

Когда сестренка уехала, я еще несколько раз ходил на то место и смотрел. Похоже, конечно... но я до сих пор не уверен, что это *тот самый* вид. Дело в том, что я плохо помню то фото. Может, это действительно тот же дом. Может быть, нет. Оставалось только ждать.

Я не думаю, что попаду в супермаркет в ближайшее время. Если вообще когда-нибудь попаду. Меня раздражает сама дорога. Слишком много на ней миражей — сгустков видений в разрывах пространства, залитого резким солнечным светом, который режет глаза. Можно подумать, что в Сан-Бернардино нет ничего, кроме ходячих скелетов и одноконных фаэтонов. В тот раз вместе с крекерами и сыром я прихватил и плод авокадо. А сестра оставила мне коробку со старой отцовской одеждой, потому что мне было даже не во что переодеться — я так и ходил в опаленных брюках и прожженной рубашке. Перед отъездом она сказала, что у нее сердце кровью обливается, когда она меня видит таким ободранным и неприкаянным. Я еще не заглядывал в эту коробку, но всякому здравомыслящему человеку понятно, что там обязательно должен быть такой, знаете, старческий комбинезон, который застегивается на «молнию» от лодыжек до горла.

Теперь я знаю, что сестра наконец возвращается во Францию — к своему бедному Хакиму, застрявшему в аэропорту в Руасси. Я ей звонил. Я уже говорил, у нас на кухне стоит телефон.

— Я еду в больницу, — сказал я ей. — Так что можешь спокойно лететь во Францию.

— Гант... то есть, *Даг*... ты откуда звонишь?

— Из Санта-Аны. Я прямо сейчас сажусь на автобус и еду в больницу. Мне только надо переодеться. И еще я попробую все-таки причесаться нормально.

— Ты в Санта-Ане?! Какой у тебя там номер? Я сейчас перезвоню.

Я испугался и запаниковал. И назвал ей первый же номер, который пришел мне на ум, — мой собственный старый номер в Санта-Ане.

— Но я не хотел отнимать у тебя время, — пробормотал я. — Я просто хотел сказать...

— Но это же наш старый номер, — оборвала меня сестра. — Как могло получиться, что ты звонишь с нашего старого номера?!

— Он... его оставили в том же доме. — Если бы я еще мог потеть, я бы точно вспотел. — И те люди, которые теперь здесь живут... они разрешили мне позвонить. — Ложь давалась мне без труда. Я даже зачем-то добавил: — По-моему, я им понравился. Они меня сэндвичами накормили.

— Ну еще бы! Ладно, не отходи от телефона.

Она бросила трубку. Я знал, что сейчас будет гонка — кто быстрее наберет наш старый номер. Наверное, у нее тоже был аппарат с вертящимся диском, потому что я, кажется, все-таки успел первым. В трубке раздались длинные гудки. Один, второй, третий. После четвертого я уже не сомневался, что наш старый номер все-таки снова работает. Потому что, если бы он не работал, после третьего гудка я бы услышал записанный электронный голос с уведомлением об отключении. *Ну давай же, давай*, шептал я одними губами. Я очень надеялся, что человек, который поднимет трубку на том конце линии, дослушает меня до конца и сделает то, о чем я его попрошу.

Наконец трубку взяли, и запыхавшийся голос выдохнул мне в ухо:

— Я слушаю.

Конечно, я сразу узнал этот голос, и у меня в горле встал ком.

— Я слушаю, — повторил он слегка раздраженно. — У вас что, там снова короткое замыкание?

Да, подумал я.

Это старое нефтехранилище в Сан-Педро закрылось уже много лет назад, но когда-то

там стоял переключатель набора номера, который автоматически связывал базу с головной конторой, когда топливо подходило к концу. Потом всю систему вырубили, но где-то, видимо, произошло короткое замыкание, и резкий скачок напряжения в сети снова включил автоматический набор номера. Но к тому времени бывший «пожарный» номер уже передали нам. Я так думаю, что на этом заброшенном нефтехранилище топлива нету давно, но система автоматического контроля сбоит и замечает это лишь время от времени. Конечно, нас раздражало, когда телефон начинал трезвонить совсем не по делу. Но исправить это мы были не в силах.

— Гантер! — у меня даже зубы свело, когда я произнес это имя. — Господи Боже... это... Даг Орни, мы с тобой в школе учились. Ты ведь меня помнишь?

— Даг? — проговорил полупьяный мужчина, что называется, средних лет, на том конце линии. Он был явно сбит с толку. И наверное, думал, что у меня с голосом что-то не то. Может быть, даже рак горла. — Орни? Конечно, помню! Ты где сейчас? В городе?..

— Нету времени на разговоры, — выдавил я, изо всех сил стараясь не кашлять. А что если Даг Орни, *настоящий* Даг Орни, и вправду был бы в городе? Что бы тогда стал делать этот несчастный неудачник? Пригласил бы пообедать вместе и вспомнить былые денечки? — Я не хотел бы... — Тебя останавливать, но этого я вслух не сказал. Спасать тебя, черт побери. Но и этого я не сказал. А сказал я совсем другое: — ...ломать твои планы. — У меня жутко слезились глаза. Даже в сумрачной кухне. — Слушай, сейчас тебе позвонит одна женщина. Ты ее не знаешь, — проговорил я с нажимом. Мне совсем не хотелось, чтобы он пусть даже на пару секунд задумался о том, что может знать эту женщину. — Скажи ей, что я был у тебя, но уже ушел. Буквально минуту назад ушел, хорошо?

— Какая женщина...

Я бросил трубку. Сейчас узнаешь, подумал я.

Сегодня на заднем дворе появилось дядюшкино пиво — две упаковки холодного пива, прямо из холодильника в грузовичке. Розы по-прежнему свежие. Я смотрел на обрезанные стебли и пытался уразуметь, что мама срезала эти цветы всего пару часов назад. Конечно, по времени розового куста. Может быть, эти смазанные пятна белесой пыли на боках некоторых бутонов, остались после прикосновения ее рук. Мы с дядей сидели прямо на земле — на пыльной подъездной дорожке — под жарким полуденным солнцем. Нас обоих пробило на слезы и сантименты. Мы пили холодный «Будвайзер», банку за банкой. Пили за тех, кого любим и кого нет сейчас с нами. Хотя в доме, весьма вероятно, уже не было никого. А двое детишек давно покинули наш запущенный двор.

Я закопал в землю косточку авокадо. В том самом месте, где на фотографии было дерево — если это и вправду была фотография именно этого дома. Пройдет время, и здесь вырастет дерево. И быть может, однажды под этим деревом появится забавный керамический утенок — заглянет по пути из Диснейленда и «Китайского театра Граумана»,¹ по пути в тот дом, где нам с сестрой по-прежнему по семь лет. Я думаю составить ему компанию. Если он меня примет.

Джо Р. Лэнсдейл Лето бешеного пса

Новости, в отличие от слухов, не путешествовали так, как сейчас. Тогда. Без радио или газет. В Восточном Техасе. Тогда было по-другому. Что произошло в другой стране, часто там и оставалось.

Мировые новости — это было только вот то, что важно для всех нас. Нам не надо было знать ужасов, которые не касались нас, в Билджуотере, штат Орегон, или даже за границей штата в Эль-Пасо, или в северную сторону в забытом богом Амарилло.

Все, что нам теперь нужно знать, — яркие детали какого-нибудь убийства, из-за которого оно ужасно, а иначе это медленные еженедельные новости. И так повсюду, даже

¹ Знаменитый кинотеатр в Голливуде. Назван по имени владельца.

если убили какого-нибудь продавца бакалейной лавки в штате Мэн, который нас ни сном ни духом не касается.

Тогда, в тридцатые, в далеких странах могло случиться убийство, и вы о нем даже не узнали бы, если только оно вас не касается, потому что, как я уже сказал, новости путешествовали тогда медленнее и полиция старалась сама справиться.

С другой стороны, бывали времена, когда было бы лучше, если бы плохие новости расходились быстрее — или вообще расходились. Знай мы в те времена кое-что, быть может, некоторых ужасных переживаний, выпавших на долю моей семьи, удалось бы избежать.

Но что было, то было, и даже теперь, когда мне за восемьдесят, я, валяясь здесь в доме престарелых, в комнате, пропитанной запахом моего разлагающегося тела, ожидая, когда дадут еду, протертую и безвкусную, или еще чего-нибудь ожидая, со штырем в бедренной кости, а по телевизору какое-нибудь ток-шоу, набитое идиотами, я вспоминаю те времена, почти восемьдесят лет назад, и воспоминания так же свежи, как тогда.

Все это случилось в тридцать первом — тридцать втором году.

* * *

Я полагаю, что тогда были люди с деньгами, но мы в их число не входили. Была Великая Депрессия, и даже будь мы из тех, что с деньгами, покупать было бы мало что, если не считать поросят, цыплят, овощей и штапеля, а поскольку первые три продукта мы выращивали, нам оставался бы только штапель.

Папа малость фермерствовал, держал парикмахерскую, где работал почти все дни, кроме субботы и воскресенья, а еще был городским констеблем.

Мы жили в лесной глуши возле реки Сабин в трехкомнатном белом доме, который отец построил, когда нас еще не было. Крыша текла, электричества не было, дровяная печка дымила, амбар был сбит из досточек, а вокруг было полно змей.

Мы пользовались керосиновыми лампами, воду таскали из колодца, а свой стол обогащали охотой и рыбалкой. У нас было четыре акра сведенного леса и еще двадцать пять акров строевого леса и сосны. Фермерствовать и очищать наши четыре акра нам помогал мул по кличке Салли Редбэк. Была у нас машина, но папа ею пользовался только по своим констебльским делам и для воскресных поездок в церковь. Остальное время мы ходили пешком, или мы с сестрой ездили верхом на Салли Редбэк.

Принадлежащий нам лес и сотни акров его вокруг нашей земли кишели дичью, мошкой и клещами. В те времена в Восточном Техасе еще не весь строевой лес повырубили, и не все участки леса кому-нибудь принадлежали. Были еще мощные деревья, и много, были глухие места в лесу и вдоль реки, куда забредали только звери.

Там водились дикие кабаны, кролики, еноты, опоссумы, броненосцы, всех видов птицы и полчища змей. Иногда можно было заметить этих чертовых водяных щитомордников, плывущих косяком по реке, и злобные морды покачиваются, как наросты на бревнах. Горе тому несчастному, кто попадет между ними, и благослови господь сердце того дурака, который верит, что если пронырнуть под ними, то ничего не будет, потому что щитомордники не могут кусаться под водой. Они не только могли, но и кусались.

И олени тоже в лесах бродили. Может, меньше, чем сейчас, когда их выращивают, как посевы, и собирают жатву на трехдневной пьянке у водопоя с помощью снайперских винтовок. Олени, которых кормят кукурузой и приучают ласкаться, как собачек, так что по ним стреляют, как в тире, и еще считают себя охотниками. Им дороже выходит застрелить оленя, привезти его труп и повесить голову на стену, чем сходить в магазин и купить столько же по весу бифштекса. Еще они любят после убоя вымазать лицо кровью и так сфотографироваться, будто считают себя воинами после этого.

Ладно, а то меня занесло в проповедь. Я рассказывал, как мы жили. И говорил, что вокруг было полно дичи. А еще там был Козлоног. Наполовину козел, наполовину человек, и он любил болтаться возле места, которое мы называли «висячий мост». Я его никогда не

видел, но иногда, по вечерам, охотясь на опоссума, кажется, его слышал. Он выл и стонал возле тросового моста, который нахально висел над рекой, качаясь на ветру в лунном свете, и лучи играли на металлических тросах, будто феи пляшут на канате.

Считалось, что он крадет скотину и детей, и хотя я не знал никого из детей, кого съели бы, кое-кто из фермеров говорил, что Козлоног крадет у них живность, и кое-кто из знакомых ребятишек клялся, что у них кого-нибудь из двоюродных унес Козлоног, и больше их не видели.

Говорили, что он не заходит дальше главной дороги, потому что там регулярно пешком и на машинах разъезжают баптистские проповедники и молятся, а потому дорога освященная. Говорили, что он не выходит из лесов, выстилающих дно долины Сабина. Не выносит возвышенностей. Ему нужно, чтобы под ногами была влажная толстая лиственная подстилка, а ноги у него с копытами.

Папа говорил, что никакого Козлонога на свете нет. Это бабьи сказки, которые по всему Югу бродят. Он говорил, что я слышал только крики зверей и шум воды, но я вам скажу: от таких звуков мороз пробирал по коже, и они были похожи на крик раненой козы. Мистер Сесил Чэмберс, который вместе с папой работал в парикмахерской, говорил, что это могла быть пантера. Они, говорил он, иногда появляются в лесной глуши, а вопит она, как женщина.

Мы с моей сестрой Томом — вообще-то она была Томазина, но мы ее все называли Томом — бродили в лесу с утра до вечера. У нас была собака Тоби, помесь гончей с терьером и еще чем-то.

Тоби был настоящий подружейный сукин сын. Но однажды летом тысяча девятьсот тридцать первого года, когда он облаивал загнанную им на дуб белку, гнилая ветка на этом дубе подломилась и стукнула его так, что он не мог шевельнуть задними ногами и хвостом. Я отнес его домой на руках. Он скулил, а мы с Томом плакали.

Отец, увидев нас, перестал пахать, снял упряжь с плеч и бросил ее на землю, а Салли Редбэк оставил стоять посреди поля, прицепленную к плугу. Он встретил нас на полдороге, мы поднесли к нему Тоби, положили на мягкую вспаханную землю, и папа на него посмотрел. Он пошевелил ноги пса, попытался выпрямить ему спину, но Тоби только дико завывал при этих попытках.

Рассмотрев все варианты, отец велел мне и Тому взять ружье, отнести бедного Тоби в лес и избавить от мучений.

— Это не то, что я хочу, чтобы вы сделали, — сказал папа. — Но это то, что надо сделать.

— Да, сэр, — сказал я.

В наши дни это звучит жестоко, но тогда ветеринары в округе были редки, да и если бы мы захотели повезти пса к ветеринару, так денег не было. Да и любой ветеринар сделал бы то же, что предстояло сделать нам.

Что еще было по-другому: о таких вещах, как смерть, ты узнавал совсем молодым. От этого было некуда деться. Ты сам выращивал и резал цыплят и поросят, охотился и рыбачил, так что с ней ты сталкивался регулярно. Вот потому-то, думаю я, мы уважали жизнь больше, чем некоторые теперь, и ненужные страдания не должно было терпеть.

А в таких случаях, как с Тоби, от тебя часто ожидалось, что ты сделаешь дело сам, не перекладывая ответственность. Это не было произнесено вслух, но отлично всеми понималось, что Тоби — наша собака и потому это наше дело. Такие вещи считались частью познания жизни.

Мы поплакали, потом взяли тачку и положили в нее Тоби. У меня уже было с собой мое ружье двадцать второго калибра на белок, но для этого я вошел в дом и сменял его на одноствольный дробовик шестнадцатого калибра, чтобы он уж точно не мучился. Мысль застрелить Тоби в затылок, разметаив его череп по всему мирозданию, не та мысль, которая вызвала у меня радостное предвкушение.

Наша там ответственность или чья, а мне было тринадцать, а Тому — всего девять. Я ей

сказал, что может остаться дома, но она отказалась. Сказала, что пойдет со мной. Она знала, что кто-нибудь должен мне помочь быть сильным.

Том взяла с собой лопату, чтобы похоронить Тоби, закинула ее на плечо, и мы повезли старину Тоби, он при этом скулил поначалу, но потом затих. Просто лежал в тачке, пока мы его везли, спина у него подергивалась, и он то и дело поднимал голову и нюхал воздух.

Вскоре он стал нюхать сильнее, и мы поняли, что он учуял белку. Тоби всегда, когда чуял белку, поворачивался к тебе, а потом тыкал головой туда, куда хотел идти, и тут же бросался в бег, заливаясь лаем. Папа говорил, что он нам так показывает, откуда запах, пока не скроется из виду. Ну вот, он именно так и повернул голову, и я знал, что мне полагается сделать, но я решил продлить это, дав Тоби последний раз покомандовать.

Мы свернули туда, куда он хотел, и почти сразу оказались на узкой тропе, усыпанной сосновыми иголками, а Тоби лаял как сумасшедший. Кончилось тем, что тачка уткнулась в корень гикори.

На верхних ветвях играли две жирные белки, будто дразнили нас. Я пристрелил обеих и бросил их в тачку к Тоби, и будь я проклят, если он не залаял снова, взяв след.

Тяжелая работа — катить тачку по неровному лесу и усыпанной хвоей и лиственной земле, но мы именно это и делали, совсем забыв, что нам полагается сделать с Тоби.

Когда Тоби перестал брать след белок, уже близилась ночь, и мы были глубоко в лесу с шестью подстреленными белками — не хилая добыча — и полностью вымотались.

И с нами был Тоби, несчастный инвалид, и я никогда не видел, чтобы он так хорошо работал по белке. Будто Тоби знал, что должно случиться, и старался оттянуть событие, загоняя белок на дерево.

Мы сели под большим амбровым деревом и оставили Тоби в тачке с белками. Солнечный закатный свет разбивался в ветвях на части, как большой пирог. Тени вокруг нас вставали, как черные люди. Охотничьего фонаря у нас с собой не было. Была только луна, а она еще недостаточно хорошо светила.

— Гарри, — спросила Том, — что будем делать с Тоби?

Я как раз об этом думал.

— Вроде бы ему уже не больно, — сказал я. — И он загнал на дерево шесть белок.

— Ага, — согласилась Том, — но у него спина сломана.

— Это точно.

— Может, мы его здесь спрячем и будем каждый день носить ему еду и воду?

— Вряд ли. Это значит бросить его на милость всякого, кто тут пройдет. Его мошки с клещами заедят заживо.

Об этом я подумал, потому что сам был уже всюду покусан, и я знал, что сегодня буду сам сидеть возле лампы с пинцетом, вытаскивая их отовсюду, купаясь в керосине с последующим полосканием. Летом мы с Томом делали это чуть ли не каждый вечер.

— Темнеет, — сказала Том.

— Знаю.

— Кажется, Тоби уже не так больно.

— С виду ему лучше, — согласился я. — Но все равно у него спина сломана.

— Папа хотел, чтобы мы его пристрелили, чтобы не мучился. По-моему, он сейчас не мучается. Это ведь неправильно — застрелить его, если он не мучается?

Я посмотрел на Тоби. Сейчас он лежал неразличимым комом в тачке, накрытый тьмой. Когда я посмотрел на него, он поднял голову и пару раз стукнул хвостом по деревянному дну тачки.

— Думаю, я не смогу этого сделать. Мы вот что сделаем: отвезем его к папе и покажем, насколько ему лучше. Может, у него спина и сломана, но уже не так болит, как было. Он шевелит головой и даже хвостом, так что тело его не мертво, И его не надо убивать.

— Папа может не согласиться.

— Может, и нет, но не могу я его пристрелить, даже не попытавшись дать шанс. Слушай, он же шесть белок на дерево загнал! Мама обрадуется, когда их увидит. Мы везем

его домой.

Мы поднялись, чтобы идти, и туг до нас дошло. Мы заблудились. Увлечлись погоней за белками, бежали, куда показывал Тоби, и зашли глубоко в лес и не узнавали теперь ничего знакомого. Конечно, мы не испугались — по крайней мере в тот момент. В этих лесах мы бродили все время, но сейчас было темно, и это место было нам незнакомо.

Луна чуть поднялась, и я сориентировался по ней.

— Нам сюда, — сказал я. — Так мы выйдем либо к дому, либо к дороге.

Мы тронулись в путь, спотыкаясь на корнях, обломанных сучьях и ветках, натываясь на деревья то тачкой, то собственным телом. Вокруг возилась какая-то лесная живность, и я вспомнил, что говорил мистер Чэмберс про пантер, и подумал насчет диких кабанов: а что если мы напоремся на кабана, который ищет желуди, и вспомнил, что мистер Чэмберс еще говорил, что сейчас плохой год по бешенству и много зверей болеют, и от всех этих мыслей так занервничал, что стал нащупывать в кармане патроны. Их оставалось три штуки.

И чем дальше мы шли, тем сильнее становилось вокруг нас движение, и я начал думать, что это держится с нами вровень. Мы замедлялись — оно замедлялось. Мы шли быстрее — оно не отставало. И не так, как это делает зверь, и даже не так, как змея, которая иногда крадется, чтобы напасть. Это было больше змеи. Оно нас скрадывало, как пантера. Или как человек.

Тоби рычал, подняв голову, и шерсть у него на шее стояла дыбом.

Я посмотрел на Тома, и при свете луны, пробивавшемся сквозь ветви, увидел, как она боится. Я знал, что она пришла к тем же выводам, что и я.

Я хотел что-то сказать, крикнуть что-нибудь тому, что было в кустах, но боялся, что это выйдет вроде сигнала, от которого оно на нас нападет.

Раньше я для страховки открыл ружье и положил его в тележку, толкая перед собой его, Тоби и белок. Теперь я остановился, вынул ружье, проверил, что в стволе есть патрон, закрыл ружье и положил палец на курок.

Тоби начал шуметь всерьез, переходя от рычания к лаю.

Я посмотрел на Тома, и она взяла у меня тачку. Ей, конечно, было трудно катить тачку по мягкой земле, но у меня не было выбора — надо было держать ружье, а бросить Тоби мы не могли — после всего, что он пережил.

То, что шумело в кустах, какое-то время не отставало, потом затихло. Мы набрали скорость и больше его не слышали. И присутствия его больше не ощущали. А раньше было так, будто за нами крадется дьявол.

Наконец я достаточно осмелел, чтобы разломить ружье, положить его в тачку и снова взяться за ручки.

— Что это было? — спросила Том.

— Не знаю, — ответил я.

— Что-то большое.

— Ага.

— Козлоног?

— Папа говорит, что Козлонога на свете нет.

— Да, но иногда ведь он ошибается?

— Вряд ли, — ответил я.

Мы прошли еще немного, нашли сужение реки и переправились, с трудом толкая тачку. Нам не надо было ее пересекать, но здесь было подходящее место, а кто-то или что-то за нами кралось и меня напугало, и я просто хотел оставить побольше расстояния между нами и этим.

Мы шли еще довольно долго и дошли наконец до зарослей, обвивавших деревья и кусты и стоявших колючей стеной. Это была стена диких роз и ежевики. Некоторые побеги были толщиной с колодезную веревку, колючки, как гвозди, а цветы пахли сильно и сладко в ночном воздухе, почти так же сладко, как когда варится сорговый сироп.

Заросли ежевики тянулись во все стороны и окружали нас отовсюду. Мы забрели в

лабиринт слишком широкий и глубокий, чтобы его обойти, и слишком высокий и колючий, чтобы перелезть; к тому же колючие стебли переплелись с низкими ветвями и нависали как потолок. Я вспомнил Братца Кролика и терновый куст, но я, в отличие от Братца Кролика, не родился и не вырос в зарослях ежевики, и еще, в отличие от Братца Кролика, не мечтал в этот куст попасть.

Я откопал в кармане спичку, оставшуюся от того случая, когда мы с Томом пытались курить сигареты из кукурузных волос и виноградных лоз. Я зажег спичку о большой палец, посветил ею, увидел широкий проход в ежевике, и не требовалось высшего образования, чтобы углядеть прорезанный в зарослях проход. Я наклонился, сунул спичку перед собой и понял, что ежевика образовывала что-то вроде туннеля футов шесть в высоту и столько же в ширину. Как далеко он тянется, я не видел, но прилично далеко.

Загасив спичку, пока она не обожгла мне руку, я сказал Тому:

— Можем вернуться назад, а можем пойти по этому туннелю.

Том посмотрела налево, увидела толстые твердые стебли ежевики, а перед нами тоже они стояли стеной.

— Назад возвращаться я не хочу из-за того, что там было. И по туннелю тоже не хочу. Мы там будем, как крысы в трубе.

Может, то, что было сзади, знало, что загонит нас сюда, и ждет нас на другом конце этой ежевичной западни, как папа нам читал про этого — помнишь? Который был наполовину человек, а наполовину корова.

— Наполовину человек, наполовину бык, — поправил я. — Минотавр.

— Ага, минотварь. Может, он там и ждет, Гарри.

Я, конечно, тоже об этом подумал.

— Я думаю, надо идти в туннель. Тогда он ни с одной стороны не сможет к нам подступиться. Ему придется нападать спереди или сзади.

— А других туннелей здесь быть не может?

Об этом я не подумал. Такие просеки могут быть прорезаны в любом месте.

— У меня ружье, — сказал я. — Если сможешь толкать тележку, Тоби нас вроде будет сторожить. Даст знать, если кто-нибудь приблизится. А если что-то на нас бросится, я его развалю пополам.

— Мне ни один твой выбор не нравится.

Я взял ружье, закрыл его и взвел курок. Том взялась за рукоятки тачки. Я пошел вперед, Том за мной.

* * *

Запах роз одурял. От него кружилась голова. Кое-где торчали плети с колючками, невидимые в темноте. Они рвали мою старую рубашку, царапали мне лицо и руки. Я слышал, как ругается себе под нос Том, когда ее царапают колючки. Меня радовало, что Тоби молчит — это до некоторой степени успокаивало.

Туннель в ежевике вел нас довольно долго, потом я услышал шум, туннель стал шире, и мы вышли на берег ревущего Сабина. Среди нависших деревьев появились просветы, лунный свет стал ярче и освещал все желто и густо, как цвет скисшего молока. Что там нас преследовало — не было ни видно, ни слышно.

Я минуту смотрел на луну, потом повернулся к реке.

— Мы сбились с дороги, — сказал я. — Но теперь я знаю, как быть дальше. Можно пройти по реке, но она сильно петляет, а я думаю, тут недалеко от висячего моста. Мы его перейдем, выйдем на главную дорогу, а по ней вернемся домой.

— Висячий мост?

— Ну да, — сказал я.

— Как думаешь, мама с папой волнуются? — спросила Том.

— Это можешь не сомневаться. Дай Бог, чтобы они так обрадовались белкам, как я

рассчитываю.

— А как будет с Тоби?

— Поживем — увидим.

Берег круто спускался к воде, и вдоль самого уреза шла едва заметная тропа.

— Так я думаю, надо будет снести Тоби и потом скатить тачку. Ты будешь ее толкать, а я пойду впереди и придержу ее снизу.

Я осторожно поднял Тоби, который жалобно взвизгнул, а Том, покачнувшись вперед, толкнула тачку. Тачка, белки, ружье и лопата перевалились через край и упали возле ручья.

— Черт тебя побери, Том!

— Я не виноватая! — пискнула она. — Она у меня вырвалась! Я маме скажу, что ты ругался!

— Только попробуй, я с тебя шкуру спущу. И ты сама всю дорогу ругалась.

Я отдал Тоби Тому подержать, пока я спущусь, найду опору для ног, и тогда она мне его передаст.

Соскользнув с обрыва, я оказался возле большого дуба у самой воды. Стебли ежевики спускались к воде и охватывали дерево. Меня пронесло мимо дерева, я выставил руку, чтобы удержаться, и тут же ее отдернул. Я коснулся не ствола дерева, даже не колючек, а чего-то мягкого.

Поглядев, я увидел в лозах ежевики серую кашу, и светившая через реку луна падала на лицо — или на то, что было лицом, а сейчас больше походило на маску повешенного, распухшее и круглое с черными дырами глазниц. Пучок волос на голове казался клоком темной овечьей шерсти, а тело было распухшим, изломанным и без одежды. Женщина.

Я видал пару игральные карты с голыми женщинами, которые показывал Джейк Стерлинг. У него всегда что-нибудь такое было, поскольку его отец был коммивояжером и торговал не только нюхательным табаком, но и тем, что называл «сопутствующий товар».

Но это было не похоже на те открытки. Те меня волновали каким-то непонятным образом, но радостно и приятно. А это меня взволновало очень понятным образом. Страхом и ужасом.

Ее груди лопнули, как гнилые дыни на солнце. Ежевичные стебли опутали распухшее тело, и кожа была серой, как сигарный пепел. Ноги ее не касались земли. Она была привязана к дереву стеблями ежевики. В лунном свете она была как жирная колдунья, привязанная колючей проволокой к массивному столбу в ожидании костра.

— Боже мой! — сказал я.

— А ты опять ругаешься, — заметила Том.

Я чуть поднялся по обрыву, взял Тоби у Тома, положил его на мягкую землю возле воды и еще раз посмотрел на тело. Том слезла вниз и увидела то, что видел я.

— Это Козлоног? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Это мертвая женщина.

— Она совсем без одежды.

— Том, не смотри на нее.

— Не могу.

— Надо добраться домой и сказать папе.

— Зажги спичку, Гарри. Надо рассмотреть.

Я обдумал это и полез в карман.

— У меня только одна осталась.

— Все равно зажги.

Я зажег спичку и поднял повыше. Пламя заматалось, когда у меня задрожала рука. Подойдя поближе, я всмотрелся. Было еще ужаснее, чем без света.

— Кажется, это цветная женщина, — сказал я.

Спичка погасла. Я поставил тачку на тропу, вытряхнул грязь из дула ружья, положил его, белок и Тоби обратно в тачку. Лопату я найти не смог и решил, что она упала в реку. Это мне дорого обойдется.

— Надо идти, — сказал я.

Том стояла на берегу, пялясь на тело. Не могла глаз оторвать.

— Идем, тебе говорят!

Том оторвалась от зрелища. Мы шли вдоль берега, я толкал эту тачку изо всех своих сил, увязая в мягкой земле, пока не понял, что больше не могу. Тогда я связал ноги белок веревкой, которая нашлась у Тома, и обвязал себе вокруг пояса.

— Том, ты понесешь ружье, а я понесу Тоби.

Том взяла ружье, я подобрал Тоби, и мы двинулись к висячему мосту, где, по слухам, и жил Козлоног.

Мы с друзьями обычно держались подальше от висячего моста — все мы, кроме Джейка. Джейк ничего не боялся. Ну, надо сказать, ума у него было маловато, чтобы чего-то бояться. Что он, что его старик — отрежь им головы, они не стали бы намного глупее.

Джейк говорил, что все рассказы насчет висячего моста придумали родители, чтобы мы туда не лезли, потому что там опасно. Может быть, это было правдой.

Мост представлял собой несколько тросов, перекинутых через Сабин с берега на берег на высоком месте. К тросам крепились ржавыми металлическими зажимами и гнилыми веревками длинные доски перекладин. Не знаю, кто его строил, и, быть может, когда-то это был отличный мост, но теперь многих досок не доставало, а другие сгнили и потрескались, а тросы были закреплены на высоких берегах ржавыми рельсами, глубоко вкопанными в землю. Местами, там, где вода подмывала берег, рельсы выглядывали из земли. Пройдет достаточно времени, и весь мост рухнет в реку.

Когда дул ветер, мост качался, а в сильный ветер это было что-то. Я его переходил только один раз, днем, в полном безветрии, и то было достаточно страшно. На каждом шаге он пружинил, угрожая сбросить тебя в воду. Доски трещали и стонали, как от боли. Иногда отделился кусок гнилого дерева и падал в воду. Надо только еще добавить, что внизу было глубоко, течение здесь ускорялось, потом разбивалось о камни и падало с уступов в широкую и глубокую воду.

И вот мы стоим здесь ночью, смотрим на длинный мост, думаем про Козлонога, про найденное нами тело, про Тоби, про то, — что уже поздно и что родители волнуются.

— Надо переходить, Гарри? — спросила Том.

— Ага, — ответил я. — Думаю, да. Я пойду вперед, а ты смотри, куда я шагаю. Если доска меня выдержит, должна выдержать и тебя.

Мост поскрипывал сквозь рев реки, покачиваясь на тросах) как змея, переползающая через высокую траву.

Трудно было его переходить даже тогда, когда я мог держаться за тросы двумя руками, но нести Тоби, и ночью, и Том со мной, и она еще пытается нести ружье... Да, дело не выглядело заманчивым.

А какой другой выбор? Вернуться назад по той дороге, по которой пришли, или попробовать пройти ниже по реке, где она мелеет, перейти там и вернуться к дороге и к нашему дому! Но мелеет река только через несколько миль, а по лесу идти трудно, а Тоби тяжел, и там сзади что-то за нами гонится. Я не видел другого пути — только через мост.

* * *

Я сделал глубокий вдох, ухватил Тоби покрепче и шагнул на первую перекладину.

Мост сразу сильно качнулся влево, потом обратно — еще сильнее. В руках у меня был Тоби, и потому я мог только согнуть колени и попытаться поймать качания. Качающийся мост успокаивался долго, и я сделал следующий шаг — уже осторожнее. На этот раз он качнулся не так сильно. Я вроде поймал ритм шагов, и позвал Тома:

— Наступать надо на середину перекладины. Тогда качается не так сильно.

— Гарри, я боюсь!

— Ничего страшного, — сказал я. — Переберемся.

Я наступил на очередную перекладину, она треснула. Я успел отдернуть ногу. Кусок доски отвалился и медленно полетел в реку. Упал с сильным всплеском, течение подхватило его, он блеснул в лунном свете, и его унесло прочь. Он закружился в черной воде, перевалился через водопадик и скрылся из виду.

А я стоял и чувствовал, будто у меня дно от живота отвалилось. Потом сжал покрепче Тоби и переступил через провалившуюся перекладину на следующую. Мне это удалось, но мост затрясся, и я услышал, как вскрикнула Том. Обернувшись, я увидел, что она выпустила ружье и вцепилась в трос. Ружье упало вниз и повисло между двумя нижними тросами. Мост дико качался, бросая меня то на тросы, то от них, и я уже решил, что не миновать мне падения.

Когда мост успокоился, я опустил на колено, повернулся и посмотрел на Тома.

— Легче, — сказал я.

— Не могу отпустить руки, боюсь!

— Должна отпустить. И ружье должна подобрать.

Много времени прошло, пока Том наконец смогла нагнуться и подобрать ружье. Чуть отдышавшись, мы пошли дальше. Вот тогда мы и услышали этот шум внизу и увидели эту тварь в тени.

Она шла вдоль берега по той стороне, рядом с водой, под мостом. Ее трудно было рассмотреть как следует, потому что она держалась тени, не выходя на свет луны. Голова у нее была большая, и что-то было вроде рогов, а остальное все было темным, как угольная кладовая. Она чуть подалась вперед, будто рассматривая нас, и я увидел белки глаз и меловые зубы, сверкнувшие при луне.

— Боже мой, Гарри! — шепнула Том. — Это Козлоног! Что нам делать?

Я подумал насчет вернуться. Тогда нас будет от него отделять река, но снова придется идти через лес, и не одну милю. А если он где-нибудь переберется, то снова за нами погонится, потому что теперь я был уверен — это он преследовал нас в ежевике.

Если же мы перейдем мост, мы окажемся над ним на высоком берегу, и до дороги будет близко. Здесь его укрытие. Он заперт здесь между лесами и берегами Сабина, потому что проповедники закрыли ему выход к дороге.

— Надо идти вперед, — сказал я.

Еще раз посмотрев на белизну глаз и зубов, я стал двигаться дальше. Мост качался, но теперь у меня были более веские причины идти, и у Тома тоже.

Когда мы приблизились к той стороне, я глянул вниз, но Козлонога больше не видел. То ли смотрел не под тем углом, то ли он скрылся. И все мне думалось, что, когда я доберусь до другой стороны, он уже будет ждать, взобравшись наверх.

Но когда мы перебрались, увидели только тропу, пересекавшую густой лес, озаренный луной. И на ней — никого.

Мы пошли по тропе. Тоби был тяжел, и я старался не слишком его трясти, но так был напуган, что вряд ли с этим справлялся. Он время от времени поскуливал.

Когда мы прошли уже прилично, тропа свернула в тень, где ветви деревьев вытягивались и скрывали землю от лунного света, будто обнимая ее тьмой.

— Я так думаю, если он хочет напасть, — сказал я, — то здесь самое место.

— Так давай туда не пойдем.

— Ты хочешь вернуться обратно через мост?

— Ой, нет!

— Тогда вперед. Мы даже не знаем, идет он за нами или нет.

— Ты видел у него на голове рога?

— Что-то видел. Знаешь, что сделаем? Поменяемся. Пока не выйдем снова на открытую тропу, ты понесешь Тоби, а я — ружье.

— Мне с ружьем лучше.

— Это да, но я могу из него выстрелить, чтобы оно не свалило меня отдачей. И у меня

есть патроны.

Том подумала и сказала:

— Ладно.

Она положила ружье на землю, и я дал ей Тоби. Потом подобрал ружье, и мы пошли по темному закруглению тропы.

Днем я много раз ходил по этой тропе. До самого моста, но, кроме того одного раза, я никогда через этот мост не ходил. И ночью в лесу я тоже бывал, но никогда так далеко, и обычно с папой.

Когда мы углубились по тропе в тень, никто на нас не прыгнул, но, приближаясь вновь к освещенному месту, мы слышали в лесу какое-то движение. То же самое, которое слышалось в зарослях ежевики. Рассчитанное. Идущее точно за нами.

Выйдя наконец на освещенную тропу, мы стали бояться меньше. Разумной причины для этого не было — просто ощущение. Лунный свет ничего не менял. Я оглянулся через плечо в только что пройденную нами темноту, и посередине тропы, в тени, увидел его. Он стоял и смотрел.

Тому я этого не сообщил, только сказал:

— Теперь возьми ружье, а я возьму Тоби. А потом беги со всех ног туда, где дорога.

Том тупицей не была, и меня, наверное, выдали глаза, так что она повернулась и оглянулась на тень. И тоже увидела его. Он уходил в чащу. Она повернулась и отдала мне Тоби, взяла ружье и рванула вперед, как молния. Я побежал за ней, трясая беднягу Тоби, белки хлопали меня сзади по ногам. Тоби визжал, выл и скулил. Тропа стала шире, лунный свет — ярче, показалась красная глина дороги, мы выбежали на нее и оглянулись.

Никто за нами не гнался. И движения в лесу слышно не было.

— Все в порядке? — спросила Том.

— Я так думаю. Говорят, он на дорогу выходить не может.

— А что, если может?

— Да нет, не может... в общем, я так думаю.

— Это он убил ту женщину.

— Думаю, да.

— А почему у нее такой вид?

— Иногда мертвые так распухают.

— А как он ее так изрезал? Рогами?

— Не знаю, Том.

Мы пошли по дороге — шли очень долго, — с привалами для отдыха, а еще мы помогали Тоби справиться свои дела, придерживая ему ноги и хвост. Пришли мы домой уже глубокой ночью.

* * *

Нельзя сказать, что это была идеальная картина счастливого возвращения. Небо заволочло тучами, луны больше не было. Слышался стрекот цикад и кваканье лягушек где-то в низинах. Когда мы вошли во двор с Тоби на руках, папа окликнул нас, и вспугнутая сова взлетела с дуба, мелькнув черным силуэтом на фоне светлеющего неба.

— Надо бы с вас шкуру спустить, — сказал папа.

— Да, сэр, — ответил я.

Отец сидел во дворе под дубом. Этот дуб был что-то вроде нашего дерева собраний, где мы летом сидели, разговаривали и лущили горох. Отец сидел и курил трубку — привычка, которая его потом и убила. Трубка разгорелась, когда он затянул в нее пламя поднесенной спички. Запах трубки показался мне деревянным и кислым.

Мы подошли и остановились под дубом перед его креслом.

— Мать с ума сходит, — сказал отец. — Гарри, ты знаешь, что нельзя так поздно шататься, да еще с сестрой. Тебе полагается о ней заботиться.

— Да, сэр.

— Я вижу, Тоби все еще с вами.

— Да, сэр. Мне кажется, ему лучше.

— Не бывает лучше, если спина сломана.

— Он загнал шесть белок, — сказал я. Вынув карманный нож, я срезал их с пояса и подал отцу. Он в темноте взял их и положил рядом с креслом.

— У тебя есть оправдание, — сказал он, и это был вопрос.

— Да, сэр.

— Тогда ладно. Том, ты сейчас пойдешь в дом и начнешь носить воду в лохань. Она теплая, так что греть ее не надо. Ты вымоешься, после этого керосином уничтожишь все, что на тебя напоззло, прополощешься — и в кровать.

— Да, сэр, — ответила она. — Только, папа...

— В дом, — велел отец.

Том поглядела на меня, положила ружье на землю и направилась в дом.

Отец пыхнул трубкой.

— Ты сказал, что у тебя есть оправдание.

— Да, сэр. Нам пришлось пострелять белок, но это не все. Там у реки тело.

— Что? — Он привстал в кресле.

Я ему рассказал все, как было. Как за нами что-то гналось, про ежевику, тело, Козлонога. Когда я договорил, отец сказал:

— Никакого Козлонога нет, Гарри. Но тот, кого ты видел — возможно, это убийца. Если будете так бродить, это можешь оказаться ты или Том.

— Да, сэр.

— Надо будет пойти посмотреть с утра пораньше. Как ты думаешь, найдешь ты это место?

— Да, сэр, но мне не хотелось бы.

— Знаю, но мне понадобится твоя помощь. Теперь иди домой, и когда Том закончит, вымойся и собери с себя клещей — их на тебе должно быть полно. Дай мне ружье, и я сделаю с Тоби то, что надо.

— Я попытался что-то сказать, но не знал что. Отец поднялся, взял Тоби на руки, и я дал ему ружье.

— Чертовски не повезло хорошему псу, — сказал он.

Отец направился к сарайчику, который у нас стоял за домом возле поля.

— Папа, — сказал я. — Не мог я. Тоби — не мог.

— Ничего, сын, — сказал он и пошел к сараю.

Когда я вошел в дом, Том сидела на заднем крыльце в лохани и мама при свете висящей на балке керосиновой лампы свирепо ее оттирала. Когда я подошел, мама, не вставая с колен, обернулась ко мне через плечо. Светлые волосы ее были собраны в пучок, и выбившаяся прядь падала на лоб, закрывая глаз. Мама отвела ее в сторону мыльной рукой.

— Нечего было шататься так поздно, да еще пугать Тома рассказами про мертвое тело!

— Это не рассказ, мама.

И я пересказал ей все то же, но вкратце.

Когда я договорил, она долго молчала.

— А где твой папа?

— Он понес Тоби в сарай. У него спина сломана.

— Да, я слыхала. Жалко.

Я прислушивался, ожидая выстрела из ружья, но прошло пятнадцать минут, а выстрела все не было. Потом я услышал папины шаги, и вскоре он вышел из тени в круг света от лампы с ружьем в руках.

— Не думаю, что его надо убивать, — сказал папа. У меня сердце подпрыгнуло от радости, и я поглядел на Тома, которая пыталась выглянуть из-под рук мамы, мылившей ей голову щелоковым мылом. — Он слегка шевелит задними ногами, поднимает хвост. Может,

ты прав, Гарри. Он может поправиться. Кроме того, сынок, я не лучше тебя мог это сделать. Если ему станет хуже или останется так же, то... А пока что он на вашем с Томом попечении. Кормите его и поите, и как-то помогайте ему справиться свои дела.

— Да, сэр, — ответил я. — Спасибо, папа!

Папа присел на крыльце, держа на коленях ружье.

— Ты говоришь, это была цветная?

— Да, сэр.

Папа вздохнул.

— Это малость затрудняет дело, — сказал он.

* * *

Наутро я отвел папу туда по дороге до самого моста. Переходить его снова мне не хотелось. Я показал ему место на той стороне вниз по реке, где должно было быть тело.

— Ладно, — сказал папа. — Дальше я найду. Ты иди домой. А того лучше — сходи в город и открой парикмахерскую. Сесил будет гадать, куда я девался.

Я пошел домой, зашел в сарай проведать Тоби. Он ползал на брюхе, дергая задними ногами. Велев Тому за ним присматривать и как следует его кормить, я взял ключ от парикмахерской, оседлал Салли Редбэк и отправился в пятимильный путь до города.

Марвел-Крик был тогда не слишком большим городишком, как и теперь, но тогда там вообще было всего две улицы. Главная и Западная. На Западной находился ряд домов, на Главной — магазин, суд, почта, кабинет доктора, парикмахерская, которой владел мой отец, еще пара контор, а иногда — стадо бродячих свиней старика Криттендона.

Парикмахерская представляла собой однокомнатный белый дом, построенный под двумя старыми дубами. В ней хватало места на одно настоящее парикмахерское кресло и на еще одно обыкновенное с подушкой на сиденье и другой подушкой, привязанной к спинке. Папа стриг в парикмахерском кресле, а другим пользовался Сесил.

Летом дверь всегда была открыта, и от мух защищал только марлевый полог. Мухи любили на нем собираться и висеть гроздьями. Часто задувал горячий ветер.

Когда я подъехал, Сесил сидел на ступенях и читал газету. Я привязал Салли к дубу, пошел открывать дверь, а по дороге дал Сесилу краткое описание событий, сообщив, чем сейчас занят папа.

Сесил выслушал, покачал головой, щелкнул языком, и мы вошли.

Мне нравилось, как пахнет в парикмахерской. Спиртом, дезинфекцией и мазями для волос. На стене за креслом парикмахера в ряд стояли бутылки, и в них были жидкости разных цветов, желтые, красные и синие, которые слегка пахли кокосом.

Вдоль стены у двери стояла длинная скамейка, а перед ней стол с журналами в ярких обложках. Почти во всех были детективные рассказы. Я их читал при первой возможности, а иногда папа мне приносил те, которые истрепались.

Когда не было клиентов, Сесил тоже их читал, сидя на скамейке с самокруткой во рту, и был похож на персонажа из этих журналов. Крутого, беспечного, умелого.

Сесил был крупным мужчиной, и, как было мне известно из разговоров в городе и косвенно — от папы, дамы находили его красивым. Копна ухоженных рыжевато-коричневых волос, яркие глаза и приятное лицо с чуть нависшими бровями. Он приехал в Марвел-Крик месяца два назад. Папа, поняв, что он может стать конкурентом, поставил для него еще одно кресло и выделил процент.

С тех пор папа вроде как жалел об этом. Не то чтобы Сесил был плохим работником, и не то чтобы папа его недолюбливал. Дело было в том, что Сесил оказался слишком хорош. Он действительно умел стричь, и довольно быстро все больше и больше папиных клиентов стали пропускать очередь, ожидая, чтобы Сесил освободился. Все больше матерей приводили сыновей и ждали, пока Сесил их пострижет, поболтает с ними, ущипнет малыша за щеку и рассмешит его. Вот такой был Сесил. Он мог за минуту подружиться с кем угодно.

Хотя папа никогда не сознался бы, это его злило, заставляло слегка завидовать. И еще имел место факт, что когда мама приходила в парикмахерскую, она всегда смущалась под взглядом Сесила, краснела. И смеялась, когда он говорил что-нибудь, даже не смешное.

Сесил несколько раз стриг и меня, когда папа был занят, и, правду сказать, это впечатляло. Сесил любил поговорить и рассказывал разные истории о местах, где он бывал. По всем Соединенным Штатам, по всему миру. Он воевал в Первую мировую, видел самые страшные сражения. Но помимо самого факта, об этом он мало что рассказывал. Кажется, ему это было больно. Однажды он мне показал французскую монету, которую носил на шее на цепочке. Она была зазубрена от попадания пули. Она тогда была у него в кармане рубашки, и Сесил говорил, что она спасла ему жизнь.

Но если про войну он молчал, то насчет всего остального он был просто болтун. Поддразнивал меня насчет девчонок — с точки зрения папы, слишком рискованно, и папа кидал на Сесила недовольный взгляд, и я видел их обоих в зеркале над скамейкой — в которое клиент смотрит, пока парикмахер стрижет. Сесил перехватывал взгляд, подмигивал папе и менял тему. Но как-то снова подходил к ней близко, неподдельно интересуясь любой подружкой, которая у меня может быть, хотя на самом деле у меня ни одной не было. От этого у меня было чувство, будто я взрослою, принимаю участие в ритуалах и рассуждениях мужчин.

Том его тоже любила и иногда приходила в парикмахерскую просто послушать, как он будет ее развлекать и поддразнивать. Он любил сажать ее к себе на колено и рассказывать истории обо всем на свете, а были ли они Тому интересны — не знаю, но ей был интересен Сесил, который с ней и со мной обращался, как беспутный дядюшка.

Но что куда более было интересно в Сесиле — это как он умел стричь. Ножницы были будто продолжением его руки. Они мелькали, щелкали, поворачивались и отрезали при легчайшем повороте запястья. Когда я сидел в его кресле, вокруг в солнечных лучах летали ореолом волосы и моя голова становилась скульптурой, превращаясь из нечесаной массы в произведение искусства. Сесил никогда ни на волос не промахивался, не тыкал тебе в кожу ножницами — чего папа не мог бы о себе сказать, — и когда он заканчивал стричь, когда втирал тебе в кожу ароматное масло и расчесывал волосы, когда он тебя разворачивал, чтобы ты посмотрел в зеркало у себя за спиной, ты уже не был прежним. Я чувствовал, что выгляжу старше, мужественней... Может, даже слегка похожим на этих ребят из журналов.

Когда папа заканчивал работу, причесывал, намазывал мазью и выпускал меня из кресла (он никогда меня не поворачивал посмотреть, как взрослых клиентов), я был все тем же пацаном. Только стриженным.

Поскольку в этот день папы не было, а для меня стрижка была бесплатной, я спросил Сесила, не согласится ли он меня постричь, а когда он это сделал, рукой нанес крем для бритья и прошелся бритвой возле моих ушей, снимая концы волос, которые не поддаются ножницам. Потом он руками нанес масло мне на волосы, втер пальцами в кожу затылка и шеи. Масло было теплое и приятное, и от него захотелось спать.

Не успел я слезть с кресла, как появился старик Нейшн в своем запряженном мулом фургоне, и вошел внутрь со своими двумя ребятами. Мистер Этан Нейшн был крупным мужчиной в рабочем комбинезоне, с кочками волос над ушами и в носу. Его ребята были здоровенными, рыжими его копиями с оттопыренными ушами. Все они жевали табак, имели желтые зубы и плевались, когда говорили. В основном их разговор крутился вокруг ругательств, в это время дня произносимых не часто. Стричься они не приходили никогда. Стриглись сами под горшок. Они просто любили посидеть в креслах и почитать знакомые слова в журналах, а еще — поговорить, как теперь все плохо.

Сесил, хотя и не был им другом, всегда сохранял вежливость, и, как говорил папа, он всегда любил разговаривать, даже если разговор этот с дьяволом.

Когда старик Нейшн сел, Сесил сказал:

— Гарри говорит, что произошло убийство.

Как будто он был горд распространить такую новость, но поскольку я сам поторопился

ему рассказать и сам рвался выложить новости, я не мог его за это упрекнуть.

Когда слово было сказано, мне ничего не оставалось, как выложить все как есть. Ну, почти все. Почему-то я промолчал про Козлоного. Не знаю почему, но промолчал.

Когда я все рассказал, мистер Нейшн произнес:

— Оттого, что одной нигерской шлюхой стало меньше, мир не перевернется. Был бы я в низинах, набрел бы на одну из этих баб с войлоком на голове... Не знаю, может, мне бы и самому захотелось ее сделать. Плодятся, как вши. Мечут ублюдков, как мы срем. Только, может, я бы сначала заставил ее поработать. Ну, понимаете. В том смысле, что нигеры-то они нигеры, но на пять минут важно только; что внутри они розовые.

Его ребята заухмылялись. Сесил сказал:

— Поаккуратнее выражайтесь, — и кивнул в мою сторону.

— Извини, сынок, — сказал мистер Нейшн. — Твой па в этом копается сейчас?

— Да, сэр, — ответил я.

— Да, его это небось расстроило. Он всегда за нигеров беспокоится. А это просто гуталины друг друга мочат, пацан, и нам надо на них плюнуть. Пусть мочат, тогда нам меньше работы будет.

В этот момент что-то для меня изменилось. Я никогда не думал о личных убеждениях отца, но вдруг мне открылось, что они совсем другие, чем у мистера Нейшна, и что мистер Нейшн, хотя любит бездельничать у нас в парикмахерской, излагая свои идеи и читая наши журналы, на самом деле папу не любит. И тот факт, что этот человек папу не любит и что у папы совсем другие воззрения, чем у него, вызвал у меня гордость.

В свое обычное время пришел мистер Джонсон, проповедник, и мистер Нейшн, почувствовав себя неловко в его присутствии, запаковал себя и своих ребят в фургон и поехал дальше по дороге докучать кому-нибудь другому. После полудня вернулся папа и, когда Сесил его спросил насчет убийства, посмотрел на меня, и я понял, что надо было держать язык за зубами.

Папа рассказал Сесилу то, что я ему рассказал, и еще немного — что он считает, будто женщина не была принесена высокой водой, а была привязана ежевичными стеблями, как выставлена на витрине. Папа считал, что это сделал убийца.

Той ночью, лежа в кровати, приставив ухо к стене (Том давно уже спала), я слушал. Стены у нас тонкие, и когда было тихо и спокойно, я мог слышать разговоры мамы с папой.

— Доктор в городе даже смотреть ее не стал, — сказал папа.

— Потому что она цветная?

— Ага. Пришлось ехать в цветной квартал Мишн-Крик к тамошнему доктору.

— Она была в нашей машине?

— Ничего страшного. Когда мне Гарри показал, где она, я вернулся и поехал к дому Билли Голда. Они с братом поехали со мной, помогли мне завернуть ее в брезент, перенесли и положили в машину.

— И что сказал доктор?

— Он думает, что она была изнасилована. Груды разрезаны сверху донизу.

— О Боже мой!

— Ага. И еще кое-что похуже. Доктор не был уверен, но когда он ее всю осмотрел, вскрыл, проверил легкие, он сказал, что ее, может, утопили в реке еще живой, ее унесло течением, а через день примерно — почти наверняка сам убийца — прошел по берегу, нашел ее то ли случайно, то ли намеренно и привязал к дереву ежевикой.

— Кто мог такое сделать?

— Не знаю. Даже понятия не имею.

— А доктор ее знал?

— Нет, но он привез цветного проповедника, мистера Бэйла. Тот ее знал. Звали ее Джельда Мэй Сайкс. Он сказал, что она была местной проституткой. То и дело она приходила к нему в церковь поговорить насчет бросить это дело. Он сказал, что она обретала спасение души примерно раз в месяц, а остальное время его теряла. Работала в негритянской

забегаловке выше по реке. Иногда и белого клиента подцепляла.

— Так что никто не догадывается, кто мог это сделать?

— Никому до этого ни малейшего дела нет, Мэрилин. Никому. Среди цветных она мало кому интересна, а белые силы охраны правопорядка быстро дали мне понять, что я вышел за пределы своей юрисдикции. Или, как они это сформулировали: «О своих нигтерах мы заботимся сами». То есть не заботятся о них вообще.

— Если это вне твоей юрисдикции, тебе придется это дело оставить.

— Привезти ее в Мишн-Крик — это было вне моей юрисдикции, а место, где ее нашли, — вполне в моей юрисдикции. Тамошняя полиция считает, что сюда проездом заскочили железнодорожные бродяги, поразвлеклись с нею, сбросили в реку и вспрыгнули на следующий поезд. Может, они и правы. Но если так, зачем привязывать ее к дереву?

— А не мог это сделать кто-то другой?

— Может быть, но мне сильно не нравится мысль, что в мире есть такая жестокость. А кроме того, я не верю. Я думаю, что ее убил и выставил на обозрение один и тот же человек. Я малость порыскал, пока был в Мишн-Крик. У меня там есть знакомый газетчик, Кэл Филдс.

— Это тот пожилой, у которого жена молодая? Такая горячая красотка?

— Он самый. Хороший мужик. Кстати, жена его сбежала с барабанщиком. А Кэлу все равно. У него уже новая подружка. Но вот то, что он мне рассказал, было интересно. А рассказал он, что это за полтора года третье убийство в округе. Он в газетах о них не писал, главным образом потому что убийства были зверские, но еще и потому, что убивали оба раза цветных, а его читателям на убийство цветных наплевать. Одно случилось здесь в Мишн-Крик. Тело женщины нашли в большой сухой дренажной трубе возле реки. У нее ноги были сломаны, загнуты вверх и привязаны к голове.

— Боже мой!

— Кэл сказал, что о другом до него дошли только слухи. Он дал мне имя редактора газеты для цветных. Я к нему пошел и поговорил — зовут его Макс Грин. Они дали отчет о происшествии. Он мне показал номер с той статьей. Первая была убита, в январе прошлого года, чуть выше по реке от Мишн-Крик. Ее тоже нашли в реке. У нее были вырезаны половые органы и вставлены ей в рот.

— Боже мой! Но ведь между этими убийствами прошли месяцы. Это же не может быть один и тот же человек?

— Надеюсь, что может. Не хочется мне думать, что тут бродят два или три таких. Выставляет тела на обозрение и совершает с ними что-нибудь невыносимо позорное. Думаю, это один и тот же человек. Грин высказал мнение, что убийца любит с ними кончать, топя в реке. Даже та, которую нашли в дренажной трубе, лежала в воде. А полиция тамошняя, наверное, права насчет того, что этот тип ездит по железной дороге. Каждое такое место было возле рельсов, поблизости к полустаночкам с забегаловкой и рабочими девицами. Но это не значит, что это бродяга или вообще человек, который много ездит. Может, он на поездах ездит только на место убийства.

— А что с тем телом, которое нашел Гарри? Кто его взял?

— Никто. Лапонька, я заплатил, чтобы ее там похоронили на цветном кладбище. Я знаю, что денег у нас нет, но...

— Ш-ш! Ты все правильно сделал.

Они затихли, я перекатился на спину и стал смотреть в потолок. Стоило мне закрыть глаза, и я видел тело женщины, разваленное и распухшее, привязанное стеблями и колючками. И видел яркие глаза и белые зубы на темном лице рогатого Козлонога. Вспоминал, как обернулся через плечо и увидел Козлонога, стоящего в тени посередине лесной тропы, глядящего мне вслед.

Наконец в мыслях я добрался до дороги и тогда заснул.

Через какое-то время наша с Томом жизнь вернулась к норме. Время — оно такое. Особенно в молодости. Оно много что может вылечить; а чего не может, то забывается, или хотя бы отодвигается назад и только иногда всплывает — это вот когда мне время от времени по ночам вспоминалось, как раз перед тем, как заснуть. И наконец все это стало просто давним воспоминанием.

Папа немножко поискал Козлонога, но кроме нескольких следов под берегом и признаков, что кто-то там бродил, ничего не нашел. Но я слышал, как он рассказывал маме про ощущение, будто за ним кто-то следит, и он решил, что этот кто-то знает лес не хуже зверя.

Но необходимость зарабатывать на жизнь отменила все расследования, да и все равно мой папа был следователь никакой. Он был всего лишь констебль маленького городка, доставляющий судебные повестки и выезжающий к мертвым телам с мировым судьей. А если тела цветные, то без мирового судьи. Так что со временем убийство и Козлоног ушли в прошлое.

К осени Тоби уже начал снова ходить. Спина у него оказалась не сломанной, но были поражены нервы конечностей. Полностью он так и не оправился, но ходил, хотя и скованно, лишь по временам по непонятной причине задние ноги у него отнимались, и он их волочил. А вообще он почти все время ходить мог и даже бегал, прихрамывая и не быстро. Зато все равно оставался лучшей собакой по белке в наших местах.

В конце октября, за неделю до Хэллоуина, когда в воздухе стало прохладно, ночи прояснились и подморозились, а луна висела в небе тыквой, мы с Томом заигрались допоздна, гоняясь за светлячками и друг за другом. Папа уехал по своим констебльским делам, мама шила в доме, а когда мы с Томом наигрались, мы сели под деревом и стали болтать о том о сем и вдруг замолкли от ощущения какого-то холода. Не знаю, есть ли вообще у человека такое чувство. Может быть, просто какие-то мелочи, которые замечаешь, не осознавая. Что-то, услышанное за словами разговора. Но на самом деле это было то чувство, о котором говорил папа, — чувство, будто за тобой следят.

Я перестал слушать, что говорила Том, которая о чем-то тараторила, и медленно повернулся к лесу, а там, между двумя деревьями, в тени, но четко очерченная светом, стояла, глядя на нас, рогатая фигура.

Том, заметив, что я не слушаю, обиделась:

— Эй...

— Том, — сказал я ей, — помолчи минутку и посмотри, куда я смотрю.

— Я ничего не... — Тут она затихла, и потом прошептала: — Это он... Козлоног.

Тень резко повернулась, хрустнула сухая ветка, зашуршали листья, и она исчезла. Ни папе, ни маме мы не сказали, что видели. Это было между Томом и мной, и на следующий день мы вряд ли об этом вспомнили.

Через неделю была убита Джейнис Джейн Уиллмен.

* * *

Мы услышали об этом в ночь Хэллоуина. В городе была небольшая вечеринка для детей и всех, кто захочет прийти. Приглашения не рассылались. Каждый год подразумевалось, что вечеринка будет и можешь туда заявиться. Женщины приносили тарелки под крышкой, а мужчины — малость самогона, чтобы добавить себе в питье.

Вечеринка была у миссис Канертон. Она была вдова и держала у себя дома книги, как вроде в библиотеке. Нам разрешалось брать их на время, или можно было сидеть и читать у нее в доме, и у нее всегда бывали печенье или лимонад, и она не была против выслушивать наши рассказы и проблемы. Она была женщиной с милым лицом и большой грудью, и многие мужчины города находили ее привлекательной.

Каждый год в Хэллоуин она устраивала небольшую вечеринку для детей. Яблоки,

тыквенный пирог — все, что полагается. Каждый, кто мог себе позволить пожертвовать наволочкой, делал себе костюм привидения. Кое-кто из старших ребят ускользал на Западную улицу намылить окна, вот и весь Хэллоуин. Но в те времена это было чудесно.

Папа отвез нас на вечеринку. Был прекрасный прохладный вечер, летала масса светлячков и трещали сверчки, а мы с Томом вступили в игру в прятки, и пока тот, кому выпало водить, считал, мы разбежались прятаться. Я заполз под дом миссис Канертон, под переднюю веранду. И не успел я устроиться, как ко мне залезла Том.

— Эй! — прошипел я. — Сама найди себе место!

— Я же не знала, что ты здесь! И уже поздно бежать.

— Тогда сиди тихо, — сказал я.

Сидя там, мы увидели, как к ступеням веранды идут ботинки и брюки. Это были мужчины, которые до того стояли и курили во дворе. На крыльцо они собрались поговорить. Я узнал папины ботинки, и над нами на веранде началось какое-то движение, скрип кресел, а потом я услышал голос Сесила:

— Давно она мертва?

— Я так думаю, где-то с неделю, — ответил папа.

— А кто она? Мы ее знаем?

— Проститутка, — сказал папа. — Джейнис Джейн Уиллмен. Околачивается около дорожных забегаловок возле Мишн-Крик. Подцепила не того клиента и оказалась в реке.

— Утонула? — спросил кто-то еще.

— Полагаю, да. Но перед этим помучилась.

— Ты знаешь, кто это сделал? — спросил Сесил. — Ниточки есть?

— Да нет, по-настоящему нет ничего.

— Ниггеры! — Этот голос я знал. Старик Нейшн. Он выныривал всюду, где давали еду или где возможна выпивка, и никогда сам ничего не приносил. — Коль ниггеры найдут в низине белую женщину, они ее используют.

— Ага, — возразил другой голос. — А чего это белая женщина будет там околачиваться?

— Да небось он ее и притащил, — сказал мистер Нейшн. — Ниггер прихватит белую женщину при первом случае. Вот ты, если бы был ниггером, разве бы так не сделал? Что у тебя дома есть? Ниггерская баба. Не, белая женщина — это для них первое дело. А потом, ежели ты ниггер и такое с ней сделал, тебе придется ее убить, чтобы никто не знал. Да вообще уважающая себя белая женщина после такого жить не захочет.

— Хватит! — сказал папа.

— Ты мне грозишь, что ли? — спросил мистер Нейшн.

— Я говорю, хватит этих разговоров, — ответил папа. — Убийца может быть и белым, и черным.

— А окажется ниггером, — сказал мистер Нейшн. — Помянешь мое слово.

— Я слышал, у тебя есть подозреваемый, — сказал Сесил.

— На самом деле нет, — ответил папа.

— Какой-то цветной, — продолжал Сесил.

— Я ж так и знал, — сказал Нейшн. — Какой-нибудь проклятый ниггер.

— Я задержал человека для допроса, вот и все.

— И где он? — спросил Нейшн.

— А знаете что? — сказал папа. — Я бы от куска пирога не отказался.

Заскрипело крыльцо, открылась марлевая дверь, и мы слышали уходящие в дом шаги.

— Обождет ниггерский, — сказал Нейшн.

— Хватит этого! — обрезал его Сесил.

— Это ты мне, парнишка?

— Тебе. И я сказал, хватит.

На веранде началась возня, движение, потом вдруг что-то шмякнуло, и мистер Нейшн полетел на землю прямо перед нами. Мы его видели в щели между ступенями. Он смотрел в

нашу сторону, но вряд ли нас видел. Под домом было темно, и он был занят другим. Вскочил он быстро, бросился к ступеням, но тут на веранде снова слышалось движение и папин голос:

- Этан, не поднимайся на веранду. Иди домой.
- Да кто ты такой, чтобы мне указывать?
- Сейчас я констебль, и если ты сюда поднимешься ил» будешь мне хоть сколько-нибудь надоедать, я тебя арестую.
- Ты — и кто еще?
- Я и только я.
- А его? Он меня ударил. Ты на его стороне, потому что он за тебя!
- Я на его стороне потому что у тебя не пасть, а помойка и ты всем портишь удовольствие. Слишком много ты выпил. Иди домой и проспись, Этан. Давай по-хорошему.
- Рука мистера Нейшна спустилась вниз и подобрала шляпу.
- Ты такой высокопотсав... поставленный, да?
- Просто нет смысла драться из-за ерунды, — ответил папа.
- Ладно, ты у меня посмотришь, любитель ниггерский!
- Не приходи больше в парикмахерскую, — сказал папа.
- Ноги моей не будет в твоей помойке, любитель ниггерский!
- Мистер Нейшн повернулся и зашагал прочь.
- Сесил, ты слишком много говоришь, — сказал папа.
- Это я знаю, — ответил Сесил.
- Ладно, я хотел пирога, — сменил тему папа. — Войду в дом и попробую еще раз. А когда я вернусь, нельзя ли, чтобы разговор шел о чем-нибудь совсем другом?
- Меня устраивает, — сказал чей-то голос, и снова слышался звук открываемой двери. Сначала я подумал, что все ушли внутрь, но потом я понял, что папа и Сесил остались на веранде, и папа что-то говорит Сесилу.
- Извини, я не должен был так тебя осаживать.
- Ничего, — ответил Сесил. — Ты был прав. Я слишком много говорю.
- Ладно, забудем.
- Конечно! Кстати, Джейкоб, подозреваемый... ты думаешь, это он?
- Нет, не думаю.
- А ему ничего не грозит?
- Пока нет. Я могу просто его отпустить, и никто и знать не будет, кто это был. Пока что мне с ним помогает Билл Смут.
- Ну ладно, еще раз прости, Джейкоб.
- Все путем. Пошли наконец пирога попробуем.

* * *

Мы ехали на машине домой с набитыми животами — яблоки, пирог, лимонад. Окна были опущены, октябрьский ветер свеж и насыщен запахами леса. Мы ехали по извилистой лесной дороге, ведущей к нашему дому, и меня начало клонить в сон.

Том уже спала, уронив голову на грудь. Я привалился к стенке машины и тоже стал дремать. Потом я услышал, что мама разговаривает с папой.

- У него был ее кошелек? — спрашивала мама.
- Да, и он оттуда деньги вынул.
- Так это, может быть, он?
- Он говорит, что рыбачил, увидел кошелек и плавающее платье и вытащил кошелек удочкой. Увидел там деньги и взял. Он говорит, будто понимал, что кошельки из реки не вылавливают, а на нем не было имени, и всего пять долларов, которые бы все равно пропали. Он говорит, будто даже не думал, что кого-то убили. Так вполне могло быть. Лично я ему верю. Старого Моуза я знаю всю жизнь. Он меня учил рыбу ловить. Сам он вообще чуть ли

не живет на реке в лодке. Мухи не обидит. К тому же ему семьдесят лет, и здоровье у него не очень. Жизнь он прожил тяжелую. Жена у него сбежала сорок лет назад, и он так этого и не пережил. Сын у него пропал, когда был подростком. Тот, кто изнасиловал эту женщину, должен быть очень силен. Она была молода, и, судя по виду тела, схватка была нешуточная. У человека, который это сделал, должно было хватить сил, чтобы... в общем, она здорово изрезана. Как и та, другая. Распороты груди. Рука отрезана у запястья. Мы ее так и не нашли.

— Боже мой!

— Извини, родная. Не хотел тебя расстраивать.

— А как ты нашел кошелек?

— Зашел навестить Моуза. Как всегда, когда бывал на реке. Кошелек лежал у него на столе в хижине. Пришлось его арестовать. Не знаю, надо ли было. Может, надо было просто взять кошелек и сказать, что я его нашел. Понимаешь, я ему верю. Но у меня нет доказательств ни «за», ни «против».

— А раньше Моуз ни в чем не был замешан?

— Когда сбежала его жена, кое-кто думал, что он ее убил. Она много себе позволяла. Таков был слух. Ничего не выяснилось.

— Но могло быть, что он это сделал?

— Наверное, могло быть.

— А что там было с его сыном?

— Парнишку звали Телли. Он был с детства не в себе. Моуз говорит, что потому жена от него и сбежала. Не могла вынести помешанного мальчишку. Парень пропал через четыре или пять лет после этого, и Моуз никогда об этом не говорил. Кое-кто думал, что его он тоже убил, но это тоже только слухи. Белые говорят про черных... так, как говорят. Я лично верю, что жена у него сбежала. Парень был не особо умен, и тоже мог сбежать. Он любил бродить по лесам и у реки. Мог утонуть, мог свалиться в какую-нибудь дыру и не выбраться.

— Но все равно все эти истории Моуза не красят?

— Не красят.

— И что ты будешь делать, Джейкоб?

— Не знаю. Запирать его в суде я опасюсь. Это ведь не настоящая тюрьма, и разойдись весть, что тут замешан черный, дальше никто особо рассуждать не станет. Я уговорил Билла Смута разрешить мне держать Моуза в его сарае для наживки.

— А Моуз может убежать?

— Вообще-то мог бы. Но у него не то здоровье, родная. И он верит мне, что я расследую это дело и докажу, что он невиновен. Вот оттого я и нервничаю. Я же не знаю как. Думал обратиться в полицию Мишн-Крик, потому что у них опыта больше, но у них, знаешь, тоже эмоциональное отношение. Ходит слух, что тамошний шериф из Клана или был там когда-то. Честно говоря, я не знаю, что делать.

Я снова начал уплывать в сон. И думал про Моуза. Это был старый цветной, который ходил по берегу с тростью. В нем была примесь белой крови. Волосы рыжие, а глаза зеленые, как весенние листья. Обычно он рыбачил с весельной лодки. Жил он в хижине у берега милях в трех от нас. Жил на пойманную рыбу и подстреленных белок. Иногда, когда у нас бывал удачный день на охоте или на рыбалке, папа заходил к Моузу и давал ему белку или немного рыбы. Моуз всегда был рад нас видеть, или так казалось. Еще год назад я с ним рыбачил, пока Джейк не сказал мне, что так не делают. Нехорошо, чтобы тебя все время видели с ниггером.

Когда я это вспомнил, мне стало стыдно, даже живот свело. Моуз учил еще папу ловить рыбу, и я с ним ходил рыбачить, и вдруг я бросил его только из-за того, что сказал Джейк.

Я снова вспомнил Козлонога. Вспомнил, как он стоял под висячим мостом, глядя на меня вверх из тени. Вспомнил, как он стоял возле дома и смотрел. Это Козлоног убил тех женщин — я это знал. А отвечать за это придется Моузу.

И вот тогда, в машине, овеваемой прохладным октябрьским ветром, у меня и начал вырабатываться план, как найти Козлонога и освободить Моуза. И еще несколько дней после

того я его обдумывал и, кажется, набрел на то, что казалось мне хорошей идеей. Наверняка оно таковой не было. Просто понятие тринадцатилетнего мальчишки о плане. Но все это не имело значения. Очень скоро дела повернулись к худшему.

* * *

Был понедельник, и в этот день папа не ходил в парикмахерскую. Он уже поднялся и покормил скотину, и рассвет уже виднелся среди деревьев, и папа позвал меня помочь поднести воду от колодца к дому. Мама в кухне готовила овсянку, бисквиты и жарила шпик на завтрак.

Мы с папой взяли по ведру воды и понесли к дому, когда я вдруг спросил:

— Папа, ты еще не придумал, что будешь делать со старым Моузом?

Он ответил не сразу.

— Откуда ты про это знаешь?

— Я слышал, как вы с мамой говорили.

Он кивнул, и мы пошли дальше.

— Навсегда я его там оставить не могу. Кто-нибудь на него наткнется. Думаю, его придется перевести в здание суда или отпустить. Против него нет улик — так, косвенная шелуха. Но цветной, белая женщина, и тень подозрения... Он до честного суда не доживет. Я должен быть сам уверен, что он этого не делал.

— А ты уверен?

Мы были уже на заднем крыльце, и папа поставил ведро на землю и мое рядом с ним.

— Ты знаешь, думаю, что да. Если никто не узнает, кого это я арестовал, он сможет и дальше жить, как жил. У меня ничего на него нет. Ничего реального. Всплывет еще что-нибудь, настоящая улика — я буду знать, где его найти.

— Моуз не мог убить этих женщин. Он сам-то еле ходит, папа.

Я увидел, как он покраснел.

— Да, ты прав.

Он поднял оба ведра и занес их в дом. Мама уже поставила еду на стол, и Том уже сидела за ним, щуря глаза, будто готовая в любой момент уронить голову в овсянку. Обычно надо было бы идти в школу, но сейчас учитель уволился, а другого еще не успели нанять, так что идти нам с Томом в этот день было некуда.

Наверное, еще и поэтому папа попросил меня после завтрака пойти с ним. И еще — я думаю, ему не хотелось быть одному. Он мне сказал, что решил пойти и выпустить Моуза.

Мы поехали к Биллу Смуту. У Билла был ледник возле реки. Это была просто большая комната, набитая опилками и льдом; и люди приезжали за ним на машинах и на лодках по реке. Он успешно этим льдом торговал. Сразу за ледником стоял домишко, где жил Билл с женой и двумя дочерьми. У дочек был такой вид, будто они свалились с дерева, стучаясь по дороге лицом о каждую ветку, а потом воткнулись головой в землю. Они всегда мне улыбались, и я от этого нервничал.

За домом мистера Смута стоял сарай — на самом деле продето большой старый навес. Тут, по словам папы, и держали Моуза. Подъезжая к дому мистера Смута вдоль реки, мы увидели, что двор полон машин, фургонов, лошадей, людей и мулов. Все еще было раннее утро, и солнце светило сквозь деревья, как рождественская иллюминация, и река была красна от утреннего солнца, и такими же красными были люди во дворе.

Сначала я подумал, что у мистера Смута большой наплыв покупателей, но когда мы подъехали, я увидел выходящую из сарая группу. Она состояла из мистера Нейшна, его двоих сыновей, и еще одного, которого я видал в городе, но не знал, как — зовут. Между ними шел Моуз. На самом деле не шел — его тащили, и слышно было, как мистер Нейшн поминает «проклятого ниггера», и тут папа вышел из машины и стал проталкиваться сквозь толпу.

Коренастая женщина в цветастом платье и квадратных ботинках, с заколотым на голове пучком волос, заорала ему:

— Будь ты проклят, Джейкоб, что прятал тут этого ниггера после того, что он сделал!

Тут я понял, что мы в середине толпы, и она смыкается вокруг, оставляя только просвет для Нейшна с его шайкой, которые тащили Моуза.

Он выглядел древним, сухим и узловатым, как старая коровья шкура в рассоле. Голова была окровавлена, глаза вылезали из орбит, губы рассечены. Ему уже прилично досталось.

Когда Моуз увидел папу, его зеленые глаза вспыхнули:

— Мистер Джейкоб, Не давайте им ничего делать, я же никому ничего не сделал!

— Все в порядке, Моуз, — сказал папа, и повернулся к мистеру Нейшну: — Нейшн, не лезь не в свое дело!

— Это наше дело, — ответил мистер Нейшн. — Когда наши Женщины не могут ходить спокойно, чтобы их какой-нибудь ниггер не уволок, тогда это наше дело.

Из толпы раздался согласный гул.

— Я задержал его только потому, что он может навести на убийцу, — сказал папа. — Я сюда пришел его выпустить. Мне ясно, что он ничего не знает.

— А вот Билл говорит, что у него был кошелек этой женщины, — сказал Нейшн.

Папа повернулся к мистеру Смуту, который не выдержал его взгляда и отвел глаза. И только тихо сказал:

— Джейкоб, я им не говорил, что он здесь. Они сами знали. Я только сказал, почему ты его сюда посадил. Я хотел объяснить, но они не слушали.

Папа только посмотрел на мистера Смута долгим взглядом. Потом повернулся к мистеру Нейшну.

— Отпусти его.

— В наше время мы умели обращаться с плохими ниггерами, — сказал мистер Нейшн. — И очень просто. Тронет ниггер белого — и ты его вешаешь, и больше он никого не тронет. Ниггерскую проблему надо решать быстро, а то каждый ниггер будет думать, что может насиловать и убивать белых женщин, когда захочет.

Отец спокойно произнес:

— Он заслуживает честного суда. Мы не можем никого карать.

— Черта с два — не можем! — крикнул кто-то.

Толпа сомкнулась теснее. Я повернулся к мистеру Смуту, но его уже не было видно.

— А теперь ты уже не такой высокопоставленный, а, Джейкоб? — спросил мистер Нейшн. — Так что перди отсюда с твоей любовью к ниггерам!

— Отдай его мне, — ответил отец. — Я его возьму. Чтобы его судили честно.

— Ты говорил, что его отпустишь, — сказал Нейшн.

— Я это обдумал. Да.

— Никто его никуда не отпустит, разве что на конце веревки!

— Вы его не повесите.

— Заба-авно, — протянул Нейшн. — А я думал, мы именно это и сделаем.

— Тут не дикий запад, — сказал отец.

— Это точно, — согласился Нейшн. — Тут берег реки с деревьями, а у нас есть веревка и плохой ниггер.

Во время разговора папы с мистером Нейшном один из ребят Нейшна куда-то исчез, а теперь появился снова, держа в руках веревку с петлей. Петлю он накинул на голову Моуза.

Папа шагнул к ним, схватил веревку и сдернул ее с Моуза. Толпа заревела, как раненный зверь, и все навалились на отца, колотя руками и ногами. Я попытался броситься в драку, но мне тоже досталось, и я помню дальше только, как лежал на земле, видел бьющие ноги и слышал, как Моуз кричит и зовет отца, а когда я посмотрел в ту сторону, его волокли по земле с веревкой на шее.

Кто-то схватил конец веревки и перебросил через толстую ветку дуба, и толпа дружно стала выбирать веревку, вздергивая Моуза. Он схватился за веревку руками, и ноги его задергались.

Папа поднялся, шатнулся вперед, схватил ноги Моуза и поднял вверх. Но мистер Нейшн

ударил его ногой в ребра, и папа упал, и Моуз рухнул вниз с хрустом, и снова забил ногами, сплевывая пену. Папа попытался подняться, но на него набросились и стали бить. Я встал и побежал к нему. Кто-то сзади ударил меня по шее, и когда я очнулся, никого уже не было, кроме меня и папы, который все еще был без сознания, и над нами висел Моуз, вывалив язык, длинный и черный, как набитый бумагой носок. Глаза его выкатились, как две зеленые хурмы.

Я встал на четвереньки, и меня стало рвать, пока внутри ничего не осталось. Меня схватили за бока чьи-то руки, и я подумал, что опять будут бить, но тут я услышал голос мистера Смута:

— Спокойней, парень. Спокойней.

Он попытался меня поднять, но я не мог стоять. Тогда он оставил меня сидеть на земле и подошел к папе. Повернув его лицом вверх, он оттянул веко.

Я спросил:

— Он...

— Нет, все в порядке. Ему просто досталось несколько хороших ударов.

Папа зашевелился. Мистер Смут помог ему сесть. Папа поднял глаза на Моуза. И сказал:

— Христа ради, Билл, срежь ты его оттуда.

* * *

Моуза похоронили у нас во дворе, между амбаром и полем. Папа сделал ему деревянный крест, и вырезал на нем «МОУЗ», и поклялся, что раздобудет денег на надгробный камень.

После этого папа уже не был таким, как раньше. Он хотел бросить работу констебля, но те небольшие деньги, что он получал, были нам нужны, и потому он остался, хотя божился, что еще раз что-нибудь такое — и он это дело бросит.

Осень сменилась зимой, и убийств больше не было. Те, кто помогал линчевать Моуза, утешали себя сознанием собственной правоты. Плохого ниггера убрали. Женщины больше не будут погибать — особенно белые женщины.

Из них многие были папиными клиентами, и больше они в парикмахерской не появлялись. А остальных почти всех стриг Сесил, и папе доставалось очень мало работы, так что он в конце концов дал Сесилу ключ и увеличил ему пай, а сам приходил только изредка. Переключился на работу на ферме, на рыбалку и охоту.

Когда настала весна, папа, как всегда, начал посадки, но о всходах говорил мало, и я мало слышал его разговоров с мамой, но иногда, поздно ночью, через стену, я слышал, как он плачет. Не объяснить вам, как это больно — когда плачет твой отец.

В школе весной появился новый учитель, но решили, что занятия до осени не начнутся, пока идет посадка растений. Сесил начал учить меня стричь, и я даже уже мог кое-что делать в парикмахерской — в основном стричь ребят моего возраста, которым нравилась сама идея, что я это делаю. Деньги я приносил домой маме, и когда я ей их отдавал, она чуть не плакала.

Впервые в моей жизни Депрессия стала ощущаться мною как Депрессия. Мы с Томом все еще ходили на охоту и рыбалку, но возрастной разрыв между нами становился заметнее. Мне должно было исполниться четырнадцать, и я ощущал себя таким старым, как Моуз.

Пришла и ушла весна, и она была приятна, но лето навалилось мстителем — горячее, как адская сковорода, и река обмелела, и рыба не хотела клевать, и белки с кроликами в это время года были червивыми, так что пользы от них было мало. Всходы сторели, а чтобы мало не показалось, в середине-июля возникла большая вспышка бешенства. Лесные звери, домашние собаки и кошки падали ее жертвами. Ужасно было. Люди стали стрелять бездомных собак на месте. Мы держали Тоби поближе к дому и в прохладе, поскольку считалось, что бешенство собака может подцепить не только от укуса больного зверя, но и просто от жары.

В общем, люди стали называть это лето летом бешеного пса, и оказалось, что они были правы не только в том смысле, в котором думали.

* * *

Клем Сумшн жил от нас в десяти милях по дороге — там, где отходил проселок от тогдашнего главного хайвея. В наше время это не называли бы хайвеем, но это была главная дорога, и если с нее свернуть, стараясь пересечь наш лесной перешеек и выехать к Тайлеру, проедешь мимо дома Клема, который стоял у реки.

Дом Клема выходил задней стеной на реку и устроен был так, что все исходящее из Клема и его семьи попадало прямо в реку. Так делали многие, хотя некоторым, вроде моего отца, это не нравилось. Такое было в том месте в то время понятие о канализации. Отходы вываливались сквозь дыру на речной берег, а когда вода поднималась, она уносила все это безобразие. Когда не поднималась, в кучах жили мухи, покрывая ее своими телами, блестя как драгоценности в протухшем шоколаде.

У Клема был придорожный киоск, где он продавал кое-какие овощи, и в тот жаркий день, о котором я говорю, ему вдруг понадобилось отойти по случаю легкого расстройства желудка и оставить в киоске сына Вильсона.

Сделав свое дело, Клем свернул самокрутку и вышел посмотреть на кишашую мухами кучу — быть может, в надежде, что река ее унесла хоть частично. Но было сухо, куча была больше, а вода ниже обычного, и что-то бледное и темное валялось на, куче лицом, вниз.

Клем с первого взгляда решил, что это здоровенная распухшая всплывшая кверху брюхом зубатка. Из огромных придонных обитателей, о которых ходят слухи, что они хватают маленьких собак и детей.

Но у зубаток нет ног.

Клем потом рассказывал, что, даже заметив ноги, он не сообразил, что это человек. Слишком оно было непривычное, распухшее для человека.

Но, осторожно спустившись по склону холма, думая только, как бы не вступить в продукт, который он со своей семьей все лето наваливали на берег, он уже понял, что это точно разбухшее тело женщины, лежащей лицом вниз во влажной черноте, и мухи в таком же восторге от трупа, как и от кучи отбросов.

Клем сел на лошадь и приехал к нашему двору вскоре после этого. Тогда было не так, как сейчас, когда тут же приезжают медэксперты, а копы бегают и меряют так и сяк и снимают отпечатки пальцев. Отец и Клем стащили тело с кучи и сунули в реку прополоскать, и тогда папа увидел лицо Марлы Канертон, похороненное под массой вспухшей плоти, и один холодный мертвый глаз открыт, будто она подмигивает.

Тело прибыло к нашему дому, завернутое в брезент. Папа с Клемом вынули его из машины и оттащили в сарай. Когда они прошли мимо нас с Томом — а мы играли в какую-то игру под большим деревом, — от брезента ударило страшной вонью, а ветра не было, и вонь была сухая и резкая, от которой меня затошнило.

Когда папа вышел из сарая вместе с Клемом, у него в руке было топорище. Он резкими шагами шел к машине, и слышно было, как Клем ему пытается втолковать:

— Не надо, Джейкоб! Не стоит оно того.

Мы подбежали к машине, когда из дома вышла мама. Папа спокойно положил топорище на переднее сиденье, а Клем стоял, и качал головой. Мама прыгнула в машину и набросилась на папу:

— Я знаю, Джейкоб, что ты задумал! И не думай даже!

Папа включил мотор.

— Дети! — завопила мама. — Залезайте немедленно! Я вас тут не оставлю!

Мы так и сделали, и с ревом умчались, оставив Клема озадаченно стоять во дворе. Мама пыхала огнем, вопила и умоляла всю дорогу до дома мистера Нейшна, но папа ни слова не произнес. Когда он заехал во двор Нейшна, жена мистера Нейшна была снаружи,

пропалывая жалкий огородик, а мистер Нейшн и двое его ребят сидели под деревом на соломенных стульях.

Папа вышел из машины с топориком в руке и направился к мистеру Нейшну. Мама повисла у него на руке, но он выдернул руку. Миновал миссис Нейшн, которая посмотрела на него с удивлением.

Мистер Нейшн и его сыновья заметили папу, и мистер Нейшн медленно встал со стула.

— На кой черт тебе топорик? — спросил юн.

Папа не ответил, но в следующее мгновение стало ясно, на кой черт оно ему было нужно. Оно свистнуло в горячем утреннем воздухе как огненная стрела и ударило мистера Нейшна по голове сбоку, примерно где челюсть подходит к уху, и звук был, мягко говоря, как винтовочный выстрел.

Мистер Нейшн свалился, как пугало под ветром, а папа стоял над ним, размахивая топориком, а мистер Нейшн вопил и самым жалким образом прикрывался руками, а двое его ребят бросились на папу, а папа обернулся и свалил одного из них, а второй сбил его. Я тут же инстинктивно стал лупить его ногами, и он оставил папу и навалился на меня, но папа уже поднялся, и свистнуло топориком, и парнишка отключился, как свет, а второй, который был еще в сознании, пополз на четвереньках по земле, как изувеченная сороконожка. Потом кое-как встал и побежал к дому.

Мистер Нейшн несколько раз пытался встать, но каждый раз топориком прорезало воздух, и он падал обратно. Папа обрабатывал спину и бока мистера Нейшна, пока не выдохся, и ему не пришлось отступить и на что-нибудь опереться.

Нейшн, побитый, наверняка с переломанными ребрами, с распухшими губами, смотрел снизу вверх на папу, сплевывая зубы, но встать не пытался. Папа, когда перевел дыхание, сказал:

— Марту Канертон нашли у реки. Мертвую. Изрезанную точно так же. Ты, твои парни и вся твоя толпа линчевателей только и сделали, что повесили невинного.

— Ты у нас вроде блюститель закона? — спросил Нейшн.

— Был бы у нас хоть какой-то закон, я бы тебя арестовал за то, что ты сделал с Моузом, но в этом толку нет. Здесь тебя никто не приговорит, Нейшн. Все тебя боятся. Но я не боюсь. Ты понял? Не боюсь. И если ты еще хоть раз встанешь на моей дороге, Господом клянусь, я тебя убью.

Папа отшвырнул топориком, сказал «пошли», и мы все двинулись к машине. Когда мы проходили мимо миссис Нейшн, она подняла глаза, опираясь на мотыгу. У нее был подбит глаз и распухла губа, и на щеке старые кровоподтеки. И она нам улыбнулась.

* * *

На похоронах миссис Канертон были все. Моя семья вместе со мной стояла в первом ряду. Сесил тоже был. Были почти все, кроме Нейшнов и еще некоторых, которые были в толпе линчевателей.

В течение недели в парикмахерскую вернулись все папины клиенты, и среди них линчеватели, и все они просили, чтобы он их стриг. Он снова начал регулярно работать. Я не знаю, что он по этому поводу чувствовал, подстригая тех, кто бил его в тот день, кто убил Моуза, но он их стриг и брал с них деньги. Может быть, для него это было что-то вроде реванша. А может, просто нужны были деньги.

Мама нашла работу в городе в суде. Школы не было, и на моем попечении осталась Том, и хотя считалось, что в это лето нам надо держаться подальше от леса, особенно учитывая, что убийца гуляет на свободе, мы были детьми, мы скучали, и нас тянуло к приключениям.

Как-то утром мы с Томом и с Тоби спустились к реке и стали искать брода вблизи висячего моста. Через мост мы ходить не хотели под тем предлогом, что Тоби через него не перейдет, но это был всего лишь предлог.

Нам хотелось посмотреть на колючий туннель, где мы заблудились в ту ночь, но переходить через мост, чтобы туда добраться, нам не хотелось. Мы шли долго и дошли в конце концов до того сарая, где жил Моуз, и остановились, глядя на него. Это была лачуга из дерева, жести и толя. Моуз обычно сидел снаружи под нависавшей над рекой ивой.

Дверь была широко открыта, и мы, заглянув, увидели, что здесь повсюду похозяйничала лесная живность. Жестянка с мукой была опрокинута и обсажена жуками. Всю прочую еду трудно было определить. Просто месиво, вбитое в земляной пол. Кое-где валялось жалкое имущество Моуза. Деревянная игрушка на полке, а рядом с ней — выцветшая фотография смуглой негритянки, может быть, жены Моуза.

Все это произвело на меня гнетущее впечатление. Тоби вошел, понюхал и стал копаться в муке, пока мы его не отозвали.

Мы обошли дом, подошли к стулу, и там, оглянувшись на дом, заметили ее. Цепочка висела на стене, на гвозде, и на ней болтались несколько рыбьих скелетов и одна свежепойманная рыба.

Мы подошли посмотреть. Свежая рыба была очень свежей, даже еще сырой. Кто-то ее недавно здесь повесил, и по скелетам других рыб было видно, что этот кто-то делает это регулярно и довольно давно, как приношение Моузу. Приношение, которое больше некому брать.

На другом гвозде, связанная шнурками, висела пара старых ботинок, скорее всего выловленных из реки, а над ними — покореженный от воды ремень. На земле, прислоненная к стенке с гвоздем, на котором висели ботинки, стояла жестяная тарелка, яркий синий речной камень и каменный кувшин. Все это лежало как дары.

Я не знаю почему, но я снял мертвую рыбу, все старые кости, сбросил их в реку и повесил цепь обратно на гвоздь. Ботинки, тарелку, камень и кувшин я тоже бросил в реку. Не ради злой шалости, а чтобы казалось, будто дары приняли.

Старая лодка Моуза так и была возле дома — она лежала на камнях, чтобы не гнила на сырой земле. И там лежало весло. Мы решили взять ее и проплыть по реке вверх до шиповниковых туннелей. Погрузили Тоби в лодку, столкнули ее в воду и поплыли. Долго плыли до висячего моста, прошли под ним, высматривая Козлонога.

В тени под мостом было темное углубление, как пещера. Я подумал, что там и живет Козлоног, там и подстерегает добычу.

Мы медленно подгребли к берегу, где нашли тогда привязанную к дереву женщину. Ее, конечно, давно уже не было, и плетей ежевики, которые ее держали, тоже.

Вытащив лодку на глинисто-галечный берег, мы ее там оставили и поднялись выше по обрыву, мимо дерева, где была женщина, в заросли шиповника. Туннель был тот же самый, и при свете дня стало ясно, что он и в самом деле прорезан. Он был не так широк и длинен, как казалось ночью, и выходил в туннель пошире, а тот тоже был короче и меньше, чем мы тогда думали. На шипах висели клочки цветной материи, и картинки из каталога Зирса с женщинами в одном белье, и игральные карты вроде тех, что я видел. Ночью мы их не видели, но они, наверное, были и тогда.

В середине туннеля кто-то устроил кострище, а над ним ветви шиповника так густо переплетались с низкими ветвями деревьев, что можно было себе представить, как это место остается почти сухим даже под ливнем.

Тоби нюхал и бегал вокруг, как только позволяли ему поврежденные ноги.

— Это вроде гнезда, — сказала Том. — Гнездо Козлонога.

Тут меня слегка пробрало холодком, когда я понял, что так оно и есть, и здесь, а не под мостом, его логово или одно из его логовищ, и он может в любой момент вернуться домой. Я сообщил это Тому, и мы позвали Тоби и быстро убрались, потом попытались подняться на лодке обратно вверх по реке, но не смогли.

В конце концов мы вылезли и попытались пронести лодку по берегу, но она была слишком тяжелой. Мы сдались и оставили ее на берегу. Потом прошли под висячим мостом и еще далеко шли, пока нашли песчаную отмель. По ней мы перешли реку вброд, вернулись

домой, быстро доделали все, что нам было поручено, отчистили себя и Тоби и успели все это до того, как мама с папой на машине вернулись с работы.

На следующее утро, когда мама с папой уехали в город на работу, мы с Томом и Тоби отправились опять туда же. Что-то в старой лачуге Моуза не давало мне покоя, и я хотел в этом разобраться. Ничего нового не висело на гвоздях и не стояло у стены. Но кое-что любопытное было. Лодка, которую мы бросили на берегу, стояла на месте, и весло лежало в ней.

* * *

Той ночью, лежа в кровати, я услышал разговор папы с мамой. После того как папа отлупил топорищем мистера Нейшна и его ребят, дух его восстановился. Я услышал, как он говорит маме:

— Вот об этом я и сам подумал, милая. Что если убийца хотел, чтобы подумали на старого Моуза, и потому поднял такой шум — просто скрыть, что это сделал он. Может быть, он хотел это бросить, но не смог. Понимаешь, как такая болезнь: Ты думаешь, она уже прошла, а она вдруг возвращается.

— Ты имеешь в виду мистера Нейшна? — спросила мама.

— Об этом я и думал. И мне пришло в голову, что это может быть кто-то из его ребят, Изо или Урия. С Урией все не так просто. Много поговаривали, что он мучает мелких животных, топчет на берегу пойманных рыб без всякой причины.

— Это еще не значит, что он убил тех женщин.

— Нет. Но он любит убивать живое и резать на части. А второй, Изо, все время поджигает огонь, и не так, как другие дети, а регулярно. У него уже были за это неприятности. Меня такие люди тревожат.

— И это все равно не значит, что они убийцы.

— Нет. Но если Нейшн на такое способен, вполне в его духе свалить это на цветных. В наших местах народ запросто такое проглотит. Слышал я пару раз, как полицейские говорили: когда не знаешь, кто это сделал, хватаешь какого-нибудь ниггера. И людям спокойнее, и одним ниггером меньше.

— Это ужасно!

— Конечно, ужасно. Но так оно здесь делается. Если Нейшн этого не делал, но знает, что это сделали один или оба его бездельника, он мог сделать им такое прикрытие.

— Ты в самом деле думаешь, что это возможно, Джейкоб?

— Думаю, что возможно. Не знаю, насколько, но буду за ними присматривать.

Папа относился к мистеру Нейшну и его ребятам настороженно. Я видел мистера Нейшна пару раз после того дня, как папа его отлупил, и когда он меня видел, глядел на меня так, что камень задымился бы, и шел дальше своей дорогой. Изо однажды даже шел за мной по Главной улице и корчил зверские гримасы, но когда я дошел до парикмахерской, свернул за пару домов до меня.

Но я, несмотря на все это, по-прежнему думал на Козлонога. Он был возле того места, где мы с Томом нашли тело, и он шел за нами до дороги, будто мы должны были стать его следующими жертвами. И еще я думал, что надо быть не совсем человеком, чтобы так поступить, как с теми женщинами.

Бедная миссис Канертон всегда была такая хорошая! Книжки, вечеринки на Хэллоуин. И улыбалась она хорошо.

Засыпая, я подумал, что надо папе рассказать насчет картинок из каталога Зирса, кусочков материи и вообще что мы видели в шиповниковом туннеле, но в мои годы я боялся, что мне влетит за то, что оказался там, где мне не полагалось. И потому я промолчал. Оглядываясь назад, можно теперь сказать, что это ничего не изменило бы.

* * *

Тем летом мы с Томом время от времени убегали к хижине старого Моуза. Там иногда появлялись свежие рыбы на гвозде, или случайные находки из реки, так что моя интуиция меня не подвела. Кто-то приносил подарки Моузу, наверное, не зная, что он мертв. А может быть, оставлял их тут по какой-то другой причине.

Мы аккуратно снимали их и возвращали в реку, гадая, уж не Козлоног ли оставляет здесь подарки. Но, выискивая его следы, мы видели только отпечатки больших ботинок. И никаких копыт.

Лето становилось все жарче и жарче, воздух стал вроде одеяла, обмотанного вокруг головы в два слоя. Так жарко, что в полдень не хотелось шевелиться, и мы на время бросили бегать к реке и держались вблизи дома.

На Четвертое Июля наш городок решил устроить праздник. Мы с Томом очень радовались, потому что ожидалось фейерверки и римские свечи и прочая пиротехника — а еще, конечно, изобилие домашней еды.

Народ не терял настороженности, думая, что убийца может где-то еще таиться, и общее мнение сменилось — теперь считалось, что это не какой-то проезжий, а кто-то среди нас.

На самом деле никто здесь ничего подобного не видел и не слышал, кроме истории с Джеком-потрошителем, и все раньше думали, что такие убийства могут быть только где-то далеко в больших городах.

Город собрался перед сумерками. Движение на Главной перекрыли, что не имело значения, потому что все равно машины по ней редко ездили, поставили столы с накрытыми блюдами и арбузами, проповедник произнес несколько слов, каждый взял себе тарелку и пошел вдоль столов, накладывая еду. Я помню, как ходил и ел всего понемногу — картофельное пюре, подливка, пироги с изюмом, яблоками и грушами. Том ела только пироги и ничего больше — только еще кусок арбуза, который положил ей Сесил.

Между столами стояли в круг стулья, а за стульями — импровизированная сцена, а на ней по краям группы народу с гитарами и скрипками, кто-то играл и пел, а в середине танцевали. Мама с папой тоже пошли танцевать, а Том сидела на колене Сесила и хлопала в такт в ладоши, подпрыгивая.

Я все думал, что покажется мистер Нейшн со своими ребятами, как они всегда делали, если была бесплатная еда или возможность выпить, но они не появились. Я решил, что это из-за папы. Может, мистер Нейшн был страшен с виду и на словах, но папино топориче его смирило.

Ночь начинала выдыхаться, музыка прекратилась и устроили фейерверк. Шутихи прыгали, римские свечи вертелись и разбрасывали пламя по Главной улице, вспыхивая всеми цветами на черном фоне ночи, потом пламя стало шире, тоньше и погасло. Помню, оставалась одна яркая полоса, которая погасла не сразу, но опускалась на землю, как падучая звезда, и мои глаза, провожая ее, упали на Тома и Сесила, и в последней вспышке шутихи я увидел Тома, ее улыбающееся лицо, и Сесила, держащего руки у нее на плечах, лицо его чуть обвисло и покрылось испариной, и колено его еще ее подбрасывало, хотя музыка кончилась, и они оба смотрели в небо, ожидая ярких взрывов.

Тревога из-за убийств, из-за того, что убийца среди нас, отступила. В этот миг казалось, что все в мире хорошо.

* * *

Когда мы добрались домой, никому еще не хотелось спать, и мы сели ненадолго под большим дубом выпить яблочного сидра. Это было здорово, но я не мог избавиться от ощущения, что за мной следят. Я оглядывал лес, но ничего не видел. Том, кажется, ничего не заметила, и родители тоже. Чуть позже из лесу выскочил опоссум, поглядел на наше празднество и снова исчез в темноте.

Папа принес старую гитару, и они с мамой спели несколько песен, потом стали

рассказывать истории, и пара среди них была страшноватых, потом все по очереди пошли в дальнее строение — и спать.

Мы с Томом еще немножко поговорили, потом я помог ей открыть окно возле кровати, и теплый воздух пахнул зарождающимся дождем.

В эту ночь, прижимая ухо к стене, я услышал, как мама говорит:

— Милый, дети слышат. Стены-то у нас тоньше бумаги.

— Разве ты не хочешь?

— Хочу, конечно.

— Стены всегда были тоньше бумаги.

— Ты не всегда такой, как сегодня. Ты знаешь, какой ты бываешь, когда вот так.

— Какой?

— Громкий, — засмеялась мама.

— Послушай, милая, мне на самом деле очень надо. И я хочу быть громким. Что ты скажешь, если мы сядем в машину и чуть прокатимся? Я знаю одно местечко.

— Джейкоб, а что, если кто-нибудь пройдет мимо?

— Я знаю такое место, где никто не пройдет мимо. По-настоящему уединенное.

— Ну что ты, не надо. Можно и здесь. Только надо будет тихо.

— А я не хочу тихо. И даже если бы хотел, все равно это прекрасная ночь. И спать не хочется.

— А дети?

— Это очень близко, милая. И будет здорово.

— Ну, ладно... ладно.

Я лежал и ломал голову, что это стукнуло в голову моим родителям, и потом услышал, как завелась машина и выехала на дорогу.

Куда это они?

И зачем?

Только через несколько лет до меня дошло, что все это значило. В то время это было загадкой. И я еще какое-то время погадал, потом бросил. Ветер из теплого стал прохладным от приближающегося дождя.

Чуть позже меня разбудил лай Тоби, но он перестал, и я снова заснул. Потом я услышал постукивание. Будто птица склевывает зерно с твердой поверхности. Я медленно открыл глаза, повернулся в кровати и увидел в открытом окне силуэт. Когда ветром отбросило шторы, я разглядел стоящую фигуру — она заглядывала внутрь. Темный силуэт с рогами на голове, и одна рука постукивала по подоконнику длинными ногтями. Козлоног что-то отрывисто мычал.

Я сел, как на пружине, прижавшись спиной к стене.

— Убирайся!

Но тень осталась, и ее мычание перешло в скулеж. Потом шторы занесло ветром внутрь, вынесло обратно, и тень исчезла. Тут я и заметил, что кровать Тома прямо под окном пуста.

Это я помог открыть это окно.

Перегнувшись через ее кровать, я выглянул наружу. На фоне леса был виден Козлоног. Он поднял руку и поманил меня.

Я не знал, что делать. Бросился в комнату родителей, но их не было. Кажется, вспомнилось мне, они уехали, как раз когда я засыпал, Бог знает зачем. Вернулся в нашу с Томом каморку и убедился, что не сплю. Том исчезла, почти наверняка ее украл Козлоног, и теперь он зовет меня за собой. Будто дразнит. Будто играет.

Я снова выглянул в окно, и Козлоног стоял на месте. Я взял дробовик и патроны, натянул штаны, заправил в них рубашку и надел ботинки. Подойдя к окну, снова выглянул. Козлоног все так же стоял у леса неподвижно. Я выпрыгнул из окна и пошел за ним. Увидев ружье, он нырнул в тень.

На бегу я звал маму, папу и Тома. Но никто не отозвался. Потом я обо что-то споткнулся

и упал. Поднявшись на колени, я увидел, что споткнулся об Тоби. Он лежал на земле неподвижно. Отложив ружье, я поднял его, но он свалился на бок. У него была сломана шея.

Боже мой, Тоби убили! После всего, что с ним было, его убили! Он же лаял, предупреждая меня о Козлоноге, а теперь его убили, и Том пропала, и папа с мамой Бог знает где в машине, и Козлонога больше не видно.

Я положил Тоби на землю, подавил слезы, подхватил дробовик и бросился в лес наобум по той дорожке, по которой ушел Козлоног, ожидая в любой момент наткнуться на тело Тома со сломанной шеей, как у Тоби.

Но этого не случилось.

Луны хватало, чтобы видеть, куда идешь, но не хватало, чтобы не видеть в каждой тени притаившегося Козлонога, готового к прыжку. Ветер вздыхал в ветвях, уже неся капли дождя, и дождь был прохладным.

Не знаю, может, надо было вернуться и попытаться найти маму с папой. Я чувствовал, что я, что бы ни делал, теряю драгоценное время. Откуда я мог знать, что сейчас делает Козлоног с бедняжкой Томом? Может, он ее связал и оставил на опушке, а потом пришел дразнить меня через окно? Может, я ему тоже был нужен. Я вспомнил, что случилось со всеми теми женщинами, и подумал о Томе, и меня вроде как замутило, и я побежал быстрее, решив, что лучше бежать вперед, надеясь, что догоню чудовище и смогу его застрелить и спасти Тома.

И вот тогда я заметил этот странный предмет посередине тропы. Отрезанную ветку, вдавленную в землю, и сверху она была изогнута направо и сложена как указатель. Как стрелка, указывающая путь.

Козлоног надо мной смеялся. Я решил, что мне остается только идти, куда указывает стрела, — по тропинке, еще более узкой, чем та, на которой я стоял.

Я пошел по ней, и увидел другую ветку, уложенную поспешно — просто обломанную и сунутую в землю, перегнутую и опять-таки указывающую вправо.

То, на что она показывала, едва ли даже можно было назвать тропой — так, просветы между деревьями то там, то тут. Я пошел в ту сторону. Паутина пугалась в волосах, ветки хлестали по лицу, и не успел я сообразить, что случилось, ноги поехали и я соскользнул с какой-то насыпи. Стукнувшись задом, я огляделся и увидел, что сижу на дороге — той, по которой ездили проповедники. Козлоног привел меня к дороге прямым путем и пошел по ней, потому что прямо передо мной, нарисованная на дорожной пыли, лежала стрела. Если он может переходить дорогу и ходить по ней, значит, он может попадать куда хочет. Нигде нет укрытия от Козлонога.

Я побежал по дороге, и больше уже не искал указателей. Я знал, что иду к висячему мосту, а оттуда — к шиповниковым туннелям, куда, как я понял, унес ее Козлоног. Значит, там и есть его жилье. Туннели. И я понял, что эти туннели им были сделаны, когда он мучил этих женщин перед тем, как бросить их в реку. Повесив там ту цветную, он бросил вызов нам всем, показав место не только этого убийства, но и всех остальных убийств. Место, где он мог не торопясь делать что хочет и сколько хочет.

Когда я оказался у висячего моста, ветер стал сильнее и дождь пошел гуще. Мост качался туда-сюда, и я решил, что лучше будет спуститься к лачуге Моуза и пересечь реку на его лодке.

Я побежал изо всех сил, и когда я оказался у лачуги, ребра у меня болели от бега. Бросив в лодку ружье, я столкнул ее с деревянных блоков, и она соскользнула к воде. Но там она застряла в песке, и мне было ее не вытолкнуть. Она увязла как следует. Тянул я и толкал изо всех сил, но без толку. И я заплакал. Надо было идти по мосту.

Забрав из лодки ружье, я побежал обратно, но тут, пробегая мимо лачуги, увидел на стене такое, что вздрогнул.

На гвозде висела цепочка, а на цепочке — рука, отделенная у запястья. Меня замутило. Том! О Боже ты мой!

Я медленно подошел, нагнулся, и увидел, что для Тома рука слишком большая, и она

почти уже разложилась, остался только кусочек плоти. Только в темноте она показалась мне целой, а на самом деле давно уже такой не была. И цепочка не была привязана к руке, а просто рука была сжата в кулак, и цепь продета между пальцами, но рука наполовину раскрылась, и я увидел, что она держит монету. Французскую монету с зазубриной. Монету Сесила.

Я знал, что надо спешить, но меня вроде как палкой огрели. Убийца отрезал руку жертвы. Это я помнил. Я решил, что женщина схватила убийцу, и он ударил ее чем-то большим и острым, и отхватил руку.

Больше вопросов, чем ответов. Как оказалась в этой руке монета Сесила, и как она оказалась здесь? Кто все это здесь оставлял и зачем? Козлоног?

Вот тут я и почувствовал руку у себя на плече.

* * *

Дернув головой, я попытался вскинуть ружье, но тут же другая рука вырвала его у меня, и я взглянул прямо в лицо Козлонога.

Из-за тучи выглянула луна, и свет ее упал на лицо Козлонога, и глаза его блеснули, и я увидел, что они зеленые. Зеленые, как глаза старого Моуза.

Козлоног тихо мычал и потрепывал меня по плечу. Тут я увидел, что рога у него — вовсе не рога, а старая соломенная шляпа, которая давно сгнила, оставив посередине дыру, будто кто-то выкусил из нее перед, и потому была похожа на рога. Соломенная шляпа. Старая соломенная шляпа. Не рога. И глаза. Глаза старого Моуза.

И тут до меня дошло. Козлоног вовсе не козлоног. Это сын старого Моуза, тот, у которого была голова не в порядке и которого считали мертвым. Он жил в лесу все это время, и старый Моуз о нем заботился, и сын в ответ заботился о Моузе, принося ему дары, которые находил в реке, и теперь старого Моуза больше нет, а он все равно это делает. Это был просто большой умственно отсталый ребенок в теле мужчины, и он бродил по местным лесам в истлевшей одежде и ботинках, которые просят каши.

Козлоног повернулся и показал вверх по реке. Я знал, что он никого не убивал и Тома не похищал. Он пришел меня предупредить, сказать, что Тома украли, и теперь он показывал дорогу. Я просто это знал. Я не знал, как он нашел руку с монетой и цепочкой Сесила, но я знал, что Козлоног не убивал никого. Он следил за нашим домом, он видел, что случилось, а теперь он пытался мне помочь.

Я вывернулся из его руки и побежал к лодке, попытался снова вытащить ее из песка. Козлоног подошел, положил ружье в лодку, схватился за нее, вытащил из песка, сбросил в воду и помог мне в нее влезть, прошлепал по воде, толкая лодку, пока она не оказалась на хорошем течении. Я видел, как он прошлепал обратно к берегу и лачуге. Взяв весло, я стал грести, стараясь не слишком думать, что могло случиться с Томом.

Время от времени луну скрывали темные тучи, капли дождя стали гуще и ветер сильнее, прохладный от влаги. Я греб так, что спина и плечи заныли, но мне помогало течение. Я миновал целый косяк водяных щитомордников и испугался, как бы они не залезли в лодку, как это они любят, принимая ее за бревно и желая отдохнуть.

Я стал грести быстрее, распугав при этом косяк, и один действительно попытался залезть в лодку, но я как следует дал ему веслом, и он рухнул в воду, живой или мертвый — не знаю.

Миновав излучину, я увидел заросли шиповника, и тут на меня накатило какое-то гнетущее чувство. Не только страх перед тем, что я могу найти в этих туннелях, но и страх ничего не найти. Страх, что я ошибся. Или что Козлоног действительно украл Тома. Может быть, она в лачуге Моуза, и там он ее держал, ожидая, пока я скроюсь из глаз. Но если так, зачем он отдал мне ружье? Так он вообще не сильно умный. Он — лесной житель, как енот или опоссум. Он не умеет думать, как нормальные люди.

Все это летело у меня в голове, кружилось и путалось с моими страхами и мыслью о

том, чтобы по-настоящему убить человека из ружья. Это было как во сне, вроде тех, что были у меня, когда я болел гриппом год назад, и все в голове кружилось, и голоса мамы с папой отдавались эхом, а вокруг стелились тени, пытаюсь меня схватить и утащить никто не знает куда.

Я подгрел к берегу, вылез, вытащил лодку так далеко, как смог. Вытащить ее из воды совсем было не в моих силах — я выдохся на гребле. Оставалось только надеяться, что ее не унесет.

Вытащив ружье, я пошел по склону, стараясь не шуметь, и увидел прямо перед собой вход в туннель, куда мы с Тоби и с Томом вышли той ночью.

В кустах было темно, и луна скрылась за облаками, и ветер шевелил кусты, постукивая веточками, и капельки дождя пробивались через листву и смешивались с потом у меня в волосах, сбегали по лицу, и меня пробирала дрожь. Четвертое июля, а я мерз.

Пробираясь по туннелю, я заметил впереди прыгающее оранжевое сияние и услышал треск. Я вздрогнул, осторожно подался вперед, вышел к концу туннеля — и застыл. И не мог заставить себя свернуть в другой туннель. Будто ноги приросли к земле.

Я взвел курок, высунул голову за край кустов и посмотрел.

В середине туннеля, там, где мы с Томом нашли кострище, горел огонь, и там на земле лежала Том, без одежды, разостланная на земле, и над ней стоял человек, возя туда-сюда руками, и издавал звуки, как долго голодавшее животное, дорвавшееся наконец до еды. Руки его порхали над ней, будто он играл на пианино. Рядом с головой Тома в землю было воткнуто массивное мачете, и лицо Тома было повернуто ко мне. Глаза ее были полны слез, а рот завязан большим платком, а руки и ноги связаны веревками, а пока я смотрел, человек встал, и я увидел, что штаны у него спущены, и он держится за себя, и ходит перед огнем и глядит на Тома и орет:

— Я не хочу этого делать, это ты меня заставляешь! Ты понимаешь, что это ты виновата? Ты стала какая надо. Какая надо!

Голос был громким, но такого голоса я никогда раньше не слышал. В нем была вся сырость и тьма речного дна, и вся грязь оттуда, и все, что может еще там собраться.

Лица мужчины я рассмотреть не мог, но по его сложению, по отблеску огня на волосах я узнал сына мистера Нейшна, Урию.

Но тут он повернулся, и это был не Урия. Я его принял за Урию, потому что он был так же сложен, но ошибся.

Я вошел в туннель и сказал:

— Сесил?

Слово сорвалось у меня с губ, хотя я даже не собирался говорить. Сесил повернулся ко мне, и лицо его было совсем таким, как раньше, когда он подбрасывал Тома на колене, а за спиной у него взрывались фейерверки. То же самое расслабленное выражение, та же испарина на лбу.

Он выпустил свои органы, будто показывая их мне, будто он гордился ими, и я тоже должен разделить эту гордость.

— Ух ты черт! — сказал он все тем же хриплым и животным голосом. — Все не так. Я не хотел, чтобы надо было, чтобы это была Том. Но она созревала, Боже мой, прямо у меня на глазах. Каждый раз, как я ее видел, я себе говорил, нет, нельзя, нельзя гадить, где ешь, но она зрела, Боже ты мой, и я думал, я просто поеду к вам, гляну на нее, если выйдет, а там она лежала, и так легко было ее взять, и я знал, что сегодня ночью я должен. И ничего больше.

— Почему?

— Сынок, здесь не бывает «почему». Должен — и все. Я должен их всех. Я сказал себе, что не буду, но делаю. Делаю.

Он чуть двинулся ко мне.

Я поднял ружье.

— Ну, парень, — сказал он. — Ты же не хочешь меня убивать.

— Нет, сэр, хочу.

— Я ничего не могу поделать. Ты послушай. Я ее отпущу, и мы просто все забудем. Когда ты придешь домой, меня уже здесь не будет. У меня тут спрятана лодчонка, я спущусь по реке, а там сяду на поезд. Это я умею. Я смоюсь раньше, чем ты это будешь знать.

— А ты опал, — сказал я.

Его пиписка поникла.

Он глянул вниз.

— Так и есть. — Он натянул штаны и застегнул их, при этом продолжая говорить. — Послушай. Я не собирался причинять ей вреда. Я только хотел пальчик окунуть. Я уйду, и все будет хорошо.

— Ты уйдешь вниз по реке и сделаешь это снова, — сказал я. — Как ты пришел к нам по реке и сделал это у нас. Ты ведь не остановишься?

— Тут нечего сказать, Гарри. Иногда я собой не владею.

— Где твоя цепочка и монета, Сесил?

Он потрогал шею.

— Потерял.

— Та женщина, с отрубленной рукой — она за нее схватилась?

— Вроде так и было.

— Отойди влево, Сесил.

Он отошел влево, показал на мачете.

— Она меня схватила, я рубанул ее вот этим, и рука отвалилась. Проклятие! Я ее сюда притащил, она вырвалась, и я за ней погнался. И она меня схватила, она отбивалась. Я ей отхватил руку и бросил в реку. Ты можешь себе представить... А как ты узнал?

— Козлоног вылавливает из реки, что попадется, и вешает на хижину Моуза.

— Козлоног?

— Настоящий Козлоног — это ты.

— Какую-то ты чушь несешь, парень.

— Отойди на ту сторону.

Я хотел, чтобы он отошел от выхода с той стороны — того, в который вошли мы с Томом в ту ночь, когда нашли тело.

Сесил пошел налево от меня, я двинулся направо. Как будто мы кружили друг вокруг друга. Я оказался рядом с Томом и присел около нее, не отводя ствола ружья от Сесила.

— Я мог бы исчезнуть навсегда, — сказал Сесил. — Ты только отпусти меня.

Я протянул руку, нащупал узел на платке и развязал его.

— Убей его! — завопила Том. — Убей! Он в меня пальцами тыкал! Застрели его! Он меня вытащил через окно и тыкал в меня пальцами!

— Тише, Том! — сказал я ей. — Спокойнее.

— Развяжи меня! Дай мне ружье и я его застрелю!

— И это сюда ты притаскивал тех женщин, чтобы убить? — спросил я.

— Отличное место. Его уже оборудовали бродяги. Когда я выбирал женщину — ну, я с ними легко управляюсь. У меня лодка всегда была наготове, и можешь по реке попасть, куда хочешь. Железная дорога тоже недалеко. И поездов много — легко добраться куда угодно. Иногда я брал машину — знаешь чью? Миссис Канертон. Однажды она мне ее одолжила, и я спросил, не хочет ли она поехать покататься со мной, пока я еду по делу. Я ей нравился, парень, и просто не смог сдержаться. Мне только и надо было притащить ее сюда, а когда я кончил дело, выбросил остатки в реку.

— Папа тебе верил, а это ты выдал, где Моуз. Ты мистеру Нейшну сказал.

— Парень, это же был всего только ниггер. Мне надо было замести след. Ты ж понимаешь. Это ж не то, что мир потерял стоящего гражданина.

— Мы думали, что ты наш друг, — сказал я.

— Так и есть, парень. Так и есть. Иногда же друзья тебя доводят, правда? Делают то, что делать не надо. Но я же не хотел!

— Тут разговор не о том, чтобы украсть у друга жвачку. Ты хуже бешеного зверя,

потому что они безмозглые. Они не владеют собой.

— Я тоже.

Трещал костер, на лице Сесила играли отблески. Редкие капли дождя просачивались сквозь навес ветвей, листьев и лиан, падали в костер и шипели.

— Ты вроде своего папы, знаешь? Такой весь праведный.

— Вроде.

Придерживая одной рукой наставленное на Сесила ружье, я присел и попытался развязать узлы на руках Тома. Это мне не удалось, и я достал карманный нож и разрезал веревки у нее на руках, потом на ногах.

Я встал, поднял ружье, и он чуть вздрогнул, но я не мог его застрелить. Не было во мне того, что для этого нужно, — разве что он бы на нас набросился.

И я не знал, что с ним делать. Я решил, что у меня нет другого выбора, кроме как его отпустить, сказать папе, и пусть они его поймают. Томми натягивала одежду, когда я сказал:

— В конце концов ты свое получишь.

— Вот это уже разговор, парень.

— Ты стой там, мы уходим.

Он поднял руки:

— Наконец-то ты дело говоришь.

— Если ты не можешь его застрелить, я могу! — сказала Том.

— Пойдем, Том.

Ей это не понравилось, но она нырнула в туннель и пошла вперед.

— Не забывай, парень, были у нас хорошие минуты, — сказал Сесил.

— Ничего у нас не было. Ничего ты мне не делал, только стриг, и ты все равно не знаешь, как стричь мальчиков. — Я повернулся и пошел в туннель. — И вообще надо было тебе ногу прострелить за то, что ты с Тоби сделал.

Мы не пошли через выход, который вел в лес, потому что я хотел выйти тем путем, которым пришел, к лодке. Если мы пойдем по реке, ему трудно будет нас выследить — если у него это было на уме.

Когда мы пришли к реке, лодку, которую я не смог вытащить как следует, уже унесло водой, и она плавала в течении.

— Черт! — сказал я.

— Это лодка Моуза? — спросила Том.

— Придется идти по берегу до висячего моста.

— Далекая дорога, — сказал голос Сесила.

Я резко обернулся, и там он стоял на высоком берегу рядом с деревом, где мы с Томом нашли тело. Как большая тень совсем рядом с деревом, и мне подумалось о восставшем из демли Дьяволе, темном, полном зла и лжи.

— Далеко вам идти, дети. Далекая дорога.

Я навел на него ружье, и он скользнул за дерево со словами:

— Далекая дорога.

Я знал, что надо было убить его. Без лодки нас очень легко проследить, пробираясь по лесу, и я даже не буду его видеть.

Мы с Томом пошли вроде как перебежками по берегу, и слышали, как над нами в лесу по обрыву идет Сесил, но потом перестали его слышать. Совсем как в ту ночь, когда мы слышали звуки в туннеле и рядом. Я решил, что это тогда был он, может, пришел полюбоваться на свою работу на том дереве; может, она ему нравилась и он хотел, чтобы ее увидели. Он крался за нами — а может быть, за Томом. Он уже и тогда ее хотел.

Мы шли быстро, и Том почти всю дорогу ругалась, рассказывая, что там делал Сесил пальцами, и меня от всего этого затошнило.

— Слушай, Том, заткнись. Заткнись!

Она заплакала. Я остановился, встал на колени, опустив рядом ружье, и взял ее обеими руками за плечи.

— Том, прости меня, ради Бога. Я просто боюсь. Мы должны держаться друг друга, понимаешь?

— Понимаю.

— Надо идти этой дорогой. У меня есть ружье, у него нет. Может, он уже отстал.

— Он не отстанет, и ты это знаешь.

— Надо идти.

Том кивнула, и мы пошли дальше, и вскоре над рекой показалась длинная темная тень висячего моста, и ветер был силен, и мост качался, скрипел и стонал, как петли ржавой двери.

— Можно идти разными дорогами, Том, но я думаю, надо через мост. Это быстрее, и раньше попадем домой.

— Гарри, я боюсь.

— Я тоже. Ты сможешь?

Том прикусила верхнюю губу и кивнула:

— Смогу.

Мы взобрались на обрыв к началу моста и посмотрели на него. Он качался взад-вперед. Я посмотрел на реку. С черной воды поднималась белая пена, она уносилась прочь и разбивалась на водопадах, сливаясь в более широкий, глубокий и медленный плес. Нас поливало дождем, и ветер стал пронизывающим, и вокруг в лесу все было тихо, но лес казался полон чего-то, для чего у меня не было названия. Время от времени облака, несмотря на дождь, открывались, и нас освещало луной, будто покрытой жиром.

Я решил идти первым, чтобы, если какая доска подломится, Том об этом знала. Когда я ступил на мост, он под ветром да еще и под моим весом подпрыгнул так, что я чуть не вылетел за перила в реку. Инстинктивно дернувшись руками к перилам, я выронил ружье. Оно упало в воду без звука и тут же пропало.

— Гарри, ты его потерял! — завопила с берега Том.

— Иди сюда, просто держись за тросы!

Том ступила на мост, он сильно качнулся и чуть не сбросил и ее.

— Надо идти тихонько, — сказал я, — и вроде как вместе. Когда я делаю шаг, ты тоже делай, но если упадет доска или я, ты увидишь вовремя.

— А если ты упадешь, что мне делать?

— Тебе надо перейти на ту сторону, Том.

Мы пошли, и, кажется, двигались правильно, потому что нас больше так не бросало, и вскоре мы прошли мост до половины.

Я повернулся и посмотрел мимо Тома на ту сторону. И не увидел, чтобы кто-нибудь шел за нами.

Мы шли медленно, но через недолгое время оказались в шести футах от другого берега. Я было собрался испустить вздох облегчения, но вспомнил, что еще надо выйти на широкую тропу, потом на дорогу, а я теперь знал, что дорога не остановит ни Сесила, ни кого-нибудь другого. Дорога как дорога. Если мы туда доберемся, еще надо пройти довольно прилично, и Сесил знает, куда мы идем, а папы с мамой еще может даже не быть дома.

Я решил, что если мы доберемся до дороги, можно попытаться его обмануть и пойти в другую сторону, но так будет еще дальше до чьего-нибудь дома, а если он догадается, что мы сделали, будет еще хуже.

Так что я подумал, что нам остается только идти домой и быть настороже. Но пока я все это обдумывал и мы уже собирались выйти на тот берег, от кустов и земли отделилась тень и превратилась в Сесила.

У него в руке было мачете. Он улыбнулся и воткнул его в глину, оставаясь на твердой почве, но взялся за обе стороны тросов, которые поддерживали висячий мост. Он сказал:

— Я тебя обогнал, мальчик, и ждал здесь. Теперь тебе и малышке Тому придется искупаться. Я такого не хотел, но так вышло. Ты же понимаешь? Я хотел только Тома. Ты мне ее дашь, чтобы я сделал что хочу, и можешь идти. Когда ты доберешься домой, мы с ней уже

будем в дороге.

— У тебя мозги набок съехали, — ответил я. — Долго думал?

Сесил схватился за тросы и встряхнул. Мост дернулся из-под меня, и оказалось, что у меня ноги висят в воздухе. Удержали меня только руки, которыми я обхватил тросы. Я видел, что Том упала и схватилась за перекладину доски, и видно было, как отлетают гнилые щепки. Доска и Том вместе с ней должны были вот-вот оторваться.

Сесил снова тряхнул тросы, но я держался крепко, и доска, за которую цеплялась Том, тоже не поддалась. Я глянул на Сесила и увидел, как из тени выходит еще одна фигура. Большая, и вроде с козлиными рогами на голове.

Сын Моуза, Телли.

Он ухватил Сесила за шею и дернул назад, а Сесил вывернулся и ударил его в живот, и они на миг переплелись, потом Сесил ухватил мачете и полоснул Телли поперек живота. Телли издал вопль вроде бычьего рева, напрыгнул на Сесила, и оба они полетели на мост. Они хлопнулись на настил, доски раскололись, мост качнулся вверх и в сторону, и раздался хлесткий щелчок лопнувшего троса, и концы его упали в воду. Телли и Сесил пролетели мимо нас в Сабин. Мы с Томом еще цеплялись за оставшийся трос, и тут он тоже лопнул, и мы полетели в воду вслед за ними.

Я ушел глубоко под воду, а когда вынырнул, ткнулся головой в Тома. Она заорала, и я заорал, хватая ее. Вода снова нас завертела и утащила вниз, и я рвался вверх, одной рукой при этом держа Тома за воротник. Вынырнув, я увидел сцепившихся Телли и Сесила. Их несла пенная вода к водопадам, втекающим в глубокие спокойные воды.

Потом я помню, как мы тоже падаем с водопада в спокойную воду. Я не выпускал Тома и попытался плыть к берегу. В мокрой одежде это было трудно, да еще мы страшно устали, а я старался держаться и тащить Тома, а она никак не помогала, и от этого не было ни на капельку легче.

Наконец я смог стать ногами на галечное дно, и я выбрался на берег, волоча за собой Тома. Она повалилась на гальку и рыгнула.

Я оглянулся на воду. Дождь перестал, и небо тут же очистилось, и луна, хотя и неяркая, бросала на Сабин свой свет — будто жир блестел на горячей сковородке. Сесил и Телли не отпускали друг друга, только иногда взлетала для удара рука, и тут я увидел вокруг них что-то еще, и это что-то поднималось десятками серебристых узлов, блестящих при луне, а потом оно быстро вытянулось и стало ударять в эту пару раз за разом.

Сесила и Телли занесло в косяк водяных щитомордников или чего-то вроде этого, и косяк этот клубился вокруг них, и теперь будто плети вылетали из воды, ударяя в этих двоих раз за разом.

Их вместе со змеями унесло за излучину, и они скрылись из виду.

Я наконец смог встать, и заметил, что потерял ботинок. Ухватив Тома покрепче, я вытащил ее на берег. Вокруг земля была колючей, и еще рос шиповник, и моей босой ноге здорово досталось. Но мы пошли, дошли до дороги и наконец до дома, где мама и папа уже стояли во дворе и громко звали нас по имени.

* * *

Сесила нашли на песчаной отмели на следующее утро. Он распух от воды и змеиных укусов. Папа сказал, что у него шея сломана. Телли с ним расправился еще раньше змей.

А рядом с ним, запутавшись в прибрежных корнях и лианах, нашли Телли. Рана от мачете зияла у него в животе и в боку. Папа сказал, что эта глупая шляпа все еще была у него на голове, и оказалось, что она как-то перепуталась с волосами Телли. Еще он сказал, что поля, похожие на рога, размякли в воде и закрыли ему глаза как большие веки.

Я гадал, что же было такого в Телли, Козлоноге. Он повел меня туда, чтобы спасти Тома, но сам не хотел трогать Сесила. Может быть, он боялся. Но когда мы были на мосту в полной власти Сесила, он на него бросился.

Хотел он нас спасти или просто он оказался на месте и перепугался? Этого я уже не узнаю. Я думал о том, как бедняга Телли все время жил в лесу, и только его папа знал, что он там, и, быть может, держал это в тайне, чтобы люди не обидели дурачка.

Под конец вся эта история была одним страшным переживанием. Я в основном помню, как лежал в кровати еще два дня, залечивая раны в ноге от всех колочек, восстанавливая силы, слабая от ужасных мыслей о том, что чуть было не случилось с Томом.

Мама два дня была при нас, отходя только, чтобы сварить суп. Папа оставался с нами ночью. Когда я просыпался перепуганный и мне казалось, что я опять на висячем мосту, он был рядом, и улыбался, и протягивал руку, и трогал мою голову, и я ложился и засыпал снова.

За последующие годы, ловя слово то здесь, то там, мы узнали, что в нашей округе были еще такие же убийства — до самого Арканзаса и дальше в Оклахоме и кое-где в Северном Техасе. Там никто не приписывал их одному убийце. В те времена полиция просто думала не так, как сейчас. Истинной природы серийных убийц не знали. Будь тогда лучше связь, знали бы в те времена больше — быть может, некоторых, а то и всех этих убийств можно было не допустить.

А может, и нет. Все это теперь быльем поросло, те дальние события годов тридцать первого и тридцать второго.

Вот я лежу здесь, уже ненадолго в этом мире, без всякого желания продлить свою жизнь еще и на следующий миг, просто лежу со штырем в бедре, ожидая, пока протертые горох и кукуруза и та мерзость, которая здесь сходит за мясо будут скормлены мне чьими-то руками, и вспоминаю те времена, и как я тогда лежал в кровати в нашем домике возле леса, и как, когда я просыпался, мама с папой оказывались рядом, и как это было хорошо.

И сейчас я закрываю глаза и вспоминаю те два года и то потрясающее и ужасное лето бешеного пса и надеюсь, что, когда проснусь, я уже не буду в этом мире и там меня будут ждать мама с папой и даже бедняжка Том, безвременно погибшая в автомобильной аварии, а может быть, даже Моуз, и Козлоног, и добрый старый Тоби.

Джойс Кэрол Оутс Руины Контракта

1. Первое появление: Нечто-Без-Лица

Случилось это в июне в самом начале нашего изгнания в Контракт. В смертной тишине мраморно-лунной ночи. Менее чем через десять дней после крушения наших жизней, когда папа, опозоренный, побежденный, выкорчевал свою семью из столицы штата и поселил в развалинах Крест-Хилла, поместья его деда в предгорьях хребта Шато. «Простите меня, дети. Верьте в меня! Я буду очищен. Я очищу себя». Мой тринадцатилетний брат Грэм, мучимый бессонницей, несчастный, мечется по первому этажу темного старого дома, точно леопард в клетке. В пижаме, босой, равнодушный к возможности расшибить пальцы о невидимые ножки стульев, столов, равнодушный к тому, что наверху в их спальне его младший брат Нийл, всхлипывавший, скрипевший зубами во сне, может внезапно проснуться, увидеть пустую кровать Грэма и перепугаться.

Равнодушный к тому, как его вызывающее поведение может расстроить наших родителей, только-только оправляющихся после явившегося таким ударом переезда в Крест-Хилл и унизости их новой жизни. И днем, и ночью Грэм изливал свое негодование в словах — и высказанных, и невысказанных. «Мне здесь не нравится! Почему мы здесь? Я хочу домой». Грэм — бледный, избалованный, капризный, инфантильный даже для своего юного возраста: слезы злости и жалости к себе щипали ему глаза. Худенький, щуплый. Дома он почти все свое время проводил в кибер пространстве и в частной школе, где учился, дружил только с двумя-тремя такими же завзятыми компьютерщиками, как и он; и никогда не был физически развитым, или напористым, или смелым, как его старший брат Стивен. И вот теперь, дрожа от холода в своей тонкой бумажной пижаме, он бродит по комнатам обширного

непривычного дома, унаследованного его отцом, бродит по этому полному сквозняков и высоких потолков старому дому, долго стоявшего заброшенным, будто это склеп, в котором сын своего отца, дитя изгнанника, он несправедливо заточен. В этот вечер наша мать пришла в наши комнаты поцеловать нас на сон грядущий, мама в светлом шелковом халате, ставшем очень свободным, так как она похудела, а ее чудесные волосы, прежде пышные, золотисто-пепельные, теперь подернуты сединой и неряшливо падают на плечи; она касается наших лиц худыми пальцами и шепчет: «Дети, пожалуйста, не будьте так несчастны, помните, мы любим вас, ваши отец и мать любят вас, так постарайтесь быть счастливыми здесь, в Крест-Хилле, постарайтесь уснуть в этих непривычных новых постелях ради нас». Грэм принял мамин поцелуй, но несколько часов пролежал без сна, и в его мыслях мешались обида и страх за отца. Наконец возбужденно прыгнул с постели, которая не была, как он сказал себе, его собственной постелью, но временной — неудобной, пахнувшей сырыми простынями и плесенью. «Не могу спать! Не буду спать! Больше никогда!»

Ни на единую минуту любого часа любого дня и даже ночи мы, дети опозоренного, побежденного отца, не переставали восставать против бедствия, обрушившегося на нас.

«Почему? Почему это случилось с нами?»

Грэм спустился по лестнице, ступеньки которой пошатывались даже под его скромным весом — восемьдесят девять фунтов. Он воображал, что зрачки его глаз расширились в темноте, глаз всевидящих и светящихся, как у совы. Мертвая тишина за полночных часов. Лунный свет, косо падающий сквозь частые переплеты окон в восточной стене дома. Где-то близко крики ночных птиц, неясны, гагар на озере; и ропот ветра. Грэм задрожал — в старом полном сквозняков доме словно бы все время дул легкий холодный бриз с озера Нуар дальше к северу. «Почему меня принудили увидеть то, чего я не хотел видеть? Почему меня, Грэма?» Мгновение растерянности из-за обширности вестибюля — днем он выглядел меньше, и мраморного, в ржавых пятнах мраморного пола, обжигавшего холодом его босые подошвы, и колоссальности комнаты за вестибюлем, одной из парадных комнат, как их называют, почти без мебели, а немногая оставшаяся закутана в призрачно-белые простыни; комната с насквозь пропыленными восточными коврами; и повсюду кислый запах плесени, гнили, высохших дохлых мышей в стенах. Потолок комнаты был таким неестественно высоким, что словно тонул в тени, из которой свисали закутанные люстры, словно плавающие во мгле; комната настолько огромная, что у нее, казалось, не было стен, будто она плавно сливалась с тенями запущенного сада. Грэм верил, что днем эта комната была много меньше. Или он забрел в незнакомую часть дома? Ведь в Крест-Хилле мы все еще оставались практически посторонними, занимая лишь несколько комнат обширного дома.

И вот тогда-то Грэм заметил какое-то движение снаружи на бывшем газоне.

Сначала полная уверенность, что это какое-то животное. Ведь Контракер был лесной глушью; повсюду там водились олени, еноты, лисицы, даже рыси и черные медведи — весной, по слухам, черные медведи даже бродили по улицам Контракера. Судя по почти вертикальному положению туловища, существо, медленно проходящее мимо окон, на террасу, скорее всего было медведем, подумал Грэм, и сердце у него забилось чаще. «Нас предупреждали о медведях в Крест-Хилле, но ни один еще не появился». А потому Грэм застыл у окна на террасу, возбужденно наблюдая за таинственным существом с расстояния примерно тридцать футов. За террасой, выложенной потрескавшимися, крошащимися плитами, вставала рожица вязов, сильно пострадавших от буранов прошлой зимы; за вязами тянулась подъездная дорога, называвшаяся «Аллея Акаций», которая разделялась надвое, огибая фонтан справа и слева. Вертикальное существо двигалось по этой аллее в лунном свете по направлению к озеру, удаляясь от дома; осанка у него была прямой без намек на сутулость — слишком прямая для медведя, решил Грэм. И его походка была ритмичной и неторопливой, совсем непохожей на неуклюжую перевалку медведя.

И тут Грэм поступил не похоже на себя: он бесшумно отпер дверь террасы, открыл ее нажатием плеча и вышел, затаивая дыхание, наружу в холодный свежий воздух; и присел на корточки у балюстрады, следя за удаляющейся фигурой. Непрошенный гость в Крест-Хилле?

Так далеко от города и от ближайших соседей? Охотник? (Но ружья у фигуры не было, насколько мог судить Грэм.) Не могла эта фигура быть и седовласым приходящим садовником, который жил в городе. И не наш отец — маловероятно. И не шестнадцатилетний Стивен. Фигура была выше и более плотного сложения, чем любой из них: выше, со страхом подумал Грэм, чем любой мужчина, каких он видел прежде.

Грэм продолжал выглядывать из своего ненадежного убежища под балюстрадой, как вдруг фигура резко остановилась, будто почувствовав его присутствие; словно бы посмотрела в сторону Грэма, наклонив голову набок, будто нюхая воздух; и в ярком лунном пятне явилась... существом без лица.

Не человек, нечто. Нечто-Без-Лица.

Грэм прижал кулак ко рту, чтобы сдержать крик ужаса. У него подогнулись колени; он с трудом преодолел инстинктивное желание повернуться и слепо кинуться в дом, что привлекло бы к нему внимание этого нечто.

По форме голова фигуры напоминала человеческую, хотя была крупнее и более продолговатой, с нижней челюстью, выдающейся вперед больше, чем обычно для человеческого лица. Волосы казались темными, жесткими, непричесанными. Ее окостенелопрямая осанка была как у человека, гордящегося своей военной выправкой. Однако на месте лица — ничего.

Пустое пространство кожи, как будто грубо разглаженное мастерком. Еле заметные ямки, где полагалось быть глазам, и ноздрям, и рту; возможно, в ямках были дырочки, но на таком расстоянии Грэм не разглядел бы их. Он не решался смотреть, он прильнул к плитам террасы, чтобы спрятаться за балюстрадой, точно перепуганный ребенок.

Он дышал часто, неглубоко. Думая: «Нет! Нет! Я ничего не видел! Я же просто ребенок, не делайте мне больно!»

* * *

Попозже очнулся, оглушенный, все еще полный страха: тошнотный кислый вкус желчи в глубине рта. Наверное, он потерял сознание — должно быть, упал в обморок. До того испугался, что не мог дышать. И испуг не прошел.

Осмелился поднять голову — медленно. Осторожно. По диску луны проносились прядки облаков, точно смутные мечущиеся мысли. Вязы застыли в неподвижности; заросший бурьяном, весь в рытвинах проселок, который назывался «Аллея Акаций», был пуст; нигде не движения, только ветер беспокойно и нескончаемо перебирал стебли трав. Вся природа притихла, будто под гнетом страшного видения.

Нечто-Без-Лица исчезло в ночи.

2. Изгнание

В Крест-Хилле нескончаемый дразнящий бриз с озера Нуар уносился и уносился на юг через наши жизни.

Куда в изгнании, и позоре, и опасении за свою жизнь наш отец привез свою семью — жену и пятерых детей, чтобы жить в разваливающемся доме своего деда среди девяноста акров заброшенной земли в сельском Контракере у более низких восточных отрогов гор Шатокуа.

Гора Морайя в двенадцати милях прямо на запад. Гора Провенанс в двадцати милях к югу.

Где миллионы лет назад гигантские ледники ползли будто живые хищные существа из Арктики, выдавливая, выцарапывая кошмарные формы — горные пики, бездонные пропасти, зубчатые хребты, кряжи, ущелья с крутыми стенами и узкие долины и речные низины. Где в Пасхальное воскресенье в середине мая может пойти снег, а в середине августа ночной воздух уже может пахнуть осенью, неминуемым приходом зимы.

Крест-Хилл, построенный в 1909 году Мозесом Адамсом Мейтсоном, богатым владельцем текстильных фабрик, на гребне ледниковой морены в трех милях от озера Нуар (получившем такое название¹ из-за своей воды: родниковая чистая, например, в стакане, она в озере казалась необъяснимо темной, матовой, как вар) и в пяти милях к востоку от Контракера (тихого городка примерно с 8500 жителей) на берегу Блэк-ривер. Название Крест-Хилл объяснялось тем, что дом неоклассического стиля был построен в форме укороченного креста из розового известняка и гранита; теперь, после долгих лет запустения (сын Мозеса Адамса Мейтсона, его единственный наследник, не пожелал жить там), угрюмый, как старый разбитый корабль, дрейфующий в море некошеной травы, бурьяна и молодой поросли.

Потребовалось бы минимум сто тысяч долларов, мрачно подсчитал папа, чтобы сделать Крест-Хилл «пригодным для человеческого обитания», и почти столько же, чтобы вернуть былую красоту садам. (Которые папа видел только на фотографиях.) У нас не было сотен тысяч долларов. Мы были «ввергнуты в бедность — в нищету». Нам придется жить, как «беженцам», в нескольких комнатах Крест-Хилла, а большая часть огромного дома будет заперта, комнаты останутся пустыми. И мы должны быть благодарны, предупредил нас папа, за то, что у нас есть «наследство, которое дедушка оставил мне. Убежище».

Временное убежище, имел он в виду. Ибо Родрик Мейтсон намеревался очистить свое имя и вернуться в столицу. Со временем.

Увидев развалины Крест-Хилла в тот первый день под проливным дождем, пока колеса нашей машины бесплодно вращались в заросших травой рытвинах подъездной дороги, мама расплакалась, горько восклицая: «Я умру здесь! Как ты мог завести меня сюда? Я не выживу». Младшие дети, Нийл и Эллен, тут же тоже расплакались. Но папа быстро протянул руку, чтобы сжать запястье мамы, утешить ее или успокоить; мы услышали, как мама судорожно вздохнула; папа сказал более тихим, мягким голосом: «Нет, Вероника, ты не умрешь. Никто из нас, Мейтсонов, не умрет. Это ведь только порадует их — моих врагов».

Враги. Некоторые — бывшие коллеги папы, даже друзья его и мамы, которые предали его по политическим соображениям; давали ложные показания под присягой с целью очернить его, уничтожить его карьеру; принимали участие в выписке ордера на его арест.

* * *

Вот факты. Мы, дети, мало что знали о них тогда, нам пришлось по кусочкам восстанавливать их позже. Так как многое было нам неизвестно. Многие были запретным знанием.

В апреле того года, вскоре после его сорок четвертого дня рождения, судья Родрик Мейтсон, наш отец, был арестован в своем кабинете в здании Апелляционного суда штата.

В момент своего сенсационного ареста — самый младший из одиннадцати судей этого суда и тот, кому предсказывалось самое блестящее будущее.

Родрик Мейтсон двенадцать дней находился «в заключении для допроса» в пенитенциарном заведении штата в миле от Апелляционного суда штата. Ему разрешали свидания только с его адвокатами и обезумевшей от горя женой.

Затем внезапно он был освобожден.

И вынужден отказаться от должности судьи. И вынужден отдать штату почти все свои накопленные сбережения и акции. Так что семья осталась вся в долгах. Буквально за одну ночь — в долгах. А потому он и мама оказались перед необходимостью продать их дом в самом престижном пригороде столицы штата, и их летний коттедж на Атлантическом побережье в Кеннебанк-порте, в Мэне; и все свои многочисленные машины, кроме одной; и их яхту; и несколько маминых меховых манто, и часть ее драгоценностей, и другое дорогостоящее имущество. «Почему?» — спросили мы, дети, и мама сказала с горечью: «Потому что враги вашего отца ему всегда завидовали. Бессовестные люди, сговорившиеся

¹ Нуар (фр.) — черный.

уничтожить его».

Задавать еще вопросы нам запретили. Нам запретили заглядывать в газеты и еженедельные журналы, смотреть телевизор или слушать радио. Сразу же после ареста папы мама забрала нас из наших частных школ и запретила общаться с нашими друзьями — и по телефону и по Е-мейл. Мама требовала, чтобы мы не выходили из дома; мама хотела знать точно, где мы находимся в любую минуту, впадала в истерику, если не досчитывалась кого-нибудь из нас, а когда мы возвращались, бывала вне себя от ярости. Дома она запиралась от нас и часами говорила по телефону. (С папой? С адвокатами папы? С собственными адвокатами? Ведь одно время казалось: они могут развестись, разъехаться.) Высокий пронзительный требовательный дрожащий от недоверия мамин голос никогда прежде не срывался на такой крик. «Как подобное может происходить со мной! Бога ради, я ведь заслуживаю лучшего! Я же ни в чем не виновна, Бога ради! А мои дети — какой теперь станет их жизнь?»

Мы были избалованными детьми, ни в чем не знавшими отказа. Тогда мы этого не знали, даже Грэм тогда этого не знал; конечно, мы были избалованы и ни в чем не знали отказа — дети богатых влиятельных родителей, стремящихся занимать видное положение в обществе. Даже десятилетние близнецы Нийл и Эллен с их милыми невинными личиками и изумленными глазами. Наши привилегированные жизни, полные всяческой одежды, и компьютеров, и частных уроков (теннис, балет, верховая езда), наша гордость от сознания, что мы — дети судьи Родрика Мейтсона, о котором столько писали; наши жизни, словно с экрана или сцены, совершенно не настоящие жизни; и внезапно необратимо изменившиеся, точно жизни детей, мелькнувших на телеэкране, жертв естественных катастроф — землетрясений, голода, войны. И точно так же выглядел папа, когда вернулся к нам, — шок от серебра в его светло-каштановых волосах надо лбом, провалившихся щек, остекленевших глаз, а рот, прежде красивый, — будто что-то размазанное; в прошлом принц, уцелевший, но еле-еле, в естественной катастрофе.

Мы сторонились его и мамы. Нас пугал круговорот маминых настроений. Она могла смотреть сквозь нас взглядом оледеневшего ужаса либо отчаяния; ее прежде такие красивые зелено-карие глаза, опухшие от слез; а то она бросалась обнимать нас с легким стоном боли: «О-о! О, что мы будем делать?» В такие моменты от мамы исходило благоухание сладких духов с примесью пота; ее дыхание пахло... чем? Вином? Виски? Иногда это были мы, дети, кого она хотела утешить; а иногда, казалось, утешить она хотела себя; иногда она сердилась на папу, а иногда на врагов папы; иногда, без какой-либо понятной нам причины, сердилась она на нас. Особенно на Розалинду, которая в четырнадцать с половиной, долговязая худышка с сумеречными глазами, взяла упрямую манеру словно бы думать о своем, морща лоб и посасывая губы, хмуро безмолвная в том замкнутом пространстве, куда не было доступа даже матери. И если Розалинда застывала в маминих объятиях, теперь уже почти одного роста с мамой, мама иногда откидывалась, чтобы уставиться ей в лицо, впиваясь в плечи красно-сверкающими, острыми, как когти, ногтями, и оттолкнуть Розалинду от себя. «Что с тобой? Почему ты на меня так смотришь? Как ты смеешь смотреть на меня, твою мать, такими глазами!»

Красивое лицо мамы было как маска. Фарфорово-косметическая маска. Маска, которая могла внезапно разбиться, как стеклянная, если кровь в ее сосудах начинала биться слишком бешено.

Поэтому Розалинда избегала ее и незаметно исчезала, чтобы спрятаться в каком-нибудь укромном уголке Крест-Хилла.

Думая: ни за что, ни за что, ни за что она не вырастет в такую красивую и рассерженную женщину.

Но особенно пугал нас папа, так изменившийся. Прежде судья Родрик Мейтсон был безупречно элегантен, не позволяя видеть себя иначе, как в только что выглаженном костюме и свежей рубашке, причесанным волосок к волоску, а теперь он часто ходил в мятой одежде, свирепо запуская пальцы в волосы, брился нарочно (решили мы) так, чтобы кожа краснела от

раздражения; он был папа — все еще, и его лицо было папино, тысячи раз сфотографированное, и все же словно что-то более старое, грубое, жесткое старалось пробиться наружу. Карие живые глаза, обычно теплые, ласковые, потускнели, остекленели, губы двигались, будто он спорил сам с собой.

Папа был страдальцем, невинным. Тем, кого предали, затравили и продолжали преследовать его враги и «алчные, ненасытные, недобросовестные средства массовой информации» — вот почему нам не позволяли читать газеты и смотреть телевизор. Папа был рассерженным человеком, а иногда (вынуждены мы были признать), и опасным человеком. Как у мамы, его настроения постоянно менялись: то угнетен, то в ярости, то полон оптимизма, то погружен в апатию, то скорбит о своей семье, то скорбит о себе и о своей рухнувшей карьере, то исполнен юношеской энергии, то озлобленный стареющий человек.

За столом своим ораторским голосом он мог провозгласить, будто слушали его не только мы: «Милая жена, милые дети! Потерпите ради меня! Очень скоро наша жизнь станет такой, какая принадлежит нам по праву. Я спасу имя Мейтсонов, спасу нас всех. Вот моя клятва. Я скреплю ее... своей кровью».

Красный от вина, проказливо шуря глаза, папа хватал вилку и, прежде чем мама успевала ему помешать, поражал себя в тыльную сторону ладони, будто пронзая какую-то безволосую тварь, которая неведомо как подобралась к его тарелке.

Мы вздрагивали, но не вскрикивали, не плакали. От нас требовался мягкий шепот: «Да, да, папа». Ведь слезы в такой момент обычно коробили папу, означая, что, мы, дети, быстро шепча «да, да, папа», в действительности не верили нашим собственным словам.

* * *

— Он словно бы все-таки умер, верно? В тюрьме? Его глаза...

Это сказал Стивен тягучим голосом, совсем другим, чем его нормальный, после одной из странных упоенных вспышек за обеденным столом; Стивен, чья жизнь до ареста папы состояла из футбола, бейсбола, баскетбола, спортивных видеоигр и бурных стремительно меняющихся дружб одноклассника с одноклассницами в его школе; Стивен, красивый, как Родрик Мейтсон в его возрасте, с отцовским широким лицом и чеканными скулами.

Грэм пожал плечами и ушел.

Розалинда сказала Стивену что-то быстрое и обидное, назвала его безмозглой жопой и ушла.

И пролежала без сна, тоскуя, почти всю ночь. Вжимаясь мокрым лицом в подушку. Думая: «Могут глаза умереть? Глаза человека — умереть? А все остальное в нем продолжало бы жить?» На протяжении нескончаемой постанывающей ветром ночи — такой же, как все ночи в этом жутком месте, которое она ненавидела: такое одинокое, такое далекое от ее подруг и той жизни Розалинды Мейтсон, которую она любила; засыпала и тут же просыпалась посмотреть, не пригнулся ли он над ее кроватью, не сверкают ли на нее из темноты остекленевшие в кровавых прожилках глаза нашего отца.

«Господи, помоги ему доказать, что он ни в чем не виновен. Восстановить свое доброе имя. Помоги ему вернуть все, что он потерял. Сделай нас снова счастливыми, сделай нас снова самими собой, верни нас в наш настоящий дом и сделай фамилию Мейтсон снова достойной гордости».

3. У Овального пруда

Солнечное ветреное утро! Одно из грязных окон утренней столовой разбежалось паутиной трещин, на террасе валялись сучья, обломки веток, листья. И шуршали, будто живые раненые существа.

— Где Грэм? — спрашивали мы друг друга.

— Где Грэм? — спросила мама; сердитые, встревоженные глаза.

Грэм не пришел завтракать. Он проснулся раньше нас, и оделся, и ушел. Так с грустной завистью сказал малыш Нийл.

Однако Грэм был где-то в доме. Упрямый в своем сопротивлении, когда мы звали: «Грэ-эм! Где ты?»

После нашего переезда в Крест-Хилл, когда его прежняя жизнь осталась позади, Грэм погрузился в яростную меланхолию. Его дорогое компьютерное оборудование не могло функционировать в этом разваливающемся доме — проводка никуда не годилась. В большой спальне наших родителей в дальнем конце второго этажа, куда нам, детям, доступ был запрещен, в одну из ламп как будто была вкручена шестидесятиваттная лампочка; а в кабинете папы на третьем этаже был телефон, факс и одна-две лампочки низкого напряжения; напряжение часто падало, лампочки мигали, и папа старался пользоваться ими экономно. (Тем не менее папа часто работал всю ночь напролет. Он занимался подготовкой подробных юридических документов, опровергающих выдвинутые против него обвинения, чтобы со временем послать их окружному прокурору; и он часто разговаривал по телефону с единственным адвокатом, которого сохранил.) Но компьютер Грэма, новейшей модели, включенный в одну из примитивных розеток Крест-Хилла, демонстрировал пятнисто-серый экран без намека на четкость. Большинство его программ и видеоигр не включались. Киберпространство Крест-Хилла напоминало бездну, вакуум, пустоту атома, который, говорят, состоит почти из ничего; медленно движущиеся частицы вроде черных точек в уголке вашего глаза. Грэм думал, что такой феномен, как «киберпространство», существует везде. Он вопреки маминому предупреждению возобновил связь по Е-мейлу с некоторыми своими друзьями, но ответы, которые он получал, были странными, спутанными. Как-то Стивен вошел в комнату Грэма, где тот сидел, сгорбившись над клавиатурой своего компьютера, быстро печатая команды, которые вновь и вновь получали ответ будто в жестоко-комичном кошмаре «ОШИБКА! ПОСЫЛАЮЩИЙ НЕ ОБНАРУЖЕН» на мерцающем, гаснущем экране. Стивена потрясло горе на лице брата.

— Эй! Почему бы тебе на время не бросить это? Мы же можем заняться чем-нибудь другим. Поехать на велосипедах... в город...

Но Грэм не слышал. Он еще больше ссутулил худые острые плечи над клавиатурой, стремительно выстукивая другой сложный набор команд. Светящиеся буквы и значки на экране медленно уплывали вверх, словно направленные туда с неизмеримого расстояния в пространстве и времени. В бледном неясном свете пасмурного июньского утра мальчишеская кожа Грэма отливала нездоровой зеленоватостью, будто потускневший металл; глаза блестели горьким недоумением. Он с отвращением сказал Стивену:

— Посмотри.

Стивен посмотрел на то, что выдавала Е-мейл Грэма, но в каждом ответе было что-то не так, будто неуклюжий перевод с какого-то иностранного языка или код:

graememat + @ poorshit. ///
howzit 2b ded!

— Они думают, я умер, — сказал Грэм, давась всхлипами. — Ребята говорят обо мне, будто я покойник.

— Просто ошибки. Когда у нас будет лучше с электричеством... — поспешно сказал Стивен.

Грэм сердито стукнул по клавише, его Е-мейл исчез.

— Может, я покойник. Может, мы все умерли и похоронены в Крест-Хилле.

Стивен, вздрогнув, попятился. В такие моменты настроения брата его пугали. Ему не хотелось думать: «Он знает куда больше меня, он куда сообразительней меня». И пошел сообщить остальным:

— Грэм совсем сдвинулся на своем компьютерном дерьме. По-моему, надо бы его отключить.

Затем настало это утро, когда они хватились Грэма, звали его и внизу дома и вверх, звали его из окон, из дверей террасы, выходящей на рощицу потрепанных ветрами вязов и заросшую бурьяном сквозь гравий подъездную дорогу, называвшуюся Аллеей Акаций (хотя почти все акации захирели и погибли). Мама — серебристо-пепельные волосы падают ей на лицо, девичий лоб наморщен от раздражения и тревоги — приложила ладони рупором ко рту кричала:

— Грэ-эм, Грэм! Где ты прячешься? Иди сюда, слышишь? Немедленно!

Будто это была игра в прятки, которой она могла сразу положить конец. Но, как и папа, который почти все время бодрствования проводил на третьем этаже, мама неохотно выходила из дома. Приложив ладонь козырьком к глазам, она прищурилась на службы: старый каретный сарай, и конюшню, и амбары с прогнившими от дождей, провалившимися крышами, — и в сторону мутного Овального пруда у подножия холма по ту сторону Аллеи Акаций; однако то ли робость, то ли просто страх мешали ей искать Грэма во всех этих самых подходящих местах.

После десяти дней в Крест-Хилле, во время которых она не видела никого, кроме мужа и детей, если не считать прислугу, нанятую в Контракере, мама все еще носила дорогую модную городскую одежду; платья, юбки и свитера, не джинсы (возможно, их у нее вообще не было?), но шелковые брючки с рубашками в тон, непрактичные итальянские босоножки на очень высоких каблуках. Каждое утро, даже самые гнетущие утра, она мужественно превращала овальное сердечко своего лица в тугую красивую маску; хотя кожа горла отливала землистой бледностью, начиная выдавать ее возраст. Она носила свои обручальное и венчальное кольца, кольцо с изумрудом на правой руке, на тонком запястье вспыхивали драгоценные камешки браслета наручных часов. Прерывистым, почти кокетливым голосом мама пожаловалась:

— Этот мальчишка! Грэм! Он все это устраивает, чтобы досадить мне.

Мы искали Грэма все утро. К полудню в небе царил яростное бледное солнце. Каким обширным был Крест-Хилл; историческое «поместье», пришедшее в полное запустение; сколько там было места, чтобы спрятаться — в красивых старинных амбарах, в обветшалых беседках, обвитых диким виноградом и глицинией, в лавровых кустах, и в разросшихся травах парка, окружавшего дом, — некоторые почти в человеческий рост; в заброшенных оранжереях, из разбитых рам которых при нашем приближении торопливо выпархивали черные птицы (скворцы, трупиялы, вороны?), будто отлетающие души умерших.

— Где Грэм? — кричала им вслед Розалинда. — Где он прячется?

Случайно именно Розалинда в конце концов нашла Грэма на дальнем берегу Овального пруда, на корточках среди осоки и высохших стеблей бамбука, замороженно уставившегося на темную поверхность пруда, исчерчиваемую водомерками.

— Грэм, мы тебя повсюду искали! Ты не слышал, как мы тебя звали? — крикнула Розалинда вне себя. Она махнула Стивену, подзывая его, бредя между лезвиями осоки, почти достигавшей пояса. Осунувшееся белое лицо Грэма напугало ее, а потому она продолжала отчитывать его. — Заставил нас всех искать тебя. Заставил нас всех переволноваться. Надеюсь, ты доволен.

Тяжело дыша, подбежал Стивен. На нем была обтрепанная майка, джинсы, заляпанные грязью цвета свежего навоза. Розалинда заметила чуть кровоточащую царапину над его левой бровью. Наверное, острый сучок.

— Эй, малыш? Ты в норме? — спросил Стивен.

Увидев, что его тайник обнаружен, Грэм пробурчал что-то неопределенное. Он встал, пошатнулся, наверное, очень долго просидел на корточках. Его серо-зеленые шорты и майка были все в репьях. Мягкие каштановые волнистые волосы, неровно падающие ниже ушей, все спутались. Он сказал, сглатывая:

— Я... увидел что-то. Вчера ночью.

— Да? Что?

Они ждали.

— Не знаю. Я его увидел, но я... не уверен. То есть разглядел ли я, что это было. Или... — Голос Грэма тоскливо замер. Было ясно, что он чем-то напуган и не знает, как об этом сказать. Он не хотел рисковать, что его высмеют, и все же...

— Да? Что? Грэм, да говори же...

— Это был... человек, мне кажется. Шел по дороге вон там. Часов около двух. Я не мог заснуть, и спустился вниз, и увидел что-то в окно. — Грэм говорил медленно, с трудом; небрежно утер рукавом рот. — Я вышел на террасу. Увидел его... это... в лунных лучах.

— Кто-то забрался к нам в парк? — сказал Стивен.

— Ты уверен, что это не был кто-то из нас? — попробовала пошутить Розалинда и осеклась, увидев выражение глаз Грэма. Грэм сказал, тщательно подбирая слова:

— Это было что-то, что-то вроде человека... человека без лица. — Он внезапно ухмыльнулся. — Нечто-Без-Лица.

Стивен сказал поспешно, словно не расслышав:

— Охотник скорее всего, забрался к нам в парк. Кто-то из живущих по соседству.

Грэм отчаянно замотал головой:

— Нет. Он... оно... у него не было ружья. Оно просто... шло. Но не как ходят обыкновенные люди. Сначала по дороге, а потом по траве — вот в этом направлении. Будто знало, куда идет, и не торопилось. Нечто-Без-Лица.

— Как так — без лица? — скептически спросил Стивен. — В природе все, все живущее, должно иметь какое-то лицо. Наверное, тебе приснилось.

— Не приснилось! — возбужденно возразил Грэм. — Я умею отличать настоящее, и Нечто-Без-Лица было настоящим.

Стивен засмеялся нервно, насмешливо. Он начал пятиться, отталкиваясь ладонями от воздуха отмахивающимся жестом. Царапина у него на лбу блестела кровью.

— Как может что-то быть без лица! Тебе приснилось.

Розалинда внезапно потрясенно сказала:

— Нет. Это мне приснилось. Я тоже видела это... его. Мужчину, вроде бы мужчина, без лица... стоял над моей кроватью. — Она зажала глаза пальцами, вспоминая, а братья смотрели на нее в ужасе.

«Над моей кроватью, ночью; в лунном свете; фигура мужчины, голова мужчины, и все-таки там, где должно быть лицо, — ни единой черты, только гладкая пустая кожа».

4. Другие люди

Наши дни в Крест-Хилле были напряженными и непредсказуемыми, как небо над Контракером. Из-за близости гор, из-за неутихающих ветров, которые дули над холодным озером Нуар, небо непрерывно менялось: сейчас ясная прозрачная голубизна, как промытое стекло, и тут же все в пятнах клубящихся туч цвета раздавленных слив. Перед грозой в зависимости от направления и скорости ветра температура падала за несколько минут на десяток градусов. Иногда — и это особенно сбивало с толку младших детей — сумерки начинали сгущаться в разгаре дня, когда солнце исчезало среди мохнатых туч. Грозы бывали такими сильными, что земля и небо словно бились в единой судороге; молнии раздирали небо, обнажая его недра, мрачные и зловещие, как погреб Крест-Хилла (который был официально запрещен для исследований). Изъеденные мхом крыши и плохо пригнанные рамы ветхого дома протекали, на когда-то красивых мраморных и паркетных полах растекались лужи; мама плакала и проклинала врагов нашего отца: «Как могли они быть такими жестокими, такими злопамятными? Если бы они только знали, как мы несчастны!» Мама упорно верила, что, узнай враги отца, среди которых были его прежние коллеги и друзья, как нам тяжело в этом ужасном месте, они бы сжалились над нами, и полностью очистили бы Родрика Мейтсона от всех поклепов, и вернули бы его в столицу штата. «Если бы они только знали!»

Папа держался особняком, большую часть времени укрываясь в своих рабочих

комнатах на третьем этаже. Даже в самые жаркие, самые влажные и душные летние дни папа продолжал работать; мама говорила, что он работает по двенадцать часов в сутки, не меньше, и не ослабит усилий, пока не будет полностью очищен от обвинений. Иногда мы на мгновение видели его с безопасного расстояния — например, бродя в высокой траве, кто-нибудь из нас поднимал глаза и видел мелькнувшую белизну привычной папиной рубашки в окне третьего этажа; мы никогда не махали ему, так как папа мог истолковать такой жест как глупое легкомыслие или — хуже того — как насмешку. Видели мы его за обедом, если вообще видели. И когда он уже сидел во главе стола, тогда нас звала в столовую мама, улыбающаяся, окрыленная надеждой, как выздоравливающие после тяжелой болезни. Он ел медленно, с притворным аппетитом, и говорил мало, словно берег свой голос; он не любил слушать нашу болтовню, но ему не нравилось, если мы хранили молчание — «Как на похоронах». (Хотя папа выглядел усталым, он был способен на прежние едкие сарказмы и взрывы гнева, обращенные главным образом на Стивена, его неуклюжие попытки бодриться, которые папа превратно истолковывал как «наглость».) Однако было много вечеров, когда папа ел наверху в одиночестве то, что приготовила ему женщина из Контракера, миссис Далн, которую мама наняла как приходящую кухарку и уборщицу и чей муж, мистер Далн, тоже работал у нас, как мастер на все руки и садовник. (Далны были очень приятными, хотя сдержанными и несколько осторожными людьми, которые по возрасту могли быть нам дедушкой и бабушкой.) Еду ему относилa мама на узорчатом потемневшем серебряном подносе, тревожась и настаивая, что ему надо есть, «чтобы поддерживать силы». Ибо все наши жизни, даже наше будущее зависело от «сил» нашего отца.

Иногда, начиная с конца июня, в Крест-Хилл к отцу приезжали люди. Их длинные темные сверкающие машины появлялись будто ниоткуда, неуверенно двигаясь по ухабистой подъездной дороге. Возможно, посетители эти были адвокатами. Возможно, они были следователями. По меньшей мере в одном тревожном случае они оказались телевизионной бригадой и журналисткой; мама не пустила журналистку в дом, но оказалась бессильной перед телевизионщиками, которые просто снимали ее, пока она стояла, прижавшись к дверному косяку, и сердито кричала: «Убирайтесь! Неужели вам мало? Оставьте нас в покое!» Нам не разрешалось говорить с посетителями, не рекомендовалось интересоваться ими и даже не рекомендовалось вспоминать, что они нас заинтересовали. Когда один из приглашенных посетителей папы под вечер вышел из дома, хотя он поздоровался со Стивеном (который работал с мистером Далном в высокой траве рядом с дорожкой, выпалывая сорняки, голый по пояс на солнце), мама сделала вид, что вообще никто не приезжал; то есть никто, кого бы Стивен мог знать. А Стивен не сомневался, что узнал отцовского посетителя; он несколько раз видел его в нашем городском доме; один из школьных товарищей Стивена был сыном этого человека; и тем не менее, к изумлению Стивена, он не мог вспомнить его фамилию. А когда он спросил про него у мамы, мама притворилась, что ничего не знает. «Кто? Я не заметила. Я прилегла отдохнуть. Эта жара...» Стивен спросил, скоро ли папа подаст в суд свою апелляцию, и мама сказала нервно: «Стивен, откуда мне знать? Это меня не касается. Но, пожалуйста, милый, не спрашивай у папы. Обещай!» Будто кто-то из нас, а особенно Стивен, нуждался в подобном предупреждении.

А потому дни — и ночи — были напряженными и непредсказуемыми. Впервые в своей жизни нам, мейтсоновским детям, было нечего «делать» — ни встреч с друзьями и ни частных уроков, ни школьных занятий, ни телевизора, ни VCR, ни видеоигр, ни компьютеров (кроме компьютера Грэма, все больше выходившего из строя), ни кино, ни супермаркетов; некоторым из нас разрешалось поехать с мамой и — реже — с папой в Контракер за необходимыми покупками; но нам запрещалось бродить по улицам городка, а главное — нам было категорически запрещено вступать в разговоры с незнакомыми людьми. К нашему изумлению, каждому из нас были вменены те или иные обязанности по дому — мы же никогда в жизни такой работы не делали, с нашими щедрыми карманными деньгами и кредитными карточками. Здесь, в Крест-Хилле — до чего несправедливо! — нам поручили

работу, лишив каких бы то ни было карманных денег! Даже десятилетний Нийл и Эллен должны были работать! Мама строго сказала нам, что на время нам нужно смириться с тем, что мы не те люди, какими были. Она сказала, понизив голос, точно цитируя услышанные от кого-то слова:

— Мы временно стали другими людьми.

Другими людьми! Мы были растеряны, смущены. Мы чувствовали себя обманутыми. Вспоминая, как мама грустно, с жалостью улыбалась, когда говорила о «Бедных», о тех, кто обитал в трущобах США или в странно названном «третьем мире», когда видела гнетущие повторяющиеся по телевизору съемки голодающих или искалеченных войнами людей в Африке, Индии, Боснии, например. Папа и мама сочувствовали этим трагичным людям, но безразлично презирали других, очень похожих на нас, у кого денег и престижа было меньше, чем у Мейтсонов; мужчин-неудачников папиной профессии, не преуспевших в ней, как он, и женщин-неудачниц, не занявших видного положения в обществе в отличие от мамы с ее бесчисленными приятельницами, клубами, благотворительными мероприятиями — всех тех, кто пытался достичь статуса Мейтсонов и потерпевших неудачу, потерпевших неудачу из-за каких-то нравственных своих изъянов и потому заслуживающих презрения.

Только вот: значит, мы сами стали этими презираемыми другими людьми?

* * *

Тем не менее Крест-Хилл и вид с холма на окрестности были красивы или постепенно начали казаться красивыми.

Когда мы этого не ждали. Когда мы внезапно обернулись, и наши глаза увидели — прежде чем мы успели подумать.

Горы были красивы, выступая из туманов поутру. Закаты были красивы: западный край неба за отрогом — огромный котел пламени, пожирающего себя, медленно-медленно сгущаясь в ночь. Вдали, в ясные дни — дома и шпили Контракера, будто игрушечный город на Блэк-ривер. И озеро Нуар, словно бы непрерывно меняющее размеры — наиболее широкое и бурное, когда ветер был особенно крепким — точно волнистое зеркало, всосавшее в себя весь свет и потому кажущееся вопреки любым законам природы абсолютно черным. Грэм опускал глаза, чтобы не смотреть в окно своей комнаты: он предпочитал думать, что ненавидит Крест-Хилл и хочет одного: вернуться домой. (Но не были ли мы уже дома, теперь, когда красивый особняк в пригороде был продан? Их имущество отнято у них? Теперь, когда немногие друзья забыли его; больше не посылали ему Е-мейл, хотя бы даже, чтобы поговорить о нем, как о мертвом?) Стивен, зная, что он пленник в Крест-Хилле, готовясь вырваться оттуда, тем не менее испытывал теперь удовольствие, работая руками — во всяком случае, на воздухе в хорошую погоду; он мудро думал: «Того дома не вернуть, теперь этот — наш дом». В городе его любили, им восхищались, и он не сомневался, что когда-нибудь его снова будут любить, восхищаться им, скажем, в Контракере; как только его узнают лучше.

Словно чудный сон в своей красоте, парящий и парящий в перламутровом влажном воздухе! — вид из окна Розалинды, выходящего на запад к горе Морайя, словно бы притягивал к себе ее глаза, и у Розалинды не было сил сопротивляться. Вопреки своему юному ожесточившемуся сердцу она поймала себя на мысли: «Если бы мы только были тут свои! Мы могли бы быть счастливы».

5. Велосипеды

Многие вещи, перевезенные вместе с нами в Крест-Хилл, необъяснимым образом пропали. Например, много недель мы искали и искали наши велосипеды. А затем в один прекрасный день нашли их — или то, что от них осталось. Недоверчиво вглядываясь в загроможденный хламом сумрак каретного сарая, недоумевая, что произошло с нашими

велосипедами. Нашими велосипедами, такими сверкающими, такими красивыми, такими дорогими.

— Черт возьми, не могу поверить, — сказал Стивен. Для Стивена первоклассный дорожный велосипед был самым высшим символом престижа.

Не то чтобы Стивен был таким уж заядлым велосипедистом, но ему непременно надо было иметь самый лучший. И конечно, наши родители исполнили его желание.

Стивен, Грэм и Розалинда, борясь со слезами гнева и обиды, кое-как сумели отделить пять велосипедов друг от друга и вытащили их на свет. Какая неожиданность! Какой шок! Вот итальянский дорожный велосипед Стивена с двадцатью передачами, стоивший более восьмиста долларов, вот «Американский орел» Грэма с одиннадцатью передачами, вот туристический велосипед Розалинды с пятью передачами, «Пежо», когда-то очаровательно серебристый с золотым отливом, вот детские «швинны» близнецов с пухлыми горными шинами — все поржавевшие, искореженные, в лохмах паутины, обсыпанные крысиным или мышиным пометом. Велосипед Стивена уже не выделялся среди остальных своим совершенством; вы не сумели бы отличить прежде глянцево-красный «швинны» маленького Нийла, от «швинна» маленькой Эллен, нежно-голубого цвета — то есть прежде. Мы смотрели на наши велосипеды ошеломленным взглядом, словно перед нами была загадка, которую мы должны были разгадать и не могли.

Стивен снова прошептал, утирая глаза:

— Не могу поверить. Это... варварство.

Грэм, ставший в Крест-Хилле философом, первый оправился от потрясения. Он засмеялся, ударил кулаком по пыльному седлу «Американского орла», смахнул паутину с руля, говоря:

— Будто время прошло. Года. Вот, что время делает с материальными предметами.

— Время? — повторил Стивен. — Но ведь мы тут всего несколько недель.

Розалинда не обращала внимания на своих заспоривших братьев. Она испытывала боль от того, что претерпел ее велосипед, будто ей самой пришлось перенести подобное. Ведь это же был ЕЕ велосипед, ведь правда? Дома она на нем ездила мало, времени не хватало, и в Крест-Хилле более или менее забыла про него; но теперь она остро ощущала его утрату и на коленях извлекала мусор, застрявший между спицами, смахивала паутину и пыль. Если бы не заржавевший знак «Пежо» на раме, она бы, наверное, не узнала свой велосипед. Она сказала встревоженно:

— Может быть, это какое-то испытание. Если мы не сдадимся...

Стивен гневно усмехнулся:

— Я не сдаюсь. И никогда не сдамся.

Знай наши родители, что мы искали наши велосипеды с намерением прокатиться от Крест-Хилла до озера Нуар или в городок Контракер, они, разумеется, запретили бы это, но они не знали — ни он, ни она. Разве что папа увидел нас из своих комнат на третьем этаже. (Нас частично заслонял каретный сарай, во всяком случае, так нам казалось. Собственно, мы толком не знали, какие окна третьего этажа — папины; он мог иметь доступ к ним всем, что обеспечивало обзор Крест-Хилла и его окрестностей на триста шестьдесят градусов.)

Все велосипедные шины были спущены. Но, как ни удивительно, они словно бы не прогнили и не были разорваны. Стивен, полный решимости, отыскал насос, тоже сильно заржавевший, но работающий, и энергично накачал воздух во все шины; и мы быстро попробовали наши велосипеды на Атлее Акаций, пока воздух еще оставался в шинах. Мы возбужденно смеялись. В нашей забаве пряталось какое-то безумие. Мы были точно дети с самодельными, примитивными, неказистыми и, возможно, опасными игрушками — игрушками, которые могли взорваться у нас в руках. Близнецы подбодряли друг друга, но их «швинны» до того заржавели, что им удалось проехать только несколько шагов, и на первой же рытвине они свалились. Долговязый, длинноногий Грэм, который никогда особенно не любил ездить на велосипеде, так как был не в ладах с собственным телом, взгромоздился на свой велосипед и закрутил педали в обратную сторону; проверил ручные тормоза, которые

вроде работали (а вдруг нет?); тщетно попытался выпрямить ручки руля, которые были забавно перекошены, и двинулся в путь, с пыхтением нажимая на педали, еле-еле, но продвигаясь вперед. Розалинде повезло больше, несмотря на жалкое состояние ее велосипеда; испуганно хихикая, пытаясь удерживать равновесие, точно пьяная, когда ее велосипед накренился, качался, дергался и почти падал. Стивен обогнал ее, яростно сжимая кривые ручки своего велосипеда; он тоже покачивался, как пьяный, но твердо решил не упасть; в тот момент, когда уже казалось, что его велосипед вот-вот опрокинется, бесславно увлекая его на землю, он каким-то образом выравнял его, двигался вперед, вкладывая в это все силы.

— Я не сдамся! — кричал Стивен со смехом. — Никогда.

Мы смотрели, как наш старший брат отчаянными усилиями продвигался вперед на своём искалеченном велосипеде, а спина его майки уже намочила от пота, будто он гнал велосипед вверх по крутому подъему, а не ехал слегка под уклон по направлению к воротам и шоссе. Ярко-оранжевые с черными разводами, вокруг него зигзагами кружили бабочки-данаиды, будто восклицательные знаки.

Стивен ехал к воротам: нам было запрещено покидать Крест-Хилл без разрешения.

Чугунные ворота с пышными завитушками, конечно, были открыты; навсегда открыты; створки обросли ежевикой, плющом и мхом.

— Эй! — крикнул Грэм вслед брату и сестре, которые удалялись, отчаянно крутя педали. Он надеялся их догнать, но проржавевшая цепь его велосипеда внезапно лопнула, и он растянулся в траве. Позади него хныкали близнецы. Впереди Стивен и Розалинда с усилием продолжали катить вперед, не оглядываясь. Грэм, тяжело дыша, смотрел им вслед. Ныло ушибленное колено. Он перестал улыбаться. Игра окончилась. Хотя летний день был залит светом, почти слепил светом, ему внезапно вспомнилось Нечто-Без-Лица, которое перешло Аллею Акаций в лунных лучах, двигаясь в сторону ворот. Внезапно он ощутил слабость в ногах. Ведь ходили слухи о зверском убийстве девушки, не то девочки в Контракере; слухи о других случаях, даже в отдаленной деревне на озере Нуар, которую Грэм никогда не видел. Эти слухи приносили в Крест-Хилл Далны, и им не было подтверждения. Теперь Грэм вспомнил их, вспомнил тот ужас, который почувствовал, глядя на Нечто-Без-Лица в лунных лучах, свое убеждение: «Это настоящее! Даже если этого не может быть, оно есть!» Он не видел Нечто-Без-Лица с той ночи полмесяца назад, но у него было ощущение, что каким-то образом Нечто-Без-Лица знает про него, знает про них всех, про Мейтсонов; оно следит за ними, всегда. «И теперь. Даже теперь. При дневном свете». Он сложил ладони рупором и закричал с внезапным испугом:

— Стивен! Розалинда! Вернитесь!

Но они не слышали и бесшабашно скрылись вдали.

* * *

Едва он оставил позади открытые ворота и выехал на шоссе, Стивен почувствовал себя на удивление легче, свободнее, будто каким-то чудом сила тяжести заметно ослабела; то же странное ощущение испытываешь, входя в воду, когда она начинает тебя поддерживать. Его покалеченный велосипед продолжал качаться, дергаться, содрогаться под ним, седло было неудобно низким, будто для мальчика заметно меньше ростом, раздавалось стаккато «клик-клик-клик», словно цепь готовилась лопнуть, но Стивен продолжал крутить педали; ему удалось поставить более высокую передачу; постепенно он набрал скорость. И Розалинда, старавшаяся держаться наравне с ним, испытала почти такое же чувство внезапной воздушности, легкости, полета, едва выехала на шоссе — узкую асфальтированную дорогу, где едва могли разъехаться две машины. Душистый ветер освежил ее разгоряченное лицо, осушил слезы обиды и разочарования на ее глазах.

— Видишь? Что я тебе говорил! — крикнул Стивен, улыбаясь. Своей удивительной солнечной улыбкой, которая озарила ей сердце. Его улыбка, похожая на улыбку их отца, с той

разницей, что ее юношеский задор был неподдельным, искренним, не пронизанным иронией. Они смеялись вместе. Как беззаботные дети. Они — свободны! Дети бывшего судьи Апелляционного суда штата и все-таки — свободны!

У них голова шла кругом от собственной смелости. Они знали, что, возможно, будут наказаны. И все же не думали об этом — об отце, о наказании, — не думали ни о чем, кроме душистого летнего воздуха, изумительного узора солнечных лучей, пробивающихся сквозь ветви деревьев сбоку от дороги; здесь среди совсем неизвестных им крутых холмов, волнами уходящими вдаль, в окружении густых темных сосновых боров, разделенных луговинами в разноцветных узорах множества цветов, — голубизна горечавок и цикория, яркая желтизна миниатюрных подсолнечников. Совсем рядом с шоссе по камням бежали стремительные ручейки; и казались совсем близкими горы Шатокуа — всегда сурово-задумчивые, заросшие соснами, над которыми высились их туманные пики. Сердце Розалинды наполняла странная запретная радость. Ее разбурявшееся хорошенькое личико сияло веселым волнением, ее пальцы порыжели от ржавчины на руле. В ошеломлении от холмов и сосен она крикнула:

— Стивен, подожди меня!

Они ехали в направлении Контракера — ведь так? Или в направлении озера Нуар в глубь лесов? Они, наверное, проехали две... три мили — но все выглядело по-прежнему непривычным. Ни домов, ни ферм, ни знакомых ориентиров. И — так странно! — никакого движения по шоссе. Розалинда поделилась бы этими наблюдениями со Стивеном, но он был далеко впереди, и сам того не замечая, все увеличивал расстояние между ними; майка на спине потемнела от пота, крепкие мускулистые ноги мощно крутили педали. Розалинду вдруг охватило тревожное предчувствие, нет, не страх, но предчувствие, она думала, не сознавая, что думает, о жутком Нечто-Без-Лица, которое неделю назад приснилось ей, и которое Грэм, по его утверждению, видел своими глазами. Возможно ли такое? В подобный летний день среди подобной красоты Розалинде было трудно этому поверить.

«Но, да, ты знаешь, это так».

Еще полмили — и появился едущий ей навстречу Стивен, озабоченный тем, что его задняя шина теряет воздух; а потому с большой неохотой они с Розалиндой поехали назад в Крест-Хилл, до которого было примерно три мили, хотя показались они много длиннее, так как дорога теперь почти все время шла вверх и выбоины в асфальте, видимо, не чинившемся уже много лет, заставляли их лязгать зубами. Когда изъеденная ржавчиной, частично повалившаяся ограда, окружавшая Крест-Хилл, замаячила впереди, почти скрытая густыми зарослями, небо заметно затянули тяжелые пористые тучи, которые гнал со стороны озера Нуар теплый, отдающий серой ветер. Что-то не так? На Розалинду нахлынула тревога, а с ней и дурные предчувствия. Сквозь просветы в ветвях возник величественный старый дом на холме, в форме креста, его известняковые стены угрюмо розово-серые; дом из сказки, и казалось, конечно же, приют особенных людей, хотя был ли он красив или откровенно безобразен, Розалинда, задыхающаяся, уставшая до ошеломления, решить не могла бы. Что мы, дети, знали об истории Крест-Хилла, что нам рассказывали о дедушке нашего отца? Только что этот давным-давно скончавшийся человек носил имя с библейскими отзвуками: Мозес¹ Адам Мейтсон. Он нажил состояние, как говорили, владея текстильной фабрикой в Уинтертерн-Сити в сорока милях к югу, и удалился на покой среди предгорий Шатокуа вблизи от Контракера. Однако в Крест-Хилле не было его портрета. Вообще никаких фамильных портретов, да и ничего другого не висело там на стенах кроме полос отклеившихся штофных обоев; почти все комнаты в правом и левом крыле дома были лишены не только мебели, но даже воспоминая, даже намек на мебель. «Будто сама история была изгнана, стерта. Словно сама история была слишком болезненной, чтобы ее сохранять».

Когда Стивен и Розалинда наконец въехали в открытые ворота Крест-Хилла, посыпались первые капли дождя, будто расплавленный свинец, шипя и жаля. И какой это был подъем! Холм Крест-Хилл никогда еще не был так крут. А ухабистая Аллея Акаций в травах заросшего парка была настоящей полосой препятствий. К тому времени, когда Стивен

¹ Английский вариант имени Моисей.

и Розалинда добрались до дома, они совсем запыхались и обливались потом: их никак нельзя было назвать привлекательными, от них исходил тяжелый запах пота; тонкая блузка Розалинды и шорты прилипли к ее тоненькой фигуре, к ее маленьким упругим грудям, вызывая у нее отвращение. И, к их отчаянию, и отец и мать оба ждали их на каменной террасе, где бурьян пробивался между растрескавшимися плитами; остальных детей нигде не было видно, словно им было велено не выходить из своих комнат. На отце была мятая, уже не совсем белая полотняная куртка и спортивные брюки; он явно был очень рассержен, однако пытался держать себя в руках; в какой-то мере вернулось его прежнее ироническое обаяние, будто он выступал в суде или по телевидению. Глаза у него были плоскими и тусклыми, но он сумел улыбнуться вполне непринужденно; мама чуть позади него в бледно-зеленых шелковых брючках и кимоно в тон, похожем на шелковую тунику, даже не попыталась улыбнуться, — ее густо накрашенное лицо опухло от обиды и гнева; глаза заплаыли от слез; ведь ей, матери, конечно, пришлось выслушать упрёки за недопустимое поведение двух ее старших детей. Отец сказал грозно:

— Стивен, Розалинда, как вы посмели ослушаться меня? Вы отсутствовали без разрешения, даже не поставив в известность ни свою мать, ни меня, о своем намерении покинуть Крест-Хилл, почти на восемь часов! Такое поведение переходит все границы!

Восемь часов! Стивен и Розалинда испуганно переглянулись. Они возразили:

— Но ведь прошло не больше часа! Мы просто попробовали наши велосипеды...

Однако казалось несомненным, что они отсутствовали гораздо, гораздо дольше, чем один час. Небо, все в клубящихся безобразных тучах, потемнело почти до вечернего; температура понизилась чуть ли не на десять градусов, жалящий дождь хлестал все сильнее, неся запах ночи. Точно провинившийся ребенок Розалинда разразилась слезами:

— Папа, прости! Прости!

Отец сказал возмущенно:

— Прости! После того, как мы чуть с ума не сошли, тревожась за вас! Отправляйтесь в свои комнаты немедленно! Я поговорю с вами по отдельности.

Опустив голову от стыда, Розалинда бросилась в дом, но Стивен вызывающе остался на террасе, упрямо доказывая, что они никак не могли отсутствовать восемь часов, он уверен, что они не отсутствовали восемь часов, ну и в любом случае у них есть право ездить на своих велосипедах...

— Ты не можешь держать нас тут как заключенных, отец, из-за того что сам такой.

Наступило мгновение тишины. Слышно было только, как дождь с шипением хлещет по плитам террасы.

Быстро, однако с достоинством, папа шагнул вперед, и прежде чем мама успела ухватить его руку, ударил Стивена ладонью по пылающему потному юному лицу.

6. Бедная мама

Бедная мама — «Вероника Мейтсон». Мелодичное имя, когда-то звучавшее так часто, а теперь так редко. Ведь для нас, конечно, наша мать была «мама», а для Далнов она была миссис Мейтсон или, чаще, «мэм». Из всех нас только папа имел привилегию называть ее этим красивым именем, данным ей при крещении; однако, когда он обращался к ней, за обедом например, то обычно тоном мягкого мученического упрека:

«Вероника, что это за еда? Словно во рту... земля».

«Вероника, почему дети являются к обеденному столу такими оборванцами? И пахнут так, будто неделю не мылись».

«Вероника, почему воздух такой... тяжелый в этой комнате? Такой сырой? Или это наши тяжелые сырые сердца?»

Мама сидела на мамином месте напротив папы во главе стола, улыбаясь своей красивой ослепительной улыбкой. Может быть, она слышала, может быть, нет.

Такая к этому времени знакомая история, рассказывавшаяся и перерассказывавшаяся

нам — и миссис Далн, которая только покачивала головой и сочувственно прищелкивала языком, — как тогда в городе, едва пошли слухи о неминуемом падении судьи Родрика Мейтсона, мамин телефон перестал звонить. В одно прекрасное утро, внезапно — в доме воцарилась тишина. Где прежде элегантнейшая Вероника Мейтсон была ослеплена собственной популярностью: она во всех списках гостей, в бешеной карусели званых завтраков, благотворительных мероприятий, открытия музеев, и приемов, и официальных банкетов, теперь ее, как судью Мейтсона, внезапно вычеркнули, стерли резинкой. «Будто я была в карантине с какой-нибудь омерзительной болезнью, — с горечью говорила мама. — Мы все, Мейтсоны, даже вы, дети, — «виновны, пока не будет доказана наша невиновность». Ее нежное, тщательно накрашенное лицо начинало напоминать смазанную акварель; ее глаза, зелено-карие, прежде сверкавшие жизнерадостностью, теперь были пронизаны красными жилками от нескончаемых слез; дыхание, иногда ненароком обдававшее лица детей, пахло кислым, словно внутренность старого холодильника на кухне. «Мама пьет? — перешептывались мы. «Мама пьяна?» Мы любили маму, но мы ненавидели маму. Мы боялись мамы. Розалинда сказала:

— Я никогда ее не знала прежде, а вы?

И Грэм вздрогнул, и помотал головой, а Стивен, который пытался все представлять в лучшем свете, даже обдумывая (как мы подозревали) свое бегство, сказал:

— Мама просто претерпевает метаморфозу, как бабочка.

— Бабочка в обратном направлении, — сказал Грэм с ухмылкой.

В городе у мамы для нас почти не было времени, теперь в Крест-Хилле в бесконечные летние дни, когда бледно-горящее солнце, казалось, еле волоклось по небу, а минутные стрелки часов, которые еще ходили, казалось, иногда отползали назад на дюйм, времени у нее было слишком много. Хотя папа вставал на заре, чтобы продолжать работу над своей защитой, мама вставала поздно — как можно позднее, ее страшил новый день изгнания; она мылась в нескольких еле натекавших дюймах чуть теплой воды в допотопной ванне с пятнистой эмалью; она накладывала на лицо маску макияжа со всем тщанием и пыталась что-то сделать со своими волосами; скользила по дому, точно привидение в своей теперь мятой городской одежде, словно ожидая, что за ней заедет подруга и они отправятся завтракать в каком-нибудь загородном клубе или новейшем модном ресторане. «Мама сегодня пьет? Бедная мама». Она начала относиться с подозрением, даже с ревностью к Розалинде, которая быстро вырастала в красивую, физически крепкую, способную и умную девушку с длинными кудрявящимися волосами червонного золота, выбеленными солнцем; она без конца допрашивала Стивена и Грэма в убеждении, что они при каждом удобном случае ускользают в Контракер или куда-нибудь еще дальше, она поручала старшим детям разные хозяйственные обязанности, но очень редко проверяла их. Если прежде она сосредотачивала внимание на близнецах, одевая их с маниакальной заботливостью — «наших последних малюток», то теперь она откровенно тяготилась ими, предоставляя добросердечной миссис Далн опекать их и слушать их несмолкаемую болтовню. Маленький Нийл, умный сообразительный мальчик, который в городе был очаровательно непосредственным, вдали от города стал болезненно нервным; тени вызывали у него дрожь, заставляли ежиться, даже если тень была его собственной; он все время дергал маму за руку, точно малыш, моля и хныча: «Оно здесь, оно приходит сюда, когда мы не смотрим, и оно прячется, а если зажечь свет, превращается в тень, и если обернуться, она обернется с тобой, так что его нельзя увидеть...» — путанно говорил Нийл о ком-то или о чем-то, которое, он был убежден, жило в Крест-Хилле вместе с нами. Мама раздраженно смеялась, говоря: «У меня нет времени для детских игр. Я не могу быть «круглосуточной матерью»!» Маленькая Эллен, зеркальное отражение своего брата, хотя чуть уменьшенное, с широко распахнутыми наивными карими глазами и привычкой сосать пальцы, тоже верила, что кто-то или что-то живет с ними в Крест-Хилле, но только днем оно невидимо. Эллен редко спокойно спала всю ночь; бедняжка плакала и металась в постели, но мама наотрез не позволяла ей спать с горящей лампой, и не только из-за того, что свет будет мешать спать Розалинде, с которой

Эллен делила спальню на втором этаже, но из-за риска, что он привлечет внимание к нам в темноте: «Крест-Хилл виден на мили вокруг. Мы осветим путь до самых наших кроватей».

Как-то раз Эллен совсем расплакалась, слезы градом катились по ее нездорово покрасневшим щекам, и мама в досаде, опустила перед ней на колени, крепко сжала ее худенькие плечи и слегка встряхнула девочку:

— Радость моя, не плачь, пожалуйста! На нас всех слез не хватит.

* * *

Особенно маму волновала и тревожила еженедельная газета «Контракер вэлли уикли», которую папа запретил нам читать — и ей тоже, но миссис Далн по маминой просьбе тайком приносила газету в Крест-Хилл. Большая часть газеты посвящалась обычным местным новостям; но первую страницу последнюю неделю заполняли все более и более пугающие заголовки: «ШЕСТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА ПРОПАЛА, ОБЫСКИВАЕТСЯ БОЛОТО». «ДЕВУШКА СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ НАЙДЕНА ИЗУРОДОВАННОЙ И ЗАДУШЕННОЙ В ПУСТОМ АМБАРЕ». «ТРУП ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ЮНОШИ ОБНАРУЖЕН НА ПОЖАРИЩЕ ПОСЛЕ ПОДЖОГА». Местные полицейские вели расследование этих преступлений, а также и других, которые могли иметь связь с этими; были задержаны несколько подозреваемых; мама читала газеты с увлечением и ужасом, не отрываясь, а потом говорила нам слабым взволнованным голосом: «Теперь вы понимаете, почему ваш отец и я не хотим, чтобы вы, дети, отправлялись в город одни? Почему вы не должны покидать Крест-Хилл, если нас нет с вами?»

Будто наши родители часто отлучались из Крест-Хилла — не чаще раза-двух в неделю. Пятимильная поездка до Контракера! Где, если нам выпадала удача, мы могли получить дозволение сопровождать маму, например, в супермаркет за какими-нибудь деликатесами, или в скверно пахнущую аптеку, где нас встречали грубые, любопытные взгляды, или в «Сире», или «Кей-март». Мы, Мейтсоны, те, которые никогда прежде не переступали порога таких серых и скучных мест. Стивен презирал эти жалкие прогулки, но Грэм и Розалинда в жажде хоть какой-то перемены обычно сопровождали маму. Они были строго предупреждены никуда от нее не отходить — не смешиваться с толпой незнакомых людей, но, разумеется они нарушали этот запрет, едва мамино внимание бывало чем-либо отвлечено. И они умоляли о разрешении посетить небольшую городскую библиотеку, и оно неохотно, но было им дано. Там, пока Грэм увлеченно пасса среди полок физической и математической секций, Розалинда, истосковавшаяся по общению со сверстницами, застенчиво разговаривала с девочками своего возраста; называла себя, объясняла, что она и ее семья здесь недавно и живут в Крест-Хилле. Контракерские девочки смотрели на нее с изумлением. Одна из них со смело малиновыми губами, грубовато привлекательная, сказала:

— Вы живете в Крест-Хилле? Там никто не живет.

* * *

Разгар лета. Теплый сернистый воздух, приносимый ветром с озера Нуар, обрек бедную маму на мигрени, все более жестокие.

Разгар лета. Пронзительный звон цикад на деревьях, когда температура дошла до тридцати градусов, натянул нервы бедной мамы как струны.

И были обманчивые звуки, как называла их мама — «жестокие обманчивые звуки» — странные вибрации, приглушенные голоса и смех в дальних комнатах Крест-Хилла; звонки телефона там, где не могло быть ни звонков, ни телефона. «Вероника? Вер-он-ика?» В знойный полдень на исходе июля на ухабистой дороге возник, подпрыгивая по рытвинам, серебристо-зеленый красавец «мерседес», который расплылся в воздухе, приближаясь к площадке перед домом, а перед тем ввергнул бедную маму в безумное волнение и панику. Она верила, что это, конечно, самая близкая подруга, которая не общалась с ней уже много

месяцев, приехала, чтобы увезти ее позавтракать в загородном клубе...

— А я не одета. Не приняла ванны. И поглядите на мои волосы!

Мама пришла в такое расстройство, что миссис Далн пришлось схватить ее и удержать в своих утешительных объятиях.

Не было никаких «мерседесов» перед домом, и не было никаких «мерседесов» на подъездной дороге. Однако Грэм упрямо утверждал, что тоже его видел. Он видел что-то серебристо-зеленое, неровно движущееся, имеющее форму машины; и стремительно исчезающее при приближении к дому.

* * *

Бедная мама. После фальшивой тревоги, вызванной ее подругой в «мерседесе», она несколько дней была совсем больна, совсем без сил. Затем сразу восстала со своего одра, полная энергии, когда папа сообщил ей, что через неделю ожидает в Крест-Хилле важных гостей, которые будут совещаться с ним о новом представлении его дела генеральному прокурору. (Он собрал новые данные, новые доказательства, сказал папа. Неопровержимые доказательства, что главные свидетели-доносчики в суде давали против него ложные показания. Неопровержимые доказательства того, что первоначальные обвинения, представленные против него предубежденным большим жюри, были абсолютно беспочвенными.) Мама вскричала:

— Нельзя, чтобы они увидели эти постыдные комнаты! Мы должны что-то сделать!

Конечно, она бы хотела заново отделать нижние комнаты, которыми мы пользовались, но на это не было денег. Вместо этого, повязав волосы веселеньким шарфом, в широких бумажных брючках и старой рубашке Стивена, мама провела домашнюю бригаду из миссис Далн и детей через несколько комнат, сосредоточив усилия для практических целей на утренней столовой с стеклянной стеной, выходящей на Овальный пруд: в ней папа намеревался принять своих коллег. Никто из нас уже много месяцев не видел маму полной такого молодого задора и энтузиазма, да нет — уже годы! Ее глаза, хотя и слегка налитые кровью, сияли. Цвет лица под коркой макияжа был свежим, юным. К концу двух дней заросшие грязью стекла в частых переплетах окон утренней столовой были протерты так, что солнечные лучи лились сквозь них без помех; паркетный пол был более или менее отчищен от многослойной пыли и натерт; длинный антикварный стол вишневого дерева был отполирован, а вокруг него расставлены десять красивых стульев, не одного гарнитура, но в хорошем состоянии. Старые ветхие шелковые гардины были сняты, и мама с миссис Далн, искусной швеей, ловко приладили на их место гардины, снятые с окон в другой части дома — из индийского ситца с ярким узором. Когда папа увидел, чего добилась мама и все мы, он оглядывал плоды нашего труда с искренним удивлением и благодарностью. Его глаза наполнились слезами.

— Вероника, как могу я тебя отблагодарить? И всех-всех! Вы сотворили волшебство.

В мальчишеском восторге он схватил руки мамы, чтобы расцеловать, и лишь на секунду помедлил, увидев, какие они белесые, какие худые и сморщенные, будто у старой женщины, от долгой возни с детергентами.

— Значит, ты меня любишь, Родрик? — спросила мама с тревогой, тоном, который нам, ее детям, внушил стыд. — Я хорошая жена тебе, несмотря ни на что?

Но, — бедная мама! — не прошло и нескольких дней, как все ее труды пропали даром.

Каким-то образом пылинки, частицы грязи и сажки снова проникли в углы утренней столовой. В ней повис кислый запах гнильцы. Лесные птицы, обманутые прозрачностью стекол, не воспринимали их, как препятствие, летели прямо в окно, ломая шеи; они лежали на полу скорбными кучками перьев. Дождь, проникавший в разбитые окна, загрязнил паркет, который к тому же вздулся, промочил и испачкал мягкие сиденья стульев. Даже яркие гардины из индийского ситца выглядели грязными и истрепанными, будто провисели тут многие годы. Мама металась, рвала на себе волосы, плакала. «Но... что произошло? Кто это

сделал? Кто мог быть настолько жесток?» Мы, дети, тоже были ошеломлены и расстроены; десятилетние Нийл и Эллен в ужасе жались друг к другу, твердо веря, что невидимое нечто, живущее в доме с нами, исчезающее, когда вихрем оборачиваешься, чтобы изловить его, злорадно устроило разгром. Розалинда была глубоко огорчена и рассержена, потому что она работала чертовски усердно, она гордилась результатами своей работы, помогая маме ради благой цели. Стивен молчал, думал, грыз нижнюю губу, будто приходил к какому-то решению. Грэм, с ухмылкой на худом капризном лице — ухмылкой притворного удовлетворения — сказал:

— Мама, такова судьба материальной вселенной — снашиваться, сходить на нет. Ты думала, что мы исключение?

Мама обернулась к нему и закричала:

— Я тебя ненавижу! Всех вас ненавижу!

Но ударила она только Грэма, оцарапав ему кожу под левым глазом острым краем изумруда в своем кольце.

Потом мама пошатнулась и упала. Глаза у нее закатились. Ее тело ударилось о грязный пол мягко, будто небрежно уроненный узел с одеждой. Мы, дети, глядя в ужасе на распростертую женщину, казалось, знали, что мама уже никогда не будет той, которой была раньше.

7. Жертвы

Местное мнение разделилось: рыскающий убийца был медведь, обезумевший от вкуса человеческой крови, едва ее попробовав; или же убийца был человек, просто обезумевший и подражающий поведению взбесившегося медведя.

На исходе июля нашли еще одну жертву: одиннадцатилетнюю девочку, задушенную и изуродованную в глухом лесу неподалеку от деревни на озере Нуар. А в начале августа семнадцатилетний парень, убитый страшными ударами по голове, с частично содранным лицом, был найден на краю кладбища в Контракере. Вся дрожа, мама бросала только один взгляд на газету с ее жуткими заголовками. «Одно и тоже, одно и тоже. Как погода». Не выразила она особого удивления или интереса, когда однажды утром местный шериф с двумя помощниками приехал допросить нас, неофициально, как они объяснили: опрашиваются все, проживающие в этих местах. Они почти все время провели с папой, который произвел на них сильное впечатление своим умом и мягкой обходительностью. Ничего не зная о профессиональных неприятностях Родрика Мейтсона они не могли и тем не менее называли его «судья», «ваша честь», и «сэр» весьма почтительно; ведь до столицы штата было триста миль, и тамошние скандалы, и борьба за власть для Контракера никакого интереса не представляли.

Со своей стороны папа был очень любезен с представителями закона. У них не было ордера на обыск, но он дал им разрешение обыскать парк и лес вокруг дома. Все мы, даже мама и близнецы, напуганные появлением полицейских машин, следили за ними из окон верхнего этажа. Мама сказала тоном, каким задают не имеющий ответа вопрос:

— Что они думают найти? Какие глупые люди!

А папа сказал с легкой улыбкой:

— Что же, пусть ищут. В моих интересах быть хорошим гражданином. А в результате им незачем будет возвращаться и снова нас беспокоить.

8. Второе появление: Нечто-Без-Лица

«Что я потерял: мое имя пользователя, мой пароль, мою душу.

Куда я должен бежать? Не ВРЖ. Ее не существует».

Такой будет прощальная записка Грэма, сначала напечатанная на его барахлящем компьютере, сливавшем слова в сплошные блоки бреда, букв, цифр и компьютерных значков;

а затем написанная дюймовыми заглавными буквами с таким гневом, что кончик грэмовского маркера протыкивал бумагу.

Он перестал думать о себе, как о Грэме Мейтсоне. Имя и фамилия внушали ему отвращение. «Грэм» — имя, данное ему, словно подарок, не принять который он не мог. «Мейтсон» — родовое имя, унаследованное, как судьба, не принять которую он не мог.

Семья считала, что он изменился, стал мрачным, даже еще более молчаливым и замкнутым с тех пор, как мама ударила его по щеке так унижительно на глазах у всех; с тех пор, как его лицо, юное, ошеломленное, закровоточило; с тех пор, как узкая рваная ранка запеклась в царапину, похожую на застежку-молнию, которая казалась — так странно, так противоестественно — всегда совсем свежей. (Сдирал ли Грэм струп, чтобы она оставалась такой? Если да, то машинально или когда ненадолго засыпал беспокойным сном.) Собственно, только Грэм знал, что причина была гораздо глубже.

В городской библиотеке Контракера он обнаружил в отделе «История долины Контракер» несколько старых переплетенных в кожу томов, десятилетия никем не открывавшихся, и из любопытства прочел страницы, на которых фигурировал знаменитый Мозес Адаме Мейтсон «текстильный фабрикант — борец за сохранение дикой природы», который построил Крест-Хилл, «одну из архитектурных достопримечательностей этой области»; он с изумлением узнал, что его прадед переплыл Атлантический океан четвертым классом из Ливерпуля (Англия) в возрасте 13 лет, не сопровождаемый хотя бы одним взрослым, в 1873-м; что он стал учеником на верфи в Марблхеде (Массачусетс), но вскоре перебрался на север штата Нью-Йорк, где в Уинтертерн-Сити построил первую из нескольких мейтсоновских текстильных фабрик; за десять лет он стал богатым человеком, на рубеже веков — мультимиллионером, в той эре, в которой такие агрессивные капиталисты, как Дж. Пирпонт Морган, Джон Д. Рокфеллер, Эдвард Гарриман и Эндрю Карнеги сколотили свои колоссальные состояния через монополии и тресты и благодаря систематической эксплуатации неорганизованных рабочих, в основном иммигрантов. Мозес Адаме Мейтсон никогда не был так богат, как эти люди, и не приобрел такой недоброй славы; тем не менее, как узнал Грэм, быстро проглядывая эти страницы, его прадед жестоко эксплуатировал своих рабочих; на его фабриках работали женщины, молоденькие девушки, даже дети за жалкие 2,50 доллара в неделю; многим его работницам было меньше двенадцати, а девочки шести-семи лет работали по тринадцать часов в день. Грэм прошептал вслух: «Тринадцать часов!» Ему ни разу не приходилось работать сколько-нибудь долго до безумств в утренней столовой под маминым руководством; да и тогда он трудился не больше двух часов, причем не слишком усердно. Он не мог вообразить: работать... тринадцать часов! Маленькая девочка среди грохочущего шума, в жаркой духоте или замерзая.

Грэм с ужасом прочел о «Пожаре в Южном Уинтертерне 8 февраля 1911 года» — одна из текстильных фабрик Мейтсона сгорела дотла, в огне погибло более тридцати человек, включая детей; в процессе следствия выяснилось, что фабрику не обеспечили достаточным числом выходов на случай пожара, и даже имевшиеся двери необъяснимым образом были почти все заперты. Грэм уставился на коричневую фотографию дымящихся развалин; возле стояли пожарные и разные другие люди, а на снегу рядами лежали укрытые брезентом трупы — так много! — а некоторые такие маленькие! Многие жертвы обгорели настолько, их лица настолько обуглились, что достоверно опознать их оказалось невозможно. *Тела без лиц.*

Грэм слепо поставил книгу назад на полку. Семейной истории ему было более чем достаточно. Значит, недаром его мучил болезненный стыд, что он Мейтсон и живет в разрушающемся Крест-Хилле; построенном, как он только теперь узнал, на костях таких невинных жертв.

Он решил ничего не говорить Розалинде и Стивену. Во всяком случае, не сейчас. Слишком омерзительным, слишком постыдным было это открытие. Грэм лелеял свой подростковый цинизм, но не хотел разделить его со своими более энергичными, более привлекательными сестрой и братом. Кто-то же должен оберегать ни в чем не повинных: им незачем знать слишком много.

* * *

Знала ли мама про Мозеса Адамса Мейтсона? Возможно, нет.

Конечно, нет.

А отец? Конечно, да.

* * *

Быть помеченным судьбой, быть проклятым — разве это также не значит быть особенным?

С той июньской ночи, в начале лета нашего изгнания, когда он увидел существо, которое назвал Нечто-Без-Лица, Грэм редко спал больше одного-двух часов подряд; часто он не раздевался и вообще не ложился в постель, потому что она стала для него местом мук и отчаяния. И теперь сон одолевал его днем парализующими припадками; не в силах его побороть, он впадал в глубокое кататоническое забытие, как новорожденный; потом внезапно просыпался, моргая, задыхаясь, а сердце бешено колотилось. (Он мог оказаться на грязном полу одной из закрытых комнат Крест-Хилла, или в штыковидной траве газона, не в силах вспомнить, как он оказался там. Иногда над ним наклонялся кто-нибудь из нас, крича: «Грэм, проснись же! Грэм, проснись же!») Бессонница Грэма все ухудшалась, и все возрастала извращенная гордость, которую она в нем вызывала. Он не мог довериться ночи, чтобы уснуть; он не мог довериться дню. Как он жалел, что не может сесть за компьютер и похвастать перед своими невидимыми друзьями в киберпространстве, что он в отличие от них всех, больше вообще не спит. Он упивался тем, что мама, погрузившаяся в себя, теперь совсем равнодушная к своим детям, понятия не имеет о его патологическом состоянии; и папа, казалось, нисколько этим не интересовался, если не считать ироничных окликов за обеденным столом, когда он клевал носом или не отвечал на обращенный к нему вопрос. («Сын, я с тобой говорю. Где витает твое сознание?» — спрашивал папа; и Грэм пытался вернуть свое сознание, свое мышление, как маленький мальчик может робко дергать нитку любимого змея, который унес высоко в небо непредсказуемый ветер, достаточно сильный, чтобы разорвать его в клочья. «Мое сознание! Мое сознание! Отец, вот оно!)).

Быть помеченным судьбой, быть проклятым — это значит понять, что ты особенный.

Грэм перестал верить, что наш отец может быть «спасен», что «справедливость» восторжествует. Он утратил веру в то, что мы когда-нибудь вернемся к нашей прежней жизни в городе; он перестал верить в то, что наша «прежняя жизнь» вообще когда-либо существовала. Как киберпространство, в котором он провел столько часов своей юной жизни, существует везде, но также и нигде. И нигде должно преобладать. *Это финальный закон природы.*

Теперь, когда маму Крест-Хилл сломал, теперь, когда папа со все большей маниакальностью уединялся у себя на верхнем этаже (запретном, как была запретна и спальня, для нас, детей: даже близко подходить воспрещалось), в доме воцарилось тихое смятение; будто последствия шока, но бесшумного, неопределенного шока, как бывает после того, как над тобой пролетит мощный реактивный самолет. Был август, пора жгучего, душного зноя; пора колеблющегося, дрожащего зноя; и частых гроз и зарниц; пора частых перерывов в подаче электричества, когда скверная проводка Крест-Хилла вообще выходила из строя и темнота длилась часами. Настал день, когда мы поняли, что мистер и миссис Далн перестали приезжать; мы словно бы знали, что им не платили много недель и они отчаялись получить вознаграждение за свою работу. Мама объясняла пустым, равнодушным голосом, словно говоря о погоде: «Они получают все, что им причитается. Папа выпишет им чек. Со временем». Мы спросили: но когда? (Нам было стыдно, что эта добрая пожилая пара, так заботившаяся о нас, будет обманута.) Мама только улыбнулась и пожала плечами. После «предательства», как она начала называть случившееся с утренней столовой, всякие эмоции

ее покинули. «Теперь это не мама, — с горечью думал Грэм. — Но тогда, кто же?»

По воле судеб важные посетители папы так и не приехали в то утро. Он ждал их весь день, и это был один из длинейших августовских дней. Сначала он ждал спокойно в свежееотглаженном голубом в полоску летнем костюме, белой рубашке и галстукe, проглядывая документы в аккуратных стопках на столе вишневого дерева; затем со все более возрастающим волнением у парадного входа в Крест-Хилл под мшистыми в разводах сырости неоклассическим портиком; по мере того как проходили часы и белесое дымчатое солнце летаргически сползало с небосклона, он снова обрел спокойствие с видом иронической покорности судьбе, глядя через заросшее травами пространство в направлении въездных ворот, как человек, слышащий дальнюю музыку, неслышную никому другому и, наконец, неслышную ему самому.

* * *

Ночь середины августа, дымчатый лунный свет; Грэм решил выследить своего брата Стивена, спрятаться в ожидании Стивена в болотистых травах в конце подъездной дороги. Он словно бы знал, что Стивен по ночам тайно уезжает из Крест-Хилла на своем велосипеде, не считаясь с требованием папы, чтобы больше никто из нас на велосипеде или пешком не смел туда отправляться без его разрешения. Грэма до дрожи восхищало, что его брат так своевольно не слушается нашего отца, но его одолевала зависть. «Куда он ездит? Кто его друзья? Это нечестно!» Стивен прятал свой велосипед в одном из амбаров, тайком смазывая его, отчищая от новой и новой ржавчины, производя починки; итальянский дорожный велосипед, хотя легкий и изящный, оказался на удивление прочным. Цепь грэмовского велосипеда скрепить не удалось, и ездить на нем было нельзя, но Грэм думал, что мог бы взять велосипед Розалинды; они со Стивеном могли бы поехать вместе... в Контракер?

И вот Грэм ждал Стивена, притаившись в высокой траве. Со всех сторон ночь наполнилась шипящим жужжанием ночных насекомых. Одни звенели в унисон, другие испускали отдельные пронзительные звуки, как визг пилы. Бессонницу Грэма, считал он, особенно усиливал лунный свет. Луна! Безжалостный глаз дразнит, подмигивает, зловеще светит на него — так далеко внизу. «И все-таки это талант — никогда не спать. Никогда не опасаться быть застигнутым врасплох». Грэм не сомневался, что будет бодрствовать, однако его заставил очнуться звук шагов, вибрация земли; он сел прямее, ошалело, на миг ничего не соображая, и увидел тогда, что мимо совсем близко проходит Стивен, или фигура, которую он принял за Стивена — думая, каким высоким, каким взрослым стал Стивен; все замечали, каким мускулистым стал Стивен за это лето, работая на воздухе с мистером Далном, окашивая и содержа в порядке огромный газон, который неотвратимо через несколько дней вновь зарастал травой по плечо и яркими лесными и полевыми цветами в буйстве плодородия. Грэм пробормотал:

— Стивен?.. Это я.

На него обрушилась мысль, что брат может отвергнуть его. Грэм большую часть лета угрюмо замыкался в себе, уклоняясь от частых дружеских попыток Стивена его развлечь. Грэм сказал:

— Стивен? Подожди. Можно мне с тобой? Пожалуйста...

Ему показалось странным, что Стивен, зная теперь, кто он, ничего не ответил. Странно, что он остановился так внезапно примерно в семи шагах от Грэма, руки приподняты у боков, поза напряженная, настороженная; лицо погружено в тень, неподвижно.

— Стивен?.. — Грэм бездумно шагнул вперед.

Увидев в этот миг, что фигура перед ним была не его братом Стивеном, но... Нечто-Без-Лица.

Грэм застыл, парализованный. Ведь ему могло казаться, что это был всего лишь симптом бессонницы, которой он столь роковым образом возгордился; кошмарная фигура перед ним — плод его воображения, его бред, «нереальная», а если и «реальная», как были

реальны зверства, о которых сообщалось в еженедельной контракерской газете, то не имеющая отношения к нему. У него не было времени позвать на помощь: существо ринулось на него, взмахивая руками, как может бить лапами медведь — свирепо и слепо; настолько тяжелее, настолько сильнее, чем Грэм, и Грэм был повален на землю, словно несмышленный малыш, а не тринадцатилетний мальчик.

Если не считать звуков ночных насекомых, все было погружено в тишину, потому что существо молчало, а Грэм не мог закричать, его дыхание оборвалось, едва Нечто-Без-Лица скорчилось над ним, там где он упал, осыпая ударами его незащищенную голову, царапая и терзая его лицо, срывая плоть с его лица, пока Грэм падал и падал в землю под буйными травами Крест-Хилла.

9. Сын-предатель

Второй раз за это лето нашего изгнания в Контракер, проснувшись утром, мы обнаружили, что наш брат Грэм исчез. И опять мы звали его, кричали его имя и искали; Розалинда сразу же повела нас на дальний берег Овального пруда — который к началу августа так обмелел, что превратился в черную, затхлую лужу грязи среди осоки и высохшего бамбука. Но, конечно, там никого не было. Никаких отпечатков в мягкой земле. Мы нетерпеливо кричали: «Грэм? Грэ-эм!», так как нам уже давно претило детское эгоцентричное поведение Грэма, которое всех нас выводило из равновесия. (За исключением мамы, которая спустилась вниз поздно утром в своем засаленном шелковом халатике, и неподвижно сидела в утренней столовой, слишком апатичная, чтобы хотя бы заварить чай, так что теперь за нее это делала Розалинда; ее выпцветший водянистый взгляд был невозмутимо обращен в нашу сторону.)

Сначала папа оставался относительно спокойным, хотя и был недоволен, что его рабочий распорядок оказался нарушен; затем, когда стало ясно, что Грэм действительно пропал, он присоединился к нашим поискам — двигаясь неуклюже, неуверенной походкой выздоравливающего, моргая от резкого летнего солнечного света, пока бродил по пояс в траве и отмахивался от комаров. Мы слышали его голос повсюду:

— Грэм! Я приказываю тебе вернуться! Сын, это зовет твой отец!

Он попеременно приходил в бешенство и пугался; его бешенство нас не удивляло, но его страх леденил нас ужасом, так как наш отец крайне редко проявлял эмоции, свидетельствующие о слабости.

Наконец Стивен обыскал заваленный стол Грэма, где наткнулся на загадочную записку, которую его брат так старательно вывел печатными буквами.

«Что я потерял: мое имя пользователя, мой пароль, мою душу.

Куда я должен бежать: не ВРЖ. Ее не существует».

Папу эти слова удивили, словно он не знал, что его тринадцатилетний сын способен на подобное красноречие. Недоумевающим голосом он спросил у Стивена, что означает «ВРЖ», и Стивен ответил неуверенно:

— Думаю, это означает «В Реальную Жизнь», папа.

А папа сказал:

— «В Реальную Жизнь»... но что это значит?

И Стивен сказал неохотно:

— «ВРЖ» — это киберпространственный термин, означающий... ну, все то, что есть, что не киберпространство.

Долгий напряженный момент папа обдумывал это пугающее объяснение; его бледные губы — края раны, — беззвучно шевелились. Потом он сказал:

— Так, значит, Грэм нас покинул. Он убежал. Отрекся от меня. Он утратил веру в меня, меня!

— Но Грэм мог заблудиться, — возразил Стивен. — И даже если он убежал, он ведь еще ребенок. Возможно, ему нужна помощь; надо сообщить в полицию.

А папа сказал категорично:

— Грэм — сын-предатель. И больше он мне не сын. Я никогда его не прощу, а вам остальным я запрещаю простить его или вступать с ним в контакт. Он отрекся от нас всех, от Мейтсонов. Мы должны исторгнуть его из наших сердец.

Прежде чем Стивен мог ему помешать, папа выхватил записку из его пальцев и энергично разорвал ее в клочки.

10. Пропавший брат

Вот так наш брат Грэм исчез из Крест-Хилла на исходе лета нашего изгнания в Крест-Хилл, и в полицию не было сообщено о его исчезновении, и никаких его следов не было найдено в разваливающемся старом доме или парке; хотя, не сознавая того, Розалинда часто высматривала его — или кого-то — слыша слабый, полный упрека голос, звавший «Розалинда! Стивен!», который, когда она замирала, напрягая слух, сливался с вечно дующим ветром. Розалинда бродила по дальним коридорам и комнатам старого дома, обнаруживая коридоры и комнаты, в которых никогда раньше не бывала; поднималась по скрипучим узким лестницам, заглядывала в чуланы, всматривалась в темные затянутые паутиной углы, где домашний хлам скапливался, будто мусор, выбрасываемый волнами на берег. А вне дома ее тянуло в старые обветшалые амбары, гнилые беседки, обвитые диким виноградом и глицинией, словно говорившие об ушедших романтических мгновениях, в высокие шуршащие травы парка, который расстился на акры и акры, будто внутреннее море. «Розалинда! Сти-вен! Помогите мне!» Однако облик Грэма уже бледнел в ее памяти, точно полароидный снимок на слишком ярком солнечном свете. А в доме не нашлось ни фотографий, ни снимков Грэма; оказалось, что почти весь семейный архив, сохранявшийся в альбомах, которыми с маниакальной ревностью занималась мама, пропал при переезде из города. И значит, если бы отец согласился сообщить в полицию об исчезновении своего сына, они оказались бы в очень неловком положении, поскольку не могли бы найти для полиции ни единой фотографии Грэма.

Розалинда тревожно рассматривала себя в мутных, пятнистых зеркалах Крест-Хилла. За длинное лето она выросла на дюйм или больше, ее стройная фигура округлялась, ее ноги были длинными, красивыми и неброско мускулистыми; она покрывалась золотистым загаром; в преддверии своего пятнадцатого дня рождения незаурядная, все более полагающаяся на себя девушка — но в этих старых зеркалах ее отражение выглядело бледным, дрожащим, испуганным, как отражение в подернутой рябью воде. И она исчезает? Или это всего лишь дефекты зеркал? Она заметила, что и Стивен в некоторых зеркалах тоже кажется неясным, расплывчатым, а близнецы, Нийл и Эллен, которые не только не подросли за лето, но словно бы съежились на дюйм-другой, почти не видны в них — только как колеблющиеся растворенные образы, точно плохо нарисованные акварели. Смыть грязь с зеркала, полировать его стекло не имело большого смысла, потому что амальгама осыпалась; как сказала однажды миссис Далн, когда они с Розалиндой старались отчистить зеркало, разводя руками в добродушном отчаянии: «Крест-Хилл такой старый!»

Как-то очень поздно вечером Розалинда и Стивен шептались в темном коридоре перед их комнатами, и Розалинда решила спросить Стивена, не начал ли он забывать их брата — Розалинда почти забыла самое имя Грэма! — и потому выговорила особенно четко «Грэм». Стивен ответил без запинки — может быть, слишком уж без запинки:

— Нет.

Тогда Розалинда спросила, не слышит ли Стивен иногда где-то вдали их имена, еле различимые, будто шелест ветра, а Стивен вздрогнул и признался, что да, он иногда слышит «что-то, не уверен, что».

— Но звучит, как голос Грэма, правда? — не отступала Розалинда, и Стивен сказал, словно сам долго размышлял над этим:

— Если он хочет, чтобы мы пришли к нему, так, черт возьми, каким образом? Мы же не

знаем, где он.

Они поговорили, понизив голос, о том, куда мог отправиться Грэм. Назад домой? В город? Но что он будет там делать? Жить у приятеля? Маловероятно. Ну а родственники — у мамы и папы их почти не было; родители папы давно умерли, а овдовевшая мать мамы снова вышла замуж и, живя в кооперативном доме в Сарасоте, Флорида, никогда никакого интереса к внукам не проявляла. Розалинда сказала, нахмурившись:

— Но ты думаешь, Грэм способен сам о себе позаботиться, прокормить себя?

И Стивен сказал:

— Мы все способны о себе позаботиться, если другого выхода нет. Мы могли бы найти работу. Мы могли бы быть независимыми. Мы могли бы учиться, но жить одни... почему бы и нет?

Розалинда сказала взволнованным вибрирующим голосом:

— Мы... могли бы? Думаю, я побоялась бы.

И Стивен сказал нетерпеливо:

— Наш прадед Мозес Мейтсон приехал сюда совсем один, когда ему было двенадцать.

И Розалинда сказала:

— Это тебе папа рассказал?

И Стивен сказал:

— Нет. Я прочел об этом в книге в библиотеке.

И Розалинда сказала:

— Но люди тогда были другими! Не думаю, что у меня достало бы сил и смелости.

И Стивен сказал, отходя, прижимая к губам указательный палец:

— Нет, ты смогла бы.

11. «Иммунитет»

Стивен прошептал вслух:

— Не могу поверить!

Он был слишком потрясен, чтобы остаться сидеть за столом в городской библиотеке Контракера, а потому поднялся на ноги и продолжал читать стоя, наклонясь над развернутыми газетами, в голове у него стучало, по лицу, точно слезы, стекали струйки пота. И он думал в тошнотном отчаянии: «Не могу поверить; я знаю, что это правда».

Эти ужасные сокрушающие заголовки. В запретных газетах, в номерах за прошлую зиму. На первой странице фотографии судьи Родрика Мейтсона и полдюжину других людей. Арестованы по обвинению во взяточничестве, коррупции, сговоре для препятствования полицейскому расследованию. Это были газеты Олбени, запретные для нас, детей Родрика Мейтсона. Ради них Стивен наконец пришел в контракерскую библиотеку, сознательно нарушая приказание отца.

Он утер с глаз слезы ярости, мучительного стыда. Только бы никто не заметил! Удивляясь собственной наивности, собственной глупости, из-за которых так долго медлил с поисками доказательств, хотя почти знал все эти месяцы, какими они окажутся.

* * *

«Надо было бы взять нож? Оружие для защиты?»

Каким-то образом Стивен этого не сделал. Вспомнив про нож, когда было уже поздно, когда он уже вышел из дома и энергично крутил педали своего велосипеда, уносясь прочь.

В эти томные летние ночи он начал тихо ускользать из руин Крест-Хилла. Не в силах уснуть или просто лежать на смятой простыне, слушая пронзительный ритмичный унисон ночных насекомых. Во влажной жаре середины и конца августа ветра почти не было, и все же Стивен слышал слабый, хнычущий, укоряющий голос, зовущий его: «Стивен! Стивен!»

Но когда он затаивал дыхание и вслушивался, голос исчезал, будто его и не было.

Наконец-то ускользнув из руин Крест-Хилла. Тайком!

Вызывающе катить на своем поджаром послушном велосипеде, который теперь устремлялся вперед по залитому лунным светом шоссе с жадной энергией дворняжки.

В первую ночь Стивен проехал мили две, прежде чем угрызения совести и тревога, что отец может обнаружить его отсутствие, заставили его повернуть назад. К тому же ему было страшно ехать дальше в темноте — туча, точно разрыв снаряда, затмила луну. Ну а нечто, которое видел его брат, или утверждал, будто видел, — Нечто-Без-Лица? Стивен не верил в существование подобного, однако вполне верил, что взбесившийся черный медведь начал охотиться на людей, раздраженный вкусом человеческой крови.

Во вторую ночь Стивен оставил позади, возможно, четыре мили, прежде чем повернул назад. От упоения у него перехватывало дыхание. «Оружие, нож... мне надо иметь, чем защищаться». Странно, как всякий раз, когда Стивен рисковал отправиться в ночное путешествие, он забывал захватить нож, даже перочинный нож; только когда уже катил по шоссе в глухом ночном одиночестве, летя между мрачными, затемненными душистыми полями и лугами, и лесистыми склонами, которые трепетали от неведомой, невидимой жизни, только тогда он вспоминал... «Мне может грозить опасность; я должен иметь, чем себя защитить».

Как он жаждал больше никогда не возвращаться в руины Крест-Хилла. Его сердце стучало в экстазе бегства. Тем не менее он, разумеется, всегда возвращался; он был ответственным юношей и ни в коем случае не покинул бы свою сестру, Розалинду, и близнецов Нийла и Эллен; не хотелось ему покидать и отца с матерью вопреки всему. Ведь он томился желанием верить во все, в чем клялся отец... «Потерпите ради меня, дети. Я спасу. Я спасу нас всех». Это же было правдой, верно? Не могло не быть правдой!

Вот так ночь за ночью Стивен возвращался домой задолго до зари; с головой, разламывающейся от утомления, и все-таки пронизанный радостью; мышцы плеч, рук и ног приятно пощипывало. Теперь было далеко не просто ездить на его велосипеде, дорогостоящем подарке папы и мамы ко дню его рождения, а на этой потрепанной, покрытой рубцами дворняжке, которая так уютно устроилась у него между ногами. Велосипед казался ему почти живым. Охотно летящим по ухабистому шоссе в слоистую стену теней, которые раздвигались, давая ему дорогу, будто гостеприимно его встречая. «Сти-вен! О, Стивен!»

И назад, спрятать велосипед под непромокаемым брезентом в густых кустах у шоссе. Поздравляя себя со своей находчивостью. Поздравляя себя, хотя он был мокрым от пота и содрогался всеми нервами, со своим бесстрашием. Он хранил велосипед у шоссе, чтобы легче было выскользнуть из дома и, нагнувшись, пробежать по заросшему травами парку, протиснуться через дыру в чугунной ограде и остаться незамеченным. А его могли бы заметить, если бы он ехал на велосипеде или вел его по Аллее Акаций.

Осторожность стала второй натурой Стивена.

Он спрашивал себе: «Было так же и с Грэмом?»

Он спрашивал себя: «Следую ли я путем своего брата? Воссоединюсь ли я с ним?»

Стивена ни разу не поймали на том, что он покидал Крест-Хилл по ночам. Как же странно было, как неожиданно и дерзко, что он набрался смелости ускользнуть оттуда днем.

Но к исходу лета бедная мама уже не бдела ни над кем из своих детей. Розалинда опекала близнецов, которые льнули к ней, как трех-четырёхлетние дети и никак не без малого одиннадцатилетние. «Бедный Нийл! Бедненькая Эллен!» — И Розалинда обнимала их, и целовала их, и пыталась ласково высвободиться из их отчаянных липких объятий. «Вы должны придумывать игры, чтобы самим себя занимать. Ну, пожалуйста!» Стивен, хотя любил братишку и сестренку, был с ними даже менее терпелив, чем Розалинда. Если они бродили за ним, пока он косил всегда сочно-зеленый, всегда буйно зарастающий газон, он некоторое время терпел их присутствие, а потом отсылал в дом, громко хлопнув в ладоши. «Вас Розалинда зовет! Ну-ка, марш отсюда!» Его глаза исподтишка косили на дом, на пустые сверкающие окна, из которых много недель назад могла выглянуть мама, проверяя, что он делает; или он поглядывал выше на таинственный третий этаж, откуда отец мог и сейчас

вести наблюдения.

Однако папа все больше отдалялся, запирался от нас. Он редко спускался вниз до начала вечера, а порой не появлялся даже и тогда. После вспышки ярости из-за предательского поведения Грэма, он больше никому не выговаривал. Ни единого гневного или брезгливого слова по адресу Стивена, хотя иногда за обеденным столом он саркастически упоминал «неряшливый, растрепанный» вид Стивена или подчеркнуто осведомлялся: «Сын, когда ты в последний раз мылся? Ты помнишь?»

И вот Стивен начал ускользать из Крест-Хилла даже днем. Занимаясь починкой на крыше амбара, например, он прыгивал на землю, пригнувшись бежал к шоссе, ухмыляясь до ушей, словно проказливый своевольный ребенок. И под брезентом его поджидал любимый велосипед; Стивену неизменно казалось чудом, что велосипед тут, в тайнике; он вспрыгивал на него и катил в сторону Контракера. Это казалось самым естественным, самым неизбежным поступком в мире, словно могучая сила влекла его в этот самый обыкновенный городок на берегах Блэк-ривер; бывшее средоточие текстильных фабрик, более экономически не процветающий; однако и не пришедший в полный упадок, как другие такие же городки в области гор Шатокуа, так как там успешно велись лесоразработки. Если прежде он презирал Контракер, как допотопный городишко, недостойный второго взгляда, теперь он радостно ходил по улицам, мощеным и немощеным; он улыбался прохожим и бывал тронут, что они улыбаются ему в ответ. Он был красивым, загорелым, симпатичным юношей с выгоревшими на солнце кудрявыми каштановыми волосами, которые падали ниже воротника, и искренним, прямодушным взглядом теплых карих глаз; но настолько лишенным тщеславия, что прекрасно понимал, каким его видят другие. Ведь когда он приезжал в Контракер с нашей матерью, сопровождая ее в напряженной экскурсии по магазинам, люди открыто глазели на Стивена; теперь, когда он был один, их взгляды, чувствовалось ему, обращались на него с острым любопытством, однако, насколько он мог судить, без всякой враждебности. Как-то днем, увидев мальчиков, судя по виду старшеклассников, играющих в софтбол, Стивен невольно остановился поглядеть; не прошло и часа, как его пригласили присоединиться к игре; и вскоре он уже свел знакомство с десятком контракерских ребят и девушек. Неуверенно он представился «Стивом», и только когда его спросили, где он живет, он сказал:

— В старом доме примерно в пяти милях отсюда... В Крест-Хилле.

Какой странный привкус оставило это название у него во рту, будто что-то запачканное.

Новые друзья Стивена переглянулись и посмотрели на него. Рыжий парень сказал с ухмылкой:

— Крест-Хилл? Черт, там никто не живет.

Другой парень ткнул первого под ребро и сказал быстрым шепотом:

— А теперь, значит, живут, понял?

Стивен улыбался и не позволил своей улыбке угаснуть. Он спросил:

— Кто жил в Крест-Хилле прежде?

Второй сказал:

— Прежде чего?

— Ну... пять лет назад? Десять лет назад?

Нахмурившись, ребята покачали головами. Крест-Хилл «всегда» стоял пустой, сказали они. Насколько кто-нибудь помнит.

В другие дни в Контракере Стивен искал работу. Почасовую — перевозка мебели, разгрузка товарных вагонов на станции железной дороги Баффало-Шатокуа, распиловка и укладка досок в штабеля в «Пиломатериалах» Маккерни. За лето он вытянулся почти до шести футов, его бицепсы и плечевые мышцы развились, налились силой; он был неизменно доброжелателен, никогда не жаловался, и любое место — кроме Крест-Хилла, где физический труд был равнозначен одиночеству — казалось ему приветливым и дружелюбным. Он очень нравился своим контракерским нанимателям. Он, казалось, знал (ведь Стивен был чуток, как любой Мейтсон), что весь Контракер говорит о нем; строит догадки; оценивает его. «Знает обо мне больше, чем сам я знаю о себе?» Как-то в конце

августа Фред Маккерни пригласил Стивена остаться поужинать у него, и вскоре Стивен обрел дружбу всей семьи Маккерни, включая Руфуса, их золотистого ретривера, который, пока Стивен сидел за обеденным столом Маккерни, не снимал головы с его колена. Еще имелась миссис Маккерни, которая отнеслась к Стивену по-матерински, будто знала его с пеленок; а еще восемнадцатилетний Рик, и шестнадцатилетняя Марлин, и несколько ребятшек помоложе; у Стивена голова пошла кругом от счастья: он совсем забыл, как можно беззаботно сидеть за столом, и есть вкуснейшую еду, и разговаривать, и смеяться, словно все это — самая естественная вещь в мире. «Это реальная жизнь», — думал Стивен.

И насколько другим был полусельский район, в котором Маккерны жили в большом белом, обшитом досками доме, среди похожих деревянных домов, хозяева которых разбивали огороды, выращивали фрукты, держали всякую живность. Повсюду вольно бегали собаки, дружелюбные, как Руфус. У шоссе в пыли что-то поклевывали петухи и куры. И ни одного супермаркета на мили вокруг — многие мили. Стивен пытался вспомнить свой прежний дом в столице штата, где никто не был знаком со своими соседями и где все ездили на машинах, мчась из одного места в другое и обратно, заторы на скоростных шоссе. Какой сумасшедшей представлялась теперь эта жизнь. Какой неестественной, словно увиденной в испорченный бинокль.

«Я не хочу возвращаться, — думал Стивен. — Я не вернусь».

Он мог поступить в контракерскую городскую школу, где училась Марлин. И Розалинда тоже может туда поступить. Их родители ни слова не сказали про школу; может быть, отец рассчитывал вернуться к своей прежней жизни до начала учебного года; какой самообман, какая слепота, какой эгоизм! Ведь, конечно, этого не произойдет, этого не произойдет, понял Стивен, еще очень, очень долго.

* * *

Часто наедине с собой, мечтательно думая о Марлин Маккерни, такой непохожей на девочек, с которыми он был знаком в столице штата, его одноклассниц в частной школе; Марлин, невысокая, веснушчатая, хорошенькая, но никак не красавица с журнальной обложки — никак не «та еще». Ее манера тискать Руфуса, ее манера подраивать Стивена, как она подраивала своего брата Рика, прохаживаясь на их счет и вгоняя обоих в краску. Он влюбился в Марлин, спрашивал себя Стивен. Или во всех Маккерни. Или просто в Контракер.

Стивен сердито утер глаза. Слезы смущали его.

Но ему так, так ее не хватало — жизни.

* * *

Еще Стивен тайно наведывался в маленькую городскую библиотеку Контракера и рылся в книгах на полках в отделе местной истории. Он тоже был потрясен, с отвращением читая про своего прадеда Мозеса Адамса Мейтсона. «Самого богатого фабриканта в долине Контракер», «выдающегося филантропа, стойкого защитника дикой Природы, который предоставил тысячи акров в горах Шатокуа для общественного пользования». Но был «трагический пожар» февраля 1911 года в Южном Уинтертерне, унесший жизни более тридцати жертв и искалечивший еще большее число их. Были бастующие рабочие, которых не допустили на фабрики, когда они хотели вернуться, и многочисленные примеры того, как профсоюзных активистов «разгоняли» охранники агентства Пинкертон. С особенным омерзением он читал о постройке «чрезвычайно честолюбивого и дорогостоящего архитектурного ансамбля в долине Контракер — Крест-Хилла». Массивное претенциозное здание из известняка в стиле английских загородных домов прошедших времен строилось восемь лет и обошлось в миллионы долларов. Еще до завершения постройки скончалась жена Мозеса Мейтсона Сара (о которой в этих статьях не было практически никаких

сведений). Мозес Мейтсон, говорилось в них, «порвал отношения» со своим единственным наследником, сыном, как и с большинством своих родственников; он жил в Крест-Хилле в «охраняемом уединении» восемнадцать лет, отшельником, умершим в 1933 году «при подозрительных обстоятельствах: расследование абсолютно исключило «самонанесение повреждений, повлекших смерть». Самоубийство! Стивен быстро перевернул хрупкую страницу рассыпающейся «Истории долины Контракер» — и обнаружил, что несколько следующих страниц были беспощадно выдраны. И к лучшему: у него пропало всякое желание читать дальше.

В другой раз Стивен занялся розысками среди старых газет других городов, главным образом столицы штата, и вновь к своему ужасу обнаружил сведения о своем отце, прежде ему неизвестные. Начиная с конца зимы пошли статьи на первых страницах с сухими разоблачающими заголовками: «ВИДНОМУ СУДЬЕ ШТАТА ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ В ДЕЛЕ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И КОРРУПЦИИ; МЕЙТСОН ОТВЕРГАЕТ ОБВИНЕНИЕ; МЕЙТСОН ДОЛЖЕН ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ БОЛЬШОМУ ЖЮРИ; МЕЙТСОН — ПРОКУРОР ДОГОВАРИВАЕТСЯ ОБ ИММУНИТЕТЕ; МЕЙТСОН ПОЛУЧАЕТ ИММУНИТЕТ, ДАЕТ ПОКАЗАНИЕ ПРОТИВ СВОИХ БЫВШИХ СООБЩНИКОВ; УЧАСТНИКИ КОРРУПЦИОННОГО СКАНДАЛА ПРИЗНАЮТ СЕБЯ ВИНОВНЫМИ». Стивен был сокрушен, узнав, что все было совсем не так, как объясняли нам, — что папа стал невинной жертвой зложелательности и махинаций других людей; на самом же деле папа вначале отрицал, что виновен в неоднократном получении взяток (в частности, речь шла об иска в пять миллиардов долларов за загрязнение окружающей среды, предъявленном одной из крупнейших химических компаний штата), затем внезапно признал обвинение и согласился дать показания против своих прежних сообщников в обмен на освобождение от судебного преследования. Папа не только не страдал безвинно из-за злопамятства своих врагов, как он утверждал, но, наоборот, с ним обошлись очень великодушно. Полная сарказма редакционная статья одной из газет Олбени сформулировала это кратко и выразительно: «МЕЙТСОН ВОЗНАГРАЖДЕН ЗА ВЫДАЧУ СВОИХ ДРУЗЕЙ».

В одном из майских номеров газеты Стивен прочел, что названный его отцом чиновник, занимавший высокий пост в правительстве штата и частый гость в доме Мейтсонов, застрелился в то утро, когда должен был начать отбывать восьмилетний тюремный срок в Синг-Синге.

Сведения, запретные для нас, известные всему остальному миру.

«Только я был слишком трусливым — слишком почтительным сыном — чтобы самому узнать».

Стивен одну за другой быстро рассматривал газетные фотографии Родрика Мейтсона. Ранние были наиболее знакомыми: по-юношески красивый мужчина, кажущийся много моложе своих лет, прядь волос небрежно падает на лоб, прямой искренний взгляд, обращенный в глаза смотрящему. После папиного ареста этот облик резко изменился. Теперь это был хмурый, злобный ожесточенный человек; снятый в момент, когда он кричал на телерепортера, когда спускался по ступеням суда в сопровождении полицейских, горбясь от стыда и позора, пытаясь заслонить лицо поднятыми руками с наручниками на запястьях. Родрик Мейтсон в наручниках! Папа — преступник! В первый раз реальность случившегося обрушилась на Стивена: колоссальность преступлений его отца, позор, покрывший имя Мейтсонов.

Стивен пригнулся к библиотечному столу, пряча горячее потное лицо в ладонях. «Не могу поверить в это. Я знаю, что это правда».

12. Лицо

В этот вечер поздно возвращаясь в Крест-Хилл, будто во сне, когда хочешь и не можешь сдвинуться с места, делаешь отчаянные усилия и остаешься парализованным; возвращаясь гораздо позже — после десяти, — чем когда-либо прежде, потому что остался поужинать у

Маккерни, и медлил, медлил, пока миссис Маккерни не стала уговаривать его переночевать у них, и ему пришлось пробормотать, что он не может — ему надо вернуться домой. И мистер Маккерни проводил Стивена до двери и настоял, чтобы Стивен взял с собой на всякий случай оружие для защиты — охотничий нож мистера Маккерни, охотничий нож с десятидюймовым лезвием, острым, как бритва. Стивен возражал — ему не нужно такое оружие, он не хочет такого оружия, но мистер Маккерни напомнил ему, как они говорили о зверских убийствах в долине, о том, что совершивший их до сих пор неизвестен, то ли сумасшедший, то ли взбесившийся медведь, и как бы то ни было, Стивену нужно иметь оружие для защиты и Стивен дал себя уговорить, неловко засунул нож в кожаном футляре за пояс и покатиł в ночь, туманно-лунную ночь сырости, жужжащих насекомых, комаров; а мистер Маккерни крикнул ему вслед:

— Доброй ночи, Стивен! Бог тебе в помощь!

Такое старинное напутствие, что Стивен улыбнулся или попытался улыбнуться, но он очень нервничал.

И вот так, крутя педали своего велосипеда по улицам Контракера и по темному шоссе, которое вело к Крест-Хиллу, и сердце у него забилося чаще, когда огни Контракера сменились чернильной безликой ночью лесов, которую луна лишь чуть подсвечивала смутно и сонно сквозь прозрачную пелену облаков; и как жужжание ночных насекомых у него в ушах: «Мейтсон отрицает обвинения! Мейтсон соглашается дать показания! Мейтсон получает иммунитет! Мейтсон вознагражден за выдачу своих друзей!» Глаза Стивена затуманивались, их щипали слезы; он пытался не обращать внимания на темные нечеткие силуэты у обочин, которые могли быть живыми существами в засаде; но только, конечно, это были кусты, молоденькие деревья; он пытался не замечать своего нарастающего страха; утром он тщательно смазал велосипед, но это утро теперь отодвинулось далеко-далеко в прошлое, это утро было дни, если не недели в прошлом. И как он посмел не возвращаться так долго, что будет с ним теперь? Голос донесся, слабый, укоряющий, где-то близко: «Сын-предатель! Больше мне не сын! Я никогда тебя не прощу!»

Стивен осознал, что уже некоторое время видит впереди у дороги вроде бы человеческую фигуру... или нет? Человек? Высокий, застывший в напряжении мужчина? Или вздыбившийся зверь? На этом пустынном отрезке дороги, где вблизи не было ни единого дома, а до Крест-Хилла оставалось более мили, Стивен судорожно сглотнул, крепче сжал ручки руля, ощутил кинжальный удар страха и принял мгновенное решение — не повернуть назад, но прибавить скорости и проскочить мимо таинственной неподвижной фигуры у левой обочины; он проскочит мимо нее справа, пригнув голову, ссутулив плечи в классической позе велосипедиста-гонщика, просто не обратит внимания на неизвестного — и все. Даже увидев уголок глаза, что этот мужчина или что бы это там ни было — словно бы сосредотачивается на нем, словно бы подстерегает его тут; тем не менее на лице не было видно глаз, Стивен не сумел различить ни единой черты. Нечто-Без-Лица! То, что видел, по его словам, Грэм, а Стивен сказал, что ему приснилось. Охваченный ужасом, однако придавшем ему силы, погнавшем адреналин по его жилам, Стивен не сбавил скорости и объехал фигуру, которая двинулась ему наперерез. Но он проскочил мимо! Он спасся!

И что-то обрушилось, тяжелый удар по его плечу, обжигающий болью, и он оказался под вращающимися колесами велосипеда, ручка руля упиралась ему в щеку; навзничь на земле, беспомощно отбиваясь, а Нечто-Без-Лица скорчилось над ним, терзало его, било, наносило злобные когтистые удары по груди, по затылку, по его незащищенному лицу. От ужаса не в силах позвать на помощь, Стивен откатился, пытаясь прикрыть руками голову и лицо; бешеное существо навалилось на него; Стивен к еще большему своему ужасу увидел, что лицо у него есть, но лишенное черт, багровеющая в мягких складках кожа, точно рубцовая ткань, крохотные дырочки на месте глаз, ноздри, примитивный рот, какой можно вообразить у моллюска, менее дюйма в поперечнике. Рот не для того, чтобы есть, а для того, чтобы высасывать. Стивен, борясь за свою жизнь, сумел вытащить охотничий нож из футляра — во всяком случае, нож оказался у него в руке, крепко сжатый; его надежный вес в его руке,

а он, Стивен Мейтсон, городской мальчик, прежде ни разу не держал такого ножа, а уж тем более в отчаянии не вонзал его в противника, неглубоко располосовав тому ключицу; и все же удар был настолько неожиданным, что существо не сумело защититься — оно явно привыкло расправляться с беззащитными жертвами меньше себя. Захваченное врасплох Нечто-Без-Лица на мгновение замерло, и Стивен вгонял лезвие в горло существа, все глубже, со все большей силой; колол, кромсал это горло и, видимо, рассек артерию, потому что на руку, на лицо и на волосы Стивена стремительным потоком хлынула жаркая темная кровь. Существо, куда более крупное, чем Стивен, упало на колени у шоссе, словно было ошеломлено, ничего не понимало; возможно, оно испытывало не боль, а только глубокое недоумение, точно верило в свою физическую неуязвимость, своего рода бессмертие, а теперь эта иллюзия рассеивалась, уносилась темными струями крови, остановить которую было невозможно. Издавая захлебывающееся бульканье, существо кое-как поднялось на ноги, прижало руки к хлещущей ране, оглушенно повернулось, совсем забыв про Стивена; и наконец, пьяно шатаясь, побрело к придорожным кустам и скрылось в них. Стивен тоже был оглушен, весь в крови и, пытаясь совладать с дыханием, смотрел вслед своему врагу с изумленным ликованием. Он спас себя! Он отшвырнул от себя Нечто-Без-Лица, и нанес ему смертельную рану, и спас себя!

* * *

В разваливающемся Крест-Хилле украдкой вверх по лестнице на второй этаж, где спали мама и отец; в Крест-Хилле сердце яростно стучало в его груди, не предостерегая, не требуя осторожности, но подгоняя его вперед! и вперед! и вперед! ибо это надо было сделать, это надо было осуществить, и он не смел повернуть назад — он должен был дойти до самого конца. И вот открывает дверь парадной спальни, и вот, затаив дыхание входит в эту комнату, в комнату, куда ему было запрещено входить, липкая еще теплая кровь Нечто-Без-Лица на его собственном лице, и в его волосах, и впиталась в его одежду, и смешалась с его собственной, так что Стивен знает, какой свирепый, какой наводящий жуть у него вид. И все же он осмелился включить свет, тусклую отливающую желтизной пыльную лампу на тумбочке. Он стоял перед огромной с балдахином кроватью своих родителей; однако в ней лежала только мама, на спине, неестественно неподвижная, и глаза ее были открыты; в атласной ночной рубашке, настолько выцветшей, что она стала серой; но другая сторона кровати; сторона отца, пустовала, хотя не очень чистые простыни были смяты. На подушке остался глубокий след его головы, вогнутая вмятина. Стивен смотрел и не был уверен, что он, собственно, видит.

Он прошептал:

— Мама?

Его рука протянулась, нащупывая; он осмелился прикоснуться к ней... к этому; легонько толкнуть гладкое обнаженное плечо, которое вместе с верхней половиной торса отодвинулось от затененной нижней половины, а также от шеи и головы; голова, лысая безликая голова манекена, скатилась с подушки, красивая левая нога отвалилась от туловища, словно ее суставы стали хрупкими от времени, и лежала под гротескным углом, перпендикулярно к бедру. Снова Стивен прошептал «мама...», хотя ясно видел, что перед ним неживой предмет: элегантный манекен из витрины, искусно сделанный, с довольно плоской фигурой, с фарфорово-гладким лицом, красивыми широко открытыми глазами, обрамленными до нелепости густыми ресницами. Парик манекена — мамины золотисто-пепельные, теперь седеющие, растрепанные волосы — был положен на тумбочку с очевидной заботливостью.

* * *

Красивое лицо отца, рельефная маска из какого-то изысканно-тонкого каучукового

материала, искуснейшего подобия человеческой кожи, с такой же заботливостью было положено на другую тумбочку; маска выглядела настолько живой, что Стивен при виде нее вздрогнул. Ее, казалось, вымыли, смазали каким-то бесцветным кремом, чуть ароматным, и наложили на гипсовое изображение мужского лица; эти глаза тоже были широко открыты, но выглядели более живыми, более человеческими, чем у манекена. Завороженный ужасом, с любопытством маленького ребенка Стивен протянул руку, чтобы прикоснуться к лицу указательным пальцем. Каким живым казалось оно на ощупь! Каким теплым!

* * *

И торопится потом разбудить Розалинду и близнецов, которые теперь спят у нее в комнате; впрочем, Розалинду, стонавшую в кошмаре, почти не понадобилось будить, оказалось достаточно вполголоса назвать ее по имени — Розалинда — и быстро-быстро уводит их из разваливающегося Крест-Хилла, и пешком по шоссе. Контракер всего в пяти милях впереди. У Стивена не было времени объяснять своим испуганным сестрам и брату, да в эти минуты даже слов не нашлось бы. Розалинда спрашивала Стивена шепотом, что случилось, поранился ли он, кто-нибудь его ранил, куда они идут, а как же папа, а как же мама, но близнецы, одурманенные сном, глотая рыдания, крепко держались за руки Стивена, ничего не спрашивали. И никогда уже не спросили.

П. Д. Кейсек Могила

Словно бы кто-то вдруг ее в плотную ткань замотал. Все, что ранее было обычным, знакомым, вдруг будто переместилось, перемешалось перед глазами.

Не испугайся она так — наверно, засмеялась бы. Странное такое чувство — и не то чтоб неприятное. Странное — и все.

И ведь все вроде слышишь — птицы над головой чирикают, скачут по толстым веткам, осенью раскрашенным. Не просто слышишь — каждый шорох, каждый свист, каждый чирк распознаешь. Чувствуешь — от речушки гнилью и влагой тянет, красиво бежит вода под обрывом, футах в двадцати, наверно, подальше. Ощущаешь — ветер шепчет, гладит, напоминает — милая, ты ж вообще-то домой идешь, ужинать пора! Знакомо, все знакомо. Все, что вокруг нее уже пять лет — всякий раз, как идет по лесной тропинке, на работу, с работы, — а как же, старший библиотекарь Брайнерской средней школы.

Одно и то же чувствуешь. Ощущаешь. Слышишь.

А видишь сейчас — что? Крошечную могилку.

И невидимая ткань обвивает все туже.

Пять проклятых лет — все по той же тропинке, через лес, одни и те же запахи, те же шорохи-писки. Так же меняются времена года. Ни черта не замечаешь. Ни черта не видишь.

Могилу не видишь.

Детская могила. Это она осознала как-то сразу, без всяких причин. Одинокая, позабытая-позаброшенная. Могила, вжавшаяся в сумеречную тень, съежившаяся на самом краю узенькой дорожки. Крошечный грязный холмик у потрепанного розового надгробия,

РОЗОВОЕ — ЦВЕТ ДЕВОЧЕК

почти разрушенного за много-много лет

ЗА СКОЛЬКО, ИНТЕРЕСНО

снегов, дождей и изморозей, за много лет, когда она и черт-те сколько еще людей преспокойно проходили мимо.

ЧТО Ж ЭТО ЗА МАТЬ, ПОХОРОНИВШАЯ СВОЕ ДИТЯ В ГЛУХОМ ЛЕСУ? ЧТО Ж ЭТО ЗА МАТЬ, СПОСОБНАЯ НА ТАКОЕ?

Плохая мать, думает Элизабет Хесс, глядя на могилу. **ОЧЕНЬ ПЛОХАЯ** мать.

— Я бы так не поступила. — Она почти кричит. — Я была бы хорошей матерью! Говорит — и понимает, что врет. Саму себя обманывает. Хорошая мать бы сразу могилу разглядела.

А она — нет.

Только сегодня.

Это она-то! Многому ребятишек в библиотеке учила, но главное: «Смотрите. Смотрите, чтобы рассмотреть мир. Не стоит брести по жизни вслепую. Замечайте каждую мелочь».

Красивые слова — и лживые слова. Пять лет говорила, пять лет — изо дня в день... а сама, выходит, ничего не замечала! Не смотрела! Брела вслепую туда-сюда. Под самым носом — могила. Пять несчастных лет жизни. Не видела.

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ.

Тоненькое всхлипывание пытается вырваться из горла Элизабет, но она не разрешает, не дает выхода, зубами впивается в пальцы, а у пальцев — застарелый запах сэндвичей с тунцом к ленчу, запах рыбьего жира, забивающий дешевую цветочную отдушку мыла в школьном женском туалете.

ГАРДЕНИЯ. ЭТО ФИРМА, В КОТОРОЙ ОТЕЦ РАБОТАЛ, ВЕНОК ИЗ ГАРДЕНИЙ НА ПОХОРОНЫ ПРИСЛАЛА. ЦВЕТОЧКИ — МАЛЕНЬКИЕ, БЕЛЕНЬКИЕ, А ЗАПАХ — ВСЮ ГОСТИНУЮ ЗАБИВАЛ. МАТЬ ВЗБЕСИЛАСЬ, СКАЗАЛА — СЛИШКОМ СИЛЬНО.

А на могиле — ни одного цветка. Только листья осенние, как покрывало истрепанное.

Элизабет смотрит — и передергивается. **ХОРОШАЯ МАТЬ БЫ ПОСТАРАЛАСЬ СОГРЕТЬ СВОЕГО РЕБЕНКА. ЖАЛЬ, НЕ ЕЕ ЭТО РЕБЕНОК — ОНА БЫ ТОЧНО ПОСТАРАЛАСЬ. ОНА БЫЛА БЫ ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ.** Она бы не в лесу могилу копала.

Вот уж нет.

Элизабет зажмуривается. До боли. Рука, судорожно теребившая верхнюю пуговицу плаща, падает. Это **НЕ НАСТОЯЩАЯ** могила. То, что она видела. То, что увидит снова, стоит глаза открыть. Просто камень, **ПОХОЖИЙ** на надгробие. А раньше не замечала, потому что замечать было нечего.

НЕ МОГИЛА ЭТО. НЕ МОГИЛА. НЕ...

Повторяла снова, снова и снова. Открыла осторожно глаза. Слов не осталось. Надежды — тоже.

Ладно. Пусть могила. Но может, могила животного?!

Да. Точно. Так и есть. Любимой собаки или кошки. Может, от старости умерла, может, под машину попала. Вот ее и похоронили. А может, не животное, а чья-то сломанная кукла?

Элизабет переводит дыхание. Ну конечно, детская игра. Или закопанное животное. Ни одна нормальная мать не похоронит ребенка так далеко... от **ВСЕХ И ВСЯ.** Одинокого. Покинутого.

Забытого.

ХОРОШИЕ МАТЕРИ ТАК НЕ ПОСТУПАЮТ. ХОРОШАЯ МАТЬ ВСЕ СДЕЛАЕТ, ЛИШЬ БЫ ЕЕ РЕБЕНОК БЫЛ ЗДОРОВ, И ВЕСЕЛ, И...

Стоп. Но если эта могила — детская игра, получается, какая-то мать — **ПЛОХАЯ** мать — разрешила своему ребенку преспокойно гулять по лесам?!

БЕЗЗАЩИТНОМУ!

И Элизабет, обернувшись, окидывает взглядом тропинку.

Дети **ЗНАЮТ** — играть в лесу не положено. Родители тревожатся, боятся уже много лет, помнится, даже когда она еще маленькой была, мать ей непрестанно твердила — в лесу опасно. Всегда так было.

Совсем недавно еще, в том ноябре, на второй день осенних каникул, Полли Уинтер из четвертого класса лодыжку сломала — играла в лесу в прятки с кузинами. Только сегодня утром Элизабет видела ее из окна библиотеки — почти год прошел, и до сих пор хромот, бедная девочка. Бедная, непослушная девочка.

Что-то промелькнуло в высокой траве, у корней клена с алой листвой, совсем рядом с **МОГИЛОЙ**

оврагом, и Элизабет прикусила губу. В ЛЕСУ НЕБЕЗОПАСНО. В ЛЕСУ ТОСКЛИВО. В ЛЕСУ ОДИНОКО... СТРАШНО ОДИНОКО.

И похороненный в могиле — кукла или щенок (ИЛИ РЕБЕНОК), — он ведь тоже один-одинешенек.

Элизабет миновала удобную тропинку, пошла по каменистой лощине — дрожь не отпускала. Как ни старайся ступать осторожно, опасно, по материнским советам, а все равно — нет-нет — и нога почти подвернется, почти соскользнет, и прямо воочию увидишь себя — валяющейся в грязи, изуродованной, с юбкой, задравшейся выше головы.

ПРЕКРАТИ!

Еще шагок, и еще — и Элизабет останавливается: очередной порыв ветра взметнул вокруг нее опавшие листья. ТАК ВОТ ЧТО ЗА ШОРОХ ОНА СЛЫШАЛА. Кроме нее, в лесу — ни души. Ни взрослых, ни детей. Некому было смотреть, как опустилась она на колени перед маленьким надгробием.

Розовый гранит в черно-серебристых крапинках. Ладонь приложить — холодный, края камня — гладкие, как шелковые, а выбитая надпись — такая стертая, что почти и не разглядеть. Совсем как первоклашка, великоватым карандашом выводящий старательно пропись, Элизабет кончиком пальца водит по буквам, выбитым в камне. Одна буква, другая...

Не детская забава. Не шутка. И не собачка лежит под этим гранитом.

М. О. Е. С. О. К. Р. О. В. И. Щ. Е.

«Мое сокровище».

Элизабет опускает руку. Садится на корточки, чувствуя, как рвется затяжка на левом колене, как петли идут дальше — вверх, до середины бедра.

Могила — настоящая... и раньше Элизабет ее не видела. Ладно. Но вот что целые поколения школьников, на которых она шикала, которых утихомиривала, тоже не замечали!

А уж они-то, Бог свидетель, замечали все ОСТАЛЬНОЕ. Все, о чем стоит пошутить во время часа самоподготовки. Лопнувшую водопроводную трубу в игрушечном магазине (надо же, все заметила), автокатастрофу (не очень-то), смешное облачко (все миленькое, розовенькое — красиво). Новый светофор, старые скамейки. Как падает с неба снег. Все, кроме могилы. Кроме того, что стоило.

Могила — настоящая могила — это слишком здорово. Слишком страшно. Об этом стоит поговорить.

И снова шорох. Не ветер. Прямо у нее за спиной. Громче. Ближе. Шорох. Стук. Шорох. Стук.

Шаги.

Элизабет оборачивается на шум. Заслоняет собой маленькое надгробие. Защищает. Так бы сделала любая хорошая мать... не мать ЭТОГО ребенка.

Кто здесь? — вопрошает она. БИБЛИОТЕКАРСКИМ голосом. — Кто это?

ШОРОХ, СТУК... а это что? ХИХИКАНЬЕ? Элизабет выпрямляется, переводит дыхание, перечисляет мысленно всех школьных хулиганов.

— Кенни Уисман, ты?

Блестящий мальчик, но — энергии много, дисциплины — никакой. Постоянно нарывается на неприятности, лезет на рожон — как будто существование свое так оправдать пытается. Маленькую могилу соорудить — игрушки невинные для парнишки, что едва ли не в открытую ее именует «мисс Херсс».

— Кеннет! Говори немедленно, это ты? Я ненавижу, когда за мной шпионят! — И Элизабет, не думая ни о чем — если над ней и смеются, плевать, — обвиняет руками надгробие. — Сейчас же извольте выйти, молодой человек, или я вынуждена буду позвонить вашей маме...

Синица пискнула — и стрелой пролетела мимо нее из кустов, и она закричала в один голос с птицей. И снова птичий писк, только уже ярдах в ста, не меньше.

— Глупость какая. — Она обернулась к могиле, она улыбнулась. — Сама себя напугала, вот глупо, правда?

Элизабет стряхивает с камня осенний лист. А может, никто, даже она, не замечал могилу, потому что только СЕЙЧАС суждено было найти ее ЭЛИЗАБЕТ? Может, могила просто ждала все эти годы, пока Элизабет будет готова ее найти? Найти. Заметить. Почувствовать.

МОЕ СОКРОВИЩЕ.

— Ты опоздала.

Элизабет аккуратно вешает на вешалку в прихожей сумку. Глубоко вздыхает, перед тем как ответить.

— Да, мама. Прости, мама.

Сколько ж раз она это говорила, да — мама — прости — мама, сколько себя помнит, вот в точности это, ни вариаций, ни модификаций, но сегодня, кажется, привычные слова поперек глотки встают. Впервые.

И заметила, какой старой, измученной выглядит входящая в столовую мать, — тоже впервые.

— БОГ МОЙ, что с тобой случилось? Только посмотри на свою одежду!

Не надо смотреть, держись... но Элизабет невольно опускает глаза, дрожь пробирает — в точности, как тогда, на могиле, холод словно сквозь поры пролезает, до костей доходит, до легких — так, что не продохнуть. Правда, кошмар. Подол юбки весь грязью забрызган, к колготкам погубленным, у самого левого колена, лист сухой прилепился. Три пуговицы на плаще оторваны — а она и не помнит, как и когда.

— Что с тобой случилось? — В голосе матери не волнение, обвинение, она тарелки на стол обеденный почти швыряет, потом, словно подражая Элизабет, внезапно судорожно хватается за пуговицы халата.

— Тебя... изнасиловали? — Холодные слова, злые, жестокие, вонзаясь, раны должны бы оставлять. — Я тебя предупреждала — не ходи через лес, Элизабет, но разве ты слушаешь — и вот результат. Какой позор! Да ни один мужчина теперь на тебя и не взгля...

Пальцы Элизабет нащупали оборванные нитки — все, что осталось от потерянной пуговицы.

— Да нет, мамочка, никто меня не насиловал. Просто... поскользнулась. Такая грязь была на тропинке. — Холод наконец убрался из легких, Элизабет сумела перевести дыхание, боль прочно угнездилась внизу живота. — Уже все в порядке.

— О. — Мать облегченно вздыхает, перестает мучить пуговицы, переводит внимание на блюдо. — Замечательно. Обед по милости твоей беспечности совершенно испорчен. Я стараюсь, чтобы все было вовремя, подать горячим, а ты ни о чем не беспокоишься, гуляешь сколько вздумается!

— Я не собиралась опаздывать, мама.

— Это не оправдание, Элизабет. Ладно, иди мыть руки, пока рагу еще больше не остыло. — Мать садится во главе стола и принимается раскладывать на тарелки исходящие паром груды мяса и овощей. — Если ты позволишь, дорогая, я не стану тебя ждать.

— Конечно, — Элизабет кивает и направляется в кухню. — Естественно, нет, мамочка. Я тебя и не прошу.

Мать бормочет в ответ суровое нечто, чего Элизабет предпочитает не расслышать.

Вода еле теплая, но ободранные ладони саднит. Она тщательно смывает грязь. Больно. Мать ей всю жизнь говорила: БОЛЬ — это единственное, чему можно по-настоящему доверять. Если долго не мучиться, ни черта не получится. Не стоило и стараться. То, что ты делаешь, должно быть тяжким.

ЕЕ МАТЬ НЕ БЫЛА ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ.

Боль в животе медленно перекачивается, потягивается, как котенок на солнышке, все время, пока Элизабет закрывает воду и вытирает руки. Ее мать даже не знает, ЧТО это значит — БЫТЬ ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ.

Элизабет вытягивает руки перед собой, напрягает пальцы, поворачивает ладони сначала вверх, потом — вниз. Пожимает плечами.

Бедные руки. Идеально чистые. Покрасневшие. Исцарапанные. Воспаленные нещадным мытьем. Два ногтя сломаны под немыслимым углом. Надо будет подрезать и подпилить, поскольку утром-то — библиотечный час для младшеклассников.

Старшие бы не заметили. Но маленькие... ДЕТИ... видят каждую мелочь. С детьми надо поосторожнее.

МОЕ СОКРОВИЩЕ.

Из столовой — позвякивание серебра о китайский фарфор: мать без слов дает Элизабет понять, что уж ОЧЕНЬ долго выполняет она такое простое дело.

Элизабет села к столу — нервное побрякивание и не подумало прекращаться.

— Ты забыла принести булочки, Элизабет.

Элизабет прижимает трясущиеся руки к животу, к боли внутри. ЕЕ МАТЬ — ПЛОХАЯ МАТЬ, НАДО ЕЕ НАУЧИТЬ, НАУЧИТЬ... Я не знала, что нужно, мамочка.

Материна вилка ударила о край тарелки — резкий, короткий звон...

— Как это на тебя похоже. Я полагаю, взрослая женщина, женщина, теоретически зрелая, могла бы потрудиться посмотреть, есть на столе булочки или нет, и предпринять что-нибудь по этому поводу... и без МАМИНОГО НАПОМИНАНИЯ. Элизабет, ты вообще ничего не замечаешь!

ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ — НЕ ЗАМЕЧАЛА.

Элизабет отправляется назад, в кухню, с невольной усмешкой.

— И, пожалуйста, не забудь масло, — стенает мать из столовой. — Ты знаешь, я люблю булочки с маслом. И джем принеси. Клубничный. А не мармелад, как вчера. На обед — клубничный джем. Мармелад — к завтраку. Кажется, не так уж трудно запомнить, я просто не понимаю, как тебе удастся постоянно путать.

Элизабет достает банку — сквозь стекло просвечивают ягоды, большие, ярко-красные (Я ПУТАЛА, ПОТОМУ ЧТО НЕНАВИЖУ КЛУБНИЧНЫЙ ДЖЕМ) — и опрокидывает ее в раковину.

— Ой!

— Что случилось?

— Мамочка, банка перевернулась, прости! — Банка мармелада приятно холодит ладонь. На поднос, вместе с булочками и маслом. — Я завтра новую куплю. И насчет кухни — не беспокойся, я после обеда все уберу. Намазать тебе булочку маслом, мама?

Мать взирает на нее со своего конца стола.

— Как можно быть такой неуклюжей?

Элизабет вопрос игнорирует, намазывает на булочку толстый слой золотистого мармелада.

— Мама, слушай... ты когда-нибудь про могилу в лесу слышала?

— Про что?

— Про могилу... в лесу, ребенок там похоронен. Возле реки. Тебе что-нибудь об этом говорили?

— Разумеется, нет. — Мать демонстрирует презрение к булочкам и маслу, гордо питаясь рагу. — Никаких могил в лесу нет. Почему ты вообще об этом спрашиваешь?

— Да особенно ни почему. — Элизабет подносит булочку с мармеладом ко рту. — Ходят какие-то слухи.

— На то они и слухи. Удивительно, как ты обращаешь внимание.

Боль внутри Элизабет поднялась из живота, коснулась сердца. :

— Сама удивляюсь, мамочка.

* * *

Мать на этот раз задержалась много позже своих обычных десяти вечера, не отправилась спать, кажется, просто из вредности. Шляется по дому в халате на ночную рубашку, в тапочках, НЕ ЖЕЛАЕТ убираться, несмотря на все намеки Элизабет.

ХОРОШАЯ МАТЬ ПОШЛА БЫ СПАТЬ, ЕСЛИ ЕЕ ПРОСЯТ. ХОРОШАЯ МАТЬ ЗНАЕТ, КОГДА РЕБЕНКА НАДО ОСТАВИТЬ В ПОКОЕ.

— Я буду знать, — шепчет Элизабет и осторожно достает свернутый грязный носовой платок, спрятанный на самом дне сумки. — Я буду хорошей матерью. Правда, Мое Сокровище?

Крошечный череп, нежный пушок каштановых волос, тонкая патина кожи. Поворачивается в поднятой руке Элизабет боком, точно подставляет щечку для поцелуя.

И Элизабет целует. Как любая хорошая мать.

Старая эта могила в лесу, ох, и старая. Маленькая ее обительница вот только что в прах не рассыпалась. Уж какой осторожной старалась быть Элизабет, и все равно, только прикоснулась к истлевшему детскому одеяльцу (РОЗОВОЕ, ДЛЯ ДЕВОЧКИ) — тело под ним треснуло.

Только череп спасти и удалось. Все. Ничего больше.

Но и этого хватит.

— Бедняжка ты моя маленькая. — И Элизабет видит, как от шепота ее детские волосики шевелятся, прямо пшеница на ветру. — Так долго была одна.

Снова целует. Малышка должна чувствовать себя любимой. Губы касаются высохшей кожи — совсем не так уж противно, не противнее любого поцелуя, какой ей приходилось на ком-нибудь запечатлевать. Если не брать в расчет могильную сырость и разложение, Ее Сокровище пахнет пылью... как любимая старинная книга.

Нет, все ж таки — не ДЕТСКИЙ это запах. Не должны дети книгами пахнуть. Должны — чем? Конфетами. Или цветами. Или?..

Элизабет улыбается. Встает. Несет дитя к своему комоду. Нежно сжимает Свое Сокровище в одной ладони, другой — судорожно роется в кипе трусиков и лифчиков, разыскивает то, на что однажды решилась. Купила. Спрятала. Много лет назад!

Флакон духов — нетронутый, невинно совершенный, ярлычок с ценой — не оторван. До сегодняшнего дня. Не любим. До сегодняшнего дня.

Аромат гардении заполнил комнату, стоило Элизабет вынуть белую пробочку. Но это ж — не то что похороны отца, сейчас гардении пахнут радостью. Она тихонько мурлычет. Она наклоняет бутылочку над лобиком Своего Сокровища — и одна прозрачная капля падает, висит на сухих волосах, как хрусталик, а потом вдруг — вторая капля, большая, непрошенная, мимо детской головки, прямехонько на льняную, прикрывающую комодик салфетку.

След остался. Целая полоска.

Элизабет — дыхание перехватило — от неожиданности выпускает бутылочку из пальцев. Флакон разбивается, умирает, истекая прозрачной кровью на комод.

Аромат гардений забивает комнату. Мать заметит. Мать догадается.

А виноват во всем — кто? Ее Сокровище.

— Плохая девочка, — шепчет Элизабет и, ухватив двумя пальцами маленький подбородок, сердито его треплет. Правое ушко отпадает, шелестит, точь-в-точь — увядший лепесток.

Да как же это можно — стать хорошей матерью для такого ребенка?

— Посмотри, что ты натворила. Ты можешь вести себя нормально хоть минуту?

Элизабет стряхивает мумифицированную плоть на пол и торопливо вытирает лужицу духов уже испорченной салфеткой. Воздух от аромата — густой, хоть ножом режь, ее чуть наизнанку не выворачивает, пока удастся выбросить мокрую ткань в мусорное ведро.

Так. Она перематывает тошноту. Заставляет себя дышать. Снова смотрит на малышку. Отпал еще кусочек кожи — теперь, кажется, надбровие.

— Да что ж мне делать с тобой?!

Не дожидаясь ответа, Элизабет обеими руками яростно встряхивает детскую головку. В черепе что-то хрустнуло — но нет, она не хочет обидеть Свое Сокровище, просто надо ж научить ребенка, что такое хорошо и что такое плохо, какая ж она иначе ХОРОШАЯ МАТЬ?

— Какая ж я мать, если не буду воспитывать тебя? — спрашивает Элизабет, и перестает трясти, и смотрит в запавшие, пустые глазницы. — Плохая мать, а я хочу быть хорошей. Обязана быть. Теперь, я надеюсь, тебе стыдно за весь этот кавардак? Уверена, стыдно.

Элизабет наклоняется, нежно целует сморщенный лобик.

— Да, солнышко, мама тебя прощает. Ладно. Теперь пора спать. И не возражайте мне... юная леди.

Да, вспоминает она. РОЗОВОЕ — ЦВЕТ ДЕВОЧЕК. ЕЕ СОКРОВИЩЕ — ДЕВОЧКА. Какое счастье. Всегда хотела девочку.

Ее Сокровище молчало. Даже не захныкало, когда Элизабет, самая настоящая хорошая мать, понесла ее к ящику со старинными куклами в дальнем углу, надо же подобрать ребенку подходящее тело, да, собственно, зачем подбирать, и так сразу понятно — из всей коллекции фарфоровых кукол, много лет, с детства собиравшейся, только одна и подходит — младенец с ангельским личиком, в кружевной, роскошной, длинной крестильной рубашечке.

Кажется, кукле более ста лет, кажется, безумных денег стоила, это мать ей так говорила... ну и что, НИКОГДА ЕЕ МАТЬ НЕ БЫЛА ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ, а Элизабет будет, вот так, и плевать ей, что там мать болтала.

И Элизабет разбивает кукольную головку о край ящика, озирает, улыбаясь удовлетворенно, кучку жалких фарфоровых осколков на полу.

— Смотри, золотко. — Она поднимает Свое Сокровище, чтоб той было лучше видно. — Смотри, прямо снежинки. А теперь — не дергайся, больно не будет, мама обещает.

Головка Ее Сокровища легко, без усилий насаживается на деревянный стержень, удерживавший раньше головку кукольную.

— Какая прелесть. — Элизабет тщательно выкладывает вокруг высохшей плоти оборочки кружевного воротничка, головка Ее Сокровища покачнулась, но самую малость, ничего страшного. — Ну посмотри, разве ты у меня не красавица?.. Да, ты мамина красавица!

И Элизабет целует, и обнимает, и напевает, и они вместе кружатся по комнате, по большой, уютной комнате, она тут с самого рождения жила, а теперь — теперь они вдвоем будут жить.

Танец обрывается. Мать зовет. Как всегда.

— Элизабет! Полночь уже! Сейчас же ложись... тебе же завтра на работу!

Элизабет останавливается — слишком резко. Головка Ее Сокровища наклоняется, подбородок почти упирается в расшитую кокетку рубашечки.

— Да, мама. Прости, мама, — кричит она матери, а потом — сердито — ребенку: — А ты сиди прямо. Леди не сутулятся. Не горбись, я сказала!

Элизабет чуть встряхивает Свое Сокровище. Теперь головка завалилась назад. Какая рассеянная девочка! Плохая девочка.

Нет, ЕЕ СОКРОВИЩЕ — далеко не сокровище, если честно. Может, потому ее и похоронили так далеко в лесу? Может, именно Элизабет и нашла могилу, потому что никому больше не под силу бы было управиться с таким капризным ребенком?

Нет, придется преподать Своему Сокровищу урок. Хорошая мать должна отучать своего дитя от дурного.

— Запомни, я делаю это только потому, что люблю тебя. — И Элизабет перекидывает свое сокровище через руку, лицом вниз, и заносит другую руку для крепкого шлепка.

— Я все сделаю, чтобы стать для тебя ХОРОШЕЙ матерью. Но уж тебе, моя дорогая, придется быть ХОРОШИМ РЕБЕНКОМ. Это только честно.

Элизабет прячет улыбку. Ее Сокровище слышит. Ее Сокровище поймет. ЭЛИЗАБЕТ — настоящая ХОРОШАЯ МАТЬ.

— Не бойся. — И ее занесенная рука опускается. — Мне сейчас будет гораздо больнее, чем тебе.

Не было. Потому что Элизабет уверяла, утешала себя — впереди у нее столько возможностей показать, какая она хорошая мать!

Сколько еще возможностей доказать...

Уильям Питер Блэтти Где-то там

Я гостил у южноафриканского племени на Маунт Эгдон и в дружеской беседе неосторожно произнес слово seleteni, что означает «привидения». Мертвенное молчание неожиданно воцарилось во всем собрании. Мужчины отводили взгляды, опускали головы, а некоторые просто поднялись и ушли.

Карл Юнг. «Психология и сверхъестественное»

Когда-то я боялась смерти. Теперь боюсь мертвых.

Почему я пришла в это место? Из одиночества? Гордости? Жажды богатства? Скрип половицы, случайный шум, приобретший цвет воздух — источники невыразимого ужаса. Дом ярко освещен, общество самое изысканное. Почему же я все время ловлю себя на желании втянуть голову в плечи? Просто потому, что тьма сгущается? Вряд ли. Столько раз я прикасалась к неведомому... это мое дело и призвание. Но на этот раз все по-другому: что-то неладно... что-то непоправимо худо, как вековая скорбь... как сам ад.

Дождь наконец перестал, выглянуло солнце, омерзительно, ненавистно красного цвета, балансирующее на краю света и готовое провалиться в пропасть. Я спрашиваю себя: чего мне опасаться? Слушай! Голоса. Шепот. Шепот, просачивающийся сквозь стены, как блевотная слизь с камней подземной темницы. Изнутри. Из самой глубины.

Иисусе, спаси и сохрани меня в эту ночь!

Из дневника Анны Троли; четверг, 20 часов 22 мин.

Часть 1

Глава 1

Зажав бледно-розовую телефонную трубку между плечом и подбородком, хмурая и злая Джоан Фриборд раздраженно рылась в бесчисленных блокнотных листочках с записками, словно пыталась отыскать ту, в которой объяснялся бы смысл жизни. Индикатор на второй линии призывно замигал. Джоан обреченно уставилась на него.

— Да, я уже слышала, что ты едешь, — бросила она капризным хриловатым голосом, в звучании которого человек с воображением услышал бы жалобные звуки шарманки, играющей под окном, перемежаемые хлопаньем мокрого белья, вывешенного сушиться на крыше.

— И что из этого! Вечно ты все забываешь, Терри! Надеюсь, хотя бы запомнил число и время?

Немного послушав невидимого собеседника, ока поджала губы и швырнула листочки на стол.

— Знаю, знаю. Запиши: вечер пятницы, в шесть ровно. И не вздумай тащить с собой чертовых псов! Пока!

Она ткнула кнопку налившегося кровавым светом индикатора.

— Да, Фриборд у телефона.

И тут же брезгливо наморщила нос.

— Поторопиться?

Переступив с ноги на ногу, она рассеянно потербила себя за серьгу-подвеску, чудовищное изделие авангардной моды из камешков и голубых бусин. В свои тридцать

четыре она могла позволить себе короткую стрижку с челкой. За кукольным личиком с растерянными голубыми глазками, обрамленным белокурыми прядями, скрывались стальная воля и бульдожья хватка.

Но сейчас она была явно выведена из себя и, недоуменно подняв брови, выпалила:

— Список кондоминиумов в Гринвиче, Гарри? В современном стиле? Да ты шизанулся! С тех пор как та леди, что срубила денег на поваренной книге, купила особняк в стиле Тюдоров, всякий яппи¹ требует нечто «аутентичное», иначе говоря, темное, сырое, угнетающее и к тому же готовое в любую минуту рухнуть. Слушай, иди и посоветуй леди с поваренной книгой построить дом из стекла. Что-нибудь круглое, или треугольное, или в форме блюдца, чтобы имело такой вид, словно только что приземлилось в центре Гринвича. А потом поговорим, идет? И действуй побыстрее, мне некогда.

В комнате бесшумно возникла немолодая секретарша. Типичная брошенка: унылый вид, волосы стянуты в тугий пучок, недавно разведена. Фриборд протянула ей набросок рекламного объявления, прошептав одними губами:

— "Таймс".

Секретарь кивнула и улетучилась. Фриборд, с жалостью глядя ей вслед, покачала головой.

— Нет, четверг для меня несчастливый день, Гарри, — мрачно заметила она. — Как насчет «никогда»? «Никогда» тебя устроит?

Она отвела душу на несчастной трубке, злобно швырнув ее на рычаг.

— Тупой, занудный, спесивый болван! — сообщила ей Фриборд. — Я уже кинула тебя однажды! Какого же хрена ты снова лезешь?

Схватив со стула жакет и сумочку, она выскочила из кабинета, разрешила секретарше не слишком спешить в офис после обеда и, пройдя через аркаду Трамп Тауэр, вышла на Пятую авеню в оглушительные вопли и гудки застрявших в пробках машин. Хорошо еще, что небо затянули тучи и для мая день выдался не слишком жарким.

Ей почти сразу же удалось поймать такси.

— Куда, леди?

Фриборд поколебалась, глядя прямо перед собой. Что-то ей не по себе. Какое-то смутное предчувствие. Чего именно? Интересно, удастся ли вспомнить, что ей приснилось этой ночью?

— Так куда едем?

— Куда-нибудь подальше, — пробормотала Фриборд.

— Подальше?

Она слегка опомнилась; подбородок с ямочкой вызывающе вздернулся, словно у непокорного ребенка.

— Ист-ривер драйв семьдесят семь, — велела она. Такси рванулось вперед, возвращая ее мысли в привычную, годами наработанную схему ее жизни-сна.

— Здесь, — уверенно определила она полчаса спустя.

Фриборд стояла в медленно всползающем вверх строительном подъемнике вместе с супружеской парой из Хинсдейла, штат Иллинойс, намеревавшейся приобрести подходящий кондоминиум на Манхэттене. Оба спокойные, задумчивые, в красных строительных касках на белоснежных, как песцовый мех, волосах. Фриборд поправила свою каску и завершила:

— Ничего новее вы не найдете.

Коротышка-лифтер кивнул. Сгорбленный, морщинистый, чем-то напоминающий сказочного гнома, в рваном мешковатом сером свитере, он широко улыбался, обнажая беззубые десны.

— Лучший вид во всем городе. Гляньте — мост Уильямсбург да и вся река под нами. Слай Сталлоне собирается здесь поселиться. Я сам видел его вчера.

Здание безраздельно царило над Ист-ривер. Супруги хотели чего-то новенького, они уже рассмотрели старых квартир, выставленных жильцами на продажу.

¹ Прозвище молодых, честолюбивых, стремящихся к богатству людей, перен. мещане.

— Интересно, почему это, — проворчал муж, — во всех этих роскошных апартаментах, которые стоят к тому же до небес и выше, все парадные комнаты — хоть сейчас на выставку, но стоит сунуть нос на кухню или в ванную — с души воротит?

Оказалось, что в доме напротив Музея естественной истории хозяйская спальня освещалась всего одной лампочкой, даже без абажура, подвешенной на ржавой проволоке к закопченному, с отвалившейся штукатуркой потолку. В другой квартире душевая кабинка была вделана прямо в стену спальни: хозяйка использовала ее для хранения обуви, зато в третьей свободного места не было от огромных картин в массивных багетовых рамах, изображавших обнаженных мужчин и женщин, поглощенных к тому же весьма странным занятием: каждый, сжимая в руке шприц, старательно делал себе инъекцию.

— Вероятно, владельцы — диабетики, — мягко предположила жена.

— А здорово от тебя пахнет.

Фриборд тупо уставилась на лифтера. Тот пялился на нее, словно осененный внезапной догадкой.

— Персиковая пена для ванн, — бесстрастно пояснила она. Аромат исходил от ее шеи.

— И серьги премилые, — кивнул он.

— Спасибо.

— Эй, Эдди, остановись же, ради Бога! Сколько тебя ждать! — вопил взбешенный рабочий, колотя в дверь подъемника.

Но крошка лифтер как ни в чем не бывало отмахнулся:

— От вас, парни, воняет дерьмом! Несет, спасу нет! А со мной приличные люди! Загадите мне тут все!

— Ну, мать твою, Эдди, попадись только, за все заплатишь, — пригрозил работяга.

Пара из Хинсдейла квартиру одобрила. И тут случилось нечто из ряда вон выходящее: стоя у окна и дыша известковой пылью, рассеянно глядя при этом на моторную лодку, взбивавшую белую пену на мутной речной воде, Джоан Фриборд, неутомимый ловец фортуны, вот уже много лет непобедимый «Риэлтор года», совершила немыслимое.

Круто развернувшись к покупателям, она вдруг спросила:

— Уверены, что хотите жить в большом городе? Он такой уродливый, грязный и перенаселенный!

Иисусе, что это я несу?

Она снова посмотрела на моторку. Что-то в ней такое...

Джоан наморщила лоб. Что? Она не знала. Пора давать обратный ход.

— Как насчет кондоминиума в Гринвиче?

Непонятное ощущение преследовало ее, буквально не давая дышать. Уже к концу дня, когда сделка была благополучно завершена (слава Небесам, не сорвалась!), а бумаги подписаны, Фриборд отчего-то отправилась в последнее кафе-автомат на Манхэттене, где, усевшись за бежевый в крапинку столик, набросилась на бобы с дымящимся рисом и смела все так быстро, словно не ела неделю. Взяв из открытой миски горсть лимонных долек, предназначенных для охлажденного чая, она выжала их в стакан со льдом и холодной водой, добавила сахара, как часто делала в дни бедной юности, и запила еду. Рис и бобы приятно грели желудок, а если бы она не наелась, можно было наполнить чашку горячей водой, посолить, добавить кетчупа из бутылки на столе, размешать и получить вполне съедобный томатный суп.

Зачем я делаю все это?

Фриборд пожала плечами и вгляделась в ряды стеклянных окошечек, за которыми стояли тарелочки с едой. Опустить монетку — получай конфетку... то бишь жратву. Интересно, остался ли у них горячий яблочный пирог с ромовым соусом? Когда-то давно мартовский ветер швырнул ей в лицо долларовую банкноту. Как же она пригодилась! Да где же пирог? У нее в желудке осталось место как раз для кусочка!

— Вы часто сюда приходите?

Фриборд подняла глаза на бомжа, сидевшего напротив. Откуда его черт принес?

Жирные седоватые волосы до плеч, старая, чересчур широкая армейская шинель, засаленная джинсовая рубашка и штаны-хаки.

— Смахиваете на актрису. Пробовали просматриваться? Я ассистент. Набираю актеров, — заверил бомж. От него несло винным перегаром и помоечной вонью. Большой палец с обломанным ногтем выглядывал сквозь дыру в кроссовке.

— И продюсер тоже, — непринужденно добавил он.

— Ну да, а я все думаю, кого вы мне напоминаете? Дэвида Селзника, разумеется.

— Напоминаю? Откуда такой тон, малышка? На кого хвост поднимаешь? Поимей хоть немного уважения. Покажи класс. Вижу, у тебя нет денег на хавку. Я мог бы помочь.

— Судя по вашему виду, вам самому не мешало бы немного подкинуть.

Что-то мелькнуло в глазах бомжа... некое смутное воспоминание о прошлой жизни. Залихватски выдвинув челюсть, он подался вперед.

— Ничего, — победно ухмыльнулся он, — мы еще повоюем.

Сдержав сочувственную улыбку, риэлтор полезла в голубую кожаную сумочку, выудила что-то из бумажника и сунула бомжу.

— По-моему, вы уронили это, мистер Селзник.

— Сотня?!

Фриборд встала и пошла к выходу.

— Минутку, — окликнул бомж.

Риэлтор оглянулась.

— Я беру за интервью две сотни.

Фриборд кивнула, почти с любовью озирая бомжа... ничего не скажешь, родственная душа.

Перед глазами промелькнула картина из давнего прошлого: в дупель пьяный папаша хлещет по щекам ее, тогда шестилетнюю малышку.

— Ну, сучка? Будешь делать, как велено?

— Нет!

— Молодец, старина, — одобрительно кивнула риэлтор. — Не сдавайся! И не позволяй всяким ублюдкам вколотить тебя в землю!

И, решительно повернувшись, вышла на оживленную улицу, где разом окунулась в рычание грузовиков, визг тормозов, тявканье автомобильных рожков; мечты, злоба, обиды, зависть и страхи торопившихся на пригородные электрички словно приливной волной смыли мучительные мысли, туманившие мозг — словно батарейку зарядили привычной энергией, той самой, которая отличала ее, Джоан Фриборд, дитя-женщину, вечного борца, девизом которой было «сражаться или умереть».

Сражайся или умри.

Этой ночью в пентхаусе Джоан на Сентрал Парк Уэст стояла тишина. Слышалось только шарканье мягких кожаных шлепанцев по полу из лакированного дубового паркета: это риэлтор в махровом туго подпоясанном темно-зеленом халате бродила по комнатам, обдумывая любопытнее предложение, сделанное ей несколько дней назад.

— Я не ослышалась? Вы сказали, двадцать процентов?

— Совершенно верно.

— И в чем тут подвох?

— Никакого подвоха. Мой клиент желает иметь все самое лучшее. А лучший риэлтор — это вы.

— Но вы сами утверждали, что там уже много лет ничего не случалось.

— Так оно и есть.

— В таком случае пустите его в открытую продажу и сбавьте цену. Какая проблема?

— Репутация дома. Мрачные воспоминания и дурные слухи умирают медленно, миссис Фриборд. А у людей долгая память.

— Мисс.

— Мисс. Прошу об одном — хорошенько подумайте.

— Обещаю.

Наконец Фриборд подобралась к маленькому круглому столу из некрашеной сосны в углу своего кабинета, отделанного панелями вишневого дерева. На столе валялись карта, несколько распечаток и снимков массивного особняка, словно припавшего к земле на одном из островков на реке Гудзон. Фриборд сунула руку в карман, извлекла оттуда зажигалку и пачку «Кэмел», закурила. Глубоко затянувшись, она поднесла к глазам фото и покачала головой. Ничего не выйдет. Пустая трата времени. Этот чертов дом — словно декорация к фильму ужасов.

Мрачный, как-то странно вытянутый, из обветренного серого камня, с остроконечной крышей, зубчатой оградой и узкими амбразурами, он напоминал древний шотландский замок. Нечто вроде Гламиса.¹ И там, и здесь одинаково зловещая атмосфера, и такие же конические башни, как злобное воплощение дьявольских мыслей.

Фриборд вздохнула и разжала пальцы. Снимок с едва слышным шелестом приземлился поверх остального бумажного мусора. Жаль, что эта куча дерьма не находится в Гринвиче! Она продала бы его за неделю, получив кучу бабок!

Однако она почему-то медлила, не спешила отойти от стола: слишком велико было искушение принять вызов, хоть на несколько дней избавиться от тоскливой скучной обыденности существования. Только ты, Храбрый Портняжка, и никто другой!

Краем сознания она отметила треск автоответчика: запись ее обращения... пауза... короткие гудки. Должно быть, Гарри.

Фриборд покачала головой и перевела взгляд на черную кожаную папку, содержащую историю дома. Она всего лишь наспех ее пролистала: с самого детства Джоан страдала легкой дислексией,² результатом зверских побоев алкоголика-отца, недоедания и непрерывных пропусков школьных занятий. Чтение было для нее тяжелым трудом. Большую часть контрактов составлял за нее помощник. Поэтому она знала о доме только то, что ей сказали: построен в 1937 году доктором, зверски убившим жену и сразу же после этого покончившим с собой.

Фриборд погладила кожаный переплет. На обложке большими черными буквами выведены слова, которые могла без труда прочесть даже она.

ГДЕ-ТО ТАМ

И тут же вспомнился обрывок сна: странное, незнакомое место. Смертельная опасность. Кто-то пытается спасти ее, некое светящееся существо вроде ангела-спасителя Кларенса в фильме «Эта чудесная жизнь». Во сне он назвал свое имя... что-то очень известное... громкое... она попыталась припомнить, но не смогла.

Звонок, щелчок автоответчика. Фриборд наклонила голову, вслушиваясь. Не Гарри. Элль Редмунд, жена Джеймса Редмунда, прославленного издателя журнала «Вэнитис мэгезин».

— ...ужасная наглость с моей стороны, но давний приятель неожиданно свалился сегодня на голову, а мы скорее умрем или объявим голодовку, чем пропустим вашу сказочную вечеринку. Не будете возражать, если мы...

Фриборд уронила папку на стол, придавила сигарету в пепельнице, закурила другую и вновь принялась с мрачным видом шастать из комнаты в комнату, словно легкий, не выпускающий изо рта сигарету призрак, приговоренный к вечным скитаниям в одном из идеально устроенных роскошных коридоров ада. На стенах — ни одной личной фотографии, ни следа прошлого, никаких указаний на пристрастия, воспоминаний о тяжелых временах. Но время от времени она останавливалась перед маленькой картиной Моне или миниатюрой

1 Замок Макбета.

2 Неспособность к чтению.

Пикассо — не с тем, чтобы полюбоваться красотой или тонкостью живописи, нет. Только обрести некоторое утешение в огромной стоимости того или иного шедевра. Постояв немного, она снова принималась бесцельно болтаться по дому, пока наконец усталые ноги не привели ее в огромную кровать с мягкой периной. Плюхнувшись прямо на покрывало, Джоан бесцельно усталилась в зеркальный потолок. Что же все-таки делать с проклятым домом?

За стеной с шипением раскрылись двери лифта, в скважине повернулся ключ. Это вернулись после выходного дня Антония и Джордж, живущие у нее слуги.

Не отвлекайся, Фриборд, думай! Ну и сволочная же заморочка!

Ничего, она справится.

Она сама не заметила, как заснула. И видела во сне отца, голого, пьяного, гнавшегося за ее школьным ухажером. А потом снова появился ангел, великолепный, высокий, с огромными крыльями, только вместо лица — белое пятно. Она ждала за столом в «Палм», узкой, убогой бифштексной на Восточной стороне Манхэттена, а ангел, склонившись над молодой красивой темноглазой женщиной, внимательно записывал заказ. Внезапно, подняв глаза, он встретил взгляд Джоан и резко предупредил:

— Садитесь на поезд. Моллюски небезопасны.

— Как вас зовут, черт возьми? — завопила ошарашенная Фриборд и проснулась от собственного крика. Застонав, она потянулась к будильнику. Шесть утра.

Можно еще поспать. Слишком рано.

Она снова повернулась на спину и стала таращиться в потолок. «Моллюски небезопасны»? Что это все значит? Ну и чушь!

Мысли снова вернулись к особняку. Агент, которому владельцы поручили продажу, объяснил, каким образом она в любое время может осмотреть дом.

Джоан так и подскочила. Сегодня!

* * *

Переодевшись в удобные джинсы, ковбойские сапожки и белый свитер, Фриборд уселась за руль зеленого «мерседеса»-кабриолета с опущенной крышей, переехала мост Джорджа Вашингтона и направилась вдоль реки Гудзон к Крейвн Коув, крохотной малонаселенной деревушке, откуда добралась до острова катером. У штурвала стоял владелец и матрос в одном лице: угрюмый худой старик лет шестидесяти, с просоленным морщинистым лицом и прищуренными глазами того голубовато-серого цвета, который встречается иногда у морских раковин. Пока они пробирались через пласты утреннего тумана, матрос не выдержал и поинтересовался, уж не собирается ли она жить в том доме.

— Что? — переспросила Фриборд, не расслышавшая его за ревом двигателя.

— Я сказал, вы собираетесь жить *там*?

Несколько мгновений она смотрела в выпцветшие «джинсовые» глаза, потом повторила про себя название катера, вышитое на бескозырке старика: «*Far Traveler*».

— Нет, — обронила она наконец, вновь отвернувшись. Катер причалил, но старый лодочник не подумал сойти на землю. Облокотившись о борт, он закурил пенковую трубку и провожал глазами Джоан, шагающую по старым доскам причала, пока она не зашла в дубовую рощицу и не исчезла из виду. Сам не зная почему, он поежился. Что-то его тревожило. Непонятно только что.

Фриборд тем временем шагала по усыпанной гравием дорожке, выходящей через заросли, которая примерно через четверть мили привела ее к крыльцу. Подойдя к торчавшему у двери почтовому ящику, она набрала комбинацию цифр, извлекла ключ и огляделась. За деревьями поблескивала вода, желтел прибрежный песок, а вдали в солнечном мареве сверкали изломанные неровные бесконечные очертания Манхэттена, даже отсюда выглядевшего строгим, деловым, утилитарным — воплощением истинно урбанистических тенденций. Ничего зловещего или сверхъестественного.

Джоан внимательно взгляделась в зловещую серую громадину особняка.

«Прекрасно, — подумала она. — Он словно прикрыл свои проклятые зенки и не смотрит на меня. Пока гребаная лачуга не сделала ничего дурного».

Дыхание реки принесло сладкий ярко-зеленый древесный аромат, земля и небо были абсолютно спокойны. Джоан услышала негромкий скрежет ключа, проворачивавшегося в замочной скважине. Она нажала еще раз; дверь отворилась, и Фриборд вступила в изящный холл со сводчатыми потолками. За приоткрытыми дубовыми дверями виднелась огромная гостиная с бесформенными силуэтами мебели, прикрытой белыми чехлами, призванными оберегать ее от солнца и пыли. Владелец — наследник первого хозяина — вместе с женой и двумя маленькими детьми последние три года безвыездно жил во Флоренции, и на сдававшийся в аренду особняк не нашлось ни единого охотника. Никто не желал купить эту усадьбу и поселиться здесь. *В доме с привидениями.*

Сосредоточенно поджав губы, Фриборд лениво проследовала в комнату и, подбоченившись, осмотрелась. Высокие потолки поддерживались перекрещивающимися балками в стиле старого испанского монастыря, а посреди стены зияло жерло гигантского очага. Она прошла вперед. Каблуки сапожек глухо стучали по пекановым половицам весьма произвольной ширины. Фриборд обошла комнату, стаскивая чехлы, и к собственному удивлению обнаружила, что мягкие стеганые диваны и стулья обиты приятной тканью пастельных тонов, а сама гостиная приобрела уютный вид. Обстановка включала игровой столик, стереоаппаратуру и кабинетный рояль «Стейнвей», гостеприимно сверкающий в свете неумолимо жизнерадостных солнечных лучей, проникавших сквозь готические окна, как огненное благословение какого-то надоедливое святого. Так где же кентервильские привидения, летучие мыши, вампиры и ведьмы? Где Кристофер Ли¹ и долбаные «Фанжетт»?²

Фриборд заглянула в ломившуюся от книг библиотеку с камином и миновала было широкую, плавно изгибающуюся лестницу, ведущую в спальню и холл второго этажа, но тут же замерла, обнаружив под лестницей нечто вроде ниши. Подобравшись поближе, она обнаружила резную дубовую дверцу, в самом центре которой грязной угрозой скалилась рожа горгульи с широко открытым в злобной ухмылке ртом и яростно выпученными глазами.

— Ну и хренотень, — тихо пробормотала Фриборд и, схватившись за медную ручку, попыталась открыть дверь. Не тут-то было. Заперто.

Тин-н-нь!

Едва слышный звук прорезал тишину, как приглушенный аккорд фортепьяно. Фриборд медленно повернулась и посмотрела на «Стейнвей», почти ожидая увидеть кого-то, сидящего за роялем. Ей говорили, что к дому пристроено несколько крыльев, где размещаются комнаты и отдельная кухня для слуг. Возможно, здесь живет кто-то вроде экономки. Нет, вряд ли, иначе она увидела бы. Ни одной живой души, кроме нее.

Джоан подошла к роялю, подняла крышку и, не присаживаясь, наиграла несколько тактов песенки «Сделай счастливое лицо». Завершив мелодию лихим проигрышем, она подняла голову и громко сообщила:

— Это для тебя, крезанутый дом!

И замерла, наострив уши.

— Что бы придумать, чтобы хоть кто-то захотел прийти и посмотреть на тебя?

Дом не ответил.

Прекрасно. Так тому и быть.

* * *

Погруженная в невеселые мысли, она вернулась на Манхэттен, поручила машину заботам швейцара, поднялась к себе и, устроившись в кабинете, принялась стаскивать сапоги.

— Добрый вечер, мадам, — поздоровалась горничная.

¹ Актер, игравший Дракулу в одноименном фильме.

² Канадский сериал о вампирах.

- Привет, Антония.
— Миссус где-нибудь ужинает сегодня?
— Нет. Я поем в семь.
— Хорошо, мадам.
— Передай Джорджу, пусть сделает мне мартини по-каджунски.¹
— Да, миссус. Что-то еще?

Фриборд стянула наконец сапожок, отшвырнула и, нахмурившись, уставилась на горничную.

- У тебя усталый вид и мешки под глазами. Плохо спала?
— Не слишком хорошо.
— Тебя что-то беспокоит?
— Нет, миссус.
— Уверена, Тони?

— Да.

— А мне кажется, ты слишком много работаешь.

Горничная безразлично пожала плечами и отвела глаза.

— Завтра вместе с Джорджем возьмете выходной, Тони.

— О нет, миссус.

— Да, миссус. Делай как велено. И знаешь, я не очень голодна. Сделай сэндвич, ладно? С чем хочешь. И пусть мартини будет двойным.

— Хорошо, миссус. Сейчас. Минуточку.

Уже немолодая горничная, великолепно смотревшаяся в синей с белым униформе, поклонилась и отошла. Фриборд участливо посмотрела ей вслед и, сняв второй сапожок, отбросила его, с наслаждением вытянула ноги и пошевелила пальцами.

Господи, до чего здорово!

Рассеянно вперившись в невидимую точку на стене, она снова вспомнила об особняке, но тут же решительно мотнула головой. Нужно дать мозгам роздых.

Она откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза, но тут же услышала знакомый щелчок автоответчика. Снова жена издателя, Элль Редмунд.

— Привет, дорогая, получила мое сообщение? Не важно, забудь, оказалось, что наш гость не приедет. Но все равно спасибо, Джоанн. Увидимся в пятницу вечером. Снова щелчок.

Несколько минут в комнате слышалось лишь неровное поверхностное дыхание. Внезапно глаза Фриборд широко раскрылись, в одном из тех таинственных озарений духа, где бессознательное торжествует над реальностью и во вдохновенном порыве дарит разуму откровение. Именно это и произошло с Фриборд.

Вот оно! Вот оно! Теперь она знает, как продать дом!

— Ваш мартини, миссус Фриборд.

— Спасибо, Тони. Передай Джорджу, на вид мартини просто идеальный.

— Да, миссус.

Фриборд взяла стакан, но пить не стала. Она строила далеко идущие планы.

Не всякое прозрение дается легко.

* * *

На пятничной вечеринке Фриборд, как всегда, царила оживленная атмосфера и было полно народу: драматургов, политиков, администраторов крупных компаний, модных моделей, просто светских людей и даже мафиози, словом, тех, кто когда-либо покупал у нее недвижимость. Правда, хозяйки с полчаса не было видно. Она исчезла вместе со своим гостем, Джеймсом Редмундом, а когда появилась вновь, на лице ее играла довольная усмешка.

¹ Житель южных районов штата Луизиана, потомок французов, насильно переселенных из Канады.

Пункт первый грандиозного плана был успешно выполнен.

* * *

В следующий четверг, когда Анна Троли, известнейшая и прославленная британская дама-экстрасенс, пила чай, уютно устроившись у камина, принесли каблограмму от совершенно незнакомой особы, американского риэлтора, некоей Джоан Фриборд. Анна Троли, только что переступившая сорокалетний рубеж, обладала неяркой, но бесспорной красотой. С овального личика, своими изящными чертами напоминавшего камею, смотрели небольшие влажные карие глаза, мерцавшие непонятной, неуловимой и невысказанной тоской. Анна словно бы смотрела внутрь себя, пытаясь разглядеть и определить источник этой скорби. Рядом с ней на маленьком столике тикового дерева громоздились почта и свежие газеты. Поверх лежал свежий экземпляр «Таймс». На стене висели несколько памятных фото, в том числе то, где она была снята вместе с королевой, заголовок газетной статьи в рамке, гласивший: «ЗНАМЕНИТАЯ ЭКСТРАСЕНС НАХОДИТ УБИЙЦУ», снимок хорошенькой девочки с ямочками на щеках, которая то ли благодаря ретуши, то ли искусно нанесенным на черно-белые тона пастельным тонам казалась затерянной в ином измерении. Под открытым окном, еще на одном столе лежала пластиковая магическая досочка с хаотически разбросанными словами и буквами.

— Мэм?

Троли повернулась к недавно нанятой горничной, смазливой молоденькой девушке.

— Что, Пита?

Горничная протянула небольшой круглый серебряный поднос. Анна рассеянно уставилась на глубокий белый шрам, терявшийся в правой брови девушки, неизвестно почему гадая, связано ли с ним какое-то трагическое событие или просто несчастный случай.

Ну разве это ее касается?

Разом отрешившись от неуместных мыслей, Анна взяла с подноса квадратный темно-желтый конверт. Внутри оказалась каблограмма, содержащая то самое послание. Кто знает, была ли прямой или извилистой та, определенная роком тропинка, навеки связавшая судьбы Анны Троли и Джоан Фриборд?

— Спасибо, Пита.

— Не за что, мэм.

Горничная тихо вышла. Троли пересчитала странички каблограммы. Целых шесть!

Внимательно прочитав до конца, она опустила листочки на колени, откинула голову на подголовник кресла и закрыла глаза. Внезапно налетевший бриз принялся играть с кружевными занавесками. Чуть пониже, вероятно сдвинутая резким порывом ветра, коническая стеклянная планшетка соскользнула с центра досочки кверху и остановилась прямо на слове.

Это слово было «нет».

Глава 2

— На тот случай, если ты еще не успела заметить, я уже восемь месяцев как мертв. Мертв, но не похоронен.

Высокий, аристократичный, утонченный Теренс Дир с демонической внешностью байроновского героя не глядя ткнул кистью сначала в желтую краску, размазанную по палитре, а потом в холст и с отвращением оглядел залитую солнечным светом студию с взмывающими в небо потолками.

Путем коварных интриг и долгих уговоров Джоан Фриборд удалось наконец пробраться в его дом на Файр Айленд, но толку от этого пока не было.

— С тех пор как Роберт навсегда ушел из моей жизни, — скорбно объявил он своим бархатным баритоном, — я не написал ни слова. Сердце окаменело.

— Фак, фак, фак, — пробормотала Фриборд. — Дерьмо!

Дир вытер палец, вымазанный красной краской, о блузу художника, натянутую поверх футболки и выцветших черных джинсов, и устремил трагический взгляд голубых глаз на риэлтора, ухитрявшуюся одновременно курить и возбужденно метаться по комнате. Стук высоких «шпилек» эхом отдавался от дубовых дощечек паркета и растворялся где-то в высоте. Сизое облако дыма повисло в воздухе, и она раздраженно смахнула его с дороги.

— Это обложка «Вэнитис», Терри! *Обложка!!!*

— Давай без эквивоков, — оборвал великий писатель. — От Джеймса Редмунда тебя воротит. Он козел, зануда, говнюк, но, к сожалению, принадлежит к тому элитному кругу вонючек, которые постоянно твердят, как обожают преодолевать трудности, словно жизнь на блуждающей звезде, несущейся через пустоту и расталкивающей кометы и астероиды, недостаточно опасна, не говоря уже о торнадо, смерти, болезнях, войнах и землетрясениях. Но несмотря на все это, ты его трахнула.

— Я уже сказала, это бизнес и ничего более.

— Работаешь на мафию, драгоценная моя, забыв о благе человечества?

— Х... тебе в задницу, Терри, да отцепись же!

— Дорогая, тысячи уже пытались сделать это, но только сотням повезло!

Риэлтор, стряхнув невидимую пылинку с шикарного синего костюма от Армани, прикрыла рот ладонью и закашлялась.

— Пора бросать курить, — выдохнула она, моргая заслезившимися глазами, и поспешно сунула сигарету в пепельницу из большой белой раковины. — Слушай, сколько раз повторять, что обычно я сама терпеть не могу подобных штучек.

— Не совсем, — упрямо буркнул Дир.

— Он издатель и, следовательно, делает что хочет, — объяснила она, нервно разминая несчастный окурок.

— Где и когда ты совершила этот омерзительный акт?

Фриборд рухнула на стул у окна, скрестила руки на груди и мрачно уставилась на писателя.

— Иисусе, Терри, да ты мог бы сляпать это за неделю!

— Где и когда? — настаивал Дир.

— В пятницу, после ужина. В моей ванной.

— В твоей *ванной*?

Фриборд слегка пожала плечами.

— Ничего страшного. Мы включили воду на полную катушку.

Писатель оценивающе воззрился на нее с таким многозначительным прищуром, словно определял расстояние до далекой звезды. В маленьких зеленых глазках — ни малейшего признака стыда или вины. Обычный, ничего не выражающий взгляд, разве что чуть выжидающий. Интересно... ее душа — словно открытая книга, а сама Фриборд проста и примитивна, как тележка универсама, решил он.

— Да ты мог натяпать долбаную штуку за час!

Примитивна, но уж коли вцепится, клещами не отдерешь.

— Ну а теперь проверим с самого начала, — бесстрастно начал Дир.

Фриборд театрально закатила глаза.

— Опять за свое!

— Тебе предложили эксклюзивные права на продажу «Где-то там», — невозмутимо продолжал он, — но беда в том, что в доме, похоже, водятся привидения и...

— Ничего подобного! Там уже много лет все спокойно. Просто дом приобрел эту чертову мороз-по-кожную репутацию...

Лауреат Пулитцеровской премии в области литературы туго уставился на нее.

— Мороз-по-кожную?

— И нечего придирается к словам, я не писатель.

— Ты преступница. Уломала Анну Троли, экстрасенса с мировой славой, известного

доктора Гэбриела Кейса, профессора Нью-йоркского университета и признанного авторитета в подобных вещах, на такую авантюру! Итак, эти двое и мы с тобой проводим несколько ночей в доме, и пока Троли и Кейс купаются во всяческих флюидах и эманациях, я наблюдаю за ними, старательно все записываю и разражаюсь омерзительно лживой статьей об отсутствии в доме всяких признаков потусторонних сил, призванной запудрить мозги потенциальным покупателям. Твой ванный инкуб с трубкой и собственным журналом ее печатает, репутация особняка, как у жены Цезаря, — вне подозрений, ты его продаешь и становишься еще богаче, чем была, и шикуешь на грязные денежки. Надеюсь, я все точно изложил, о мой Ангел Недвижимости?

— Мне предложили тройные комиссионные, Терри. Это долбаная цифра с шестью нулями!

— Неужели нужно непрерывно употреблять непечатные слова, бесценная?

— Нужно!

— В таком случае ты могла хотя бы произносить их на французский манер: «делбен», «фе-е-ек» или что-то в этом роде, — упрекнул Теренс, рассеянно разглядывая картину: вихреобразную мешанину разных оттенков ярко-желтого.

Фриборд, потеряв терпение, вскочила и приблизилась к нему.

— Ты у меня в долгу, Терри!

Терри поднял кисть и нацелился в холст.

— Ну вот, началось. Психическая атака на мою больную совесть.

— Отрицаешь, что обязан мне?

— Зигмунд Фрейд убил бы за такой дар.

Фриборд протиснулась между мольбертом и Терри и вызывающе подбоченилась.

— Ты смеешь это отрицать?

Теренс опустил глаза на свои ярко-красные теннисные туфли «Найк» и, покачав головой, вздохнул.

— Нет, не отрицаю, — признал он. — Я бесконечно тебе благодарен. Сколько бессонных ужасных ночей ты провела рядом, подставляя плечо, когда мне это больше всего было нужно, плечо, не подбитое ни тайной завистью, ни злобой, ни ложью. Ты честна, верна и преданна, и единственное живое существо, которому я могу полностью довериться, моя Джоан, и к тому же совершенно непредсказуемое. Но боюсь, что в этом случае должен разочаровать тебя отказом.

— Ради всего святого, это не более чем газетная статья, Терри! Какое отношение имеет разбитое сердце к гребаной статье?

Теренс с некоторым недоумением воззрился на нее.

— Типа того, что это как бы не книга, верно? — пояснила она.

— Не книга, — глухо подтвердил он.

— Тогда к чему этот взгляд?

— Какой взгляд?

— *Такой.*

— Пытаюсь отыскать источник твоего зловещего коварства.

— Что? О чем ты? Что значит «зловещее»?

— Все, относящееся к национальному правительству! — рявкнул Теренс, принимаясь рисовать.

— А, это что-то вроде «голубой» шуточки?

— Если желаешь.

— Брось, Терри. Перестань ломаться и напиши статью.

— Мне очень хотелось бы, но это невозможно.

— При всем при том, что дерьмовая сделка чертовски важна для меня?

— Да.

— И все из-за какого-то фе-е-екинг амбала-тяжеловеса, которого ты подобрал в парке, пока тот кормил стероидами несчастных голубей? Не вешай мне лапшу на уши!

— Моя дорогая Джоанн, дело не только в Роберте, — снова вздохнул автор.

Фриборд подозрительно нахмурилась: и в манере, и в голосе приятеля было нечто уклончивое.

— Тут много чего еще, — добавил он.

— Да неужели?

— Именно.

— Может, все-таки выложишь все начистоту?

— Я бросил писать.

— Как это?

— Бросил, и все. Навсегда.

Фриборд схватила за лоб и театрально воскликнула, как ей казалось, на французский манер:

— Маман твою!

— Это слишком трудно понять человеку постороннему, — развел руками Дир. — Приходится принимать миллион решений. Знаешь, что писал в своем дневнике Оскар Уайльд? «Сегодня у меня был чудесный день. Вставил запятую, вычеркнул, потом решил снова вставить». Джоан, искусство писателя — суета сует.

— Ни за что не поверю, Терри.

— Это тяжелый умственный труд. С некоторых пор я считаю себя художником.

Раздраженный взгляд Фриборд остановился на холсте со спиралевидными желтыми завихрениями. Н-да, ну и бред!

— И что это такое, по-твоему, Терри?

— "Отдых лимонов".

Фриборд, испуганно отшатнувшись, вырвала кисть у него из рук.

— Опять пользуешь ЛСД, Терри?

— Не будь идиоткой, — фыркнул тот.

— Больше никаких верблюдов в дешевых платьях из оранжевой тафты, клянущихся, что они и есть Свидетели Иеговы, прокрававшихся в дом, чтобы поговорить о твоём творчестве?

— В тебе нет ни капли обычной порядочности, не говоря уже о такте!

— И что из этого?

— И все потому, что я бросил писать?

— Да-да-да! Сначала Роберт и разбитое сердце, потом вдруг «литература — это сплошной напруг и заморочки», а ты — второй Пикассо. Блин, все это чистый бред, Терри! Ты просто боишься? Веришь в дурацких духов, так ведь?

— Что за чушь!

Однако щеки Дира заметно порозовели. Взявшись за кисть, он снова потянулся к холсту.

— Слушай, честно говоря, я просто не могу уехать и бросить собак на произвол судьбы.

— Точно, бред!

— Ничего подобного, — настаивал Дир.

— Ты порушишь мою жизнь ради паршивых маленьких поганок?

Дир повернулся и негодуя уставился на нее.

— Смею я предположить, что под «паршивыми маленькими поганками» ты подразумеваешь моих идеально воспитанных наимилейших игрушечных пудельков Помпетт и Марию Идальго Лебланш?

Фриборд ответила таким же разъяренным взглядом. Вероятно, со стороны они представляли довольно забавное зрелище, поскольку ее лицо находилось всего в нескольких дюймах от его груди.

— Можешь их захватить.

— Прошу прощения?

— Возьми их с собой. То есть собак.

— Взять собак?!

В голосе Теренса отчетливо слышались панические нотки.

— Ну да, мы повезем их туда.

— Ничего не получится.

— Не получится?

— Абсолютно ничего.

— Почему бы это?! — осведомилась Фриборд.

— Сам не знаю.

— Не знаешь? Так вот что я тебе скажу: у тебя мозги от страха расплавились и завоняли, жопа ты литературная! Небось и спишь при свете, пылающий хрен!

— Хрен — непристойное выражение, — холодно заметил Дир.

— Ничего, не развалишься! — огрызнулась Фриборд.

— Грязный язык! Не говоря уже о том, что твои гнусные и мерзкие оскорбления, мисс Кто-бы-вы-ни-были, совершенно абсурдны, если не жалки!

— Зато попали не в бровь, а в глаз?

Писатель побагровел.

— Почему бы тебе не найти кого-то другого? — проныл он. — Господи, Джоанн, да «Вэнитис» даст тебе кого угодно, только выбирай.

— Они и выбрали.

— Как?! Что это ты несешь?

Они сидели за столиком у окна в голландском баре отеля «Шерри». Пяти еще не пробило, и почти все остальные столики были пусты.

— погоди, — велела Фриборд, роясь в сумочке. — Где-то тут завалялся снимок этого дома, ну просто как из ужасника. Сейчас найду.

Расстроенный, выбитый из колеи издатель «Вэнитис» украдкой метнул тревожный взгляд на дверь, через которую как раз входил очередной посетитель. Слава Богу, незнакомый.

Нервно постукивая по зубам черенком незажженной пенковой трубки, он соизволил перевести глаза на Фриборд.

— Четверо проводят ночи в доме с привидениями, — продолжала она, — и первая журнальная статья Терри, ну разве не событие?!

Официант поставил перед ней на белоснежную скатерть бокал с ледяным коктейлем «Манхэттен» и предложил издателю шардонне.

— Спасибо, — пробормотал Редмунд. В его широко открытых, чуть навывкате глазах начинала закипать зарождающаяся истерия. Как только официант удалился, он немедленно нагнулся к уху Фриборд.

— Не считаешь, что мы должны поговорить о том, что случилось на вечеринке?

— А что там случилось? — рассеянно спросила она, все еще не оставляя попыток найти фото, но тут же резко вскинула голову, потрясенная внезапным озарением.

— Ах, ЭТО!

Ее взметнувшиеся руки накрыли ладони Редмунда, нежно сжали пальцы.

— О да, Джим! Только об этом я и хочу думать и говорить! Ну же, давай побыстрее покончим с этой статьей и вернемся к реальной жизни... то есть к нам обоим! Тебе нравится идея? Ты ее опубликуешь?

— Весьма интересная мысль, Джоан, — согласился Редмунд.

Фриборд отпустила его руки, развалилась на стуле и уныло согласилась.

— Так оно и есть.

Слишком хорошо она знала, что означает это выражение.

— Но это не совсем в духе журнала, — умоляюще пробормотал Редмунд. — Слушай, Джоан. Та ночь... просто невероятно.

— Ага.

— Поразительно. Ничего более волнующего в жизни не испытывал.

— Да, я тоже, — поддакнула Фриборд, тупо уставившись на декоративный фонтанчик как раз напротив отеля «Плаза».

— Но это ужасная ошибка, любимая, так нельзя, — промямлил Редмунд. — Я все обдумал сегодня утром, пока бегал в парке, и...

Фриборд одарила его взглядом, исполненным немого укора.

— Я никогда не оставлю жену, — твердо объявил издатель. — Просто не смогу. Следовательно, у нас нет будущего, Джоанн. Только ненужная боль и страдание. Прости. Мне ужасно жаль.

Риэлтор продолжала молча взирать на него. Широко распахнутые глаза казались неправдоподобно огромными.

— Тебе жаль... — эхом откликнулась она.

Редмунд поспешно уткнулся в свое вино.

— Знаю... знаю... просто неуклюже выразился.

Услышав сдавленные всхлипы, Редмунд поднял голову и с ужасом заметил, что Фриборд давится слезами.

— А, черт, — окончательно растерялся он.

Риэлтор схватила льняную салфетку, поднесла к лицу и, казалось, тихо зарыдала.

— Я чувствую себя последним подлецом, — охнул Редмунд. — Как теперь жить в том кондо, что ты мне продала? Видеть тебя в каждом коридоре... на каждом квадратике паркета?

Признание мгновенно подогрело скорбь плачущего агента по продаже недвижимости, подняв ее на куда более высокий эмоциональный уровень, хотя кто из посторонних мог распознать смешок, поспешно замаскированный стоном неподдельной душевной муки?

Редмунд в отчаянии огляделся, пытаясь проверить, не следят ли за ними, и стал старательно выколачивать трубку.

— Слушай, Джоани, эта статья... звучит очень... очень многообещающе. Перспективный проект. Ты уверена, что Теренс сумеет это сделать?

— Редмунд не пойдет на это, если ты не напишешь статью, — пояснила Фриборд, возвращаясь мыслями к настоящему.

— Ты злобный коварный двойник Элизы Дулитл!¹

— Лиза — кто?

Дир грустно усмехнулся. Жадный блеск зеленых глаз, выдвинутая вперед нижняя губка, вызывающе вздернутый подбородок с ямочкой... Воинственный маленький рыцарь... а на деле всего лишь — перепуганное дитя.

— Весь смысл твоих метаний не только в деньгах, верно, Джоани? В твоей душе мечется вечно голодный тигр, это постоянное отчаянное стремление все время быть впереди всех, первой, вечно побеждать, доказывать себе и окружающим, что ты в порядке.

— Не только в деньгах? — недоуменно переспросила нахмурившаяся Джоан.

Дверь, выходящая на веранду, громко стукнула, и в комнату ворвались два твякающих пуделя, стуча по полу коготками. За ними явился хромой мужчина лет сорока с жестоко изуродованной стопой, слуга, нанятый когда-то Диром из жалости.

Фриборд брезгливо взглянула на пуделя, с задумчивым видом замершего у ее ног.

— И не думай, — пригрозила она, — иначе я сдеру с тебя шкуру и сделаю каминный коврик!

— Беги, Мария! — возопил Дир. — Не видишь, она убийца! Беги! Пьер, уберите их.

— Сейчас, месье, — кивнул слуга и, хлопнув в ладоши, крикнул: — Пойдем, собачки! Скорее! Пора обедать!

Песики убрались из комнаты, а слуга, тяжело припадая на больную ногу, зашаркал следом.

¹ Героиня пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион».

— Поверь, Терри, это так много значит для меня. Так много!

Писатель тряхнул своей львиной гривой. Он купил этот дом благодаря посредничеству Фриборд. Именно тогда они и познакомились. И за все эти годы она ни разу ни о чем не попросила, даже дать автограф. Его слава ничего не значила для девушки, которую он знал, хотя она по-своему горячо его любила. Он всмотрелся в ее глаза, пытаясь обнаружить глубоко запрятанную сердечную боль, которую она научилась так ловко прятать за стальным блеском самоуверенности и неуязвимости.

— Так много, — безнадежно повторила она.

— И сколько мы должны там пробывать?

— Пять дней.

Она объяснила, что доктор Гэбриел Кейс, психолог, профессор и эксперт по потусторонним явлениям, должен приехать туда заранее и установить специальное оборудование до их приезда. Большая часть багажа тоже будет выслана вперед, а когда самолет Анны Троли приземлится в аэропорту, они возьмут лимузин и отправятся в Крейвн Коув, а оттуда катером — прямо на остров.

— Кейс уже обо всем договаривается, — dokonчила Фриборд. — Телефоны там, всякие приспособления и всякое дерьмо.

— Какая четкость действий!

— Да, он аккуратист, ничего не скажешь!

— *Аккуратист?*

— По крайней мере так по телефону показалось. В жизни его не видела.

— Хочешь сказать, что ты втянула его во все это *по телефону*?!

— За те деньги, что я ему плачу, мог бы и по канату походить. Ясно?

— Вот оно что! — сухо обронил писатель, вновь обращаясь к холсту. — Следовало бы сразу понять.

Риэлтор поспешно подвинулась ближе.

— Ну давай поговорим Серьезно, — попросила она.

— Можно подумать, мы до сих пор шутили.

— Учти, все это время еду нам будут доставлять из «Четырех сезонов».

Кисть автора замерла в воздухе.

— Ах ты, Мефистофель!

— Значит, «да»?

* * *

Шел 1993 год.

Позже в этом придется серьезно усомниться.

Часть 2

Глава 3

Резная парадная дверь особняка, распахнувшись, ударилась о стену, словно под воздействием злого колдовства.

— Дьявол, ну и ураган! — воскликнула ввалившаяся в холл Фриборд, отряхиваясь по-собачьи, так что с блестящей желтой штормовки, одолженной капитаном катера, во все стороны полетели брызги. За ней, сопровождаемый голодным воем ветра, вбежал Дир. Обернувшись, Фриборд увидела, как на крыльцо неспешно, словно прогуливаясь, взбирается Анна с сумкой в руке. За ее спиной виднелась монолитная серая стена дождя. Вся вода мира, казалось, обрушилась на путешественников.

— Вы в порядке, миссис Троли? — окликнула она, приложив руку ко рту.

— Да, дорогая, — отозвалась экстрасенс, — в полном.

Последнее слово почти заглушил пушечный залп громового раската. Буря разразилась совершенно неожиданно, когда они мирно направлялись к острову, и несчастный катер начало швырять из стороны в сторону, а волны каждую минуту грозили опрокинуть суденышко. Правда, по радио и телевизору передали штормовое предупреждение, но заверили, что у берега сила ветра несколько уменьшится. Этого не случилось.

— Клянусь, я задолжал тебе хорошую трепку, Джоан, — буркнул Дир, бросив на пол легкую сумку. — Так и знал, что следовало гнать тебя из дома в три шеи.

— Отступать некуда, — сообщила Фриборд. — И придержи язык ради всего святого, особенно при этих людях! Я только что на коленях не стояла, чтобы их уговорить!

— Благодарение Богу, что меня не пришлось долго упрашивать!

Фриборд стащила непромокаемую шляпу и показала на открытую дверь, где все еще сражалась со ступеньками экстрасенс.

— Терри, помоги миссис Троли.

— Сейчас.

Дир свободной, несколько расслабленной походкой грациозного жирафа направился к женщине и потянулся к ее сумке.

— Могу я вам помочь?

— О нет, благодарю. Я всегда путешествую налегке.

— И то верно. Тамбурины почти ничего не весят.

— *Терри!!*

Троли наконец вошла, сняла шляпу и опустила на пол сумку.

— Ничего, — благосклонно бросила она Фриборд. — Считайте, что я не слышала.

По правде говоря, она достаточно наслышалась от Дира во время поездки в лимузине, включая требование сравнить методы ее и Вупи Голдберг в фильме «Призрак», а также настойчивые расспросы относительно содержания холестерина в эктоплазме. Но Троли на каждую шутку лишь кивала головой и слегка улыбалась, безмятежно глядя на расстилавшийся за окном машины пейзаж. Ее видимое равнодушие, очевидно, действовало на Дира, как красная тряпка — на быка. Его упражнения в остроумии становились все изощреннее, а рассуждения по поводу сверхъестественного и непознанного — все ехиднее.

— Если верить газетам, — сообщил он, когда лимузин приближался к Беар Маунтинз, — Эдгар Кайт впервые впал в транс лишь потому, что не хотел идти в школу, а потом обнаружилось, будто лягушка, которую он держал в кармане, каким-то образом излечилась от моноклеоза, что, разумеется, вызвало настоящую сенсацию.

И так далее, и тому подобное. Слава Богу, они наконец на месте.

Фриборд осмелилась подбежать к двери и захлопнуть ее. В воцарившейся тишине до Дира вдруг донеслась музыка.

— Господи Иисусе, неужели я попал на небо! — воскликнул он. — Коул Портер!

Лицо писателя осветилось детской радостью, едва из-за массивных дверей гостиной раздалась знакомая мелодия. Кто-то играл на фортепьяно.

— Моя любимая! — просиял он. — «Ночь и день»!

— Это вы, док? — окликнула Фриборд.

— Мисс Фриборд?

Глубокий приятный голос, как ни странно, не приглушали даже толстые створки. Фриборд немедленно отправилась в гостиную. Все лампы были зажжены, и уютный свет переливался на ореховых панелях, а в камине весело потрескивало пламя, вторя чарующим пассажам. Фриборд с наслаждением вдохнула запах горячей сосны. Буря словно осталась в ином измерении.

— Да, мы уже здесь, — кивнула она пианисту и с улыбкой двинулась вперед, сбрасывая на ходу штормовку, с которой капала вода. За ее спиной возник Дир, а потом и Анна медленно вплыла в комнату. Насквозь промокшие сапоги Фриборд противно чавкнули.

— Ну вот, главное, что все живы и здоровы, — обрадовался Кейс. — Очень рад. Я уже

начал волноваться.

Фриборд невольно отметила, что профессор совсем недурен собой: длинные волнистые черные волосы обрамляли точеное лицо, словно принадлежащее какой-то древней статуе. Отблески огня плясали в его глазах. Темные... только какого вот цвета, не понятно. И немолод: лет сорок восемь — пятьдесят. Одет в брюки хаки и такую же рубашку с короткими рукавами.

— Совершенно безумный ураган! — воскликнул он. — Не вы, случайно, заказали эту погоду, мистер Дир? Признайтесь, это вы всему причиной!

Дир был известен своими готическими романами.

— По-моему, я заказал всего лишь «Чивас Ригал», — сухо пояснил писатель.

Он и Фриборд остановились у рояля, пока Анна с нерешительным недоумением оглядывала комнату.

— Вы призрак? — обратился Дир к пианисту. Фриборд, не веря собственным ушам, обернулась к нему.

— Что за бред? — раздраженно прошептала она.

— Давно не была в Диснейленде? — громко продолжал писатель. — Там так и устроено: когда проезжаешь по долине привидений, куча духов танцует, а самый большой играет на фортепьяно.

— Я удушу твоих шавок, фе-е-ек! — прошипела Фриборд. Анна Троли опустилась в мягкое кресло и вперилась взглядом в человека за роялем.

— Я Гэбриел Кейс, — представился он, вставая. — Искренне почтён вашим приездом, мистер Дир и миссис Троли.

— Пожалуйста, играйте, — настаивал Дир.

— С удовольствием.

Кейс снова сел и стал играть «Всю ночь напролет». Фриборд беззастенчиво пялилась на него. Теперь она наконец разглядела, что глаза у него черные, как ночь, и даже мимолетный взгляд, казалось, пронзал насквозь. Но самой странной и отличительной приметой был иззубренный, как молния, ярко-красный шрам, тянувшийся по щеке почти до подбородка. За окнами снова глухо ударил гром; дождь монотонно бил по окнам, как меланхоличное сопровождение песни.

— Итак, мисс Фриборд, — продолжал Кейс, ослепительно улыбаясь. В точности, как гребанный архангел! — Очень рад увидеть ту, с кем столько наговорил по телефону. Должен признаться, вы настоящая красавица.

— Давно вы здесь? — даже не поблагодарив, осведомилась Фриборд.

— Целую вечность. Что с вами, мисс Фриборд? Вы хмуритесь.

— Вы совсем не похожи на ваше фото, — пробормотала она, подходя ближе и пристально в него всматриваясь. — То самое, что на обложке книги.

— "Призраки и привидения"?

Фриборд кивнула.

— Они хотели создать зловещую атмосферу, — пояснил он, — и поэтому сняли меня под каким-то странным углом и в скудном освещении.

— Наверное, так и есть, — с сомнением признала Фриборд.

— Я читал все ваши романы, мистер Дир, — восторженно изливался Кейс. — Чудесные произведения. Клянусь, редко приходится читать книги, написанные с таким проникновением в мир героев.

— Благодарю.

— Но лучше всех «Исповедь Гилроя», — заключил Кейс, поднимая руки с клавиатуры и глядя на Фриборд.

— Опять вы мрачны как ночь, — шутливо посетовал он. — Что случилось?

Она поняла, что снова хмурится.

— Такое бывало и раньше, — уклончиво заверила она.

Но Кейс, словно не слыша, повторил:

— Что же все-таки неладно?

— Знаете, такое странное чувство... называется «дежа вю». Только и всего.

— Здесь для этого не время и не место, — рявкнул Дир.

Кейс хмыкнул. «Интересно, что тут смешного?» — подивилась Фриборд. Писатель тем временем всмотрелся в картину, висевшую над камином: огромный, в человеческий рост портрет мужчины в костюме времен тридцатых годов. И хотя работа, несомненно, принадлежала кисти даровитого живописца, и фигура, казалось, вот-вот сойдет со стены, лицо словно расплывалось, представляя собой неясный, как бы затянутый дымкой овал.

— Кто это? — спросил Дир. Кейс поднял голову.

— Доктор Эдвард Куондт, первый владелец.

— Но почему лицо совершенно не прописано? — возмутился Дир.

Никем не замечаемая Троли тоже воззрилась на картину.

— Да, — кивнул Кейс, — странно. Очень странно.

— Все дело в прическе, — задумчиво протянула Фриборд.

— Да, — продолжала она, — ну конечно, прическа.

— Хелло! — Звук теплый и бархатистый, как старое вино, как поле темно-красных цветов, поплыл по комнате, принося с собой дыхание какой-то неопределимой эмоции, вроде воспоминания о давно прошедшем лете...

Выражение лица Кейса мгновенно изменилось. Похоже, он сразу же забыл о присутствующих.

— А, вот и снова ты, Морна, — едва слышно произнес он.

В гостиную медленно, словно скользя по полу, вошла стройная гибкая молодая женщина, с чуть склоненной набок головой. Каждое движение было исполнено бессознательной грации, словно у сказочного персонажа из фантастических снов. И хотя черты ее лица были неправильными, слишком резкими, скулы торчали, а тяжелый подбородок выдавался вперед, она производила впечатление неотразимо чувственной красавицы. Даже ее костюм казался необычным: широкая фиолетовая юбка из тафты, расписанная выюнками, белая блузка и красный галстук-шнурок. При ближайшем рассмотрении оказалось, что ее кожа покрыта золотистым загаром, а широко поставленные светло-зеленые глаза переливались, как два изумруда, создавая почти пугающий в своей прелести эффект. Кейс медленно встал.

— Да, — кивнула она, останавливаясь перед ним, — я приехала.

Длинные черные волосы каскадом спускались на плечи, издавая аромат утренней свежести и гиацинтов. Кейс на секунду позабыл, где находится.

— Морна, это наши гости, — выговорил он наконец. — Мисс Фриборд, мистер Дир.

— Как поживаете? — вежливо спросила девушка, словно вбирая их взглядом.

— И миссис Троли, — добавил Кейс, показывая на экстрасенса. — Миссис Троли — ясновидящая, Морна.

Девушка повернулась и обдала Троли зеленым пламенем глаз. Так продолжалось несколько минут, после чего она вновь отвернулась и слегка кивнула.

— Да, мистер Кейс.

— Морна — моя экономка, — объяснил Кейс. — На острове, как вы знаете, больше никто не живет. Уединенное местечко. Морна любезно согласилась пока присмотреть за домом.

— Разве в деревне на той стороне мало народу? — чуть напряженнее, чем нужно, поинтересовался Дир, едва не сорвавшись на визг.

— Есть, — согласился Кейс, — но...

Он колебался, молча изучая лица окружающих.

— Что же? — резковато подхватил Дир.

Кейс взял у писателя штормовку.

— Да вы совсем промокли. Позже обо всем поговорим, после того как получше познакомимся. А пока вам, разумеется, не терпится переодеться. Морна, будь добра

проводить наших друзей в спальни наверху.

— Ваши волосы на снимке длиннее, — выпалила Фриборд, снова разглядывая Кейса. — Вот в чем разница.

Кейс едва заметно улыбнулся ей, и Фриборд только сейчас заметила в его глазах некую затаенную симпатию, смешанную с терпеливой печалью.

— Да, — кивнул он, — вы правы.

* * *

К полудню дождь опять усилился, и Фриборд уныло мерила шагами комнату. Прижав к уху трубку и то и дело откидывая мешавший телефонный шнур, она монотонно выдыхала:

— Это бред!

Если не считать чердака и подвала, комнаты особняка были расположены на трех уровнях. Спальни отважных исследователей находились вдоль по коридору второго этажа, над гостиной. Фриборд разместилась ближе всех к лестнице, в просторной светлой комнате с камином, высокими сводчатыми потолками и тяжелыми деревянными балками перекрытий. Вот только оба окна оказались длинными и узкими, так что лампы у постели были зажжены, освещая разинувший пасть зеленый кожаный чемодан от Гуччи, валявшийся на широкой деревянной постели срезными спинками и стеганым покрывалом. Фриборд так и не позаботилась сменить одежду и все еще оставалась в рубашке и джинсах из варенки. Переступив порог комнаты, она горячо возблагодарила Бога за то, что они добрались и все идет по плану. Неужели ей все удалось?!

Вся словно на иголках от возбуждения, она не находила себе места и позаботилась только стянуть мокрые сапожки и надеть сухие шерстяные носки. И сейчас она с удовольствием пошевелила пальцами, прислушиваясь к гудкам на другом конце линии. Гипнотически равномерные и тихие, они казались зовом, доносившимся с того света.

Наконец Фриборд отняла трубку от уха и недоуменно на нее уставилась. Странно, она звонит в свой офис, но никто не отвечает!

Она набирала снова и снова, пока не насчитала до пятидесяти гудков.

— Иисусе! — пробормотала она наконец, швырнув трубку на рычаг. — Блин, это просто невозможно!

Она, подбоченившись, уставилась на телефон, как на врага, но в этот момент лампы, мигнув, на сотую долю мгновения погасли, прежде чем снова загореться. Фриборд зловеще прищурила глаза.

— На меня это дерьмо не действует, можешь не стараться! За стеной раздалось постукивание. Но на Фриборд и это не произвело впечатления. Вслед за шумом послышался приглушенный голос Дира:

— Ты здесь?

— Нет.

— Мне кажется, что эта стена полая.

— Чушь.

— В твоей комнате есть окна?

— А тебе что?

— Мне воздуха не хватает. И все время какие-то скрипы и шорохи.

— Поменьше ходи. Пол старый, деревянный, вот и разохся.

— Бессердечная сука!

— Так и есть.

На этот раз стук донесся с другой стороны.

— Эта стена определенно полая, — еще больше встревожился Дир. Фриборд скривила губы и сузила глаза. — Черт побери, именно этого я и опасался!

Риэлтор решительно шагнула в коридор и, бесцеремонно ворвавшись в соседнюю комнату, захлопнула за собой дверь.

Дира передернуло. Он стоял, прижавшись ухом к стене, высоко подняв круглое каменное пресс-папье, и в своем белом норковом халате до самого пола представлял собой весьма комическое зрелище. Фриборд мгновенно ринулась в атаку.

— Ты еще помнишь, почему мы здесь? — возопила она, метнувшись к нему. Дир свысока оглядел ее.

— Чтобы взломать двери и поживиться здешним добром?

— Чтобы обелить фе-е-скинг репутацию этого долбен дома, — процедила она, ловко выхватив пресс-папье у Дира. — И завязывай с простукиванием и тому подобным дерьмом. Подумать только, а я-то считала тебя закоренелым атеистом.

— Я тоже так считал. Неужели не видишь, что я дразню тебя, бесценная? А ты, разумеется, схватила наживку, как изголодавшаяся форель.

— Ах вот как?

Дир величественно выпрямился.

— Успокойся. Я из усомнившихся.

И, протянув ладонь, грозно потребовал:

— Ну а теперь будь добра вернуть мой счастливый амулет. Фриборд взвесила пресс-папье на руке.

— Куда приложить прикажете?

* * *

— Я уже установил таймеры на каждую камеру, — пояснил Кейс, добавляя сливки в кофе. — Только не споткнитесь, их много.

Он сидел на дальнем конце прямоугольного стола, среди остатков аппетитного второго завтрака, включавшего квише из бекона с луком, креветок в горчично-кокосовом соусе, десятка сортов джема и выпечки. Крошки круассанов усеяли скатерть, на которой валялись измазанные маслом ножи. На противоположном конце восседал Дир, рядом с ним Фриборд. Троли предпочла устроиться поближе к Кейсу. Экстрасенс переделалась в прозрачное бирюзовое платье; от волос веяло жасмином.

— Кроме того, я велел включить все телефоны, — продолжал Гэбриел. — Учтите, номер очень легко запомнить: 914-21-21. Ну а пока делать абсолютно нечего, кроме как расслабиться, но держать ушки на макушке, и если заметите что-то необычное, немедленно сообщайте мне.

В наступившем молчании был слышен лишь непрекращавшийся стук дождевых капель по стеклам. Наконец Дир откашлялся.

— Вам удавалось когда-нибудь снять привидение на пленку?

— Никогда.

— Что же, по крайней мере честно, — признал автор. Кейс попробовал кофе и отставил чашку, чуть звякнувшую о блюдце.

— Мистер Дир, — заметил он, — надеюсь, вы не оскорбитесь, но я нахожу, что маска служит несколько отвлекающим фактором.

— Возможно, у вас Синдром Расстройства Внимания.

(Дир отчего-то решил натянуть маску Призрака Оперы.)

Фриборд скрипнула зубами и ловко сорвала с него маску.

— Спасибо, — спокойно поблагодарил Дир.

— Не за что, — отпарировала Фриборд с театральным вздохом, качая головой.

Дир извлек из кармана транзисторный магнитофон и положил перед собой на стол.

— Доктор Кейс, вы не возражаете, если я запишу это?

— Нет, разумеется, нет. Прекрасная идея. Валяйте.

Дир нажал кнопку; красная точка мгновенно налилась багровым светом и замигала.

— Ну вот, — провозгласил Дир. — Оружие к бою, мистер Никербокер.¹

Кейс, положив локти на стол, подался вперед.

— Все знают историю этого дома? — спросил он, обшаривая взглядом их лица.

— Я не знаю, — едва слышно выдохнула Анна. За обедом она почти не обмолвилась словом, ответив только на вопрос о путешествии и о своем последнем удачном деле, связанном с поисками пропавшего ребенка в Суррее. Зато не сводила пристального взгляда с Кейса.

— Он был...

— Построен доктором Куондтом, — закончил Дир, — в середине тридцатых для его прелестной жены, которая, как он посчитал, оказалась неблагодарной и наградила его ветвистыми рогами, что и побудило доброго доктора стремительно и зверски разделаться с изменницей.

— Вижу, вы хорошо приготовили домашнее задание, мистер Дир.

— Я знаю только то, что рассказала Джоанн, — пожал тот плечами.

— Да, Куондт слыл человеком жестоким, — подтвердил Кейс.

— Неудивительно, — согласился Дир. — По-моему, все хирурги таковы, именно поэтому и избрали такой род занятий; нормальные люди вряд ли способны резать живого человека на куски, а через минуту с аппетитом лопать «Биг Мак» с жареной картошкой.

— Согласен, вряд ли.

— Грубо и пошло, — добавил Дир.

— Возможно. Только Куондт не был хирургом, — объяснил Кейс.

— Не был?

— Нет. Куондт был известным психиатром.

Автор обратил холодный бесстрастный взгляд на риэлтора.

— Кроме того, Куондт был маниакальным ревнивцем, — продолжал Кейс. — «Врачу, исцелися сам», тому подобное. Жена была гораздо моложе, и он страстно ее любил.

— Как ее звали? — полюбопытствовал Дир.

— Райга, — обронил Кейс и повернулся к Морне, бесшумно появившейся у стола с серебряным кофейником в руках. Но когда она попыталась вновь налить ему кофе, Кейс быстро прикрыл ладонью чашку.

— О нет, спасибо, дорогая. С меня хватит.

— Кому-нибудь еще? — спросила Морна, оглядывая стол.

— Да, мне немного, пожалуйста, — потребовал Дир. Морна направилась к нему.

— Он встретил Райгу в мюзик-холле, — поведал Кейс. — Она работала там танцовщицей. Ее родители были румынскими эмигрантами, чуть ли не цыганами. Девушке едва исполнилось шестнадцать.

— Совсем юная, — поддакнул Дир и, лизнув кончик пальца, придавил самую большую крошку круассана, а потом отправил в рот. Морна все еще стояла, наклонившись над его чашкой.

— И как же он прикончил ее? — продолжал допрашивать он.

— Удушил.

Дир испустил дикий вопль. Морна охнула, но тут же прикрыла рот рукой: каким-то образом она промахнулась, и кофе вылился на колени Теренсу.

— О, какая я неуклюжая! Простите, умоляю.

Дир пытался промокнуть пятно салфеткой.

— Все в порядке, дорогая. Ничего страшного. Пустяки.

— Видишь, Морна? — вставил Кейс. — Он прощает тебя.

Девушка повернулась, молча встретила его странный пристальный взгляд и, опустив голову, тихо пробормотала:

— Знаю.

¹ Персонаж новелл амер. писателя Вашингтона Ирвинга, один из первых жителей Нью-Йорка, перен. летописец.

И пока наполняла чашку Дира, успела на миг встретиться глазами с невозмутимой Анной Троли.

— Можете идти, Морна, больше ничего не нужно, — велел Кейс. Девушка кивнула и направилась на кухню.

— Возвращаясь к истории дома, скажу только, что он был построен в 1937-м, — возобновил рассказ Кейс. — В 1952-м приключились эта трагедия, и гибель Куондта, очевидно, от собственной руки. Права владения перешли к сыну, Реджису Куондту, которому в то время было всего двенадцать. Мальчика взял к себе брат Куондта, Майкл. Реджис умер в двадцать лет, наследство досталось сначала Майклу, а потом его сыну, Полу Куондту. С 1954 года все хозяева безуспешно пытались его продать. Несколько раз его сдавали в аренду, но ненадолго: временные жильцы либо спешно уезжали, либо отправлялись на тот свет, включая тот период в конце пятидесятых, когда там обосновался монашеский орден. К сожалению, монахини одна за другой пали жертвой так называемого «кликушества», наблюдавшегося триста лет назад среди обитательниц французского монастыря Лоден. Настоятельницу же нашли повешенной на деревянной потолочной перекладине. Это было в 1958-м. С тех пор дом стоял пустым до 1984-го, когда Пол Куондт, человек, унаследовавший значительное состояние и довольно известный историк, перебрался сюда вместе с женой и тремя маленькими детьми. Но духи и их не оставили в покое. По ночам раздавались шум, оглушительные стуки в стену и кое-что еще...

Тут Кейс осекся и не стал уточнять, что именно.

— Но в 1987-м, — продолжил он, — все эти неприятные потусторонние явления прекратились, и спокойствие продолжалось до 1990 года, когда Куондты переехали в Италию, решили навсегда там остаться и вновь выставили и остров, и особняк на продажу. Но репутация дома уже стала широко известна. Вот и все повествование об этой обители привидений.

— Значит, все началось с задушенной жены, — протянул Дир.

— Верно, — согласился Кейс.

— Вероятно, ее дух до сих пор не нашел упокоения? Печальные вздохи и стоны в коридоре по ночам? Или стук трубки, выбиваемой о чьи-то зубы?

Фриборд незаметно выставила средний палец в сторону Дира.

— О том, что Куондт курил трубку, мне ничего не известно, мистер Дир, — мягко возразил Кейс, глядя на море.

— Хотите сказать, что это он здесь бродит?

— Возможно, — пожал плечами Кейс, взяв шоколадку с маленького серебряного подноса. — Видите ли, большинство жертв оказывались женщинами.

Дир смертельно побледнел.

— Жертвы? Какие жертвы? Хотите сказать, *мертвецы*?!

— Почти.

Фриборд вздохнула и нервно заерзала на стуле.

— Мы теперь только об этом и будем рассуждать?

Глаза риэлтора заволочла откровенная скука.

— И, разумеется, все несчастные умерли от страха? — напряженно пробормотал Дир.

— Только одна. Три покончили с собой, — сообщил Кейс. — Две сошли с ума.

Писатель повернул голову и вызывающе уставился на Фриборд.

— Какой-нибудь бессовестный риэлтор, вероятно, сдавал эту проклятую развалину психам и депрессивным хроникам.

— Мистер Дир, похоже, вы находите оправдания здешним несчастьям. Не может такого быть, что вы все-таки втайне верите в духов?

— Да мое неверие пушкой не пробьешь, мистер Кейс, можете не сомневаться! Чтобы стащить меня с пьедестала моих убеждений, потребуется больше тросов, чем те, на которых подвешен мост Золотые Ворота!

— Да, Дир — настоящий Фома Неверующий, — подтвердила Фриборд, полузакрыв

глаза.

— Точно, — подтвердил Дир. — Но умоляю просветить меня и моих читателей: если такие явления, как призраки, все же существуют, почему, вместо того чтобы вознестись в небеса, к вечному блаженству, они упорно шатаются и шныряют по старому дому, до смерти надоедая всем и выставя себя настоящими чирьями на заднице?

Кейс поднял брови.

— Миссис Троли, что скажете?

Но экстрасенс уклонилась от объяснений, опустив глаза и покачивая головой, пока не услышала тяжкий нетерпеливый вздох Фриборд, позволившей себе наконец закрыть глаза: полночи она металась и проснулась окончательно в четыре утра. Кейс мельком взглянул на нее и повернулся к Диру.

— Кто знает? — начал он. — Предположим, что вы убеждены, мистер Дир, будто смерть — это конец вашего сознательного существования. Вы умираете, но при этом обнаруживаете, что по-прежнему находитесь в полном сознании, так что для вас первое мгновение после кончины ничем не отличается от только что минувшего. Признайтесь, так ли уж странно звучит, если некоторые из нас просто не заметили собственной смерти?

— Я заметил бы, — настаивал Дир.

— Точно, он уже три месяца как не существует, иначе выписал бы самому себе предупреждение об увольнении с этого света, — пробормотала Фриборд в полусне.

— Джоан, я ставлю в журнале пометку о твоём отсутствии, — фыркнул Дир, ткнув ее пальцем в бок. Фриборд резко вскинула голову и открыла глаза.

— Да, что случилось? — буркнула она, стараясь изобразить интерес к беседе.

— Доктор Кейс предполагает, что призраки не верят в собственную кончину и в существование духов. Какая тонкая ирония, не считаешь?

— Потрясно!

— Ну, я так и думал!

— И перестань пялиться.

— Я не пялюсь.

— Пялишься. Кончай, Терри!

— Обязательно, — пообещал писатель и обратился к Кейсу.

— Но в таком случае почему бы какому-нибудь милосердному ангелу не спуститься с неба и не приказать этим духам проснуться и прийти в себя?

— Неплохая мысль. Может, им еще предстоит это испытать.

— По-моему, не зная, что ты мертв, — поистине вопиющее невежество.

— А что, если призраки просто не желают отрешиться от своих привязанностей? — предположил Кейс.

— Например, к счастливым амулетам, — вспомнила Фриборд.

Дир проигнорировал укол.

Кейс устремил взгляд в сторону Троли.

— Я имел в виду скорее *эмоциональные* привязанности. Вы так не думаете, миссис Троли?

Анна снова поспешно опустила глаза, покачала головой и мягко ответила:

— Не знаю.

— А что именно вы знаете? — взорвался Дир. — И что именно *делаете*, миссис Троли. В жизни не видел столь молчаливой особы! Надеюсь, вы хотя бы говорите с духами?

Прославленная экстрасенс встала.

— Прошу извинить, я на минуточку.

— Разумеется, — пробормотал Кейс со смущенным видом.

— Ты не сказала, что она настолько чувствительна, просто упомянула о том, что она не то медиум, не то телепат.

— Терри, ты хуже любого геморроя, — прошипела Фриборд.

— Я всего лишь собиралась принести воды, — криво улыбнулась экстрасенс и, открыв

дверь, исчезла на кухне.

— Я уважаю и обожаю вас! — прокричал ей вслед Дир. — Целую вашу эктоплазму!

— Может, стоит на этом закончить, мистер Дир? — предложил Кейс.

— И на Фому Неверующего найдется пуля, — прорычала Фриборд.

* * *

Троли подошла к двойной раковине, где мыла посуду Морна, и робко попросила:

— Нельзя ли мне чистый стакан? Я бы хотела воды.

Экономка молча вымыла руки, вытерла и, отыскав в серванте стакан, наполнила водой.

Троли пристально следила за ней.

— Вы давно служите у доктора Кейса?

— Много лет, — бесцветным, как вода, голосом, выговорила Морна и, закрыв кран, вручила стакан Троли.

— Работать в такой атмосфере — одно удовольствие, — заметила экстрасенс. — Доктор Кейс живет поблизости от студенческого городка, не так ли, Морна?

— Совсем рядом.

— А вы?

— Очень далеко, — обронила Морна, возвращаясь к своему занятию.

— Спасибо за воду.

— Пожалуйста.

Постояв еще несколько минут, Троли резко повернулась и покинула кухню. Морна подняла голову и проводила ее непроницаемыми зелеными глазами-льдинками.

Вернувшись в столовую, Троли обнаружила, что мужчины опять затеяли оживленный спор о призраках, а Фриборд по-прежнему дремлет.

— Доктор Кейс, — вещал Дир, — при всем моем уважении к вашему уму и знаниям я вынужден спросить: вы действительно утверждаете, что призраки на самом деле существуют?

— Мистер Дир, — отозвался Кейс, — при всем почтении к вашему литературному гению я позволю себе заметить, что механистическая концепция Вселенной, созданная по образу и подобию часового механизма, — величайший предрассудок нашего времени. Знаете ли вы последние теории квантовой физики? Ученые утверждают, что атомы невещественны и скорее представляют собой «процессы» и, следовательно, иллюзорны, что электроны способны перескакивать с места на место, не пересекая пути от одной точки к другой, а позитроны — это, собственно говоря, электроны, путешествующие обратно во времени, и что субатомные частицы могут сообщаться на расстоянии триллионов миль без наличия всякой связи между ними. Существуют ли призраки? Рядом с нами? В этой комнате? За этим столом? Кто может сказать? Но в мире, подобном только что описанному мной, наверняка найдется место для такой вещи, как неожиданность, или, проще сказать, сюрприз.

Пока Дир размышлял над ответом, послышался негромкий, но отчетливый стук. Взгляды всех присутствующих устремились к центру дубового стола, именно сюда ударил невидимый палец. Несколько минут никто не нарушал молчания.

— Черт! — пробормотала наконец Фриборд.

Троли с благожелательной снисходительностью воззрилась на нее.

Дир откашлялся, неестественно выпрямился и, не сводя глаз с середины стола, поинтересовался:

— А вы когда-нибудь видели привидение, доктор Кейс?

— О, я постоянно.

Заметив, что Кейс улыбается, Дир укоризненно покачал головой.

— О, нехорошо уходить от ответа! Серьезно, сэр, как насчет призраков?

— Карл Юнг, великий психиатр, видел одного.

— Шутите!

— Нет, видел, прямо в своей постели.

— Ах, некоторые люди ради рекламы в газетах скажут все что угодно!

— Юнг считал, что мертвые вовсе не пребывают в отдельном от живых месте. По его теории, они находятся в некоем мире, сосуществующем параллельно нашему, но остающемся невидимым, поскольку находится на более высоких частотах. Все равно что лопасти вертолета, которые вертятся с такой быстротой, что их нельзя разглядеть.

— Хотите сказать, что жизнь после смерти — всего лишь альтернативная форма существования?

— Мистер Дир, — с улыбкой упрекнул доктор.

— Догги, р-р-р, тья! — злобно рявкнула Фриборд и, сделав страшную гримасу, скосила глаза и чиркнула пальцем себя по горлу.

Дир взглянул на нее из-под полуопущенных ресниц, но, проигнорировав угрозу, вновь обратился к Кейсу:

— Доктор Кейс, предположив на момент невероятное, позволю себе спросить: что, во имя Господа Бога, заставляет вас считать, будто любой дух будет скандалить или вытворять все, что в голову взбредет, только потому, что мы собрались здесь с определенными намерениями?

— О, ничего определенного, — пожал плечами Кейс, — но я составил схему всех неприятных происшествий в «Где-то Там», и выяснилось, что почти все они случались приблизительно в одно время года.

— Когда именно? — полюбопытствовала Фриборд, подавив зевок.

— Июнь. В самом начале. Вот как сейчас. Приблизительно в это время.

Никто не ответил. В мертвом молчании слышалось только позвякивание ложки, которой Кейс с рассеянным видом помешивал кофе. Фриборд смерила Дира подозрительным взглядом и с отвращением отметила, что тот, похоже, затаил дыхание. Но Дир довольно быстро оправился и громко прочистил горло.

— Те люди, которые, по вашим словам, спятили, — справился он у Кейса без малейшего намека на обычный издевательский тон, — они живы? Есть ли какая-то возможность их расспросить?

— Да, одна женщина, Сара Кейси. Находится в психиатрической больнице Бельвю. Боюсь, правда, что психика бедняжки полностью разрушена. Она настаивает, что черные существа живут в стенных пустотах.

Писатель растянул бескровные губы в вымученной улыбке.

— *Полые стены?* — глухо выдавил он. Кейс кивнул.

Фриборд одним движением натянула маску Призрака на лицо Дира.

* * *

После обеда Анна Троли вернулась к себе, словно в полусне села на кровать, сжимая серебряную рамку с фотографией девочки с ямочками на щеках. Мелькающие тени, отбрасываемые бегущей по стеклу водой, крались по ее бледному лицу, словно отблески умирающего дня. Наконец она положила снимок на ночную тумбочку, где уже стоял маленький будильник — медный квадратик с красными цифрами, купленный, когда Анна занималась в Швейцарии поисками серийного убийцы. Она отметила время: час, четырнадцать минут. Кейс и Дир все еще спорили внизу, а Фриборд пошла в свою спальню, немного отдохнуть. Анна встала, подошла к узкому письменному столу под залитым дождем окном, выдвинула деревянный стул с высокой спинкой, села и вынула из ящика стола серебристую авторучку и переплетенный в мягкую розовую кожу дневник, с венком из цветов лаванды в центре. Медленно сняв колпачок, она раскрыла дневник, совсем новый, издающий слабый запах клея и бумаги. Аккуратным почерком, большими круглыми буквами Анна начертала на самом верху, тихо скрипя пером:

«Где-то Там».

Перевернув страницу, она посмотрела на часы, отметила дату и время и сделала первую запись:

"Наконец я очутилась в Где-то Там. Неприветливый и отталкивающий снаружи, теплый внутри. И все же здесь ощущается некий разрушенный покой, нечто разоренное, сломанное, хотя понятия не имею, что бы это могло быть. Джоан Фриборд, девушка-риэлтор, весьма оригинальная особа, и я уже прониклась к ней симпатией: она постоянно вызывает во мне внутреннюю улыбку. И хотя это открытие, возможно, шокирует его, я обнаружила, что и Теренс Дир мне нравится: такой забавный, хоть и с израненной душой, словно вся скорбь мира легла на его плечи. Доктор Кейс, как и ожидалось, настоящий профессионал и к тому же неотразимый красавец. Однако я чувствую окружающую его ауру опасности, к тому же он просто излучает какую-то тайну. Это особенно заметно каждый раз, когда появляется его домоправительница Морна. Она все время застаёт его врасплох. Почему? И почему он так подчеркнуто сообщил ей, что я ясновидящая? А когда она впервые вошла, он воскликнул:

— Вот и снова ты!

Что, спрашивается, он хотел этим сказать? Может, просто оговорился, кто знает? Я чувствую, как меня влечет к этому человеку; наверное, поэтому и решила приглядеться к Морне. (Я все еще не могу поверить, что шастала по всему дому, желая обнаружить, действительно ли девушка живет здесь. Стыд и позор!)

Но я обнаружила, что не в силах проникнуть через возведенные Кейсом защитные барьеры: все мои усилия и попытки отскакивают от них, словно камни с поверхности водоема, в глубинах которых таится некий Левиафан. Тщетны все мои старания решить эту головоломку. Я постоянно терплю неудачу. Вероятно, потому, что путешествие оказалось слишком утомительным, и я все время брожу, как растерянный путник, сбившийся с дороги. Остается надеяться, что недолгий отдых прояснит мой разум и рассеет туман. Сны. Как я их ненавижу! Потому что неминуемо приходится проснуться. Какая из шекспировских героинь молила о сне?"

Троли хмуро глянула в мутное окно глазами-озерами, полными грустной мудрости, резко повернулась и, наклонив набок голову, прислушалась. Воздух в комнате дрогнул, заструился знойным маревом, как при слабом подземном толчке. Экстрасенс не шевелилась. Ничего. Она вновь склонила голову к дневнику.

"Вполне возможно, здесь действительно что-то происходит. Либо это, либо я полностью теряю свой дар. Но я только что слышала голос мужчины, говорившего на латыни. Здесь. В этой комнате. Не почуяла. Слышала. Я могу перевести слова, хотя и не понимаю их смысла:

— Я изгоняю тебя, нечистый дух..."

Внизу, в уютной, обшитой панелями тикового дерева библиотеке, набитой книгами и памятным сувенирами, привезенными из бесчисленных путешествий, Гэбриел Кейс настраивал телевизор, пока Дир лениво наблюдал за его действиями с мягкого дивана.

— Сплошное статическое электричество, — раздраженно пробормотал Кейс. На экране действительно не было изображения: только крупный «снег».

— Включите другой канал, — посоветовал Дир.

— Уже перепробовал каждый.

Кейс снова поочередно нажал на переключатели и, выключив телевизор, сел рядом с Диром.

— Возможно, виновата буря, — заметил он, — по крайней мере я на это надеюсь. Мастера сюда калачом не заманишь. Ни за какие коврижки.

— Я попросил бы вас не говорить подобные вещи, — прошипел Дир.

— Какая разница? Здесь вот уже сколько лет все спокойно.

— Потому что вот уже сколько лет дом пустует.

— И то верно. Хотите выпить? У нас есть все, — объявил Кейс, показывая на встроенный в угол бар из натертого до блеска дуба с темными пятнами. Такие же резные стульчики были расставлены вдоль изогнутой стойки.

— Слишком рано, — отказался Дир. — Господи, еще трех нет.

И, взглянув на часы, добавил:

— Ошибся, восемь минут четвертого.

— Хотите послушать историю Юнга и его призрака? — с невинным взглядом осведомился Кейс, сложив руки на животе.

— У вас весьма злое и опасное чувство юмора, доктор Кейс.

— Ничего подобного. История поистине завораживающая.

— Я бы скорее предпочел оказаться в Сараево на нейтральной полосе, между сербами и албанцами, в вышедшем из строя русском танке, — отмахнулся Дир и встал. — Прошу меня простить. Мне нужно сделать кое-какие заметки.

И без дальнейших комментариев устремился прочь. Кейс проводил взглядом писателя, скованно шагавшего к лестнице, вздохнул и, повернув голову влево, вперился взглядом в длинный зигзагообразный излом, пробежавший по стене. Треск штукатурки и дерева казался почти оглушительным. Кейс бесстрастно, безмолвно проследил, как зияющий провал медленно смыкается, и опустил голову.

— Не вовремя, — пробормотал он.

Комната задрожала.

— Чертовски действует на нервы, — проворчал Кейс. — Тот самый случай, когда левая рука не знает, что творит правая.

Он ожидал новых потрясений, но все было тихо. Пока тихо.

Глава 4

— С вами все в порядке? — спросил Кейс.

— Абсолютно, — пробормотала Троли.

— Осторожно, не споткнитесь.

— О да, спасибо.

Они открыли дверь под лестницей, спустились по каменным ступенькам в бетонный ход, узкий, темный и сырой. Кейс освещал дорогу мощным электрическим фонариком.

— Здесь, внизу, нет электричества? — удивилась Троли. Она зябко ежилась, несмотря на то что накинула поверх платья тонкий шерстяной кардиган. — Не может того быть!

— Есть, конечно, просто почему-то не работает.

— Вероятно.

— Сюда, миссис Троли. Пригните голову.

— Постараюсь.

Они оказались в небольшой прямоугольной каморке.

— Вот мы и пришли, — объявил он, обводя стены. Впереди высился склеп из серого камня, на дверцах которого была вырезана та же дьявольская рожа, что и на двери.

— Это сердце дома, — почти продекламировал Кейс и, не дождавшись ответа, обернулся к экстрасенсу.

— Это сделано, чтобы повеселить вас, — тихо прибавил он. — По крайней мере так говорится в старых фильмах с привидениями.

— Знаю, — кивнула Троли, — душа моя радуется.

— Ей бы следовало делать это почаще, — кивнул Кейс, направляя луч света на гнусную морду горгульи, и саркастически добавил: — Ну и милое создание, ничего не скажешь.

— Какое уродство. Именно тут он ее и похоронил?

— Не совсем, — возразил Кейс.

— Не совсем?

- Он замуровал ее внутри, еще живую.
- Господи Боже, — пробормотала Троли, поежившись.
- Бесчеловечный ублюдок, простите за столь высокопарное выражение.

Троли медленно двинулась вперед, остановилась перед склепом и медленно провела рукой по резной горгулье.

— Все видите? — справился Кейс.

— Да, прекрасно.

Он встал рядом.

— Куондт тоже здесь?

— Да, — кивнул Кейс, — здесь.

— Как он умер?

— Chironex flecked.

Троли отняла руку и повернулась к Кейсу, но лицо его было скрыто во мраке.

— Латынь? — выдохнула она.

— Яд морского анемона. Они обнаружили склянку с этим зельем в его руке. Здесь. На этом месте. Отрава парализует голосовые связки, потом дыхательные пути, и через час жертва умирает от удушья.

— О, как ужасно, — прошептала Троли, хватаясь за горло.

— Не говорите, — согласился Кейс.

— Но почему он избрал такой страшный способ смерти?

— Одному Богу известно.

Анна, еще раз взглядевшись в темный силуэт Кейса, вновь отвернулась к склепу.

— Странное сооружение. Вы сказали, что дом построен в 1937-м?

— Да, но это уже было здесь раньше. На этом месте когда-то стоял другой дом.

— Разве?

— Эдвард Куондт снес его и воздвиг новый.

— Но склеп оставил нетронутым?

— Именно.

— А кто здесь был погребен с самого начала?

— Или что.

Анна снова встрепенулась и повернула голову. Теперь лицо его было видно чуть яснее, хотя глаза по-прежнему оставались в тени.

— Я нашел упоминание об этом в его дневнике, — негромко пояснил Кейс. — Некая чудовищно жестокая и злобная...

Он помедлил, словно подыскивая подходящее слово.

— ...сила.

В последовавшем молчании было слышно, как стукнулся об пол отлетевший со стены лепесток штукатурки. Кейс поднял голову, прислушался и снова обратился к Троли.

— Вы ощущаете что-то, Анна?

— Почему вы спрашиваете?

— Это читается в вашем взгляде.

— У меня такое чувство, будто я сто лет вас знаю. Вы кажетесь мне таким знакомым.

— Неужели?

— И все же я знаю, что мы никогда не встречались, — раздумчиво протянула Троли.

— Возможно, в другой жизни, — предположил Кейс.

— Верно. Только в прошлой или будущей?

Вместо ответа Троли в последний раз осмотрела склеп, вздрогнула и принялась застегивать кардиган.

— Давайте вернемся, я, кажется, простудилась.

— О, мне ужасно жаль.

Он направил луч фонаря в землю. Они пересекли каморку и стали медленно подниматься вверх.

— Вы действительно верите в прошлую жизнь, доктор Кейс?
— Ну к чему такие формальности.
— Хорошо, — уступила она, — Гэбриел.
— Прекрасно.
— Так верите вы или нет?
— Я согласен с Вольтером.
— Который сказал...
— Что теория неоднократного рождения ничуть не удивительнее факта рождения однократного.

Троли резко повернула голову. Его лицо было по-прежнему погружено во тьму, но теперь она разглядела его лучше. Куда лучше.

* * *

— Эй, Терри!
— Ты звала, голубка?
— Да, зайди через секундочку, ладно?
Фриборд сидела в библиотеке за письменным столом, нажимая клавиши калькулятора. Перед ней лежала стопка последних статистических отчетов по продаже недвижимости. По этому случаю она нацепила очки для чтения с толстыми линзами. Дир, стоя в гостиной перед стереоустановкой, пробегал глазами аннотацию на обложке альбома Арти Шоу; воздух согревали звуки «Начнем Бегуэн».¹

— Что тебе? — откликнулся он. — Слишком громко? Хочешь, чтобы я сделал потише?
— Нет, мне нравится. Только зайди ко мне, пожалуйста. Дир положил альбом на место и покорно отправился к ней.

Сегодня на нем были джинсы, свитер из верблюжьей шерсти и новые белые теннисные туфли. Фриборд, не поднимая головы, продолжала стучать по калькулятору.

— Ты ясноглаза и возмутительно бодра, — заметил он.
— Поспала немного. Господи, этот Кейс таки меня достал. Мне снилось, что я покинула свое тело и пошла скитаться.

— Где? По какой-нибудь стройке?
— Очень забавно! Не знаю, где-то во мраке. Темнотища непроглядная.
— Могло быть хуже. Тебя что-то тревожит, дорогая? Что у тебя на уме?
— Сегодня праздник или что-то в этом роде, Терри?
— С чего ты взяла?
— Ты пытался кому-нибудь звонить?
— Разве телефоны не работают?
— Работают, но никто не отвечает.
— Не глупи! Откуда они, спрашивается, знают, кто звонит?

Фриборд с отвращением взглянула на него и возобновила свое занятие.

— Иногда ты бываешь ужасным идиотом.
— Это дар Божий.
— Я девять раз пыталась связаться с офисом, — продолжала она, — но никто не поднимает трубку. Даже автоответчик не работает.

Она кивком головы показала на лежавшую на столе трубку.

— Видишь? Держу двадцать минут.

Дир поднял трубку, поднес к уху и, услышав отдаленный звонок, нахмурился и осторожно положил трубку на рычаг.

— Кто знает, может, какой-то телефонный террорист сообщил о бомбе и полиция всех вывела из помещения?

— А может, и нет. То же самое происходит, когда я пытаюсь заказать междугородку.

¹ Танец, похожий на румбу.

Черт!

Она оторвала лист от распечатки и нервно его смяла.

Теперь придется начинать все долбанные расчеты сначала!

Дир опустил голову и сунул руки в карманы.

— Господи, как мне не хватает собак! — проныл он. Фриборд с новой силой ударила по клавишам.

— Один семьдесят два умножить на...

Внезапно сообразив что-то, Дир встрепенулся и охнул:

— Собаки! Я забыл взять собак!

— Ничего подобного, ты их привез, — буркнула Фриборд. Дир недоуменно нахмурился.

— Нет, пуделей здесь нет, — нерешительно возразил он. — Должно быть, я их где-то оставил.

— А я могла бы поклясться, что ты их сюда притащил, — рассеянно пробормотала Фриборд, погруженная в вычисления.

Дир с тоской взглянул на телефон. «Начнем Бегуэн» только что закончилась, и звонок в трубке казался более звучным, хотя по-прежнему невероятно далеким. Дир покачал головой, закусил губу и едва слышно спросил себя:

— Ну как же я мог забыть о моих песиках?

Глава 5

Троли прихлебывала чай с сахаром и молоком, глядя в окно на сплошную пелену дождя.

— И сколько еще это продлится? Прогноз погоды слышали?

— Нет, — покачал головой Кейс. — Ни радио, ни телевизор не работают.

— Должно быть, дело в буре. Сплошной треск и полосы.

— Да, я тоже пробовала.

Взгляды их встретились. Они сидели друг против друга в уютной утренней гостиной, расположенной рядом с кухней. Кейс взялся за ручку фарфорового чайника.

— Еще?

— Не стоит.

Кейс налил себя чая, шурша оберткой, бросил в чашку два кусочка сахара.

— И что вы об этом думаете?

— О чем?

— Да обо всем вообще, — заметил Кейс, помешивая чай. — Похоже, мисс Фриборд все это невероятно наскучило, однако именно она уговаривала меня согласиться сюда приехать.

— И меня тоже.

— Утверждала, что делает невероятно огромное одолжение какому-то другу. Забыл его имя. Ах да, кажется, Редмунд. Джеймс Редмунд.

— О!

— Вы его знаете?

— Видите ли, Гэбриел, мистер Дир долго издевался над приятелем мисс Фриборд по дороге сюда. Клялся, что видел лица куда добрее и порядочнее в злочных кварталах Гамбурга. Не об одном и том же человеке мы говорим? Он курит трубку? — полюбопытствовала Троли.

— Понятия не имею. Мисс Фриборд сказала, что он заклинал ее устроить этот эксперимент. Кстати, она вам тоже это говорила?

— Не совсем. Просто объяснила, что в доме поселились привидения и она никак не сможет его продать, даже за сущие гроши.

— Она права, к сожалению, — согласился Кейс, покачивая головой.

Они обменялись сочувственными взглядами и неожиданно разразились дружным

смехом.

— Думаю, рано или поздно мы узнаем, что за всем этим кроется, — задыхаясь, пробормотала Троли.

— Обязательно. Просто уверен.

Барабанная дробь дождя внезапно убыстрила темп, и Троли повернулась к окну. Лило с такой силой, что даже деревья расплывались в кисельной дымке.

— Напоминает мне о прочитанном когда-то фантастическом рассказе, — заметила она. — О планете, где никогда не прекращался дождь. Кого хочешь с ума сведет, верно?

— Еще бы!

— Кстати, не откроете ли, каким образом вы стали знатоком в области сверхъестественного?

— Причиной всему стала смерть, — глухо отозвался Кейс. Анна молча выжидала.

— Смерть близкого человека, — продолжал он, — которого я любил больше жизни... Больше себя. Я был одержим жадной догадкой доказать себе, что она не ушла насовсем. Господи Боже, существует ли боль потери острее этой? Казалось, что я еще при жизни попал в ад.

Он повернул голову в сторону гостиной.

— И никакого Коула Портера. Жаль. Я уже привык к этой мелодии.

Кейс рассеянно взглянул на чашку и по привычке помешал чай.

— О, я всегда верил в существование души. Теоретически. Дух торжествует над плотью и тому подобное. Но моя скорбь нуждалась в большем. В доказательствах.

— И поэтому вы пытаетесь доказать существование призраков.

Лицо Кейса озарилось теплой искренней улыбкой.

— Как по-вашему, мне это удастся, Анна?

— Да. Думаю, так и будет.

Дождь мгновенно стих, превратившись в морось.

— А как насчет вас?

— Меня?

— Да, как вы открыли свой дар?

— Мой дар? — с горькой иронией переспросила Троли.

— Как странно вы это сказали, — удивился Кейс.

Троли поморщилась.

— Мой дар, — тупо повторила она.

— Да, как вы его обнаружили в себе, Анна? Кстати, существует древний египетский вариант зарождения жизни, согласно которому Господь все время твердит Адаму, что тот когда-то бы светлым ангелом, и объясняет, как он и Ева были за грехи лишены телепатических способностей и возможности читать мысли на расстоянии. Возможно, когда-то эти свойства для людей были вполне естественны. Вы родились такой, Анна?

Троли нервно передернула плечами.

— Нет, — покачала она головой, — вовсе нет. Впервые он прорезался, когда я перенесла сильное сотрясение мозга. Я везла в машине четырехлетнюю дочь. Дорога обледенела. Машину развернуло и ударило о столб. Малышка погибла.

— О, мне ужасно жаль.

Экстрасенс встрепелась и встревоженно огляделась.

— Кто-то сильно напуган. Я чувствую его страх.

— Ничего с ним не случится, — заверил Кейс. Троли чуть подняла брови.

— Откуда вы знаете?

— Всего лишь предполагаю.

— Что именно?

— Видимо, речь идет о почтенном мистере Дире. По-моему, он просто трясется от ужаса.

— Вполне возможно.

— Кстати, — нахмурился Кейс, — он спрашивал меня, видел ли я его маленьких

пуделей. Что за бред!

— Меня тоже.

— И что вы ему сказали?

У Троли отчего-то сделалось совершенно бессмысленное лицо. Немного подождав, Кейс заговорил о другом.

— Вы когда-нибудь пытались установить связь с дочерью?

— Несколько раз.

— Успешно?

— Не знаю. Мне кто-то отвечал.

— Но вы не уверены?

— Мертвецы лгут. Они всего-навсего люди.

Кейс откинулся назад и с силой прижал ладони к краю стола.

— Как удивительно, что именно вы так считаете! — воскликнул он.

— Я лишь высказываю свое мнение.

— Я о другом. Это подтверждает теорию еще одного человека.

— Неужели?

Кейс заметно оживился; глаза заблестели.

— Существует крайне занимательная книга, написанная латвийским ученым Раудивом, который утверждает, будто записал на магнитофон голоса усопших. Книга называется «Прорыв: Электронная теория общения с мертвыми». Вы ее читали?

— Слыхала.

— Прекрасно. Так вот, автор утверждает примерно то же самое, что и вы: будто познания мертвецов ограничены опытом их жизни на земле и что на его вопросы они давали лживые и зачастую противоречивые ответы.

Троли кивнула.

— Голоса были невероятно слабыми, — продолжал Кейс, — почти заглушались шумом усилителя и имели странный переливчатый ритм. Некоторые стонали, просили о помощи, словно их обладателей жестоко мучили, другие звучали, казалось, довольно даже счастливо. Раудив даже узнал один голос, якобы принадлежавший его погибшему однокурснику. Раудив попросил двумя словами описать его нынешнее положение: слишком тяжело вслушиваться и различать голоса, — и он отчетливо ответил: «Я в аудитории». Ну разве не бальзам на душу?

Троли покачала головой, но глаза улыбались.

— В другой раз Раудив спросил, ни к кому в особенности не обращаясь: «В чем цель вашего нынешнего существования?» И получил вполне ясный ответ: «Учимся быть счастливыми».

Когда я прочел это, у меня возникло твердое убеждение, что Раудив соприкоснулся именно с той жизнью после смерти, которая описана К. С. Льюисом в «Расторжении брака». Там утверждается, что все мертвые собраны в одном месте, но воспринимают его по-разному — либо как ад, либо как рай. Просто их восприятие зависит от того, как именно они прожили жизнь в нашем мире. Не знаю. Честное слово, не знаю. Когда Раудив спросил, где они находятся, один голос ответил: «У ангельских врачей», второй — «Похоже на больницу», а третий — «Чистилище».

— Это отделение психиатрической больницы для буйных, — объявила экстрасенс.

Кейс недоуменно хлопнул глазами. Но Троли ничуть не смутилась.

— И некоторые пациенты, — добавила она, — очень опасны.

Кейс смело выдержал ее бесстрастный взгляд.

— Вне всякого сомнения, — выговорил он наконец.

— Уверяю вас.

— Кстати, о Раудиве и его записях...

— Да, если можно, расскажите еще.

— Он бросил эксперименты, когда голоса начали угрожать. Но перед этим еще успел спросить: «Бог существует?» И получил ответ: «Не в мире грез». Когда я прочел это, озноб

прошел по спине непонятно почему. И вдруг до меня дошло, что мир грез не там, а *здесь*.

На этот раз именно он впился глазами в Анну.

— Вы женились еще раз? — прервала она молчание.

— Нет, — вздохнул Кейс.

Ярко-желтые зайчики заплясали на стенах. Оба разом посмотрели на небо.

— Вот и солнце. Буря ушла, — обрадовался Кейс.

— Наконец-то.

— Люблю смотреть на умытое дождем небо. Великолепное зрелище, не находите? Ах, на этом свете столько всего чудесного, что иногда примиряешься с его печалью и бедами.

Троли вскинулась. Обычно бледное лицо залила краска.

— Что вы этим хотите сказать?

Кейс уклончиво пожал плечами.

— Я как-то слышал о женщине-наркоманке, только не совсем обычной. Она была помешана на хирургии. Перенесла десятки бессмысленных операций. Нет, она не была мазохисткой, просто свыклась с болью и не могла без нее жить. Это стало мотивом ее существования.

Троли выглядела чем-то взволнованной и неловко ерзала на стуле.

— Кстати, сегодня мы проведем сеанс? — осведомился он.

— Возможно, — сухо обронила она. — Посмотрим.

Кейс задумчиво нахмурился и, кивнув, пробормотал себе под нос:

— Возможно, и стоит... особенно если на этот раз попробовать что-то новое.

— На этот раз, вы сказали? — удивилась Троли.

— Простите? — непонимающе переспросил Кейс.

— Вы сказали «на этот раз», — повторила она. — Что это значит?

— Представления не имею. Я задумался и сам не знаю, что несу.

— Да, такое и со мной случается, — согласилась она.

— Прошу меня извинить.

Анна подняла чашку.

— Значит, вы преподаете в Колумбийском университете? — заметила она.

— Совершенно верно.

— Завидую вам. Работать в такой благоприятной среде! Сама атмосфера, кажется, стимулирует научные идеи! Кстати, вы живете рядом со студенческим городком?

— Нет, езжу на работу. А почему вы спрашиваете?

— Просто так, обыкновенное любопытство.

Троли глотнула чая и со стуком поставила чашку на блюдце. Кейс невольно обратил внимание на ее трясущиеся руки, и Троли поскорее убрала их под стол.

— Вы все еще тревожитесь за Дира? — спокойно справился он.

— Да. И за всех нас.

— Не волнуйтесь, — успокоил Кейс.

— Почему?

— Здесь никогда ничего не случается при дневном свете. Только в темноте.

* * *

— Малышки? Где вы, детки? Вы тут?

Совершенно сбитый с толку, несчастный, измученный, перепуганный Дир медленно брел по коридору. Исполненный решимости найти собак, он вошел в зал, откуда впервые появилась Морна, оттуда — в какую-то комнату и вскоре совершенно заблудился в лабиринте и хаосе каморок, салонов и клетушек.

Открыв очередную дверь, он заглянул в спальню.

— Песики! Вы тут? Мария? Помпетт!

Худосочные лучи солнца едва проникали в окно сквозь густые ветви гигантских дубов,

и только один, самый смелый, протянулся к бюро. Странно, что в нем, как обычно, не пляшут пылинки!

Но в следующее же мгновение пылинки весело завихрились на свету. В точном соответствии с Броуновским законом движения молекул. Дир вначале не поверил собственным глазам, но тут же забыл об увиденном и снова позвал:

— Эй, малышки!

Из коридора донесся зловещий скрип, похожий на осторожные шаги. Где-то тихо закрылась дверь. Дир затаил дыхание, но все же нашел в себе смелость шагнуть в коридор и осмотреться. Никого. Немного приободрившись, он вновь двинулся, сам не зная куда.

— Ну же, малышки! Мария Идальго! Помпетт! — звал он, прищелкивая языком, и уже остановился было перед другой дверью, как вновь послышался непонятный звук, нечто вроде отдаленного жужжания пчел, постепенно превратившегося в неясное бормотание. Дир, опасаясь шевельнуться, напряг слух и с трудом различил негромкий нестройный хор мужских голосов, говорящих... или молящихся... по латыни.

Дир недоуменно всмотрелся в полумрак и неожиданно различил что-то темное, скользнувшее в конец коридора. Это «что-то» открыло дверь последней комнаты, просочилось туда и снова закрыло дверь. И тут чья-то рука легла на его плечо. Глаза писателя буквально вылезли из орбит. Подпрыгнув так резко, что едва не вылез из кожи, он пронзительно завопил и с бешено заколотившимся сердцем обернулся.

— А, вот и вы, — приветствовал его Гэбриел Кейс, дружелюбно улыбнувшись. — Мистер Дир, я повсюду вас искал! Осматриваете дом?

— Да. То есть нет, — прохрипел писатель, прижав руку к груди. — Господи, как я рад вас видеть! — облегченно выдохнул он.

— Я примерно так и думал.

— Я заблудился.

— Еще бы! В таком доме это несложно! Совершенно хаотическая планировка, не знаешь, что куда ведет. Пойдемте, — пригласил он, — нам сюда.

Он вывел Дира в очередной коридор.

— Нам вас не хватало, — сообщил он.

— А мне не хватало двойной порции бренди с содовой. Кстати, что делает здесь священник?

— Какой священник?

— Откуда мне знать! Старый капеллан из фильмов с Борисом Карлоффом!¹ — взвизгнул Дир. — Я только сейчас видел его вон там!

Кейс остановился.

— Вы это серьезно?

— Пожалуйста, не стоит обращаться со мной, как с больным, доктор!

— Зовите меня Гэбриелом, — предложил Кейс.

— Я сказал, немедленно прекратите!

— Хорошо, «доктор», — немедленно согласился Кейс.

— Спасибо. Мне показалось, что я слышал бормотание и шепот на латинском, а потом увидел высокого священника, скрывшегося за дверью. Хотите сказать, что не знаете, кто это?

Кейс на секунду задумался и пошел дальше. Дир последовал за ним.

— Вы католик, мистер Дир?

— Экс-католик.

— Такое действительно возможно?

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли, все мы вполне способны увидеть *что-то* в этом доме, — вместо ответа утешил Кейс. — Наши подсознательные инстинкты обострились. Кроме того, вы слышали, как я рассказывал о монахинях, из которых изгоняли здесь дьявола.

— Хотите сказать, что у меня галлюцинации на религиозной почве?

¹ Английский актер, сыгравший в Голливуде Франкенштейна.

— Просто вы верите в сверхъестественное куда больше, чем готовы признать, и видели тени, а скорее всего это лишь игра вашего воображения. Можете вы отличить одно от другого?

— Лучше пойдем выпьем.

* * *

Анна Троли посмотрела на часы, села за письменный стол и открыла дневник.

"Сейчас пять двадцать три. Я потрясена и никак не пойму, почему согласилась пить чай с Кейсом. Мое влечение к нему становится все сильнее, а вместе с ним и ощущение, что он — погибель для меня, моей души, самой жизни. Стоит мне очутиться рядом, и я трепещу. Ну разве не абсурдно? Господи, помоги мне, я просто не знаю, что и думать. Неужели я спятила? Да, конечно, это почти все объясняет. Как все-таки легко сойти с ума! И все же некоторые странные головоломки — не просто игра моего воображения. Он и Морна, очевидно, не успели договориться: она заявила, что он живет рядом со студенческим городком, он же утверждает, что ежедневно приезжает на работу. Вероятно, кто-то из них, скорее всего девушка, не так меня понял. Но это и не важно. Главное, что моя интуиция буквально вопит об опасности, исходящей не только от Кейса. Я по-прежнему слышу голоса, сердитые, угрожающие. И это не плод моего воображения.

Они здесь".

Глава 6

Задыхаясь, изнемогая от ужаса, наглухо замурованная в узком сухом гробу ночи, Фриборд, вскочила и с криком села на постели.

— Черт, опять этот гнусный сон, — пробормотала она, поднося руку ко лбу. Ледяной и влажный. Словно в самом деле в могиле лежала!

Немного подождав, она спустила ноги с кровати, направилась в ванную, плеснула в лицо холодной воды и подошла к зеркалу. При виде бледного измученного лица Фриборд поморщилась.

— Возьми себя в руки, — приказала она своему отражению, но даже это не помогло. Сон, возвращавшийся с пугающей регулярностью, беспокоил ее, но она никак не могла припомнить, когда это началось.

Фриборд невольно вздрогнула. Нужно немедленно выбираться из этой комнаты к людям!

Выбежав из ванной, она схватила тяжелую пепельницу и ударила в стену.

— Ты здесь, мудак?

В ответ тишина. Она поставила пепельницу на место и устремилась к двери. В коридоре ни души. Дом словно вымер!

Подойдя к верхней площадке, она перегнулась через перила и заглянула в гостиную. Пусто. Горят только светильники.

— Терри! — снова позвала она. Но ответа не получила.

И тут откуда-то справа послышалось едва различимое бормотание. Она обернулась на шум. Он доносился из длинного пустого коридора, в котором были расположены комнаты Дира и Троли. В самом конце виднелась дверь. Несколько мгновений Фриборд ошарашенно разглядывала ее, но поскольку бормотание не смолкало, решительно двинулась к двери, и не успела ее распахнуть, как голоса мгновенно смолкли и ее приветствовали пустота и молчание. Фриборд нахмурилась и, вновь оказавшись в коридоре, заметила в противоположном конце еще одну дверь.

— Терри, пламенный ты хрен, — окликнула она, — это ты там дурака валяешь?

Раздался тихий стук, и она, обернувшись, увидела выходящую из своей комнаты Троли. Экстрасенс выглядела непривычно встревоженной и напряженной.

— Кто-нибудь есть там? — спросила она, вглядываясь поверх плеча Фриборд в затемненный внутренний коридор.

— Нет, — покачала та головой.

— Джоан, я бы, пожалуй, прогулялась по острову. Хотите пойти со мной?

— С удовольствием, — обрадовалась Фриборд.

Но им не суждено было насладиться обычной спокойной прогулкой.

* * *

— Ваше здоровье! — провозгласил Кейс.

— Вы все время это повторяете, — буркнул Дир, едва ворочая языком.

Они сидели в библиотеке на небольших диванчиках у камина. Кейс, перегнувшись через сосновый журнальный столик, наливал скотч-виски в высокий стакан Дира.

— Никто не заставляет вас пить, — заметил он.

— Я не ною, просто заметил это, вот и все. Наблюдательность — именно то свойство, в котором мы, художники, преуспели как нельзя лучше.

— А, так вы рисуете?

— Неужели обязательно сомневаться во всем, что я делаю? — буркнул расслабившийся, слегка опьяневший автор, вновь поднося к губам стакан и наслаждаясь чуть маслянистым вкусом виски.

И тут земля, казалось, на миг сошла со своей оси, резко дернулась и продолжила вращение. Дир опустил стакан и замер.

— Похоже, на этот остров только что приземлился борец сумо, — пробормотал он. — Почувствовали?

— Что именно?

— Не важно.

Дир сбросил туфли и вольготно растянулся на диване.

— Ну вот, теперь я непобедим. И способен задержать наступление ночи. Кстати, теперь можно и послушать о Карле Юнге и его призраке.

— Неужели решились?

— Честное слово, сэр.

— Ну так вот, он выглядел одноглазой старой каргой, — начал Кейс. — Юнг искал подходящее местечко, чтобы отдохнуть, и один его лондонский друг, тоже доктор, предложил пожить в его деревенском коттедже. В одну прекрасную лунную безветренную ночь, лежа в постели, Юнг слышал странный треск и стук в стену. Почувствовав, что в доме кто-то есть, он открыл глаза и увидел рядом на подушке уродливую старческую физиономию: правый, устремленный на него глаз так и светился злобой. Вся левая половина лица отсутствовала. Юнг слетел с постели, зажег все имевшиеся свечи и провел остаток ночи на улице, на походной кровати, которую успел вытащить во двор. Позже он узнал, что коттедж принадлежал когда-то старухе, умершей от рака глаза, и что с тех пор в нем появилось привидение.

— Я должен был знать, — промямлил Дир.

— Я рассказал все.

Дир потянулся за стаканом и, освежившись, задумчиво уставился в огонь.

— Однажды я тоже столкнулся со сверхъестественным. Тогда я жил в Будапеште, собирал материал к роману. Я почти никого там не знал и был очень одинок. Утром моего сорокового дня рождения я спустился в вестибюль, где меня ждала телеграмма, единственная моя почта за несколько дней. Всего несколько слов:

«С днем рождения, дорогой Терри. Твой брат Рей».

Дир взболтал виски и осушил стакан одним глотком.

— У меня действительно был брат Реймунд, только он умер в детстве. Телеграмму прислал другой брат, Эдвард. Но как «Эдвард» превратилось в «Рей»?

И, протянув стакан Кейсу, попросил:

— Могу я еще раз услышать: «Будьте здоровы»?

— Лед положить?

— Я нуждаюсь в тепле, дорогой мой, и не просто в тепле, а в огне. Только скотч. По мне мир и так достаточно холоден.

Кейс поднял почти опустевшую бутылку и вылил остатки в стакан Дира.

— Простите за любопытство, мистер Дир, или, вернее, Теренс. Не возражаете, если я вас так буду звать?

— Пожалуй, самое время.

Кейс поставил бутылку и снова сел.

— Могу я задать вам нескромный вопрос?

— Он имеет какое то отношение к ЛСД?

— Вряд ли.

— Или к священникам?

— Это возможно.

— Анри Бергсон, — процедил Дир, — считал, что основная функция мозга — отфильтровывать и отторгать большинство явлений реальности, с тем, чтобы мы могли сосредоточиться на простейших земных жизненных задачах. Когда фильтр ослаблен мощным наркотиком, все, что мы видим, не иллюзии, а чистая правда.

— Простите, не понял, — удивился Кейс.

— Я видел священника, — настаивал Дир.

— А, понятно! Но я не это имел в виду.

— Что же тогда?

— Что заставило вас отвернуться от церкви?

Дир, помолчав, снова приложился к стакану.

— Весь этот бред насчет геенны огненной и вечного проклятия. Неужели лишь потому, что предпочитаю штаны юбкам, я обречен принимать ванны из настоя перца чили и есть пирожные с начинкой из напалма вместе с серийными убийцами, маньяками и растлителями детей в дантовской преисподней? Это справедливо?

— Никто такого не утверждает, — поспешно заверил Кейс.

— Вот и все.

— В любом случае вы с этим покончили.

— Абсолютно. Смерть есть смерть и ничего более.

— Кстати, еще одно насчет того одноглазого призрака.

Дир схватился за голову.

— О Господи!

— Вам это неприятно?

— Нет, ничего страшного. Просто ноготь сломался. Видите ли, в моей семье у всех такие ногти. Фамильный порок.

— Ясно.

— Так что там насчет призрака?

— Привидение заговорило с Юнгом.

— Иисусе милостивый!

Кейс с некоторым недоумением поднял брови.

— И что он сказал? — допрашивал Дир.

— Когда вы научитесь прощать других, Юнг, может, наконец сумеете простить и себя.

Дир побледнел, как пораженный громом.

— Он в самом деле это сказал?

Кейс, не спуская с него глаз, покачал головой.

— Нет.

— Вы опасный человек, доктор Кейс, — мягко заметил Дир. — Это мои слова. Да, с вами лучше не связываться.

Кейс отвернулся и взглянул в окно. От деревьев протянулись длинные тени, и птичий хор звучал уже устало, совсем не так задорно, как час назад.

— Солнце садится, — обронил он. — Скорее бы ночь.

* * *

— Чудесное небо, — обрадовалась Троли.

— Небо, как небо, — пожала плечами Фриборд.

Они выбрались из рощи на берег, где солнце играло на золотистой поверхности воды. Но риэлтор думала о чем-то своем, упорно глядя в землю.

— Что-то неладно, Джоан?

— Не-а.

— Вы кажетесь чем-то расстроенной.

— Нет, все в порядке. Просто размышляю.

— О чем?

В эту минуту она вспоминала сон с ангелом, чье имя так и не запомнила. Странное загадочное предупреждение насчет моллюсков! До того ей почему-то пришла на ум Эми О'Доннел, ее лучшая подруга по школе святой Розы в Бронксе. Умерла в девять лет. Пневмония.

— Ничего особенного, — пожала плечами Фриборд. — Бизнес. Не знаю.

Она остановилась и, сощурившись, посмотрела на солнце.

— Слышите?

— Что?

— Похоже на органную музыку. Прислушайтесь.

Троли, помедлив, кивнула.

— Да, — коротко подтвердила она. — Очень далеко.

— Похоже, здесь где-то каток.

— Вероятно.

Фриборд кивнула, и женщины направились вдоль по Полосе песка.

— Так вот он, Манхэттен, — выдохнула Троли, глядя на юг. — Я никогда настоящего там не бывала. Возможно, стоит побродить по нему перед возвращением домой. Как по-вашему, это интересный город?

— Мать его...

— Значит, не рекомендуете? — серьезно допрашивала Троли.

Фриборд смерила ее бесстрастным взглядом. Экстрасенс ничуть не притворялась, ей действительно интересно, только в глазах мелькали веселые искорки.

— А вы ничего, — вынесла вердикт Троли.

— Правда?

— Честное слово. Вы настоящая.

Сунув руки в карманы джинсов, она отвернулась и уставилась себе под ноги.

— Интересно, где они прячутся? Призраки.

— Простите?

— Эй, взгляните-ка на это! — резко вскрикнула Фриборд, показывая на покрытый песком предмет, выглядевший так, словно его только что вынесло на берег.

Девушка наклонилась и подняла его. Это оказалась бутылка шампанского. Фриборд почистила ее и прочла выцветшую, с размытыми буквами этикетку.

— "Вдова Клико"...

Троли, вновь забеспокоившись, нахмурилась.

— Не откупоренная, — заметила она.

— Именно.

Фриборд подняла глаза, и Троли проследила за направлением ее взгляда, туда, где причудливо изломанная береговая линия исчезала из поля зрения. Женщины не шевелились, обозревая горизонт. Легкий весенний ветерок играл подолом платья Троли; ткань громко хлопала, как намокшая парусина. Фриборд опустила руку, и бутылка, выскользнув из ее пальцев, бесшумно легла на безмолвную настороженную землю. Женщины одновременно повернулись и медленно направились к особняку. Никто не произнес ни слова.

* * *

Войдя, они разбудили Дира, дремавшего на диване в библиотеке. Едва до него донеслись их мягкие, приглушенные голоса, он приоткрыл налитые кровью глаза.

— Пойду полежу еще немного, — говорила Троли. — Даже не пойму, почему я так устала.

— И я тоже, — согласилась Фриборд.

Послышались шаги, стук открывающихся дверей, и все стихло. Дир опустил веки и глубоко вздохнул, но тут же снова распахнул глаза и прислушался. Лай! Опять! Звонкий, захлебывающийся, перемежающийся повизгиванием. Лицо Дира осветилось счастьем.

— Малышки!

Значит, он все-таки привез их с собой!

— Доктор Кейс! — громко позвал он, выходя в гостиную.

Только сейчас до него дошло, что он не знает, в какой комнате поселился Кейс. Дир поспешил на кухню, но Морны там не оказалось. Он поежился. Придется идти одному.

Глава 7

Вымотанная донельзя Фриборд, чувствуя себя не в своей тарелке, легла на постель и вперилась в потолок. Что-то не так, она нюхом чует.

Фриборд сжала кулаки, закрыла глаза и попыталась привести себя в чувство, стряхнуть навалившуюся тяжесть. Средний палец правой руки вызывающе поднялся.

— Плевать на призраки. Пожалуй, лучше встать.

Она так и сделала, и, к ее величайшему восторгу, внизу заиграли на пианино. Второй концерт Рахманинова, вторая часть, ее любимая, задумчивая, пронизанная мечтой о несбыточном. Единственное классическое произведение, которое было ей знакомо, хотя она так и не узнала его названия. Просто слышала в кино.

Завороженная Фриборд встала, вышла в коридор и перегнулась через перила. За роялем сидел Кейс. Словно притягиваемая магнитом, она медленно спустилась, не замечая, что все тревоги улеглись. При ее приближении Кейс поднял глаза. Он улыбнулся и перестал играть.

— Что-то в этом духе, — сказал он с явным пренебрежением к собственным способностям.

— Это моя любимая вещь, — сообщила Фриборд.

— Правда? В таком случае я продолжу.

Он снова положил руки на клавиши. Фриборд осмотрелась.

— А где Терри?

— Перед тем как мы расстались, он растянулся на диване в библиотеке, притворяясь очень большим манускриптом.

— Чем?

— Он один выпил едва ли не бутылку виски.

— Понятно.

— Вы с Анной хорошо прогулялись?

— Какая прогулка? — удивленно переспросила Фриборд.

— Не важно, — покачал головой Кейс. В глазах его застыла непонятная печаль.

* * *

— Где вы, малыши? Ко мне! Ко мне!

Измученный, цеплявшийся за остатки храбрости Дир, тяжело дыша, медленно пробирался по коридору в самой глубине дома. Здесь не было окон, а свет из узорчатых медных бра почти не пробивался сквозь мрак.

— Малышки? Ну же, где вы?

Дир рыгнул и поморщился, почувствовав на языке вкус спиртного. И оцепенел. Сзади раздался протяжный треск, словно что-то валилось сверху. Лампочки светильников мигнули и стали медленно гаснуть. Дир судорожно сглотнул, уговаривая себя не паниковать.

— Я сотни раз описывал подобные сцены, — громко сообщил он в темноту и, обернувшись, оглядел коридор.

Все тихо. Лампочки снова налились светом, и писатель мгновенно ощутил, как изменилась общая атмосфера, словно некая тяжелая давящая сила покинула коридор, и воздух мгновенно очистился. Дир выдохнул и продолжил путь, пока не добрался до двери по левой стороне, открыл ее и заглянул в просторную спальню.

— Малышки?

Никого не обнаружив, он двинулся к следующей двери. Еще одна спальня с широкой постелью. Справа туалетный столик. Комната явно принадлежит женщине.

— Малышки?

Нет ответа.

Все же он вошел и закрыл за собой дверь. Что-то словно притягивало его. Дир выглянул в окно, полюбовался бледным угасающим светом дня. Ветви дубов тянули свои скрюченные пальцы, словно ведьмы из сказки братьев Гримм. Дир включил лампу на ночном столике, где еще раньше заметил большую фарфоровую шкатулку, белую, разрисованную маленькими фиолетовыми кроликами. Он поднял крышку. Шкатулка оказалась музыкальной. Дир слегка улыбнулся, кивая головой в такт тинькающей мелодии Стивена Фостера «Джинни со светло-каштановыми волосами».

Кто поставил ее сюда?

Дир осторожно опустил крышку и уже было выпрямился, но тут что-то показалось ему странным. Он провел пальцем по столу и поднес его к глазам. Ни следа пыли, а все деревянные поверхности, казалось, только что натерты полиролью. Кто убирал в доме? Невидимые слуги в том крыле, где он еще не был?

Он вспомнил о своем видении, человеке в черном. ЛСД или просто безмолвный дворецкий?

Что-то защекотало ноздри. Запах духов? Розы?

— Могу я помочь?

Дир резко, как испугнутый кролик, подскочил. На него невозмутимо взирала Морна.

Слегка поклонившись, она перевела взгляд на шкатулку.

— Вы что-то ищете?

«Нет», хотел ответить Дир, но в горле застрял комок, сдавивший глотку, мешавший говорить. С трудом откашлявшись, он поправился:

— То есть да. Моих собак. Вы их видели?

— Маленьких? Нет.

Дир рассеянно кивнул, глядя на ее шею, но тут краем глаза заметил, что дверь по-прежнему закрыта.

— Откуда вы знаете, что мои собаки маленькие? Видели их в доме? Они тут?

Морна улыбнулась, словно наслаждаясь одной ей понятной шуткой, молча обернулась и поплыла к порогу. Секунду Дир смотрел ей вслед, растерянно взвесил на ладони шкатулку и, поставив ее на стол, бросился за женщиной.

— Морна... — начал было он, намереваясь расспросить ее о пуделях, но тут же осекся.

Морна исчезла.

И вдруг его подбросило. Лай. Отдаленный и приглушенный. Дир просиял, но тут же нахмурился, сообразив, что это лает очень большая собака. Однако он снова позвал:

— Малышки? Сюда!

Тявканье продолжалось. Дир ринулся навстречу звуку. В конце холла, за дверью!

Лай перешел в угрожающее рычание, перемежаемое пронзительным визгом, словно животное было чем-то страшно напугано. У самой двери Дир остановился, услышав мужской голос.

— Ну что, парень? Что с тобой?

Значит, там все-таки кто-то есть!

Он схватился за ручку, рванул дверь на себя и замер. Похоже, он оказался на кухне перед дрожавшей, злобно ощерившейся колли, попеременно то рычавшей, то жалобно скулившей. За столом восседали пожилые мужчина и женщина, и еще одна личность, на первый взгляд казавшаяся молодым католическим священником в сутане, саккосе и пурпурной епитрахили. Еще один священник стоял у окна — высокий, рыжий, сжимавший в руке переплетенный в красный сафьян том. Сидевшие зачарованно, словно в трансе, вперились в Диру, но рыжий священник, ничтоже сумняшеся, прошествовал к ним и взял со стола флакон, наполненный бесцветной жидкостью. В комнату вошла женщина в форме горничной. Она несла дымящийся кофейник. Диру словно никто не заметил, и даже собака вроде бы успокоилась, но тут горничная, случайно оглянувшись, издала пронзительный вопль и уронила кофейник. В этот же момент священник, уже успевший откупорить пузырек, резким взмахом руки плеснул его содержимое в лицо растерявшемуся Диру. И все находившиеся в комнате исчезли.

Потрясенный Дир развернулся и ринулся прочь.

* * *

Анна Троли спала и видела во сне, что Гэбриел Кейс подошел к кровати и протянул ей руку.

— Пойдем, Анна, — мягко сказал он.

И она внезапно осталась одна, и со свечой в руке пробиралась по подземному ходу к склепу. Она понимала, что ищет что-то, сама не зная, что именно. Остановившись, она подняла свечу. Склеп прямо перед ней. Она прислушалась. Чей-то шепот. Доктор Кейс.

— Анна, — повторил он, — Анна Троли.

И тут массивная каменная дверь склепа отворилась, и оттуда выплыл открытый гроб, в котором лежал кто-то в белом саване. Лицо трупа смутно белело расплывчатым пятном.

— Смотри, Анна! Смотри! — снова повторил Гэбриел Кейс.

Лицо мертвеца внезапно начало приобретать очертания, и Анна Троли проснулась, словно подброшенная невидимой силой. И с диким воплем.

Глава 8

Кейс вскинул бровь.

— Долить свежего мартини?

— Скорее уж внести свежую струю в мою жизнь, — пробормотала Фриборд.

Мрачная, недовольная, подвыпившая, она неловко скорчилась на высоком табурете в баре в библиотеке, рассеянно кроша окурки «Кэмела» в и без того набитую до самого верха пепельницу. Кейс, стоявший за прилавком, поднял шейкер с коктейлем и вылил остатки в стакан Фриборд, прежде чем начать готовить новую партию.

— Пока все, — объявил он. — Через минуту будет еще.

Фриборд неверной рукой подняла стакан.

— Салют!

Они торчали в баре почти час. Фриборд захотела выпить и принялась накачиваться спиртным, в чем и преуспела до такой степени, что в глазах поплыли круги, а по стойке запрыгали синие чертики. Разговор шел вроде бы ни о чем и сводился к ее ответам на вопросы Кейса о «вашем обворожительном друге, мистере Теренсе Дире». Теперь риэлтор наблюдала мутными, упрямо закрывающимися глазами, как Кейс льет джин «Бомбей» на кубики льда, брошенные перед этим в шейкер. Они тихо мелодично позвякивали.

— Док, вы на уровне?

— Пардон, не совсем понимаю, о чем вы.

— Я хочу сказать, вы действительно что-то понимаете в призраках? Не вляпались во все это дерьмо только из-за денег или потому что посмотрели «Охотников за привидениями» и чуток перевозбудились?

— Могу поклясться, что вторая причина отпадает. Что же до денег, поверьте, вы единственная, кто до сей поры посчитал нужным заплатить мне за работу.

Фриборд пошарила в сигаретной пачке.

— На что же вы живете?

Кейс взирал на нее с благожелательным терпением.

— Я преподаю, — мягко пояснил он. — Университет платит мне жалованье.

— Ну да, конечно.

— Я преподаватель, — повторил он.

— Поняла, поняла, не такая уж я пьяная, — огрызнулась Фриборд, трясущимися руками зажгла сигарету и швырнула на стойку золотую зажигалку.

Кейс долил ее стакан.

— Еще оливку? — вежливо осведомился он.

— Вы женаты?

— Да.

— Кого, на хрен, это интересует, — буркнула Фриборд, отводя глаза и хватая книгу, стоявшую на стойке.

— "Отрицание Смерти", — прочла она вслух. — Интересно?

— Для меня — да, — кивнул Кейс, наливая martini себе. — Я собирался перечитать ее сегодня перед сном. Ее автор — Эрнст Беккер.

— А кто герои?

— Это не фильм.

Фриборд уронила томик.

Кейс бросил в стакан оливку и сделал глоток.

— А вы замужем, Джоан? — в свою очередь поинтересовался он. Фриборд выдула кольцо дыма и покачала головой.

— И никогда не были?

— Никогда не была.

— А родные есть?

— Все умерли. Я была самой младшей, — неохотно обронила Фриборд. — Последней в роду.

— И ни одного родственника? Даже самого дальнего? — продолжал допытываться Кейс.

— Никого.

— Я заметил, что вы очень близки с мистером Диром.

— Он единственный человек, который не причинит мне зла.

— Мужчины часто ранили вас, Джоан?

— А, хрен с ним, — отмахнулась она и, шумно хлебнув martini, со стуком поставила стакан и снова схватила книгу. — Так о чем тут говорится?

— Вам вряд ли понравится.

Фриборд резко отдернула руку и уставилась в пустоту.

— Господи, опять у меня приступ «дежа вю».

— Неужели?

— Да, — кивнула она, — и очень сильный.

Кейс, опершись на стойку, подался вперед.

— Джоан, мне хотелось бы побольше узнать о вашей работе. Она интересная?

— Черт, да я ее обожаю, просто до посинения.

— Как мило!

— Не ем, не сплю, в сортир не хожу, только продаю и продаю гребаные дома и квартиры.

— Весьма недвусмысленное заявление.

Фриборд повернула голову к окну.

— Ужасно уединенное место. Как на краю света.

— Действительно.

— Интересно, часто тут гостят грабители?

— Не думаю, — бесстрастно ответил Кейс.

— Да не смотрите вы на меня так, будто я дегенератка какая! Крыша у меня еще не едет, — выпалила она, раздраженно сузив глаза. — Десятки бывших моряков-подводников становятся преступниками. Почему, спрашивается, в Малибу стало невозможно жить? Там только что дома не разбирают. Выносят все до нитки. А здесь есть чем поживиться.

— Я никогда об этом не думал, но вижу, что вы не так уж не правы.

Фриборд снова принялась возиться с книгой и при этом чуть не опрокинула стакан.

Кейс едва успел его подхватить.

— Эй, чувак, спасибо, — проямлила она.

— Не стоит.

— Вовремя подспели.

Она в который раз взгляделась в обложку.

— И все-таки, док, о чем тут пишут? Хорошая книга?

— Речь идет о том, как мы справляемся со страхом смерти, пытаюсь с головой уйти в такие развлечения, как секс, власть и деньги.

Фриборд в недоумении уставилась на него.

— И на хрен в таком случае нужна смерть?

— Именно.

— Мне дорога жизнь, — продолжала она.

— Еще бы! — кивнул Кейс. — Столько игрушек!

Фриборд облокотилась о стойку, закрыла лицо ладонями.

— Столько игрушек! — едва слышно повторила она. Слова, казалось, застревают в горле, словно она пыталась вытолкнуть покрытый колючками кактус. — Да, целая куча игрушек. Вагон.

— Что с вами? — участливо спросил Кейс.

Фриборд затрясла головой.

— Не хотите рассказать?

Фриборд тихо всхлипывала.

Кейс поставил стакан и положил руку ей на плечо.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, тут нечего стыдиться. Расскажите, — попросил он.

— Сама не знаю. Иногда я плачу без всякой причины. Не знаю. Не знаю, — прорыдала она.

— О чем вы сейчас думаете?

— Не знаю, — настаивала она.

Кейс осторожно коснулся пальцем ее щеки.

— Тогда поплачьте, дорогая, иногда это полезно, — начал он, но тут в комнату ворвался взъерошенный Дир и устремился к бару. Окинув взглядом сцену действия, он громко объявил:

— Вижу, вам уже море по колено!

— Что угодно, мистер Дир? — справился Кейс.
— Новое тело, — отвечивал писатель, — и мозг младенца.
— У меня готов мартины, мистер Дир.
— Ни за что, — замахал тот руками и показал на ряд бутылок за спиной Кейса. —
Передайте мне «Чивас Ригал» и стакан.
Кейс сочувственно кивнул и потянулся за бутылкой.
— Вы ужасно выглядите, — заметил он. — Что стряслось?
— Стряслось? Хотите знать? Ну, так я скажу, — отрезал Дир и уже раскрыл было рот, но увидев, с каким отчаянием смотрит на него Фриборд, вытирая глаза бумажной салфеткой, мигом заткнулся.
— Ничего, — буркнул он и, налив стакан на два пальца, вновь подчеркнул: — Совершенно ничего. Все как нельзя лучше.
В комнате появилась Анна Троли, очевидно, чем-то расстроенная. Быстро подойдя к стойке, она села рядом с Диром.
— Привет, Анна. Выпьете?
— Да, двойную порцию, — выдавила она.
— В таком случае, я полагаю, что все в порядке? — вставил Кейс.
— Простите, не поняла.
Кейс с невинным видом воззрился на нее.
— Нет, это я так.
Дир повернулся к Троли, внимательно изучил ее осунувшееся посеревшее лицо, трясущиеся руки, вцепившиеся в стойку, и посмотрел в глаза.
— А вы что видели?
Фриборд резко вскинула голову.
— Что? Что вы имеете в виду? Кто и что тут видел?
— Ничего, — выдохнула Троли, глядя прямо перед собой.
— А я и того меньше, — сообщил Дир.
— Вот и прекрасно, — обрадовался Кейс, снимая бутылку с полки. — Вам сухой шерри с капелькой джина, Анна?
Троли как-то странно передернулась.
— Ну да, — выговорила она наконец, — именно.
Дир опрокинул в рот содержимое стакана.
— Будьте здоровы, — пожелал Кейс.
— Это не смешно, — прорычал Дир.
— Я и не сказал, что это смешно.
— Там ничего не было, — настаивал Дир.
— Знаю.
— Мать вашу, о чем это вы толкуете? — взвилась Фриборд, чье раздражение с каждой минутой все больше нарастало.
Она так и лезла в бой, мечтая сорвать на ком-нибудь злость, но Дир успокаивающе похлопал ее по руке.
— Не обращай внимания.
Кейс поставил бутылку перед Троли.
— Я заметил, что у вас отсутствующий взгляд, — шепнул он. — Чувствуете приближение чего-то...
— Ничего нового, — почти беззвучно ответила она.
— Простите, не расслышал, — извинился Кейс. Глаза Троли прожгли его, как два огненных стержня.
— Ничего нового, — повторила она.
— Вот как!
Кейс расстроенно взмахнул руками.
— Ну до чего же жаль, что ни телевизор, ни радио не работают! — простонал он. —

Как бы мне хотелось послушать шестичасовые новости!

— Вне всякого сомнения, — пробурчала Троли. — Да и мне тоже. Вот только не хотелось бы увидеть себя в этих самых новостях.

— О чем вы? — удивился Кейс.

— Ни о чем.

Она пригубила шерри. Руки ее по-прежнему заметно тряслись.

— Кстати, о новостях, — начал Кейс, обернувшись к стойке. Фриборд и Дир о чем-то тихо переговаривались. Кейс откашлялся и спросил:

— Интересно, что вы думаете о внешней политике, проводимой президентом Клинтоном?

Гробовое молчание было ему ответом. Фриборд и Дир тупо уставились на Кейса. Выражение их лиц, как и у Анны Троли, было недоумевающе-озадаченным. Все, как по команде, затаили дыхание, и, кажется, было слышно, как падают на пол и мебель пылинки.

Кейс переводил вопросительный взгляд с одного лица на другое. Наконец Дир, нахмурившись, осведомился:

— *Каким* президентом?

Кейс замер, словно выжидая чего-то, и с оттенком некоторого сожаления, спохватился:

— О, я имел в виду президента Буша! Как глупо вышло! Прошу простить!

Но все трое, оцепенев, продолжали пялиться на него. Первой очнулась Троли и уткнулась в свой стакан. Немного посидев, она обернулась к окну, глядя на кроваво-красный глаз солнца, постепенно тонувшего в грязно-коричневых водах реки.

— Уже почти стемнело, — выдохнула она. — Ночь наступает. Кейс лишь покачал опущенной головой.

* * *

Немного позже Троли, поднявшись в свою комнату, раскрыла дневник, прочла последнюю запись и дополнила, тщательно выводя каждую букву:

«Начало десятого. Страх одолевает меня все больше. И что тут странного? Существовать в безграничном мраке этой Вселенной, мучаясь и не зная, откуда мы пришли и куда уйдем, удерживаться на бешено вращающемся в пустоте обломке скалы, разве это само по себе не ужасно? Если смотреть на вещи с рациональной точки зрения, страх — такая же неотъемлемая часть нашей жизни, как еда, дыхание, смерть. И все же сейчас я испытываю нечто совершенно иное, это кошмар другого рода. Я боюсь не призраков. И ощущаю присутствие чего-то леденяще чуждого и неумолимого, не из нашего мира. Кейс хочет устроить сегодня сеанс. Гибельная мысль! Боже, помоги мне! Я с тоской и отчаянием жду того, что может проникнуть в эту дверь!»

Глава 9

Фриборд сидела на краю кровати, отчетливо сознавая, как ум заходит за разум, когда слышала стук. Она нервно дернулась и, поежившись, сжала ладонями лицо. Рядом корешком вверх валялся открытый том «Отрицания Смерти». Она читала книгу, пока глаза не заболели, хотя по сравнению с бурей, бушевавшей в голове, это были сущие пустяки.

Кому это вздумалось стучать?

Вставать никак не хотелось.

Но стук повторился, на этот раз куда громче.

Фриборд даже не потрудилась поднять голову.

— Кончай, Терри, мне не до тебя!

Но дверь приоткрылась. На пороге, как она и предполагала, стоял Дир.

— Это я, — сухо объявил он.
 — Да неужели? А я и не зима!
 Дир почти рухнул на кровать.
 — Ты не сел на мои очки, Терри?
 — Нет. Джоан, что-то здесь неладно. Мне почему-то жутковато.
 — О, бросай ныть, Терри, умоляю!
 — Дорогая, я серьезен, как никогда, — заверил Дир. Уловив непривычную дрожь в голосе приятеля, Фриборд подняла глаза. Он был бледен как полотно, а глаза налились кровью.
 — Я не был так напуган с той ночи, когда увидел во сне, что за мной гонятся агенты КГБ.
 Фриборд поняла, что он не притворяется.
 — У тебя опять видения, Терри? — прошептала она, сурово хмурясь.
 — Джоан, клянусь всеми святыми, что забыл, когда в последний раз баловался с «кислотой».¹
 Он торжественно поднял руку, словно принося клятву на Библии.
 — Да? Ты забыл об остаточных явлениях? Вспомни гигантских кальмаров с лазерными ружьями и рекомендательное письмо от инопланетян!
 Вместо ответа Дир задрал рукав рубашки, открыв ярко-красный вспухший рубец, тянувшийся от внутренней стороны запястья до самого предплечья.
 — Похоже это на галлюцинации, Джоан? Взгляни хорошенько! Полюбуйся на мою руку!
 Несколько минут Фриборд ошеломленно таращилась на рубец.
 — Как... как это получилось? — охнула она наконец.
 — В одной из комнат в глубине дома были люди, — пояснил он, — причем двое из них — священники.
 — *КТО?!*
 — Говорю же, священники.
 — О, ради Бога, Терри!
 — Я не лгу! Один из них плеснул в меня чем-то!
 Фриборд попыталась дотронуться до алой полоски.
 — Нет, не прикасайся! — отпрянул Дир.
 — Похоже на ожог, — протянула она.
 — Это и есть ожог!
 Фриборд с сомнением покачала головой.
 — Надеюсь, ты ничего не гладил? Не пытался приготовить яичницу? И где же эти самые священники?
 — Не знаю, — выкрикнул Дир. — Исчезли!
 — Сбежали?
 — Просто растворились в воздухе.
 Фриборд театрально закатила глаза.
 — Ну да, конечно, так оно и было!
 — Но *вот это* осталось, — прошипел Дир.
 — Послушай, Терри, это могло случиться, когда Морна пролила на тебя кофе.
 — А то я не почувствовал бы!
 — Вполне возможно.
 — Я попытался дозвониться до лодочника, чтобы тот приехал и увез меня с чертова острова, но...
 — Ну и говнюк же ты! Что случилось с Фомой Неверующим?
 — Навсегда пропал вместе с теми священниками. Слушай, лодочник не ответил, — настойчиво твердил Дир. — Словно и не существовал. Я решил связаться с вертолетной

¹ ЛСД (жарг).

службой. Нет ответа. Попробовал поговорить с Пьером насчет собак. Нуль. Помнишь, ты спрашивала, не праздник ли сегодня?

— Да. Похоже, весь Манхэттен вымер.

— Ты не присматривалась к Морне?

Фриборд покачала головой.

— Послушай, Терри, да у тебя руки дрожат! — воскликнула она.

— Эти крохотные фиолетовые пятна на лице и шее...

— О чем ты?

— Ну так вот, она ими просто усеяна. Медики называют их «петехия», иначе говоря, точечное кровоизлияние. Я специально занимался этим вопросом, когда писал «Исповедь Гилроя».

— И что?

— Они появляются, когда кто-то умирает от удушья. Фриборд отшатнулась.

— Мистер Дир! Мисс Фриборд! Вы здесь?

Кейс. Это Кейс окликает их из гостиной, и в его голосе слышатся зловеще-мелодичные переливы, словно он поднимается густым туманом из бездонного омута-провала. Дир и Фриборд потрясенно переглянулись.

— Могу я поговорить с вами? — продолжал Кейс.

Откуда он исходит, этот ужас? Что его породило?

— Он воет, как Фредди Крюгер, — прошептал Дир.

— О, заткнись!

Дир поднялся, пересек спальню, выбрался в коридор и, перегнувшись через перила, увидел Кейса, стоявшего у круглого игорного столика, за которым уже сидела Анна Троли.

— А, вот и вы, — обрадовался Кейс. — А мисс Фриборд? Она тоже там?

— Да, слышу, — отозвалась Фриборд. — Что случилось?

Она нехотя поднялась и подошла к Диру.

— Что вы там затеваете?

— Если вы оба спуститесь, мы можем начать сеанс.

Глава 10

— Не потрудитесь ли сесть рядом со мной, мистер Дир? — попросила Троли.

— Почему с вами? Вы считаете, что я особо нуждаюсь в сверхчувственных вибрациях?

— Дьявол тебя побери, садись же, скотина, — прошипела Фриборд.

Троли хлопнула по стоявшему слева от нее стулу.

— Сюда.

— Так и быть, — согласился Дир.

— А вы — по правую руку, мисс Фриборд, — велела экстрасенс.

Фриборд кивнула и поспешно заняла свое место. Кейс уже устроился напротив Троли.

— Благодарю, — коротко бросила экстрасенс. — Можно приступать.

На столе лежали магическая дощечка и планшетка американского типа: кремовый кусок пластика в форме сердечка, с круглым отверстием в центре. Комната была погружена в темноту, только в камине полыхал огонь, да на столе мерцали толстые свечи.

Троли с поднятыми бровями обратилась к Диру:

— Как? Без магнитофона?

Дир покачал головой.

— Нет! — резко бросил он. — Не нужно, я запомню. И к тому же все записывается на пленку, — добавил он, показав на камеру, красный глазок которой был направлен прямо на столик.

— Прекрасно, — кивнула Троли. — А теперь я должна избавить вас от некоторых иллюзий и заблуждений.

— Избавить, — пробормотал Дир, даже не понимая, что говорит. Внимание его

целиком поглотила планшетка.

Троли проследила за направлением его взгляда.

— Никаких бубнов, тамбуринов, карт. Никакой эктоплазмы. Никаких явлений духов. Никаких голосов. Никакое существо не завладеет мной и не станет вещать моими устами. Однако если что-то возникнет, оно даст о себе знать. Мой жалкий дар, — сообщила она, глядя прямо на Кейса, — каким-то образом фокусирует... собирает энергию, большего ожидать трудно. Кстати, совершенно ни к чему выключать свет.

— Знаю, — согласился Кейс, — это просто чтобы создать настроение.

— Куда уж больше создавать, — огрызнулся Дир.

Фриборд сложила руки на груди и взглянула на Троли.

— И что должно произойти? — поинтересовалась она.

— Мне это неизвестно, — заверила экстрасенс.

— Неизвестно?

— Нет. Возможно, вообще ничего. А теперь возьмемся за руки.

Все последовали ее приказу.

— Я требую, чтобы вы успокоились и не шевелились. Попробуйте помочь мне, пожалуйста. Даже если вы считаете это моей прихотью и глупостью, постарайтесь не разговаривать и сосредоточить свои мысли на мне.

Анна закрыла глаза.

— Думайте только обо мне, — повторила она, — и о том, чего я стремлюсь добиться. А теперь закройте глаза, пожалуйста.

Они повиновались, и тут же послышался медленный скрип, словно приоткрылась дверь.

Дир тут же вытаращил глаза.

— Мистер Дир, ваши глаза все еще открыты? — строго спросила экстрасенс.

— Откуда, спрашивается, вам это известно, мадам? Подсматриваете?

— Вовсе нет. Прошу вас, слушайте.

— А теперь подождем, — пробормотала Троли. — Повторяю, попробуйте мне помочь. И ждите. Только ждите.

Последние слова были почти неуловимы. И дышала она замедленно и глубоко.

А потом снова заговорила, спокойно и размеренно:

— С нами кто-то есть?

Они выжидали. Слышалось только потрескивание огня.

— С нами кто-то есть? — повторила Троли.

Тишина. Прошла минута.

Дир открыл глаза и уже хотел отпустить какое-то ехидное замечание, когда по комнате словно пронесся ветер, погасив и огонь в камине, и свечи. Гостиная погрузилась в полный мрак, а в воздухе повеяло запахом реки.

— Вот это да, — бросил Дир, стараясь говорить небрежно и чуть свысока. — Как банально и унижительно! Я видел подобную сцену в «Незваном госте». Неужели наш бюджет так ограничен, что не выдержит благоухания мимоз, или сегодня в моде вонь гниющих водорослей?

Фриборд злобно затрясла головой.

Откуда-то возник жалобный, высокий, похожий на вой звук, а за ним — оглушительный грохот, бьющий по нервам.

— Уверены, что они не кусаются? — неловко пошутил Дир.

Кейс встал и спокойно подошел к окну, где колотилась о стену полуоторванная деревянная ставня.

— Вот беда, — заметил он, — кажется, грядет новая буря.

Он чиркнул спичкой и вновь зажег толстые зеленые свечи.

— Нельзя ли включить свет? — попросила Троли.

— Разумеется.

Кейс подул на спичку и стал нажимать подряд на все выключатели ламп и светильников. Вернувшись к столу, он сел и заметил:

— Похоже, мать природа, а не матушка Троли подшутила над нами.

— Мои извинения, мадам, — поклонился Дир.

— А теперь мы можем продолжать? — осведомилась Троли.

— Ваш слуга, — вздохнул Дир.

Но в отличие от других лишь сощурил глаза и на дальнем конце комнаты увидел ту самую колли, с которой уже сталкивался сегодня. Собака взвизгнула, подпрыгнула и исчезла.

— Мистер Дир, ваши глаза закрыты? — настойчиво справилась Троли.

— О, ради Бога, конечно, — раздраженно отозвался Дир, поспешно зажмурившись.

Воцарилась тишина, какая бывает лишь в соборах перед утренней службой или в снах, когда паришь над вершинами деревьев.

— Есть здесь кто-нибудь? — тихо повторила Троли.

Молчание.

Дир открыл глаза, отпустил руки Троли и Кейса и встал.

— Я больше не желаю в этом участвовать, — сухо объявил он. Остальные открыли глаза.

— Похоже, сегодня ничего не получится, верно? — деловито спросила Троли.

— Похоже, — согласился Кейс. — До сих пор все было спокойно, так что ваши клиенты в полной безопасности, Джоан.

— Я не сказала, что не чувствую постороннего присутствия, — вмешалась Троли.

— Вот черт, — пробормотала Фриборд, отводя взгляд.

— Доброе или злое? — осведомился Кейс.

— Опасное, — обронила Троли, чуть помедлив.

Дир дернулся было к выходу, но Фриборд схватила его за руку и потянула обратно.

— Теперь я — Фома Неверующий и требую доказательств, — твердо объявила она.

Заметив на ее физиономии искренний интерес, Дир негодуяще фыркнул. Кейс заерзал на стуле.

— Может, попробуем что-нибудь новое, Анна?

Троли пристально уставилась на него, не отвечая. Потом опустила голову и вздохнула.

— Да. Магическую дощечку. Как вы и предлагали.

— Стоит попытаться, — кивнул Кейс.

Дир смотрел мимо него на дверь, у которой заметил собаку.

— Мистер Дир, вы согласны? — допрашивал Кейс.

— Да, какая разница.

— Вы что-то видели?

— Видел?

— Я заметил, что вы как-то странно смотрите вдаль.

— Ничего я не видел, — вскинулся Дир.

— В таком случае начнем, — предложил Кейс. — Если не возражаете, я останусь простым наблюдателем. Валяйте. Вы уже когда-нибудь делали это?

— По крайней мере я знаю, что почем, — кивнула Фриборд.

— А вы, мистер Дир?

— Нет. А также не взбирался на Тадж-Махал и не прыгал с самолета без парашюта.

Троли шепотом объяснила правила, и минуту спустя все, кроме Кейса, поставили кончики пальцев на планшетку, медленно скользившую по доске.

— Вот так, — кивнула Троли, — почувствуйте, как она дрожит под рукой.

— На самом деле, именно вы ее двигаете, — вмешался Кейс, — то есть ваше подсознание. Поскольку именно оно может проложить мостик в реальность. Дух передает послание в подсознание, которое и побуждает ваши пальцы двигаться. Как по-вашему, Анна?

— Возможно, вы правы. Да, — кивнула экстрасенс.

— Объясните еще раз, почему мы это делаем, — потребовала Фриборд, не сводя глаз с

планшетки. Что-то словно втягивало ее в этот странный процесс. И что-то действовало на нервы.

— Чтобы удостовериться, что этот дом вполне безопасен для ваших клиентов, — объявил Кейс, переглянувшись с Троли.

— Да, совсем забыла, — проворчала Фриборд.

Дир покачал головой и пробормотал:

— Какое бесстыдство!

— Ты так распугаешь всех духов, козел!

— Теперь поднимите руки, — наставляла Троли.

Планшетка замерла, и экстрасенс закрыла глаза. Ни звука.

Троли опустила голову.

— Кто здесь?

Ничего не произошло; планшетка осталась на месте. Троли хотела было повторить вопрос, но планшетка дернулась, остановившись на слове «да», в верхнем левом углу доски. Дир помотал головой.

— Я не делал этого, — спокойно заметил он. — Это твоя работа, Джоанн?

— Нет, твоя!

— Кто здесь? — пробормотала Троли.

Тишина. Воздух сгустился, как перед грозой. Зловещее ожидание повисло в атмосфере.

Анна свела брови. Какая-то смутная тревога не давала покоя.

— Кто здесь?

И прежде чем она сумела договорить, планшетка буквально рванулась вниз, и встала на букву.

— Б. Буква "Б"! — воскликнул Кейс.

Планшетка снова задвигалась, увлекая за собой их пальцы.

— Брось баловаться, Терри, ты ее подталкиваешь, — обвинила Фриборд.

— Вовсе нет!

Кейс стал громко называть буквы: М, Б, И, Й, Ц, А, З, Д, Е, С, Ъ.

— Все.

— Мбийца здесь? — удивился Дир. Казалось, его снедало нетерпение; весь цинизм куда-то девался.

— Бессмыслица какая-то, — пожала плечами Фриборд.

Но планшетка поползла на «нет».

— Нет, — задумчиво протянул Кейс. — Опять! Опять!

Планшетка встала сначала на "М", потом на "У".

— М-У, — выдохнул Кейс. — Нет "М", "У", и что это может значить?

— Не "М", а "У", — предположил Дир. — Вот оно! "М" — неверно, нужно "У"!

— Убийца здесь! — воскликнула Фриборд.

Планшетка метнулась на «да».

— Господи, это Куондт! — охнул Дир. Все потрясенно затихли.

— Ты Эдвард Куондт? — спросила Анна.

Где-то снова раздался скрип. Фриборд спохватилась, что скрипит тяжелая резная дверь, ведущая в склеп. Она почувствовала, как леденеют пальцы. Но тут планшетка снова пришла в движение, остановилась на слове «нет» и стала метаться с такой быстротой, что Кейс едва успевал следить за ней глазами.

— М, О, Д, Н, И, З, В...

Троли побледнела.

— Убийца один из вас, — едва вымолвила она. Несколько минут все молчали. Потом Фриборд взорвалась:

— Немедленно отними руку, Терри, у меня крыша едет!

— Я тут ни при чем, — запротестовал Дир.

— Я сказала, *отними руку!* — прошипела она.

Дир случайно поймал взгляд Троли и отшатнулся, увидев в ее глазах слезы. И обернувшись к Кейсу, заметил его сочувственный взгляд. Губы Гэбриела шевелились.

— Нет, Анна, — беззвучно твердил он. — Нет. Только не ты.

— Да какого дьявола тут творится? — подивился про себя писатель, отнимая руки от планшетки.

— Скажите, кто сюда явился? Кто вы? Как вас зовут? — повторяла Троли.

Планшетка оставалась на месте. Фриборд повернулась к Диру с понимающей и обвиняющей улыбкой.

— Вот как! — прошипела она, кивая, и снова вперилась в планшетку, которая переместилась на букву "Д".

— Д, — прочитал Кейс. Фриборд громко вторила ему. Вместе они сложили слово «допустить».

— Допустить, — хмыкнул Дир. — Допустить?

— И что это, спрашивается, значит? — гадала Фриборд. — Что именно мы должны допустить?

— Или кого, — добавил Дир.

Планшетка уже металась между буквами И, Д, Т, И.

— Идти? — пробормотал Дир.

Троли поморщилась и поднесла пальцы к вискам. Мигрень нанесла коварный удар исподтишка. Стоило ей убрать руки, как планшетка слетела с доски, спорхнула на пол, завертелась и замерла.

Кейс участливо положил руку на плечо Троли.

— Что с вами? Что случилось?

— Придется на этом закончить. У меня голова раскалывается.

— Ужасно жаль, — посочувствовал Кейс.

Фриборд все твердила, уставясь на дощечку:

— Принять. Идти... Какого хрена это значит?

— А что бы ты хотела, чтобы это значило? — холодно буркнул Дир.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что это ты ее двигала, Джоан!

— Бред!

— Намекаешь на то, что это миссис Троли? Немыслимо!

Фриборд вскочила и отошла от стола.

— С меня довольно, братцы. Все. Адью!

— Куда ты, любовь моя? — окликнул Дир.

— Не знаю. Мне все равно. Может, погуляю. Хоть свежего воздуха глотну.

Стук ее каблучков постепенно затихал. Входная дверь открылась и закрылась. Фриборд исчезла. Кейс повернулся к Троли. Она оперлась локтями о стол и крепко сжала виски ладонями.

— Как голова? — с искренним состраданием шепнул он.

— Чуть лучше.

Дир перевел взгляд с нее на Кейса.

— Мы закончили? — процедил он.

— По-видимому, да, — заверил Кейс.

Дир величественно выпрямился.

— Мистер Кейс, миссис Троли, позвольте поблагодарить вас за эти невероятно волнующие моменты. Никогда я еще так не радовался жизни, с тех самых пор, как один мой приятель уговорил меня перепрыгнуть через глубокую расселину в монгольских степях. Но теперь прошу извинить, мне нужно срочно позвонить.

Писатель поспешно повернулся и направился к лестнице. Кейс внимательно проследил, как он поднимается по ступенькам и исчезает в своей комнате, и только потом вновь взглянул на Троли.

— Попросить Морну принести аспирин?
— Н-нет, — заикаясь, выдохнула она.
— Не слишком удачный вечер, не находите?
Троли кивнула. Кейс смерил ее оценивающим взором и легонько коснулся плеча.
— Это вы двигали планшетку?
Троли уронила руки на стол и непонимающе уставилась на него.
— Что?
— Разумеется, бессознательно. Считаете, что стали причиной гибели своей дочери Бети? Что это вы — убийца?
Анна ошеломленно заморгала.
— Даже не знаю, что сказать, — выдавила она.
— Когда ваша дочь умерла... — начал Кейс.
Но она оборвала его на полуслове.
— Я никогда не называла вам ее имени.

* * *

Фриборд медленно брела вдоль берега, по давней привычке опустив голову и глубоко сунув руки в карманы джинсов. Тяжелые мысли терзали ее, не давали покоя. Она чувствовала себя не в своей тарелке. На душе скребли кошки. Сердце противно ныло, а в самой середине словно тлел крохотный, но ядовитый огонек, будивший в ней ощущение собственной никчемности, растерянности и страха. Причина была слишком хорошо известна.

Это все гнусный извращенец Кейс со своими дерьмовыми мартини. И со своей дерьмовой книжкой. Зачем только она ее читала?

Фриборд внезапно замерла и подняла голову.

Что-то неладно. Она это чувствует.

Тишина! Ни единого звука кругом! Она слышит, как бьется ее пульс, и ничего больше.

Бред какой-то!

Фриборд попыталась разглядеть деревню на противоположном берегу. Тумана не было, ночь выдалась ясная. Должны же быть там огни! Странно, везде полнейшая тьма. Она посмотрела на юг, в сторону Манхэттена. И тут глаза ее едва не выскочили из орбит от ужаса и шока. Она не помнила, сколько простояла вот так, в оцепенении.

— Что?! — неверяще выкрикнула она наконец и, вне себя от страха и недоумения, бросилась бежать к дому.

Глава 11

Задышающаяся Фриборд ворвалась в холл, захлопнула за собой дверь и, обессилив, прислонилась к ней. Свет во всем особняке почему-то стал меркнуть.

— Терри, — негромко окликнула она и, не дождавшись ответа, осторожно заглянула в гостиную.

— Терри! — повторила она уже громче, оглядываясь по сторонам.

— Доктор Кейс! Анна!

Молчание словно давило на нее со всех сторон. Никого и ничего. Фриборд метнулась к библиотеке, наскоро осмотрела ее, забежала за стойку и, налив полстакана ржаного виски, наспех проглотила, пытаясь собраться с мыслями. И тут напряжение, словно ножом, прорезали скрип заржавленных петель и скрежет камня о камень, исходившие откуда-то снизу, прямо из-под ее ног. Скованная ужасом Фриборд, однако, нашла в себе силы метнуть быстрый взгляд под лестницу.

Дьявол!

Дверь, ведущая в склеп, была открыта.

Фриборд почти швырнула стакан на стойку и выскочила из библиотеки.

— Терри! Терри! Где ты шляешься, мать твою! Или ты наверху? Терри! Доктор Кейс! Взлетев по ступенькам, Фриборд подошла к комнате Дира и постучала.

— Терри, — еще раз позвала она и, не дожидаясь ответа, вошла.

Дир укладывал вещи в лежавшую на кровати сумку.

— Входи, не стесняйся, — язвительно бросил он, не поднимая головы.

Фриборд с силой хлопнула дверью.

— Я начинаю думать, что ты прав, — дрожащим голосом пролепетала она, садясь на постель.

Дир продолжал молча складывать рубашки.

— Я начинаю думать, что призраки действительно существуют, — продолжала она.

Дир воздел руки к небу и, поспешно повернувшись к ней, взвизгнул:

— Но я совсем не желаю оказаться правым!

— Я умираю от страха, Терри. Умираю. Взгляни. Она вытянула руки.

— Видишь, как трясутся!

Она не преувеличивала. Пальцы так и ходили ходуном. Дир застегнул молнию и, сев рядом, осторожно сжал ее ладони в своих.

— Дорогая моя! Милая бедная Джоан, — взволновался он. — Ты в самом деле смертельно напугана.

Краем глаза Фриборд заметила лежавшую на тумбочке трубку, откуда доносились приглушенные гудки.

— Хочешь дозвониться до лодочника, Терри?

— Пытаюсь. Скажи мне, бесценная моя, что случилось? Ничего не скрывай.

— Выгляни из окна.

— У меня нет окна.

— Верно. Ну и в дерьмо мы вляпались, Терри!

— О чем ты, Джоан?

Фриборд скорчилась и приложила руку к груди, будто пытаясь отдышаться.

— Я вышла к берегу, — запинаясь, бормотала она. — Небо совсем ясное, звезды, луна и все такое. Только города нет, Терри! Ни домов, ни крыш, ни огней, ничего! Манхэттен исчез! Господи, Терри, что здесь происходит? Какая я была дура, когда...

Она осеклась. Что-то изменилось. Взгляд Фриборд упал на трубку.

— Что? — всполошился Дир. И увидел, куда она смотрит.

— Звон. Он прекратился.

И вот теперь они по-настоящему оказались в вакууме. Вакууме, говорившем о полном конце. О том, что какая-то часть существования, некая не слишком приятная глава завершилась. Настает время для новой, потусторонней. Чуждой. Враждебной. Дир встал, поднял трубку, медленно поднес к уху и, немного подождав, бережно положил на рычаг.

— Все, — глухо сказал он.

Свет стал постепенно гаснуть, и где-то в глубине дома возник настойчивый стук, словно в стену била огромная, обернутая в бархат кувалда. Фриборд обратила окостеневший взор к Диру.

— Терри?

Грохот становился все громче, постепенно подбираясь к комнате.

— Господи, что это, Терри? Что?!

— Не знаю.

Фриборд охнула и прижалась к нему.

— ЭТО поднимается по ступенькам!

— Дверь заперта?

— Нет, — помотала головой Фриборд. — Нет!

— О Господи милостивый, — пробормотал Дир.

Фриборд судорожно вцепилась ему в руку.

— Иисусе, Терри, держи меня! Держи! Я боюсь!

В ее глазах стоял страх обиженного, постоянно унижаемого, беспомощного ребенка. Терри обнял Фриборд и крепко прижал к себе.

— Не бойся, — прошептал он, — все хорошо.

Она бы поверила ему, если бы не бешеный стук сердца.

Оба уставились на дверь.

Гром набирал силу и неумолимо приближался.

— Это в коридоре, — завопила Фриборд. — Оно идет сюда!

— Ш-ш-ш, Джоанн, — прошипел Дир. — Оно может не знать, что мы здесь. Не шевелись! И чтобы ни звука!

За какие-то мгновения он вспомнил все истории о призраках, какие читал и видел, о всяком мыслимом и немыслимом зле, существующем на деле и в воображении всех живущих на земле фантастов. Злоба? Нет, совсем не это надвигается на них. Он ощущает всеми фибрами души ненависть, неумолимую, ужасающую, сметающую все ярость.

— Иисусе! — снова охнула Фриборд.

Стук затих прямо у двери.

— Боже милосердный, — заклинал Дир, — дай мне лишиться чувств! Пожалуйста, повергни меня в небытие хотя бы на полчаса!

Ледяной поток энергии, омерзительной, гнусной, взбесившейся, волнами захлестывал комнату. Чье-то присутствие у двери становилось осязаемым, неподвижность как бы сгущалась. Через минуту раздался едва слышный скрежет, глухое постукивание, словно чьи-то пальцы ощупывали дверную раму. Фриборд сунула в рот кулак, чтобы удержать вопль. В глазах ее стояли слезы. Потом звуки прекратились, и наступило зловещее молчание. И тут оба вскрикнули: что-то с оглушительным треском ударило в дверь, раз, другой, неумолимо, неустанно, непрерывно. Торжествующе.

— Доктор Ке-е-е-ейс! — панически завопила Фриборд.

Грохот мгновенно смолк, и голос ее, словно обескровленный, замер в холодном легком воздухе комнаты. Дир ощутил, как ее трясет.

— Ничего, все скоро кончится, — прошептал он, глядя ее по щеке.

Откуда оно берется, это смехотворное мужество? Где причина? Я никогда не слыл храбрецом, подивился он. Ему в голову не пришло, что ответ совсем прост. Любовь. Всего лишь любовь.

Дир прислушался. Звук. Слабый скрип металла. Он поднял глаза и охнул: дверная ручка поворачивалась!

Дир поспешно закрыл ладонью глаза Фриборд и попытался вспомнить покаянную молитву. Ручка замерла и стала вертеться в обратную сторону, но зато немедленно возобновился стук, на этот раз более тихий и размеренный, как биение сердца. Он удаляется! Становится все глуше и глуше, замирая на расстоянии!

Дир облегченно вздохнул и отнял руку от глаз Фриборд.

— Оно уходит, — шепнул он. И тут грохот возобновился с новой силой, у самой двери, так, что казалось, качаются стены и потолок вот-вот рухнет. Фриборд открыла рот и попыталась то ли сказать что-то, то ли крикнуть, но до него не доносилось ни слова за воем и скрежетом. Дверь начала выгибаться посреди, скрипя и вздуваясь огромным пузырем, словно какая-то гневная, бешеная сила корежила ее в тупой упорной попытке добраться до них.

Лицо Фриборд исказилось ужасом. По-видимому, она кричала, но Дир так ничего и не услышал. Да и сам он будто оказался в кошмарном сне. Хотя дверь так и не сорвало с петель, она сделалась прозрачной, и сквозь нее Дир ясно различал стоявшие в коридоре прямо перед ней две фигуры, очевидно, собиравшиеся войти: неподвижные и безмолвные... те самые священники, которых он видел раньше, в другом крыле дома. Тот, что постарше и повыше, с веснушчатым лицом и рыжими волосами, держал перед собой переплетенную в красный сафьян книгу.

Стук все нарастал, казалось, еще мгновение — и они окажутся в лапах разъяренного чудовища. Но тут поток энергии как бы иссяк, уменьшившись до негромкой ритмичной

пульсации. Дверь встала на место. Фриборд поднесла руку ко рту и сдавленно всхлипнула. Пульсация постепенно уходила, становясь все слабее, пока не исчезла совсем.

— Иисусе, Терри, я хочу немедленно убратъся отсюда, — хрипло прошептала она.

— Я тоже.

— Как по-твоему, ОНО ушло?

— Не знаю, — покачал головой Дир.

Он хотел было подойти к двери, но ризлтор поспешно потянула его обратно.

— Нет! Не открывай! Я ЕМУ не верю!

— Ты права, — согласился он.

Они долго ждали. Внизу раздались голоса. Троли и Кейс.

Дир и Фриборд вскочили и, метнувшись к двери, выскочили в коридор. Кейс и Троли, о чем-то дружелюбно беседуя, направлялись в гостиную.

— Эй! — окликнула Фриборд.

Они подняли головы. Дир и Фриборд скатились по ступенькам.

— Господи, ну и рада же я вам! — задыхаясь, воскликнула Фриборд. — Где вас черти носили?

— Я просто показывал Анне дом, — удивился Кейс. — Что-то случилось? Рассказывайте.

Он порылся в кармане явно в поисках блокнота и ручки.

— Да, судя по вашим лицам, что-то не так.

— Слабо сказано. Слушайте, не смейте больше оставлять нас одних! — истерически взвизгнула Фриборд.

— Вы так бледны, дорогая, — заметила экстрасенс. — И вы тоже, мистер Дир.

— Бледен? Да я на ногах не держусь! Полная развалина.

— Но что, что вы видели? — настаивал Кейс.

— Не знаю, — вздохнула Фриборд, вытирая слезы. — Что-то надвигалось по коридору, пыталось ворваться в комнату, едва не выломало дверь.

— Какую именно? — допытывался Кейс.

— Моей комнаты, — пояснил Дир.

— Сначала мы услышали громкий стук, — вспоминала Фриборд, — словно молотом били в стену. Весь дом дрожал! Мозги на кусочки разлетались! А потом...

— Извините, — перебил Кейс, глядя мимо нее. — Морна, дорогая, это вы?

Дир и Фриборд обернулись. Рядом с ними стояла экономка.

Откуда она появилась?

— Да? — спросила она, не сводя глаз с Кейса.

— Вы не выходили из дома последние два часа?

— Нет, разумеется.

— Значит, вы тоже слышали, — заметила Фриборд.

— Что слышала, мисс?

— Что? — нервно хихикнула Фриборд.

— Вы не слышали ничего необычного, Морна? — нахмурился Кейс. Казалось, его одолевали сомнения.

— Совсем ничего, — безмятежно ответствовала Морна.

— Да весь дом ходуном ходил! — ошеломленно выпалила Фриборд.

— Не пойму, как мы уцелели, — добавил Дир.

— Я ничего не слышала, — мягко повторила Морна, качая головой.

— Прекрасно! Значит, у меня одной крыша улетела! — рявкнула Фриборд.

— Почему же, я тоже слышал! — взорвался Дир.

— Скажите, Морна, где были в это время вы? — хмуро осведомился Кейс.

— На кухне.

— Это безумие! — взвизгнула Фриборд, поднимая руки к небу.

— Что-то еще? — поинтересовалась Морна.

— Вы уверены, Морна? — настаивал Кейс.

— Абсолютно. Это все? Я могу идти?

В глазах Кейса блеснуло нечто таинственное... то ли желание, то ли грусть по несбыточному.

— Разумеется, вы можете идти. Спасибо. Я благодарен вам больше, чем могу выразить.

— Угу, я тоже. Ничего не скажешь, разодолжили, — буркнула Фриборд.

— В таком случае спокойной ночи, — пожелала Морна и, долгим взглядом посмотрев в глаза Кейсу, медленно поплыла к той двери, из которой вышла утром.

— Ничего себе добрая ночь! — пожаловалась Фриборд.

— Нет никакого сомнения в том, что мы видели и слышали, — доказывал Дир. — Ну, по крайней мере слышали.

— А видели? — удивленно поднял брови Кейс.

— Не совсем, — отступил Дир. — Боюсь, я оговорился.

— А, на хрен все это! Док, я хочу свалить отсюда, — заявила Фриборд. — Завтра же. Прямо с утра. И если для этого мне придется плыть на другой берег, так тому и быть!

— Именно, как любил повторять Джо Пендлтон, — поддакнул Дир.

— Джо Пендлтон? — удивился Кейс.

— Боксер в фильме «Вот идет мистер Джордан», — пояснил Дир.

— Именно, именно, — повторила Фриборд. — Нужно линять отсюда и поскорее.

— Конечно, — согласился Кейс, задумчиво теребя нижнюю губу. — Ну а пока мы очутились лицом к лицу с тайной, которую, думаю, нам по силам решить.

— Как это? — вскинулся Дир.

— Весь сеанс записывался на две камеры, установленные в гостиной и холле. Если что-то действительно присутствовало, оно непременно появится на пленке либо на звуковой дорожке. Сейчас мы это проверим, и мистер Дир, возможно, получит материал для захватывающей статьи. С другой стороны, если там нет ни изображения, ни звука, ни призраков...

Кейс пожал плечами и повернулся к Фриборд.

— Надеюсь, вам станет легче?

Фриборд презрительно скривила губы.

— Там окажется все.

— В нижнем правом углу экрана отмечается время, — напомнил Кейс. — Половина двенадцатого ночи.

Он стоял у телевизора в библиотеке. На экране возникла пустая гостиная. Троли, Дир и Фриборд наблюдали за происходившим с дивана, стоявшего совсем близко к камину.

— Как видите, — продолжал Кейс, — ничего, кроме комнаты. Ни звука. Никакого грохота. Камера ничего не зарегистрировала.

— Должно быть, микрофоны испорчены, — возразил Дир.

— Ничего подобного, — покачал головой Кейс. — Только не этот. Вот, послушайте.

На экране появились Кейс и Троли, входившие у гостиную. Шаги, скрип половиц, негромкий разговор... Слышно каждое слово. Фриборд тупо пялилась на экран.

— Конец света, — бормотала она. — Умереть, не встать.

— Ни грохота, ни призраков, — повторил Кейс.

— А я говорю, мы сами слышали! — вспыхнул Дир, заливаясь краской негодования. — И нечего нас уверять!

— Да, нелегкая загадка, — согласился Кейс и, нажав на кнопку, быстро перемотал ленту.

— Но вот это уже совершенно непонятно. Ума не приложу. Совершенная чушь. Взгляните. Тут должен быть записан наш сеанс.

Он снова нажал на кнопку. На экране снова показалась гостиная, тот угол, где стоял игровой столик с лежавшей на нем магической дощечкой. Время — десять тридцать.

— Пойдите, а где же мы? — ахнула Фриборд. — Что происходит?

Планшетка бешено металась от буквы к букве, но за столом не было ни единой души, да и в комнате тоже, если не считать появления большого колли, вымахнувшего из коридора, но так же быстро улепетнувшего прочь. Побледневший Дир застонал, а Троли безмолвно тряхнула головой.

— Дата неверна, — пробормотала она, показывая на число, возникшее как раз под временем. — Тут написано «1997 год».

— Нас нет на пленке, — тупо повторила растерянная, ничего не соображающая Фриборд.

— Да это просто абсурд! — вскочил Дир. — Бред! Какая-то идиотская ошибка! Хотя ты скажи что-то, Джоанн!

Но Фриборд поморщилась от боли и поспешно отбежала от камина.

— Черт, я сейчас сгорю, — взвыла она. Троли и Дир последовали ее примеру.

— Откуда эта чертова жара? — пожаловался он, провожая Фриборд и Троли в гостиную. Из всех присутствующих один лишь Кейс оставался совершенно невозмутимым. Подступив к двери библиотеки, он с некоторым сочувствием наблюдал за остальными.

— Господи Боже! — изумленно вскрикнула Троли, пошатнувшись, как будто невидимый враг с силой толкнул ее в грудь. За первым толчком последовал второй, третий, и удивление быстро сменилось страхом. Троли пронзительно завизжала. Тут что-то гулко ударилось в стену особняка.

— Иисусе, — выдохнул в свою очередь Дир. — Иисусе милостивый!

— Я горю, Терри! — вопила Фриборд. — Горю!

Грохот продолжался, громовой, раздирающий уши, сверлящий мозг. Лампы и столы начали крениться, скользить по полу, ездить по комнате, огромные картины летали от стены к стене, словно сорванные чьей-то невидимой злобной рукой, безумие и ярость воцарились в доме, в этой комнате, опалив мукой агонии их несчастные измученные души.

— Кто-нибудь, скажите же, что происходит! — взвыла Фриборд, безуспешно пытаясь заткнуть уши. Троли внезапно отпрянула, вопя от боли: глубокая бескровная борозда, словно проведенная невидимым раскаленным стержнем, прорезала ее лицо. Где-то раздавалось ритуальное монотонное пение на латинском, кошмарно-зловещее, неприятно-звучное, словно поддержанное сотнями злорадных голосов. Неожиданно некая непонятная сила подняла завизжавшую Фриборд в воздух, швырнула через всю комнату и ударила о стену с тошнотворным тупым стуком и треском ломающихся костей. Но Троли и Дир уже ничего не видели. Их тоже закрутило могучим смерчем, понесло к потолку, беспомощных, в ужасе таращивших глаза, бессильно раскинувших ноги и руки, вlepило в потолок и отбросило на пол, смятых, как растоптанные надежды.

Это не сон. Не сон! Не сон... Это явь. Невыносимая. Бесчеловечная.

Часть 3 «Дежа вю»

Глава 12

Резная парадная дверь особняка, распахнувшись, ударилась о стену, словно под воздействием злого колдовства.

— Дьявол, ну и ураган! — воскликнула ввалившаяся в холл Фриборд, отряхиваясь, как собака, так что с блестящей желтой штормовки, одолженной капитаном катера, во все стороны полетели брызги.

За ней, сопровождаемый голодным воем ветра, вбежал Дир. Обернувшись, Фриборд увидела, как на крыльцо неспешно, словно прогуливаясь, взбирается Анна с сумкой в руке. За ее спиной виднелась монолитная серая стена дождя. Вся вода мира, казалось, обрушилась на путешественников.

— Вы в порядке, миссис Троли? — окликнула она, приложив руку ко рту.

— Да, дорогая, — отозвалась экстрасенс, — в полном. Последнее слово почти заглушил пушечный залп громового раската. Буря разразилась совершенно неожиданно, когда они мирно направлялись к острову, и несчастный катер начало швырять из стороны в сторону, а волны каждую минуту грозили опрокинуть суденышко. Правда, по радио и телевизору передали штормовое предупреждение, но заверили, что у берега сила ветра несколько уменьшится. Этого не случилось.

— Клянусь, я задолжал тебе хорошую трепку, Джоан, — буркнул Дир, бросив на пол легкую сумку. — Так и знал, что следовало гнать тебя из дома в три шеи.

— Отступать некуда, — сообщила Фриборд. — И придержи язык ради всего святого, особенно при этих людях! Я только что на коленях не стояла, чтобы их уговорить!

— Благодарение Богу, что меня не пришлось долго упрашивать!

Фриборд стащила непромокаемую шляпу и показала на открытую дверь, где все еще сражалась со ступеньками экстрасенс.

— Терри, помоги миссис Троли.

— Сейчас.

Дир свободной, несколько расслабленной походкой грациозного жирафа направился к женщине и потянулся к ее сумке.

— Могу я вам помочь?

— О нет, благодарю. Я всегда путешествую налегке.

— И то верно. Тамбурины почти ничего не весят.

— *Терри!!*

Троли наконец вошла, сняла шляпу и опустила на пол сумку.

— Ничего, — благосклонно бросила она Фриборд. — Считайте, что я не слышала.

По правде говоря, она достаточно наслышалась от Дира во время поездки в лимузине, включая требование сравнить методы ее и Вупи Голдберг в фильме «Призрак», а также настойчивые расспросы относительно содержания холестерина в эктоплазме. Но Троли на каждую шутку лишь кивала головой и слегка улыбалась, безмятежно глядя на расстилавшийся за окном машины пейзаж. Ее видимое равнодушие, очевидно, действовало на Дира, как красная тряпка — на быка. Его упражнения в остроумии становились все изощреннее, а рассуждения по поводу сверхъестественного и непознанного — все ехиднее.

— Если верить газетам, — сообщил он, когда лимузин приближался к Беар Маунтинз, — Эдгар Кайт впервые впал в транс лишь потому, что не хотел идти в школу, а потом обнаружилось, будто лягушка, которую он держал в кармане, каким-то образом излечилась от моноклеоза, что, разумеется, вызвало настоящую сенсацию.

И так далее, и тому подобное. Слава Богу, они наконец на месте.

Фриборд осмелилась подбежать к двери и захлопнуть ее. В воцарившейся тишине до Дира вдруг донеслась музыка.

— Господи Иисусе, неужели я попал на небо! — воскликнул он. — Коул Портер!

Лицо писателя осветилось детской радостью, едва из-за массивных дверей гостиной раздалась знакомая мелодия. Кто-то играл на фортепьяно.

— Моя любимая! — просиял он. — «Ночь и день»!

— Это вы, док? — окликнула Фриборд.

— Мисс Фриборд?

Глубокий приятный голос, как ни странно, не приглушали даже толстые створки. Фриборд немедленно отправилась в гостиную. Все лампы были зажжены, и уютный свет переливался на ореховых панелях, а в камине весело потрескивало пламя, вторя чарующим пассажирам. Фриборд с наслаждением вдохнула запах горячей сосны. Буря словно осталась в ином измерении.

— Да, мы уже здесь, — кивнула она пианисту и с улыбкой двинулась вперед, сбрасывая на ходу штормовку, с которой капала вода. За ее спиной возник Дир, а потом и Анна медленно вплыла в комнату. Насквозь промокшие сапоги Фриборд противно чавкнули.

— Ну вот, главное, что все живы и здоровы, — обрадовался Кейс. — Очень рад. Я уже начал волноваться.

Фриборд невольно отметила, что профессор совсем недурен собой: длинные волнистые черные волосы обрамляли точеное лицо, словно принадлежащее какой-то древней статуе. Отблески огня плясали в его глазах. Темные... только какого вот цвета — не понятно. И немолод: лет сорок восемь — пятьдесят. Одет в брюки хаки и такую же рубашку с короткими рукавами.

— Совершенно безумный ураган! — воскликнул он. — Не вы, случайно, заказали эту погоду, мистер Дир? Признайтесь, это вы всему причиной!

Дир был известен своими готическими романами.

— По-моему, я заказал всего лишь «Чивас Ригал», — сухо пояснил писатель.

Он и Фриборд остановились у рояля, пока Анна с нерешительным недоумением оглядывала комнату.

— Вы призрак? — обратился Дир к пианисту. Фриборд, не веря собственным ушам, обернулась к нему.

— Что за бред? — раздраженно прошептала она.

— Давно не была в Диснейленде? — громко продолжал писатель. — Там так и устроено: когда проезжаешь по долине привидений, куча духов танцует, а самый большой играет на фортепьяно.

Она поймала себя на том, что снова хмурится.

— Такое бывало и раньше, — уклончиво заверила она.

Но Кейс, словно не слыша, повторил:

— Что же все-таки неладно?

— Знаете, такое странное чувство... называется «дежа вю». Только и всего.

— Здесь для этого не время и не место, — рявкнул Дир.

Фриборд опустила руку и как-то странно взглянула на него.

— Иисусе, Терри, я знала, что ты это скажешь.

— Откуда?!

— И я знала, о чем будет говорить доктор Кейс.

— Невероятно, — прошептал Кейс. — «Дежа вю» связано отнюдь не с будущим, а с прошлым. Иногда кажется, что все происходящее уже было. Подчеркиваю, было, не будет!

Слегка повернув голову, он посмотрел куда-то мимо Фриборд.

— А вот и...

— Морна, — хором провозгласили Дир и Фриборд.

Кейс осекся, мельком взглянул на стоявшую совсем близко Морну и, недоуменно пожав плечами, поднялся.

— Но откуда, спрашивается, вы знаете ее имя?

— Не знаю, — ошарашенно пролепетал Дир.

— Все это происходило раньше.

При звуках спокойного голоса все обернулись и уставились на Троли, сидевшую в кресле у камина. Ее измученный взгляд не отрывался от Кейса.

— И вы тоже? — удивился Дир.

— Разумеется, — кивнула экстрасенс.

— Эй, погодите-ка, братцы, — взмолилась Фриборд, потирая лоб, — это уже апофигей.

— Да, поразительно, — согласился Кейс, — ужасно странно. Он по-прежнему стоял у рояля, сложив руки на груди. И казался не частью компании, а отрешенным наблюдателем, следившим за разворачивающимся действием.

Фриборд покачнулась, едва дотащиась до дивана и тяжело села, словно ноги подкосились.

— Сил нет, — едва ворочая языком, выговорила она. — Я почему-то ужасно устала.

— А знаете, — удивился Дир, — я тоже. Что это? Я совершенно опустошен. И ничего не могу сообразить. Мысли разбегаются.

— И у меня, — охнула Фриборд.
Дир едва доплелся до дивана и рухнул рядом с ней.
— Что это, Джоанн? Что это может быть?
— Не знаю, — поморщившись, словно от боли, выдавила Фриборд. — Иисусе, моя голова!

— Это дом вздумал сыграть с нами злую шутку, доктор Кейс? — вырвалось у Дира. — Уже? Если, конечно, верить всем слухам о том, что здесь происходит.

Кейс с бесстрастным видом обратился к Троли:

— А вы что думаете, Анна? Как по-вашему? У вас та же реакция?

Троли кивнула.

Кейс задумчиво почесал в затылке.

— Все это совершенно непонятно.

— Хотите сказать, неприятно? — вставила Фриборд.

— Так трудно допустить, что вы знаете имя Морны, — допытывался Кейс.

Дир вскинул голову.

— Что вы сказали?

— Допустить.

Теперь уже Фриборд пристально вперилась в Кейса, расширив глаза, в которых медленно, словно изображение на фотопленке, проявлялась какая-то ошеломляющая мысль. Очевидно, ее наконец озарило.

— Допустить, — пробормотал Дир себе под нос. Почему это слово так сильно на него действует?!

— Поразительно, — заметил Кейс. — Сразу трое с «дежа вю». Невероятно!

Фриборд, сбитая с толку и встревоженная, медленно поднялась с дивана.

— Эй, погодите! Какого хрена здесь творится? — злобно прошипела она.

— Вот мы и пытаемся понять, — чуть резковато ответил Кейс.

Фриборд устремилась к нему, замерла и внимательно всмотрелась в его лицо.

— Вы не Гэбриел Кейс, — объявила она.

— Что? — вскричал пораженный Дир. — О чем ты толкуешь, Джоанн?

— Я говорю, что этот человек — не тот, за кого выдает себя. Он не Кейс!

Дир обернулся к Кейсу и, не веря собственным глазам, заметил в его взгляде нежность и жалость.

— Ты окончательно рехнулась, Джоан! — воскликнул он.

Фриборд немедленно набросилась на него:

— Терри, я видела фото Кейса! И говорила с ним.

— Почему же сразу не сказала?

— Да кому до этого дело? Какая разница! Главное, что этот человек — не доктор Кейс.

— Ошибаешься, — настаивал Дир.

— Вот уж нет!

— Конечно, Кейс! Он выглядит точно так же, как в прошлые разы: тот же шрам, то же...

Писатель, внезапно сообразив, что несет, оборвал речь.

— Что, черт побери... — едва слышно прошептал он.

— Терри, что это? — дрожащим голосом выдохнула Фриборд.

При виде искаженного лица Дира, ее охватило предчувствие чего-то страшного. Потрясенный Дир медленно поднялся.

— Это повторяется снова и снова. Одно и то же, — деревянным голосом объявил он.

— Что повторяется? Что с нами, Терри? Да говори же.

Но писатель зачарованно воззрился на Кейса.

— Кто вы? — спросил он его едва слышно.

Фриборд и Троли, как по команде, повернули головы.

— Да, кто вы? — глухо повторила экстрасенс.

Кейс внимательно всмотрелся в их встревоженные лица.

— Пойдемте со мной, — торжественно провозгласил он. — Мне нужно кое-что показать вам. Думаю, теперь вы наконец готовы. Не бойтесь, это всего лишь приятная прогулка по берегу. Троица безмолвно переглянулась. Некая покорность судьбе наполнила их существа. И глаза, и выражение лиц внезапно изменились. Все выглядели сломленными.

Кейс добродушно улыбнулся Фриборд.

— Вы кажетесь измученной, Джоан, — мягко заметил он. — Совершенно вымотались?

Фриборд покачала головой.

— В таком случае вперед!

Остальные, не успев опомниться, как во сне последовали за ним. Было раннее утро, и тяжелый туман саваном окутал их. Снова надвигалась буря: серые тучи летели по небу, низко нависая над рекой; далеко на севере сверкали зарницы, словно чьи-то светлые души освещали мрак. Кейс без единого слова проводил их через дубовую рощу. Скоро они выбрались на тропинку вдоль реки, где когда-то бродили Троли и Фриборд, но отчего-то остановились на полдороге. И теперь, когда они приблизились к изгибу реки, именно Дир замер первым, с ужасом глядя вперед. Остальные, взбудораженные, расстроенные, нерешительно последовали его примеру. Легкий ветерок играл подолом платья Троли.

— Хотите продолжить? — мягко спросил Кейс.

Никто не ответил. Никто не шевельнулся. Наконец Фриборд вырвалась вперед и помчалась к тому месту, где линия берега делала резкий поворот. Писатель и экстрасенс, слегка спотыкаясь, побрели за ней. Полный опасений, но удовлетворенный Кейс остался на месте. Оглядевшись, он направился к заросшему тростником болотцу, раздвинул кусты и долго грустно смотрел на крохотные, выбеленные солнцем скелетики двух маленьких собачек. Тонкий вопль оторвал его от созерцания печальных останков. Фриборд. Кейс поспешил догнать остальных.

Анна Троли в глубоком обмороке лежала на песке. Фриборд и Дир с мокрыми от слез глазами пытались привести ее в чувство. Наконец Анна открыла глаза. Дир и Фриборд помогли ей встать, и все трое, старчески шаркая ногами, направились к тому месту, где в песке гнил заржавленный остов катера с выцветшей надписью на борту: «Far Traveler».

Тихое рыдание вырвалось из горла Троли.

— Все мы мертвы, — с трудом прохрипела Фриборд.

Дир горестно кивнул.

— Погибли в наступающей буре.

— Так и было, — подтвердил подходивший к ним Кейс. Остановившись в нескольких ярдах, он добавил: — Именно вы — те самые привидения, которые бродят по «Где-то там».

Троли, неразборчиво выкрикнув что-то, снова рухнула на песок. Дир протянул Фриборд дрожащую руку.

— Держись за меня, родная, — слегка дрожащим голосом попросил он.

Фриборд крепко стиснула его ладонь.

— Все хорошо. Я с тобой, Терри. Всегда, — пообещала она.

— И я с тобой.

— Я так и не досказал историю этого дома, — заметил Кейс. — Хотите послушать?

— Да бросьте вы это! — рявкнул Дир, немного придя в себя. — Хватит и того, что мы мертвы! Не хватало еще выслушивать ваши рацеи, стоя в луже! Нельзя ли покороче?!

Кейс улыбнулся:

— Еще много лет после своей кончины призраки Эдварда и Райги Куондт населяли особняк, пугая и сводя с ума жильцов, и даже убили нескольких силой своей ненависти и злобы друг к другу. Но к середине восьмидесятых годов они помирились, свыклись с мыслью о смерти и решили уйти. А четыре года назад появились вы, погибшие в бурю вместе с капитаном катера. Капитан покинул это место, вы — нет. Или, если быть более точным, вы не пожелали. Отказались допустить факт своей смерти.

— Теперь я это понимаю, — вздохнул Дир. — И ясно вижу. Яснее ясного.

— В таком случае, может, объясните, почему отказались принять свою смерть? — бросил Кейс. — Что скажете, мистер Дир?

— Могу, конечно. Я страшно боялся, что смерть неразрывно связана с вечным проклятием.

— Верю, — кивнул Кейс. — А вы, Анна? Осознаете ли, что именно удерживает вас на земле.

— Боюсь, очень смутно.

— Упиваетесь скорбью по дочери, как наркотиком.

— Боже милостивый!

— Странные иногда у нас привязанности, не находите?

Трели покачала головой.

— Неужели такое в самом деле возможно?

— Похоже, я здесь что-то вроде сироты-несмышлениша? — процедила Фриборд.

— О, Джоан! — укоризненно воскликнул Кейс.

— И нечего меня уговаривать. «Джоан»! Елки-палки, ну и ну! — проворчала она.

— Ты цепенела от ужаса при мысли о смерти, — напомнил Кейс.

— Черт, как и мы все! Чем это я отличаюсь? Подумаешь! И что еще?

— Никак не могла расстаться со своими игрушками, — мягко добавил Кейс.

— Какой инфантилизм! — насмешливо поддакнул Дир.

Фриборд обожгла его яростным взглядом.

— И что теперь? — вмешалась Троли. — Мы должны уйти?

— Это зависит от вас, — пояснил Кейс. — Можете пересечь границу, можете остаться. Ну а моя миссия благополучно пришла к концу.

Фриборд презрительно сморщила нос.

— Ваша миссия?

— Да. Морна и я... нас послали помочь вам обнаружить истину. Ранее каждый раз, очутившись почти у порога знания, вы предпочитали отвергнуть его и начать весь круг сначала, снова и снова воспроизводя первый день вашего появления в особняке; все, кроме кораблекрушения, разумеется. Вы отторгали сцену трагедии, блокировали ее в своих мозгах, как, впрочем, и все, что могло развеять ваше заблуждение. Поэтому вы и не сохранили в памяти вашу прогулку по берегу, Джоан. Вы подсознательно ощущали, что за следующим поворотом найдете катер. К сожалению, дорогие мои, вы разыгрывали один и тот же спектакль много лет, даже после того как мы пришли на помощь. Упрямые гордые души!

Троли охнула и прижала ладони к щекам.

— Вот почему вы показались мне таким знакомым!

— Совершенно верно.

Троли вздохнула:

— Значит, это не иная жизнь.

— Нет, Анна.

— Я уничтожена.

Дир обернулся к Фриборд и тихо спросил:

— Ну, разве не жесточайшая ирония? Ты не могла продать этот дом, потому что бродила по нему привидением.

Фриборд сжала кулаки.

— Клянусь Богом, не будь ты уже мертв... — пробормотала она.

— Кстати о призраках, — встала Троли. — Мы ели, пили и все такое. Не означает ли это, что мы вселились в новые тела?

— Господи, нет, конечно, — отозвался Кейс. — Это все иллюзия, дорогая, ничего более. Просто вы создавали собственную реальность. Остров и дом материальны, они здесь, но вы как бы переделали их в соответствии с вашими заблуждениями.

— Значит, мы нематериальны? — уточнила экстрасенс.

— Вы — нет.

— Даже не астральные тела или что-то в этом роде?

— Оставьте это, — посоветовал Дир.

— Постарайтесь обрести мир, — добавила Фриборд.

Дир одобритительно кивнул.

— Ну, так что же вы решили? — допытывался Кейс. — Должен честно признаться, что надеюсь на ваше благородство: уж если вы решили цепляться за здешние места, пожалейте по крайней мере несчастных, доведенных до отчаяния людей, которые заслужили право спокойно жить в «Где-то там». Я говорю о Поле Куондте и его бедном семействе. Вы просто измучили их, что называется, показали кузькину мать, не примите за оскорбление.

— То есть как измучили? — удивился Дир.

— Запугали их до умопомрачения! Помните дьявольское пламя, которое жгло вас, неведомую силу, расшвырявшую все по комнате, оглушительный грохот и все кошмарные передраги, которые вам пришлось пережить? Неужели не знаете, что было этому причиной?

— Умираю от любопытства, не сочтите за каламбур, — сухо обронил Дир.

— Куондты призвали *священников-иезуитов, чтобы изгнать вас!*

Писатель довольно ухмыльнулся.

— Ну что, Джоанн? Слышишь?

— О, ради всего святого, Терри!

— Священники!

— Да заткнись же!

Но тут кто-то деликатно откашлялся. Этим «кто-то» оказался Кейс.

— И что же теперь? Смена частот? От души на это надеюсь. Должен сказать, я проникся к вам искренней симпатией.

Фриборд нерешительно покачала головой.

— Черт, не знаю. Правда, не знаю.

Кейс с неподдельной нежностью посмотрел на нее.

— Признаюсь, мне будет вас не хватать, Джоан.

— Меня? — изумленно выпалила она.

— Там больше не будет ни одиночества, ни слез.

Глаза Фриборд мигом увлажнились.

— Точно? — прошептала она.

— Точно.

— Этот мир не предназначен стать для нас домом, Джоан, — пояснил он. — Этот мир — всего лишь короткая остановка. Однодневка.

Фриборд порывисто провела ладонью по глазам.

— Эй, да это ты! Ангел из моих снов! Гэбriel! «Моллюски небезопасны!» Ты реку имел в виду!

— Ну уж я знаю, что мне делать! — заявил Дир.

Фриборд вопросительно подняла брови.

— Линяешь?

— Именно! — воскликнул Дир. — Отчаливаю!

И, послав воздушный поцелуй в сторону реки, добавил:

— Адью, пространство-время! Будьте паиньками!

Тело его стало терять краски, становясь прозрачным.

— Эй, меня подожди! — заорала Фриборд, тоже начиная растворяться в воздухе.

— Адью, вампиры-критики и въедливые обзорователи!

Дир уже был почти невидим.

— Эй, слышишь, сбавь скорость на секунду! — проскулила Фриборд.

— Теперь понятно, что моя частота куда выше твоей, Джоанн!

В следующее мгновение они исчезли. Откуда-то сверху раздался негодующий раздраженный вопль, за ним — хлесткий шлепок и жалобный голос Дира:

— Где это видано — драться в загробной жизни. Джоанн?!

Кейс и Троли с улыбками переглянулись, услышав отдаленный скулеж собачек.

— О небо! Да возможно ли это? — разнесся слабеющий крик Дира.

— Ужасная болтанка. Интересно, может ли вырвать призрака? — взвизгнула Фриборд.

— Малыши!

Голос Дира, сопровождаемый едва слышным тьявканьем пуделей, был исполнен такой радости, которой он никогда не ведал раньше.

В этой жизни.

Звуки растаяли.

— Ну, Анна, а как насчет вас? — спросил Кейс. — Вы идете? Учтите, Бети ждет.

Троли нахмурилась:

— А что случилось с доктором Кейсом? Настоящим, я имею в виду. Вы с ним разделались или как?

— Что вы, Анна! Доктор Кейс жив и здоров, бедняга. Узнав о вашей гибели, он вернулся в университет, к своим занятиям.

— Вот как!

Кейс шагнул к ней.

— Ну а теперь, может, пойдем вместе?

Но Троли, властно вытянув руку, остановила его.

— Рано. Сначала я хочу знать, кто вы.

— Поверите, если скажу, что я существо из света? Небесное создание.

— Попробуйте еще раз.

— Теперь я раздавлен, — объявил Кейс. — Ну какая разница, кто я на самом деле?

— Огромная. Зная, кто вы, я получаю определенную возможность хотя бы смутно догадаться, куда меня ведут. В этих обстоятельствах официальный статус имеет решающее значение.

— Вы можете довериться мне, Анна. Никакого адского пламени и тому подобных штук.

— Вот адское пламя меня волнует больше всего.

— Мне не до шуток, Анна. Вперед!

— Но вы уж точно не ангел, верно? Вы обманывали нас. Надели личину Гэбриела Кейса.

— Конечно, не ангел. Вы сами сказали, Анна, мертвецы лгут.

Он снова улыбнулся сверкающей улыбкой архангела.

Из груди Троли вырвался смех, звонкий, счастливый, словно освободившись наконец от тяжелого бремени, она, переполненная бурлящим счастьем, наконец обрела свободу.

Кейс устремился вперед, протягивая руки.

— А теперь? Отправимся в неведомое, прелесть моя?

Троли с силой выбросила вверх кулачок.

— Да!

И бросилась к нему с распростертыми объятиями.

Эпилог: 1997

Пробудившееся солнце рассыпало золото на спокойные серо-голубые воды медленно текущей реки, и воздух острова был напоен покоем. В гостиной величественного особняка смеющиеся дети играли в салочки, пока их родители, Пол и Кристина Куондт, беседовали в библиотеке с двумя донельзя утомленными священниками-иезуитами. Один из них, крепкий, очень молодой, с непроницаемым лицом, внимательно следил, как его собрат постарше укладывает в портфель молитвенник в красном сафьяновом переплете. Защелкнув застёжки, священник почесал нос веснушчатым пальцем.

— Ну вот и все, — вздохнул он. — Мы закончили.

Он рассеянно провел ладонью по редющим рыжим волосам. Кристина заглянула в гостиную.

— Да, видите, детям здесь хорошо, — заметила она.

— Благослови их Боже, — добавил старший священник, поднимая портфель.

Пол Куондт, угрюмо насупясь, покачал головой.

— Поверить не могу, что вся эта история снова началась, отец мой.

Он сидел у стойки бара, нервно теребя короткий рукав джинсовой рубашки.

— Когда вы переехали сюда? — осведомился священник.

— Второго мая. Мы жили в Европе, но сняли с продажи особняк, когда эта бедняжка-риэлтор погибла. Господи, что мы только с тех пор не пережили!

Он поднес к губам большую белую кружку с кофе.

Рыжий иезуит обернулся к своему молчаливому спутнику, по-прежнему чего-то выжидавшему. Молодой священник мрачно и понимающе кивнул, устремив бесстрастный взгляд на Пола.

— Могу себе представить, — вздохнул рыжий, направляясь к бару. — Что ж, будем надеяться, что больше вас ничто не потревожит.

— Ничего другого не остается, — сухо заметила миссис Куондт.

— Я выйду на воздух, — предупредил молодой человек. — Очень хочется курить.

— Ладно, Реджис. Я сейчас приду, — пообещал пожилой священник.

Реджис направился к двери.

— Спасибо за все, святой отец! — крикнул вслед Пол.

Священник махнул рукой в знак того, что услышал, но не оглянулся.

— Так молод, — пробормотала Кристина. — Лет двадцать, не больше.

— Да, удивительно, не так ли? — согласился священник. — Мой помощник внезапно заболел, и в самую последнюю минуту едва успели найти Реджиса.

— Значит, вы познакомились здесь?

— Именно.

И священник, что-то неожиданно вспомнив, добавил:

— Кажется, так звали мальчика, который умер? Вашего кузена? Сына Эдварда Куондта?

— Верно, — кивнула Кристина.

— Красивое имя. Ну что же, пора прощаться.

Священник протянул руку.

— Вы не останетесь пообедать? — спросила Кристина.

— Спасибо, нет. В одиннадцать у меня месса. Да пребудет с вами благословение Господне. Хорошие вы люди.

Он обменялся рукопожатием с хозяевами.

— Кстати, не позвоните ли лодочнику? — вспомнил он.

— Уже, — заверил Пол, вставая. — Еще раз благодарю за то, что помогли изгнать злых духов, отче.

— Будем надеяться, они оставят вас в покое.

— Аминь, — вторил Пол.

— Позвольте, это моя реплика, — пошутил священник.

Супруги улыбнулись было, но вдруг заметили, что иезуит уставился на двойной портрет маслом, висевший над камином: мужчины и молодой женщины.

— Это и есть ваши знаменитые тетя и дядя?

— Они, — подтвердил Куондт.

— Я знаю их историю, — кивнул иезуит, медленно подходя ближе к картине.

— Какая трагедия: убийство и самоубийство, — опечалился он.

— Нет, — тихо возразил Пол.

Священник вопросительно поднял брови.

— Только не самоубийство.

— Как?!

Куондт встал рядом с ним, все еще сжимая в руке кружку.

— Двойное убийство, отче.

— Что вы говорите?!

Пол тоже присмотрелся к портрету.

— Видите ли, истина заключается в том, что тетушка изменяла дяде и так страстно хотела убрать его с дороги, что подлила смертельный, медленно действующий яд в его виски. Уже едва держась на ногах, дядя Эдвард нашел пузырек из-под чертова зелья, понял все и нашел в себе силы замуровать тетю живьем в склепе. Через несколько минут и он скончался на месте.

— Прямо у склепа?

— Прямо у склепа.

— Какой ужас! — пробормотал священник.

— Не слишком похоже на Ромео и Джульетту, — заметил Куондт.

— Но что-то общее есть, — возразила подошедшая жена.

Старый иезуит в последний раз взглянул на картину и отвернулся.

— Я стану молиться за них обоих.

— Спасибо, отче, — поблагодарил Пол. — Мне хотелось бы верить, что они обрели покой.

— Еще раз прощайте, — взмахнул рукой священник.

— Прощайте, святой отец.

Но тут к священнику подлетел большой колли и, приветливо виляя хвостом, проводил его до двери.

— А вот и ты, парень, — обрадовался иезуит.

— О нет, немедленно оставь доброго отца в покое, — строго приказала Кристина. — Ну же, Томми! Назад! Иди сюда, малыш!

Но пес залаял и игриво подпрыгнул, и не думая слушаться. Священник, не останавливаясь, погладил его.

— У меня в детстве была такая же милая собачка, — сообщил он. — Молодец, Томми! Хороший мальчик!

Они вместе вышли в переднюю. Священник открыл дверь и ступил на крыльцо. Пол Куондт обнял жену за талию, и они снова подошли к картине. Лицо Райги Куондт с неправильными чертами дышало, однако, откровенной чувственностью и чарующей прелестью. Ее рожденный под несчастливой звездой муж Эдвард, жгучий брюнет, мог бы считаться красавцем, если бы не уродливый извилистый, как молния, шрам, пересекавший щеку до самого подбородка.

Морна и Гэбриел Кейс снова были вместе.

Оба священника в сопровождении собаки направлялись к причалу, куда скоро должен был подойти катер, уже отчаливший от противоположного берега. Пожилой священник подобрал палку и закинул в кусты.

— Вперед, Томми! — скомандовал он. — Неси! Пес с лаем бросился выполнять приказ. Веснушчатый иезуит глянул на небо.

— Тучи рассеялись. Похоже, денек будет неплохой.

Они подошли к самой воде; шаги их глухим эхом отдавались от старых сухих досок.

— Я так рад, что вы смогли мне помочь, — заметил пожилой. — Вы ведь из Фордемского монастыря, не так ли?

— Да.

— И, конечно, знакомы с отцом Бирмингемом?

Крепыш покачал головой.

— Кстати, вам достаточно ясно объяснили, как сюда добраться. Надеюсь, вы без труда нашли деревню и пристань?

— Даже спрашивать не пришлось. Катер уже ждал.

— Прекрасно. И что вы обо всем этом думаете, юный Реджис? Не стесняйтесь,

говорите. Как по-вашему, мы чего-то добились? Кстати, вы верите, что дом населяли духи?

— Кто знает, — развел руками Реджис.

Его спутник покачал головой:

— Вы так молодо выглядите.

— Знаю.

Пожилой иезуит всмотрелся в сверкающую гладь воды, в которой отражалась синева неба.

— Весь этот мир — огромная пугающая тайна, Реджис. Нам так мало известно об окружающей реальности, даже о том, кто есть мы на самом деле.

— Верно.

— У нейтрино нет ни массы, ни электрического заряда, однако он может в мгновение ока проскочить целую планету. Это призрак. И все же он реален. Мы уверены в его существовании. Привидения повсюду, они рядом с нами... потерянные души... неуспокоившиеся мертвецы. Иногда я задаюсь вопросом, так ли...

Повернувшись к стоявшему рядом спутнику, он осекся и тихо ахнул.

— Господи, глазам своим не верю, — пробормотал он, ошеломленно оглядываясь. — Реджис?!

Ответа не было.

Реджис исчез.

Никого рядом. Совсем никого.